

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF CLIFFORD D. SIMAK

SHORT STORIES
WORLDS WITHOUT END
SO BRIGHT THE VISION

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**РАССКАЗЫ
БЕСКОНЕЧНЫЕ МИРЫ
СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ**

**Издательская фирма «Полярис»
1994**

Worlds Without End
New York, Belmont, 1964

So Bright the Vision
New York, Ace, 1968

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
составление

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии

Перепечатка отдельных рассказов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-118-9

НЕОБЪЯТНЫЙ ДВОР

[illegible][illegible][illegible]

1. DATE OF BIRTH (DD/MM/YY) : 15/08/1980
 2. DATE OF DEATH (DD/MM/YY) : 15/08/1980

[illegible]

НЕОБЪЯТНЫЙ ДВОР

Хайрам Тэн проснулся и сел в постели.

Таузер лаял и скреб лапами пол.

— Цыц! — прикрикнул на него Тэн.

Нелепые уши Таузера поднялись торчком, а затем собака снова принялась лаять и царапать пол.

Тэн протер глаза, провел рукой по спутанным, давно не стриженным волосам. Потом снова лег и натянул на голову одеяло.

Но разве уснешь под этот лай?

— Ну что с тобой? — сердито спросил он собаку.

— Гав, — ответил Таузер, продолжая скрести пол.

— Если тебе надо выйти, открой дверь. Ты ведь знаешь, как это делается. Первый раз, что ли? — сказал Тэн.

Таузер перестал лаять, уселся и стал смотреть, как хозяин встает с постели.

Тэн надел рубаху и брюки, но с ботинками возиться не стал.

Таузер проковылял в угол, приложился носом к плинтусу и принялся его шумно обнюхивать.

— Мышь? — спросил Тэн. — Что-то я не припомню, чтобы ты раньше поднимал столько шума из-за мышей, — озадаченно произнес Тэн. — Совсем уже спятил.

Стояло ясное летнее утро. Окно было раскрыто настежь, и солнце заливало комнату.

«Неплохой денек для рыбной ловли», — подумал Тэн, но тут же вспомнил, что ничего не выйдет. Надо ехать смотреть ясеневую кровать с пологом, о которой ему говорили по дороге на Вудмен. Похоже, что за нее заломят двойную цену. Вот так и получается — честным путем и доллара не заработаешь. Нынче все стали разбираться в старинных вещах.

Тэн встал с постели и вышел в гостиную.

— Пошли! — сказал он Таузеру.

Таузер медленно поднялся и двинулся вслед за хозяином, по пути останавливаясь и обнюхивая все углы.

— И что тебя так беспокоит? — спросил Тэн.

«Может быть, крыса, — подумал он. — Дом постепенно разрушается».

Он открыл затянутую сеткой дверь и выпустил Таузера.

— Брось ты сегодня своего сурка, — посоветовал ему Тэн. — Гиблое дело. Все равно его не достать.

Тэн обошел вокруг дома. Что-то произошло с вывеской, висевшей на столбе около подъездной дорожки: одна из цепей была снята с крюка, и табличка повисла.

Тэн пересек площадку и, ступая босыми ногами по траве, еще мокрой от росы, подошел к столбу, чтобы поправить вывеску. Она была невредима — видно, просто цепь соскочила с крюка. Может быть, здесь разгулялся ветер или какой-нибудь озорной мальчишка? Хотя вряд ли. Тэн был в прекрасных отношениях с ребятами, и они не досаждали ему, как другим жителям поселка. Особенно доставалось от них Бейнкеру Стивенсу. Они его буквально изводили.

Тэн отошел немного назад, чтобы проверить, ровно ли висит табличка.

Наверху большими буквами было написано:

«МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ»,

а ниже помельче:

«чиню все подряд»

и еще пониже:

«Продажа старинных вещей.

Не хотите ли вы что-нибудь обменять?»

«Может, — подумал он, — следовало бы сделать две вывески: одну насчет мастерской, а вторую — об

обмене и продаже вещей». Он решил, что как-нибудь на досуге напишет два новых объявления и повесит их по обе стороны дорожки. Так будет эффективнее.

Тэн обернулся и посмотрел на дорогу, которая вела к Тернерс Вудс. «Великолепный вид, — подумал он. — Удивительно, что сохранился такой кусок леса на краю поселка. Надежное прибежище для птиц, сурков, кроликов и белок. Кроме того, в нем полно крепостей, построенных несколькими поколениями мальчишек из Уиллоу Бенда».

Можно не сомневаться, что в самом недалеком будущем какой-нибудь ловкий делец купит этот участок и понастроит здесь стандартные дома. «Когда это произойдет, — подумал Тэн, — большой кусок детства уйдет из моей жизни».

Из-за угла появился Таузер. Он двигался боком, ежеминутно останавливаясь и обнюхивая нижнюю часть тесовой обшивки дома: от любопытства уши у него стояли торчком.

— Ты, псина, совсем рехнулся, — сказал Тэн и направился к дому.

Шлепая босыми ногами, он прошел на кухню, налил в чайник воды и поставил на плиту. Затем он включил приемник, совершенно забыв, что тот не работает, и, только услышав шум, вспомнил и с раздражением выключил. «Так всегда бывает, — подумал он. — Другим чинишь всякий хлам, а на себя не хватает времени».

Тэн пошел в спальню, надел туфли и убрал постель.

Вернувшись, он увидел, что плита остыла. Сняв чайник, он двинул плиту ногой. Потом подержал над ней ладонь и тут же почувствовал тепло.

«Слава Богу, работает», — подумал он.

Тэн знал, что рано или поздно ее придется разобрать. Возможно, где-то плохой контакт.

Он снова поставил чайник на плиту.

Снаружи послышался шум, и Тэн вышел на крыльцо узнать, что случилось.

Бизли, парень, который служил у Хортонов временно дворником, шофером, садовником и выполнял еще много других обязанностей, развернув на дорожке дребезжащий грузовик, подкатил к крыльцу. Рядом с ним в кабине восседала Эби Хортон, жена Генри Хортона, самого влиятельного жителя поселка, а в кузове, обвязанный веревками и наполовину укутан-

ный в ослепительно полосатое, красно-розовое одеяло, стоял громадный телевизор. Он был хорошо знаком Тэну. Уже лет десять как этот телевизор вышел из моды, но все еще оставался самым дорогим из всех, что украшали дома жителей Уиллоу Бенда.

Эби выпрыгнула из грузовика. Это была энергичная, шумная женщина с властным голосом.

— Доброе утро, Хайрам, — сказала она. — Вы сможете починить мой телевизор?

— Я еще не видал вещи, которую не мог бы починить, — ответил Тэн, неприязненно оглядывая телевизор. Ему не раз приходилось его ремонтировать, и он знал, сколько предстоит возни.

— Боюсь, что починить его обойдется дороже, чем купить новый, — заметил он. — Вам и в самом деле нужно купить новый. Этот уже устарел и...

— Генри говорит то же самое, — резко перебила его Эби. — Он хочет купить один из этих новомодных цветных телевизоров. Но я не желаю расставаться с моим. Ведь здесь есть все — и радио, и проигрыватель, а кроме того, дерево и фасон подходят к моей мебели.

— Я знаю, — сказал Тэн.

Он уже не раз все это слышал.

«Бедняга Генри, — подумал он. — Что за жизнь? С утра он крутится на своем заводе счетных машин, и еще дома эта ведьма».

— Бизли, — приказала Эби голосом сержанта, проводящего учение, — полезай наверх и распакуй телевизор.

— Хорошо, мэм.

Бизли был высокий, неуклюжий парень с туповатым выражением лица.

— Смотри, осторожно. Не поцарапай его.

— Хорошо, мэм, — ответил Бизли.

— Я помогу тебе, — предложил Тэн.

Они вдвоем влезли в кузов и начали разматывать одеяло.

— Он тяжелый, — предупредила Эби. — Будьте осторожны.

— Хорошо, мэм, — сказал Бизли.

Телевизор и впрямь был очень тяжелым. Бизли и Тэн с трудом распеленали его и по черному ходу перенесли в подвал под лестницей.

Эби глазами хищной птицы следила за тем, чтобы они не поцарапали ценное дерево.

В подвале Тэн устроил мастерскую и одновременно выставку мебели. В одном углу стояли скамьи, станок, и весь пол был заставлен ящиками с гвоздями, проволокой, инструментами. В другом — разместилось собрание ветхих стульев, покосившиеся спинки кроватей, старинные высокие комоды и не менее древний низкий шкафчик, старый ящик для угля, железные каминные решетки и еще много всякого хлама, купленного по случаю.

Они осторожно опустили телевизор на пол. Эби следила за ними сверху

— У вас новый потолок, Хайрам? — взволнованно спросила она. — Теперь здесь стало совсем хорошо.

— Что? — поинтересовался Тэн.

— Потолок, я сказала. Вы сделали потолок?

Тэн поднял голову и увидел, что над ним был потолок, которого он никогда не делал.

Он проглотил слюну и на минуту опустил голову. Когда он снова поднял глаза, ничего не изменилось — потолок был на месте.

— Это не панельная обшивка, — с восхищением отметила Эби. — Совсем не видно швов. Как вам это удалось, Хайрам?

Тэн снова проглотил слюну, прежде чем обрел дар речи.

— Как-то придумал, — произнес он слабым голосом.

— Вы должны прийти к нам и сделать то же самое у нас в подвале. У нас прекрасный подвал. Бизли сделал потолок в бильярдной, но вы сами знаете, чего стоит работа Бизли.

— Да, мэм, — виновато проговорил Бизли.

— Я вам тоже сделаю, когда будет время, — пообещал Тэн. Он готов был пообещать все что угодно, лишь бы поскорее их выпроводить.

— У вас было бы куда больше времени, если бы вы без конца не таскались по округе и не скупали всякую рухлядь, которую вы зовете старинной мебелью, —

сказала Эби ледяным тоном. — Вы еще можете надуть горожан, которые сюда приезжают, но не меня.

— На некоторых вещах я иногда зарабатываю кучу денег, — спокойно ответил Тэн.

— И теряете последнюю рубашку на всем остальном.

— У меня здесь есть старый фарфор. Это то, что вам нужно, — предложил Тэн. — Я нашел его несколько дней назад и заплатил недорого. Могу вам уступить.

— Я не собираюсь ничего покупать, — процедила Эби, поджав губы. Она повернулась и стала подниматься по лестнице.

— Она сегодня не в духе, — заметил Бизли. — Встала с левой ноги. Если заведется с утра, то уж на весь день. Когда она рано просыпается, то так всегда и бывает.

— Да не обращай на нее внимания, — посоветовал Тэн.

— Я пытаюсь, но это очень трудно. Тебе случайно не нужен помощник? Ты можешь мне платить совсем немного.

— К сожалению, не нужен, Бизли. Знаешь, старина, приходи как-нибудь вечером, сыграем в шашки.

— Приду, Хайрам. Знаешь, ты первый человек, который меня пригласил. Все остальные только кричат на меня или смеются надо мной.

Сверху донесся сердитый голос Эби:

— Где ты застрял, Бизли? Целую вечность готов стоять и чесать языком, а ковры еще не выбиты.

— Да, мэм, — сказал Бизли и стал подниматься по лестнице.

Уже сидя в грузовике, Эби громко спросила:

— Тэн, вы скоро почините телевизор? Без него как-то пусто в доме.

— В два счета сделаю, — откликнулся Тэн.

Он стоял и смотрел, как они отъезжали, потом оглянулся, ища Таузера, но пса нигде не было видно. «Снова сидит у норы в лесу за дорогой, — подумал Тэн. — Убежал голодный».

Когда Тэн вернулся на кухню, чайник прыгал на плите. Тэн насыпал в кофейник кофе и залил его кипятком. Потом спустился вниз.

Потолок был на месте. Тэн включил все лампы и, не сводя с него глаз, обошел подвал.

Потолок был сделан из какого-то блестящего белого материала, на вид полупрозрачного, просвечивающего изнутри, но не насквозь. Самое удивительное, что на нем не было ни одного шва: обшивка аккуратно охватывала водопроводные трубы и весь свод.

Тэн встал на стул и постучал костяшками пальцев по перекрытию. Раздался звон, словно постучали по тонкому бокалу.

Он слез и долго стоял, качая головой. Все это было совершенно непонятно. Вчера он провозился здесь целый вечер, чинил садовую косилку Бейнкера Стивенса. И готов поклясться, что перекрытия не было.

Тэн порывлся в ящике и нашел дрель, потом отыскал самое маленькое сверло и вставил его в патрон. Затем всунул вилку в розетку, снова взобрался на стул и приставил сверло к потолку. Жужжащая сталь скользнула по поверхности, не оставив на ней и следа. Он выключил дрель и внимательно осмотрел потолок. Ни одной царапины. Тэн снова пробовал сверлить, изо всех сил нажимая на дрель. Вдруг раздался треск — кончик сверла отскочил и ударился о стену.

Тэн прыгнул со стула, нашел новое сверло, вставил его и стал медленно подниматься по лестнице, пытаясь обдумать все спокойно, но мысли путались. Если он, Тэн, еще не окончательно спятил, он мог чем угодно поклясться, что не делал этого потолка.

Вернувшись в гостиную, он отогнул конец старого выцветшего ковра, включил дрель и, став на колени, начал сверлить пол. Сверло легко прошло сквозь старый дубовый паркет и остановилось. Тэн надавил сильнее, но инструмент крутился на месте.

Но ведь под этим деревом ничего нет, ничего, что могло бы задержать сверло. Пройдя паркет, оно попадает в пустое пространство между балками.

Тэн выключил дрель и отложил ее в сторону. Потом пошел на кухню. Кофе уже вскипел. Но прежде чем налить себе, Тэн выдвинул ящик стенного шкафа и достал оттуда карманный фонарь. Затем вернулся в комнату и осветил высверленную в полу дыру. На дне ее что-то блеснуло.

Тэн снова вернулся в кухню, нашел вчерашние черствые пышки и налил в чашку кофе.

Сидя за кухонным столом и жуя пышки, Тэн пытался спокойно все обдумать. Он понимал, что сейчас бессильно что-либо сделать, даже если весь день будет ходить и гадать, что же произошло под лестницей. Его душа янки и бизнесмена восставала против такой бессмысленной траты времени. Нужно еще посмотреть ясеневую кровать с пологом, пока ее не зацапал какой-нибудь беспардонный городской маклер. Такая штука, если все сложится удачно, должна пойти по хорошей цене. Можно заработать кучу денег, если все делать с головой.

«Не исключено, — подумал Тэн, — что эту кровать удастся еще и обменять на что-нибудь. Получил же я в прошлом году настольный телевизор за пару коньков. Эти люди в Вудмене рады будут получить в обмен на кровать отремонтированный телевизор. Телевизор совсем как новый. А на этой кровати никто не спит. Вряд ли они догадываются об ее истинной стоимости».

Тэн торопливо доел пышку, выпил еще чашку кофе, потом сложил на тарелку остатки еды для Таузера и выставил ее за дверь. Затем спустился в подвал, достал телевизор и погрузил его в свой пикап. Подумав, он сунул в машину отремонтированное охотничье ружье, еще вполне пригодное для охоты, если не стрелять из него большими зарядами, а также кое-какие мелочи для обмена.

Вернулся Тэн поздно: день был трудный, хотя закончился вполне удачно. В машине, помимо кровати с пологом, находились еще качалка, экран для камина, кипа старых журналов, старинная маслобойка, комод орехового дерева и кресло семнадцатого века, которое какой-то незадачливый реставратор покрыл слоем бледно-зеленой краски. За все это Тэн отдал телевизор, охотничье ружье и еще принял пять долларов. Но забавнее всего то, что там, в Вудмене, сейчас, очевидно, покатываются со смеху, вспоминая, как ловко они его надули.

Ему стало стыдно — они славные люди и так хорошо его приняли, даже оставили обедать. А потом сидели и разговаривали с ним, показывали ферму и приглашали заходить, если он будет в их краях.

На это ушел весь день, и Тэну было жаль времени. Но он тут же подумал, что, может быть, стоит убить день и заработать репутацию человека, который страдает разжижением мозгов и не понимает, что такое доллар. Это поможет ему когда-нибудь повернуть еще не одню дельце в этих местах.

Открыв заднюю дверь, он услышал громкие и ясные звуки. Телевизор... С чувством, близким к панике, Тэн спустился по лестнице в подвал. После того как сегодня был продан настольный телевизор, внизу оставался только телевизор Эби, а он — уж это Тэн знал наверняка — не работал.

Это был действительно телевизор Эби. Он стоял на том же месте, куда они с Бизли поставили его утром, и на экране виднелось... цветное изображение.

Цветное изображение!

Тэн остановился на нижней ступеньке и, чтобы не упасть, оперся о перила.

Экран прекрасно передавал цвет.

Тэн осторожно приблизился к телевизору, обошел его кругом. Кто-то снял заднюю стенку и прислонил ее к скамье. Внутри телевизора перемигивались веселые огоньки.

Тэн присел на корточки и стал разглядывать светящиеся детали. Все они были какие-то диковинные. Тэн много раз чинил этот телевизор и полагал, что знает, как он выглядит изнутри. Теперь все было по-другому, но что именно изменилось, Тэн не мог сказать.

На лестнице раздались тяжелые шаги, и дружелюбный голос пробасил:

— Хайрам, я вижу, вы уже починили телевизор.

Тэн выпрямился от неожиданности и застыл в напряженной позе, совершенно утратив дар речи.

Наверху, широко расставив ноги и весело улыбаясь, стоял Генри Хортон. Вид у него был довольный.

— Я говорил Эби, что вы еще не могли закончить ремонт. Но она велела мне зайти. Послушайте, Хайрам, это что — цвет? Как вам удалось это сделать, старина?

Тэн слабо улыбнулся:

— Я только что кончил возиться.

Генри, тяжело ступая, спустился с лестницы и остановился перед телевизором. Заложив руки за спину, он смотрел на экран властным взглядом человека, привык-

шего отдавать приказания. Затем медленно покачал головой.

— Я бы никогда не подумал, что это возможно, — сказал он.

— Эби упомянула в разговоре, что вы хотите цветной.

— Да, конечно. Безусловно, я говорил. Но я не думал о моем старом телевизоре. Никак не ожидал, что его можно переделать на цветной. Как вам это удалось, Хайрам?

— Я не смогу вам точно сказать, — пробормотал Тэн.

И это было чистой правдой.

Под одной из скамеек Генри заметил бочонок с гвоздями, выкатил его и поставил перед своим допотопным телевизором. Потом осторожно опустился на бочонок и, усевшись поудобнее, с наслаждением стал смотреть на экран.

— Обычная история, — заметил он. — Вот есть такие люди, как вы, янки-ремесленники. Правда, они не так уж часто встречаются. Вечно возятся с чем-то, хватаются то за одно, то за другое, а потом вдруг глядишь — что-то придумали, хотя часто и сами толком не понимают, что и как у них получилось.

Он сидел на бочонке и смотрел на экран.

— Чудесная вещь, — продолжал он, — по цвету куда лучше, чем телевизоры, которые я несколько раз видел в Миннеаполисе. Скажу вам честно, Хайрам, ни один из них этому и в подметки не годится.

Тэн вытер лоб рукавом. Он весь взмок. Здесь, внизу, становилось жарковато.

Генри достал из кармана большую сигару и протянул ее Тэну.

— Нет, спасибо. Я не курю.

— Вероятно, умно делаете. Отвратительная привычка. Хортон сунул сигару в рот и стал ее жевать.

— Каждому свое, — торжественно произнес он, — и когда требуется сделать этакое, вы именно тот человек, который нужен. Вы мыслите механическими и электронными схемами. А я в этом ни черта не понимаю. Сам занимаюсь счетными машинами, а ничего в них не смыслю. Я подбираю людей, которые знают в этом толк, а сам не умею распилить доску или вытащить гвоздь. Но я могу организовать дело. Помните, Хайрам, как все веселились, когда я начал строить завод?

— Помню. Во всяком случае, некоторые.

— Они неделями ходили, отворачивая физиономии, чтобы не расхохотаться. Разве не говорили: «О чем думает Генри, когда строит завод счетных машин здесь, в глуши? Не собирается ли он часом конкурировать с большими заводами на Востоке?» Замолчали они только тогда, когда я продал полторы дюжины приборов и получил заказы на два года вперед.

Генри вынул из кармана зажигалку и осторожно зажег сигару, не сводя глаз с экрана.

— Это дело может оказаться очень денежным, — рассудительно произнес он. — Любой телевизор можно приспособить, если немного его переделать. Коли вы эту развалину сделали цветной, значит, можно наладить любой телевизор. — Не выпуская изо рта сигары, он громко хмыкнул. — Если бы в «Радио корпорейшн» знали, что здесь происходит в эту минуту, они не выдержали бы и перерезали себе глотку.

— Но я и сам не знаю, как я это сделал, — сказал Тэн.

— Отлично, — обрадовался Генри. — Я завтра же возьму приемник на завод и дам его ребятам. Пусть разберутся, что вы тут наворотили.

Он вынул изо рта сигару и внимательно посмотрел на нее, потом сунул обратно.

— Как я уже вам говорил, Хайрам, разница между нами в том, что вы умеете делать что-то руками, но не используете своих возможностей. Я же в отличие от вас ничего не в состоянии сделать, но зато могу все устроить после того, как вещь готова. Вот увидите, стоит нам взяться за дело, и вы будете утопать в долларах.

— Но я не знаю, должен ли...

— Не беспокойтесь. Предоставьте это мне. У меня есть завод и необходимые средства. Мы договоримся.

— Это очень любезно с вашей стороны, — машинально ответил Тэн.

— Ну что вы! Не стоит говорить об этом, — снисходительно сказал Генри. — Это мне должно быть неудобно лезть в ваши дела, но когда пахнет большими деньгами, во мне просыпается хищник.

Он сидел на бочонке, курил и следил за цветным изображением.

— Знаете, Хайрам, — проговорил он, — я часто думаю об одном деле, но все никак руки не доходят. У меня на заводе есть старая счетная машина. Мы все равно должны будем ее списать, чтобы освободить помещение. Это одна из наших ранних и неудачных экспериментальных моделей. Ясно, что сейчас она уже ничего не стоит. Это довольно сложная штука. И никто ничего из нее так и не смог сделать. Несколько раз мы пытались к ней подступиться, но, видно, так и не нашли верного решения. А может быть, и правильно делали, да нет хорошего специалиста. Она и стоит в углу все эти годы. Давно бы надо выкинуть ее на свалку, но что-то мешало мне это сделать. И вот я подумал — не могли бы вы с ней повозиться?

— Не знаю, — ответил Тэн.

— Я не требую никаких обязательств, — великодушно заявил Генри. — Выйдет — хорошо. Возможно, что и вы ничего не сделаете, и, откровенно говоря, я был бы удивлен, если бы что-нибудь получилось. Но попытка не пытка. Вы можете, если понадобится, разобрать машину и использовать детали для ремонта. Там одного оборудования на несколько тысяч долларов. Вам могут пригодиться части.

— Да, это интересно, — без особой радости откликнулся Тэн.

— Вот и прекрасно, — весело подхватил Генри, вложив в это «прекрасно» весь запас недостающего Тэну энтузиазма. — Я завтра пришлю своих парней с грузовиком. Эта штука тяжелая, нужно много рабочих. Они помогут выгрузить машину и перенести ее в подвал.

Генри осторожно поднялся и стряхнул с колен пепел.

— А заодно попрошу ребят забрать и телевизор, — произнес он. — Скажу Эби, что вы его еще не починили. Если я притащу телевизор домой, она тут же в него вцепится.

Тэн видел, как Генри тяжело поднялся по ступенькам, затем хлопнула дверь.

Он стоял в темноте и смотрел, как Генри пересек двор вдовы Тейлор и исчез за соседним домом. Глубоко вдохнув свежий ночной воздух, он помотал головой, надеясь, что хоть немного прояснится в мозгу. Но это не помогло — голова по-прежнему гудела. Слишком

много событий за один день, слишком много — сперва потолок, а теперь телевизор. Может быть, когда он выпится хорошенько, то будет в состоянии разобраться во всем.

Из-за угла вышел пес и, ковыляя, медленно взобрался по ступенькам и встал рядом с хозяином. С головы до кончика хвоста он весь был забрызган грязью.

— Видно, и у тебя тоже был хороший денек, — заметил Тэн. — Все как по-писаному — никакого сурка ты не поймал.

— Гав, — печально ответил Таузер.

— Ничем ты от нас не отличаешься. Точь-в-точь, как мы с Генри, да и все остальные тоже. Вот ищешь и думаешь, будто знаешь, что ты ищешь. А на самом деле и понятия не имеешь, за чем ты охотишься, — мрачно заключил Тэн.

Таузер вяло ударил хвостом по крыльцу. Тэн открыл дверь, посторонился и, пропустив пса вперед, вошел за ним следом.

Он пошарил в холодильнике и отыскал там пару ломтиков мяса, засохший кусок сыру и полкастриоли вареных макарон. Сварив кофе, Тэн разделил ужин с Таузером.

После еды Тэн спустился вниз и выключил телевизор. Затем достал лампу с рефлектором, вставил вилку в штепсельную розетку и осветил внутренность телевизора. Присев на корточки с лампой в руках, Тэн пытался понять, что же произошло с этой развалиной. Теперь она выглядела совсем по-другому, но определить, в чем заключалась разница, было нелегко. Что-то произошло с лампами — они странным образом изогнулись. Кроме того, кто-то вставил в схему маленькие белые металлические кубики. Они, казалось, были расположены без всякой системы. Монтаж схемы тоже изменился, появились какие-то новые цепи. Чувствовалось, что все это было сделано наспех. Кому-то понадобилось как можно быстрее включить телевизор, и этот «кто-то» починил его на скорую руку.

«Кто-то, — подумал Тэн. — Но кто же этот "кто-то"? Тэн обошел помещение, заглядывая во все углы, и вдруг почувствовал, как мурашки забегали у него по спине.

Шкафчик был снят со стены и придвинут к скамейке. Шурупы, которыми была привинчена крышка, лежали

аккуратно в ряд на полу. Собрав телевизор на скорую руку, неизвестные мастера сделали все намного лучше, чем было прежде.

«Если это называется на скорую руку, можно себе представить, что бы они сделали, будь у них время», — подумал Тэн.

Но, конечно, у них не было времени. Они испугались, заслышав его шаги, и не успели поставить крышку на место.

Тэн встал. ноги были как деревянные.

Утром потолок, а теперь телевизор Эби.

И потолок, коли вдуматься хорошенько, не был простым перекрытием. Еще одна прокладка, если эту штуковину можно назвать прокладкой, сделанная из того же материала, оказалось, была положена под пол, там, где между балками было пустое пространство. Именно на эту вторую прокладку и наткнулся Тэн, когда пытался сверлить пол.

Интересно, всюду ли такая прокладка?

Было ясно только одно — в доме, кроме него и Таузера, находился кто-то посторонний.

Таузер услышал, учуял — ощутил его присутствие и потому так яростно царапал пол у двери, как будто перед ним была нора сурка.

Но теперь Тэн знал наверняка — это был не сурок.

Он убрал лампу и поднялся наверх.

Таузер лежал, свернувшись калачиком, на ковре у качалки и при виде хозяина приветливо застучал хвостом. Тэн остановился и посмотрел на пса. Таузер ответил ему сытым сонным взглядом, вздохнул и закрыл глаза.

Если утром Таузер что-то слышал или чуял, то сейчас ничто не тревожило его сон.

Тут Тэн вдруг вспомнил: днем он налил чайник, чтобы вскипятить воду для кофе, включил плиту, и впервые она зажглась без фокусов — ее даже не пришлось толкать ногой.

Он проснулся утром — кто-то сжал его ноги. Он испуганно сел. Но это был только Таузер, который ночью забрался к нему в постель и устроился в ногах.

Пес тихонько заскулил, его задние лапы дернулись, как будто он во сне гнался за кроликом.

Тэн высвободил ноги и протянул руку за одеждой. Было еще рано, но он вспомнил, что вся мебель, привезенная накануне, так и осталась на грузовике. Нужно было стащить ее вниз и уже потом приступить к реставрации.

Таузер продолжал спать.

Тэн прошел на кухню и выглянул в окно. На крыльце у черного хода, скорчившись, сидел Бизли, «универсальный» слуга Хортонов.

Тэн открыл дверь, чтобы узнать, в чем дело.

— Я ушел от них, Хайрам, — сказал Бизли. — Она все время ругала меня. Я никак не мог ей угодить. Плюнул и ушел.

— Ну, заходи, — предложил Тэн. — Надеюсь, ты не откажешься от завтрака и кофе?

— Я все думаю, Хайрам, не остаться ли мне на несколько дней здесь у тебя, пока я не найду место.

— Там будет видно, — заметил Тэн. — Сначала давай позавтракаем.

Все это ему не нравилось, очень не нравилось. Через час прилетит Эби, устроит скандал и будет обвинять его в том, что он сманил Бизли. Ведь Бизли, несмотря на свою тупость, делал всю черную работу и безропотно сносил ругань и придирки. В поселке не найдется другого человека, который стал бы работать у Эби Хортон.

— Твоя матушка всегда угощала меня печеньем, — сказал Бизли. — Она была очень хорошая женщина, Хайрам.

— Это правда, — согласился Тэн.

— Моя мать говорила, что вся ваша семья — это настоящие люди, не чета тем, кто больше всех в поселке задирает нос. Она говорила, что вы были среди первых поселенцев. Это правда, Хайрам?

— Не самые первые, но этот дом стоит здесь почти сто лет. Мой отец любил говорить, что не было ночи, когда хотя бы один Тэн не ночевал под его крышей. Мне кажется, все это имело большое значение для отца.

— Должно быть, приятное чувство. Ты можешь гордиться своим домом, Хайрам.

— Не то слово. Я как-то очень сроднился с этим домом. Даже не могу представить себя в другом месте.

Тэн включил плиту, подошел к крану и налил в чайник воды. Потом он пнул ногой плиту, но спираль и без того начала краснеть.

«Второй раз подряд включаю, и она действует. — подумал Хайрам. — Сама исправилась».

— Какой у тебя шикарный приемник, Хайрам, — сказал Бизли.

— Он никуда не годится. Не работает. Все нет времени починить.

— А по-моему, работает, Хайрам. Я только включил, и он сразу же начал нагреваться.

— Нагреваться? А ну-ка пусти! — закричал Тэн.

Бизли не ошибся — из приемника послышалось легкое потрескивание, затем прорвался голос, который все усиливался по мере того, как нагревались лампы.

Слов он не мог разобрать.

— А по-какому они говорят? — спросил Бизли.

— Не знаю, — с отчаянием ответил Тэн.

Сначала телевизор, потом плита, а теперь приемник.

Он начал яростно крутить ручку, но стрелка не побежала, а поползла по шкале. В эфире быстро сменялись голоса, музыка.

Тэн подстроился к какой-то станции — говорили на незнакомом языке. И вдруг он словно прозрел: да это же всеволновый супер, один из тех, что рекламируют на обложках модных журналов, стоит перед ним на кухонном столе, на месте его дешевенького приемника.

Поднявшись, Тэн предложил Бизли:

— Поищи, может,ймаешь что-нибудь на английском, пока я поджарю яичницу.

Он включил вторую горелку, достал с полки сковородку, поставил ее на плиту и вынул из холодильника мясо и яйца.

Бизли поймал наконец какой-то джаз.

— Ну, как? — спросил он.

— Превосходно, — ответил Тэн.

Таузер вышел из спальни, зевая и потягиваясь. Он направился к двери, всем своим видом показывая, что хочет выйти. Выпуская его, Тэн посоветовал.

— На твоём месте я плюнул бы на сурка. Тебе придется обшарить весь лес, чтобы найти его.

— А он ищет не сурка, Хайрам, — заметил Бизли.

— Ну, кролика.

— И не кролика. Я вчера улизнул, когда Эби думала, что я выбиваю ковры. Из-за этого-то она и разошлась.

Тэн проворчал что-то, выливая яйца на сковородку

— Так вот, я смылся и пошел на то место, где рыл Таузер. Я с ним поговорил, и он сказал мне, что это и не сурок, и не кролик, а что-то другое. Я залез в яму и помог ему копать. Он выкопал там какую-то штуку, похожую на старый бак. Кто-то зарыл ее здесь, в лесу.

— Таузер не мог откопать бак. Его интересуют только кролики и сурки.

— Он трудился вовсю, — настаивал Бизли. — И был очень взволнован.

— Может быть, сурок выкопал себе нору под этим баком?

— Может, и так, — сказал Бизли.

Он покрутил приемник — послышалась дикая музыка, ее сопровождал голос комментатора.

Тэн разложил мясо и яичницу по тарелкам, поставил их на стол, налил по большой чашке кофе и стал намазывать гренки маслом.

— Ну, нажимай, Бизли, — предложил он.

— Я очень тебе благодарен, Хайрам, за твою доброту, я сразу же уйду, как только найду работу.

— Но я ведь еще ничего не обещал...

— Знаешь, временами, когда мне кажется, что у меня на свете нет ни единого друга, я вспоминаю твою матушку. Она всегда была очень добра ко мне.

— Ну ладно, хватит об этом, — бросил Тэн, чувствуя, что сдается.

Он поставил на стол новую порцию хорошо поджаренных гренков и банку с вареньем и наконец сел к столу и начал есть.

— Может быть, я могу тебе чем-нибудь помочь? — спросил Бизли, стирая тыльной стороной ладони остатки яичницы с подбородка.

— Там у меня на дороге стоит куча мебели. Помогите снести ее под лестницу.

— С радостью, — откликнулся Бизли. — Ведь я здоровый и сильный и никакой работы не боюсь. Я только не люблю, когда меня пият.

После завтрака они стащили мебель под лестницу.

С креслом семнадцатого века им пришлось повозиться, оно было очень громоздким.

Когда они наконец кончили, Тэн внимательно осмотрел кресло. «Человек, заляпавший краской чудесное вишневое дерево, должен был бы ответить за это», — подумал он.

Он сказал Бизли:

— Придется снять краску, причем очень осторожно. Нужно взять растворитель, обмотать шпатель тряпкой и просто протирать поверхность. Хочешь попробовать?

— Конечно, Хайрам. А что у нас будет на ленч?

— Не знаю, — ответил Тэн. — Что-нибудь соорудим. Неужели ты голоден?

— Думаешь, легко таскать эти вещи?

— Там в кухне на полке банка с печеньем, — заметил Тэн. — Пойди и возьми.

Когда Бизли поднялся наверх, Тэн медленно обошел подвал. Потолок был на месте. Все остальное тоже.

А может быть, телевизор, плита и радио — просто «их» способ расплатиться со мной за квартиру? «Если это так, — подумал он, — пусть бы они пожили здесь подольше».

Он посмотрел вокруг и не обнаружил ничего подозрительного, затем поднялся наверх и позвал Бизли.

— Пойдем в гараж. Поищем какой-нибудь растворитель, и я покажу тебе, как им пользоваться.

Бизли с запасом печенья в руках покорно поплелся за ним. Свернув за угол, они услышали приглушенный лай Таузера. Тэн прислушался, и ему показалось, что пес охрип.

«Третий день, а может быть, даже четвертый. Если не принять мер, этот дурак совсем изведется», — подумал он.

Тэн зашел в гараж и вернулся оттуда с двумя лопатами и киркой.

— Пошли, — бросил он Бизли. — Нужно кончать, а то покоя не будет.

Таузер произвел в лесу настоящие раскопки. Пса почти не было видно — из вырытой ямы торчал лишь самый кончик хвоста, который, как всегда, подрагивал.

Бизли сказал правду: эта странная штука действительно напоминала бак. Часть его выглядывала из ямы.

Таузер выбрался наверх и сел, тяжело дыша — на усах налипла грязь, язык свисал набок.

— Он говорит, что пора нам принять участие в этом деле, — произнес Бизли.

Тэн обошел яму и стал на колени. Затем попытался рукой стряхнуть землю с выступающей из ямы части бака, но прилипшая глина затвердела и плохо поддавалась. На ощупь казалось, что бак был сделан из какого-то тяжелого металла.

Тэн взял лопату и стукнул ею по баку. Раздался звон металла.

Они дружно взялись за работу, снимая лопатами слой почвы над баком. Бак оказался больше, чем они думали, и понадобилось немало времени, чтобы откопать его. Но это было далеко не все: нужно было очистить всю поверхность от приставшей к ней земли.

— Я голоден, — пожаловался Бизли.

Тэн взглянул на часы. Почти час.

— Беги домой, — предложил он Бизли. — И найди себе что-нибудь в холодильнике. Там есть молоко.

— А ты, Хайрам, — ты разве не голоден?

— Ну, принеси мне сандвич и посмотри, нет ли там мастерка.

— А для чего тебе мастерок?

— Я хочу соскрести грязь с этой штуки и посмотреть, что это такое.

Он опустился на колени рядом с выкопанным предметом и смотрел, как Бизли исчез в лесу.

— Таузер, — заметил он, — это самая странная штука из всех, которые ты когда-либо выкапывал.

«Когда от страха места себе не находишь, остается только одно — обратить все в шутку», — подумал Тэн.

Бизли, конечно, не испугался. У него не доставало воображения, чтобы бояться непонятных вещей.

Тэн осмотрел бак: он был овальной формы, не менее семи метров в высоту и четырех в поперечнике. «Целая комната, — подумал он. — В Уиллоу Бенде никто сроду не выдывал такой штуки».

Он вынул из кармана складной нож и очистил от глины кусочек поверхности. Бак был сделан из какого-то диковинного материала, неизвестного Тэну, похожего на стекло.

Тэн продолжал соскребать грязь с бака, пока не очистил кусок величиной с ладонь.

Теперь Тэн почти не сомневался: все же это был не металл, а полупрозрачное вещество, скорее напоминавшее стекло, из которого делают кубки и вазы. Тэн

вечно за ним охотился — любители сходят с ума по такому стеклу и платят бешеные деньги.

Тэн закрыл нож, спрятал его в карман и присел на корточки, чтобы получше рассмотреть находку Таузера.

В нем росла уверенность: существа, поселившиеся в его доме, прибыли именно в этой штуке, откуда бы они ни явились — из космоса или из какого-то другого времени. Он сам удивился своим мыслям — раньше он ни о чём таком не думал.

Тэн взялся за лопату. На этот раз он стал копать глубже, подрывая закрученный край незнакомого предмета, все еще крепко сидящего в земле.

Он спрашивал себя — что ему говорить обо всем этом и говорить ли вообще. Может быть, самое правильное — засыпать всю эту штуку землей, чтобы ни одна живая душа не узнала?

Бизли, конечно, будет болтать. Но кто обращает внимание на то, что несет Бизли? Все в Уиллоу Бенде знала, что Бизли тронутый.

Наконец вернулся Бизли. В старой газете он принес три неумело сделанных сандвича и почти полную бутылку молока.

— Да ты, как я вижу, не очень торопился, — без раздражения заметил Тэн.

— А мне было интересно.

— Что именно?

— Приехали три больших грузовика и привезли какие-то тяжелые вещи. Два или три больших шкафа и еще кучу всякого барахла. Они все поставили в подвал. Ты знаешь телевизор Эби? Они его забрали. Я им говорил, чтобы они не брали, а они все равно взяли.

— Совсем забыл, — спохватился Тэн. — Генри предупреждал, что придет счетную машину, а я забыл.

Он съел сандвичи, разделив их с Таузером, который в порыве благодарности измазал его маслом.

Покончив с едой, Тэн поднялся и взял в руки лопату.

— А теперь за работу, — предложил он. — Мы должны кончить.

— Но в подвале-то все так и стоит.

— Подождет, — ответил Тэн. — Нужно развязаться с этим делом.

Когда они кончили копать, было совсем темно. Тэн устало оперся на лопату.

Четыре метра на семь в поперечнике и три в высоту — и все из матового стекла, звенящего от прикосновения лопаты. «Должно быть, они совсем маленькие, — подумал Тэн. — Иначе как бы они уместились в этом ящике, особенно если их много. Неизвестно, какой путь им пришлось проделать. Но все же они как-то разместились. Значит, все у них было предусмотрено. Не будь они такими крошечными, они не смогли бы забраться в щели между балками пола (при условии, что они вообще реально существуют и все это не сплошная чушь)».

Если они и побывали в доме, то ясно, что сейчас их там нет. Таузер чуял или слышал что-то утром, а сейчас он был совсем спокоен.

Тэн вскинул лопату на плечо и прихватил с собой кирку.

— Двинулись, Бизли, — кивнул он. — День был длинный и тяжелый.

Пройдя напрямик через кустарник, они вышли на дорогу. В ночной тьме то там, то здесь мелькали светлячки, уличные фонари покачивались от легкого летнего ветерка. Звезды были яркие и четкие.

«Возможно, они еще в доме, — подумал Тэн. — Наверное, поняли, что Таузер их учуял, и что-нибудь сделали, чтобы он больше не ощущал их присутствия»

«Вероятно, они хорошо приспосабливаются. Похоже, что так. С какой легкостью они устроились в человеческом жилье», — подумал он мрачно.

Они с Бизли шли в темноте по усыпанной гравием дорожке, ведущей в гараж. Нужно было положить инструменты. Но странное дело — гаража не оказалось.

Не было гаража, не было и фасада дома: дорожка резко обрывалась, и за ней не было ничего; в том месте, где кончался гараж, стена изгибалась.

Они подошли ближе к стене и остановились в темноте, еще не веря своим глазам.

Не было ни гаража, ни порога, ни фасада дома. Будто кто-то взял противоположные углы фасада, свел их вместе, и вся передняя стена дома оказалась внутри кривизны.

Теперь Тэн стал владельцем дома с завернутым внутрь фасадом. И хотя это выглядело просто, на самом деле все оказалось сложнее — кривизна была не такой, какой следовало бы ожидать в подобном случае, —

длинная линия, изящно изогнутая и очень нечеткая, будто фасад совсем убрали, а оставшаяся часть дома расположилась так, чтобы как-то замаскировать это исчезновение.

Тэн выронил кирку и лопату — они со стуком ударились о твердую дорожку. Он провел рукой по глазам, будто снимая с них невидимую пелену.

Когда он убрал руку, ничего не изменилось.

Фасада по-прежнему не было.

Он несколько раз обежал вокруг дома, едва сознавая, что делает, и внутри у него рос страх.

Задняя стена была на месте. С ней ничего не произошло.

Он поднялся на крыльцо, Бизли и Таузер последовали за ним. Распахнув дверь, Тэн ворвался в переднюю, пронесся по лестнице, в три прыжка пересек кухню и бросился в гостиную, чтобы снова посмотреть, что же произошло с фасадом.

Остановившись в дверях и ухватившись за косяк, Тэн ошалело уставился в окно. Он отлично знал, что на дворе ночь, прекрасно видел светлячков в кустах и в камышах, фонари на улице, звезды в небе. Но в окна его комнаты лился поток солнечного света, а за домом лежала какая-то незнакомая страна, ничем не напоминающая Уиллоу Бенд.

— Бизли, — крикнул он. — Погляди в окно!

Бизли поднял голову.

— Интересно, что это за местность? — спросил он.

— Я и сам бы хотел это знать, — откликнулся Тэн.

Таузер нашел свою миску и, подталкивая носом, начал возить ее по всей кухне, давая этим понять Тэну, что его пора кормить.

Тэн прошел через комнату и открыл наружную дверь. Гараж был на месте. Пикап стоял, упираясь носом в открытую дверь гаража, а легковая машина, как всегда, находилась внутри.

Фасад тоже был в полном порядке, но остальное...

В двух футах от грузовика дорожка обрывалась и за ней не было ни двора, ни леса, ни дороги, а просто пустыня, покрытая галькой и песком, плоская уходящая вдаль пустыня, ровная, как пол, с редкими пятнами камней и кустами чахлой зелени. Огромное слепящее солнце висело прямо над горизонтом, который виднелся где-то очень далеко. Но самое удивительное заключа-

лось в том, что солнце находилось на севере, где ему было совсем не место. Кроме того, оно сияло ослепительно белым светом.

Бизли вышел на порог, и Тэн увидел, что он дрожит, как испуганный пес.

— Может быть, тебе лучше вернуться и состряпать нам ужин? — мягко сказал Тэн.

— Но как же, Хайрам... — начал Бизли.

— Все в порядке, — успокоил его Тэн. — Все будет в порядке.

— Ну, если ты так говоришь, Хайрам.

Он вошел в дом, хлопнув дверью, и через минуту Тэн услышал, как он гремит посудой на кухне.

Не удивительно, что Бизли так перепугался. Хоть кого свалит такая штука: выйти из своей парадной двери и очутиться в незнакомой стране.

Конечно, человек может и не к такому привыкнуть, но все же на это нужно время.

Тэн спустился с крыльца, прошел мимо грузовика за гараж. Огибая его, он почти надеялся увидеть знакомые дома Уиллоу Бенда — ведь когда он входил через заднюю дверь, поселок еще стоял на месте.

Но Уиллоу Бенда не было. Перед ним лежала пустыня, бесконечная пустыня.

Он обошел дом вокруг и теперь не нашел задней стены. Задняя часть дома представляла собой то же, что фасад, когда Тэн впервые увидел его, — те же сведенные вместе углы. Он пошел дальше, но повсюду расстилалась пустыня. Фасад был на месте, и все оставалось по-прежнему. На обрезанной дорожке стоял грузовик, дверь гаража была открыта и внутри виднелась машина.

Тэн прошел в глубь пустыни, наклонился и зачерпнул горсть гальки — галька была самая обыкновенная. Он присел на корточки и начал пропускать камешки сквозь пальцы.

В Уиллоу Бенде была задняя дверь его дома, а фасад исчез. А здесь, правда, непонятно как, все было наоборот: передняя дверь осталась, но отсутствовала задняя стена.

Он встал, выбросил оставшиеся камни и вытер ладони о брюки.

Уголкем глаза он уловил какое-то движение на пороге — они были здесь.

Отряд крошечных зверьков, — если их вообще можно так назвать — строем спустился с лестницы. Все

они были не выше десяти сантиметров и передвигались, опираясь на четыре конечности, хотя было ясно видно, что их передние конечности — не ноги, а руки. Их крысиные мордочки с длинными острыми носами отдаленно напоминали человеческие лица. Казалось, что зверьки покрыты чешуей, так как их тела при движении блестели и переливались. Хвосты зверьков, очень похожие на те проволочные закрученные хвостики, какие бывают на заводных игрушках, торчали вверх и подрагивали на ходу.

Они сошли со ступенек четким шагом, сохраняя дистанцию в полфута и держась прямо, как по линейке, двинулись в пустыню. В них чувствовалась железная целеустремленность, и тем не менее было видно, что они не очень торопятся.

Тэн насчитал шестнадцать зверьков. Он долго стоял, провожая их взглядом, пока они не растворились в пустыне.

«Вот они, мои новые жильцы, — подумал Тэн. — Это они обили потолок, починили телевизор, исправили плиту и приемник. И похоже, что они путешествовали в этом странном сосуде из матового стекла, который лежит там, в лесу. Но даже если они прибыли на Землю в этой штуке, то все равно непонятно, откуда они появились».

Тэн поднялся на крыльцо, открыл дверь и увидел, что его гости прорезали в дверной сетке круг диаметром в пятнадцать сантиметров. «Иначе бы им не выйти, — подумал он и тут же мысленно отметил: — как-нибудь надо выбрать время и заделать дыру». Он вошел в дом, громко хлопнув дверью.

— Бизли! — закричал он.

Ответа не было.

Таузер выполз из-под кушетки и виновато заскулил.

— Все в порядке, дружок, — сказал Тэн. — Эта компания меня тоже напугала.

Он пошел на кухню. Неяркий свет, лившийся с потолка, отражался в перевернутом кофейнике, в осколках чашки посреди пола и в опрокинутой миске с яйцами. Разбитое яйцо расплылось на линолеуме бледно-желтым пятном.

Поднявшись по лестнице, Тэн увидел, что дверь, ведущая на черный ход, почти уничтожена — ржавая

металлическая сетка разорвана на куски, и рама, на которой она была натянута, расколота.

Тэн посмотрел на дверь не без восхищения.

— Вот дурни, — изумился он, — прошли сквозь дверь и даже открыть не попытались.

Он зажег свет и стал спускаться по лестнице. Но на полпути остановился в изумлении: слева от него была стена, сделанная из того же материала, что и потолок.

Перегнувшись через перила, Тэн увидел, что стена делила его мастерскую пополам — она шла от пола до потолка, перерезая подвал.

Что же осталось в мастерской?

Он вспомнил, что там стояла счетная машина, которую утром прислал Генри. Три грузовика, сказал Бизли. Три грузовика деталей попали прямо к ним в лапы.

Тэн устало опустился на ступеньки.

Должно быть, они считают его своим союзником. Не иначе как они решили, что Тэн знает об их существовании и действует заодно с ними. Или, может быть, они решили, что он таким образом расплатится за ремонт телевизора, плиты и приемника.

Но если рассуждать последовательно — зачем они починили телевизор, плиту и приемник? Что это — своего рода плата за постой? Или просто знак дружеского расположения? А может быть, пришельцы решили попрактиковаться — проверить, смыслят ли они что-либо в технике чужого мира, посмотреть, как можно применить свои знания в условиях вновь открытой планеты?

Тэн постучал костяшками пальцев по стене у перил — белая гладкая поверхность зазвенела.

Приложив ухо к стене, он внимательно прислушался — ему показалось, что там слышен приглушенный гул, но он не был в этом совершенно уверен.

За стеной осталась садовая косилка Бейнкера Стивенса и еще много разного хлама, который нужно было чинить. «Ведь хозяева с меня шкуру сдерут, — подумал Тэн, — особенно Бейнкер Стивенс. Это ведь известный жмот».

Бизли, наверное, совсем одурел от страха. Когда он увидел, как эти типы поднимаются по лестнице, у него последний разум отшибло, и он полез в дверь, даже не

открыв ее. А теперь он, очевидно, носится по поселку и трезвонит обо всем каждому, кто захочет его слушать.

Правда, обычно никто не обращает внимания на болтовню Бизли. Но если он заладит без конца одно и то же, да еще в таком возбужденном состоянии, не исключено, что кто-нибудь да и прислушается. И тогда они ворвутся сюда, все обыщут, всюду сунут нос и в конце концов кто-нибудь из них зацапает все в свои руки.

А это уже их совсем не касается, повторял Тэн, чувствуя, что в нем заговорил старый бизнесмен. Сразу же за его двором начинались огромные неосвоенные пространства, и путь к ним лежал только через его дом. И вся эта земля по праву принадлежала ему. Может быть, она ни на что не годна — ведь это пустыня. Но прежде чем ее отдать, он должен сам все посмотреть и во всем убедиться.

Он вышел из подвала и направился к гаражу.

Солнце по-прежнему находилось на севере, над самым горизонтом, и вокруг все было спокойно. Тэн нашел в гараже молоток, гвозди, несколько коротких дощечек и принес их в дом. Он заметил, что Таузер, воспользовавшись паникой, уснул на кресле с парчовой обивкой, но не стал его трогать.

Закрыв черный ход, Тэн прибил на дверь несколько планок, затем запер кухню, закрыл окна в спальне и тоже забил их досками.

Это хоть ненадолго удержит жителей поселка, сказал он себе, когда они примчатся поглазеть на то, что здесь происходит.

Он достал из шкафа свое охотничье ружье, коробку патронов, бинокль и старую флягу, которую наполнил водой из крана, и положил в мешочек продукты на дорогу для себя и Таузера, так как времени на еду уже не оставалось.

Потом Тэн прошел в комнату и согнал Таузера с кресла.

— Пошли, Тауз, — сказал он. — Пойдем сами все поглядим.

Проверив бензин — бак был почти полный, — он влез в машину и положил ружье на сиденье, рядом с собой. Таузер прыгнул вслед за ним. Затем, дав задний ход, Тэн развернулся и поехал на север через пустыню.

Машина шла легко. Почва была ровная, как пол. Иногда она становилась ухабистой, но не более чем проселочные дороги, по которым он мотался в поисках мебели.

Ландшафт казался на редкость однообразным. Повсюду расстилалась плоская пустыня, и лишь кое-где выступали низкие холмы. Тэн все время ехал на север, держа курс по солнцу. Несколько раз он пересекал песчаные полосы — песок был твердый, хорошо спрессованный, и колеса шли легко.

Через полчаса он поравнялся с отрядом своих гостей. Шестнадцать зверьков все так же неторопливо шли строем по пустыне.

Тэн сбавил скорость и некоторое время ехал параллельно с ними. Но толку от этого не было никакого — зверьки придерживались строго определенного направления, не обращая на Тэна никакого внимания.

Увеличив скорость, Тэн обогнал их.

Солнце по-прежнему неподвижно стояло на севере. Это было очень непривычно. Может быть, подумал Тэн, этот мир вращается вокруг своей оси гораздо медленнее, чем Земля, поэтому и день здесь длиннее. Судя по тому, что солнце так долго стоит на одном месте, намного длиннее.

Согнувшись за рулем и всматриваясь в бесконечную пустыню, он впервые обратил внимание на необычность пейзажа.

Несомненно, это был другой мир. Другая планета вращалась вокруг другой звезды, и никто на Земле не знал, какое место она занимает в космосе. Но из-за странных действий шестнадцати существ, шагавших строем по пустыне, новая планета начиналась сразу же за парадной дверью его дома.

Вдалеке маячил довольно высокий холм. По мере того как Тэн приближался к холму, он начал различать на его вершине какие-то блестящие предметы. Вскоре он остановил грузовик и взялся за бинокль.

Тэн с удивлением увидел, что блестящие предметы — баки из молочно-белого стекла, точно такие же, как тот, что он нашел в лесу. Он насчитал их восемь штук. Они лежали в углублениях из серого камня и ослепительно ярко блестели на солнце. Некоторые гнезда пустовали. Тэн опустил бинокль и стоял, размышляя, стоит ли взбираться на холм, чтобы лучше разглядеть их. По-

том покачал головой — успеется. Сейчас лучше проехать как можно дальше. Ведь это еще не серьезная исследовательская экспедиция, а лишь предварительная разведка.

Он влез в машину и двинулся дальше, все время посматривая на указатель уровня бензина. Когда стрелка дойдет до середины шкалы, ему придется повернуть обратно.

Впереди, над темной линией горизонта, Тэн заметил неясное белое облачко. Он присмотрелся внимательнее. Временами облако рассеивалось, потом снова появлялось. Из-за большого расстояния трудно было разоб-
раться, что это такое.

Он взглянул на указатель уровня — тот показывал чуть больше половины. Тэн остановил машину и снова взялся за бинокль.

Когда он вышел, то с удивлением почувствовал, что ноги точно налиты свинцом. Он сообразил, в чем дело — ему давно следовало быть в постели. Часы показывали два. Это означало, что там, на Земле, было два часа ночи и он уже больше двадцати часов на ногах, причем большую часть времени провел в страшном напряжении, выкапывая эту странную штуку в лесу. Тэн снова поднес к глазам бинокль — белая неясная линия оказалась цепью гор. Огромная синяя скалистая гряда со сверкающими от снега вершинами высилась над пустыней. Горы были очень далеко и даже в мощный бинокль выглядели голубой туманной полосой. Тэн медленно обвел биноклем линию горизонта: по ней тянулись и тянулись горы.

Повернувшись, Тэн стал рассматривать в бинокль пустыню. Все та же плоская земля, те же одиночные холмы, та же чахлая растительность.

И дом.

Когда он опустил бинокль, руки его дрожали. Затем он снова поднес его к глазам и посмотрел еще раз. Сомнений не было — перед ним находился самый настоящий дом, очень странного вида. Он стоял у подножия холма, скрытый в тени, и поэтому его нельзя было разглядеть невооруженным глазом.

Дом был небольшой, с заостренной конусообразной крышей, и казался крепко прижатым к земле, так что чудилось, будто он, пригнувшись, ползет по пустыне.

Тэн разглядел овальную дыру, должно быть дверь, но не увидел никаких окон.

Опустив бинокль, Тэн оглянулся. «Пять или шесть километров, — подумал он. — Пикап дотянет, и если и не хватит бензина, последние несколько километров до Уиллоу Бенда можно пройти пешком».

«Интересно, что дом только один», — подумал Тэн. На протяжении всего пути не было видно никаких признаков жизни, не считая шестнадцати маленьких крысоподобных существ, шеренгой шагнувших по пустыне: никаких искусственных сооружений, кроме этих восьми странных белых штук, лежащих в своих каменных ложах.

Тэн сел в машину и нажал на педаль акселератора. Через десять минут он подъехал к фасаду дома, стоящего в тени холма.

Он вышел из пикапа и достал ружье. Таузер прыгнул на землю, внезапно зарычал, и шерсть у него встала дыбом.

— Что случилось, дружище? — спросил Тэн.

Таузер в ответ снова зарычал.

Дом стоял безмолвный, казалось, хозяева давно покинули его.

Стены были сложены из грубых неотесанных камней, наспех скрепленных каким-то похожим на глину веществом. Крыша первоначально была покрыта дерном. Странно, откуда он взялся — во всей пустыне не существовало ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего дерн. Хотя еще можно было разглядеть места, где соединялись полосы дерна, но казалось, что это просто обожженная солнцем земля.

Дом был какой-то безликий, без всяких украшений. Видно, никто даже не пытался смягчить его суровую неуютность и сделать пригодным для жилья. Такой дом могли сложить скотоводы-кочевники. Время оставило на нем свои следы: камень расслоился и начал крошиться.

Взяв ружье под мышку, Тэн двинулся к домику. Он подошел к двери и заглянул внутрь — там было темно и тихо.

Тэн обернулся, ища Таузера. Пес забился под машину и выглядывал оттуда, тихо рыча.

— Не ходи далеко, — сказал Тэн. — Не убегай, слышишь? — Выставив вперед ружье, он шагнул во мрак, постоял немного, чтобы глаза привыкли к темноте.

Теперь он мог разглядеть комнату, в которой находился: совсем простая, с грубой каменной скамьей вдоль одной стены. На другой темнели какие-то странные ниши, а в углу стоял деревянный предмет, но Тэн так и не понял его назначения.

«Старое покинутое жилище, давным-давно заброшенное», — подумал он.

Может быть, в какие-то далекие времена, когда пустыня была богатой и цветущей, здесь жило пастушье племя.

В углу была еще одна дверь. Распахнув ее, Тэн услышал слабый приглушенный стук и еще какой-то звук — будто шум падающего дождя. Из открытой двери, ведущей куда-то вглубь, потянуло морским воздухом, и Тэн так и застыл в изумлении посреди комнаты.

Еще один дом, ведущий в другой мир!

Он медленно вышел в открытую дверь и попал в туманный, пасмурный день. Потоки дождя низвергались на землю из бешено мчащихся облаков. А в полукилометре, за полем, где в беспорядке громоздились серо-стальные валуны, лежало беспокойное море. Оно свирепо билось о берег, и фонтаны яростных брызг вздымались в воздух.

Тэн вышел из дома и взглянул на небо — дождь больно захлестал по его лицу. Воздух был промозглый и холодный, и все это место казалось каким-то таинственным, сверхъестественным. Мир, выхваченный из старой сказки о привидениях и эльфах.

Он оглянулся — ничего не было видно. Дождь заштриховал мир, который простирался за прибрежной полосой. Тэну вдруг почудилось что-то за дождем. Задохнувшись от страха, он повернулся и, спотыкаясь, бросился обратно в дом.

Новый мир отделял его от Уиллоу Бенда, а теперь появился и второй. Расстояние в два мира — это больше, чем может выдержать обыкновенный человек. Ему стало не по себе при мысли о том, как страшно одинок он сейчас, и, почувствовав, что не может дольше оставаться в этом заброшенном доме, Тэн выбежал наружу.

Солнце светило по-прежнему ярко, было тепло и приятно. Одежда Тэна промокла, и капли влаги лежали на стволе ружья.

Тэн огляделся, ища Таузера, но собаки не было видно. Он не нашел ее и под машиной. Пес исчез.

Хозяин позвал его, но Таузер не отозвался. Голос Тэна одиноко прозвучал в окружающей пустоте и безмолвии.

В поисках собаки он обошел дом. Теперь второй двери снаружи не было. Сложенные из грубого камня стены закруглялись и сходились, изгибаясь так же странно, как и фасад его дома, а задней стены и вовсе не было.

Но Тэна это сейчас мало трогало и ничуть не удивляло — он искал пса и ни о чем больше не желал думать. Он понимал, что отъехал слишком далеко от дома, и чувствовал, как внутри у него все леденеет от страха.

Потратив на поиски три часа, он вернулся в дом, но Таузера не было и там. Тэн снова вышел в другой мир и безуспешно искал пса среди хаотического нагромождения камней. Затем пошел обратно в пустыню и направился к холму. Взобравшись наверх, он поднес к глазам бинокль — вокруг простиралась безжизненная равнина.

Падая от усталости, спотыкаясь и засыпая на ходу, Тэн вернулся к машине.

Прислонившись к кузову, он попробовал собраться с мыслями. Продолжать поиски в таком состоянии было бесполезно. Он должен хоть немного поспать. Нужно вернуться в Уиллоу Бенд, наполнить бак, взять запас бензина, чтобы расширить радиус поисков.

Он не мог оставить пса здесь — это было невыносимо. Необходимо все обдумать и действовать разумно. Чем он поможет Таузеру, шатаясь по пустыне в таком состоянии?

Тэн завел машину и двинулся обратно к Уиллоу Бенду, ориентируясь по едва заметным следам шин на песчаных участках и все время борясь с острым желанием немедленно заснуть.

Проезжая мимо горы, на которой виднелись белые стеклянные баки, Тэн на минуту остановил машину и вышел поразмяться — иначе бы он заснул за рулем. На этот раз только семь баков лежали в гнездах. Но все это не имело значения. Главное — побороть усталость, которая все сильнее овладевала им, удержать в руках

руль и дотянуть до Уиллоу Бенда. А там можно поспать немного и вновь приняться за поиски Таузера.

Примерно на полпути он увидел, что к нему приближается машина, и стал следить за ней в немом изумлении, ибо его грузовик и машина в гараже были единственным транспортом по эту сторону дома.

Он резко затормозил и вышел. Легковая машина подъехала, и из нее выпрыгнули Генри Хортон, Бизли и незнакомый человек со служебным знаком на груди.

— Ну, слава Богу, нашелся! — закричал Генри, бросаясь к нему.

— А я и не терялся, — возразил Тэн. — Я возвращаюсь домой.

— Он валится с ног, — заметил незнакомец.

— Это шериф Хансон, — сказал Генри. — Мы ехали по вашим следам.

— Я потерял Таузера, — пробормотал Тэн. — Мне пришлось его оставить. Пустите. Мне нужно искать Таузера. Я сам доберусь до дома...

Тэн пошатнулся и ухватился за дверцу машины, чтобы не упасть.

— Вы взломали дверь, — обратился он к Генри. — Вы ворвались в мой дом и взяли машину.

— Мы вынуждены были это сделать, Хайрам. Мы боялись — а вдруг с вами что-нибудь случилось. Бизли все расписал так, что у нас волосы на голове стали дыбом.

— Вы лучше пересадите его в машину, — предложил шериф, — а я отведу назад грузовик.

— Но мне нужно искать Таузера.

— Прежде всего вам надо отдохнуть.

Генри схватил его под руку и повел к машине. Бизли придерживал дверцу.

— Вы знаете, что это за места? — прошептал Генри тоном заговорщика.

— Понятия не имею, — пробормотал в ответ Тэн. — Может быть, какой-то другой...

Генри ухмыльнулся.

— Да это, по-моему, не имеет значения. Что бы тут ни было, но нас с вами уже засекли. Мы попали в последние известия и заголовки газет. В городе полно репортеров и кинооператоров, ждут приезда начальства. Я уверен, Хайрам, это выдвинет вас...

Но Тэн уже ничего не слышал. Он заснул раньше, чем опустился на сиденье.

Проснувшись, Тэн некоторое время лежал неподвижно. В комнате было прохладно и спокойно, шторы опущены.

«Хорошо проснуться в знакомой комнате, где провел всю свою жизнь, в доме, который принадлежит твоей семье почти столетие», — подумал он.

Затем Тэн вдруг все вспомнил и сел на постели. И тотчас же услышал шум за окном. Он спрыгнул с кровати, отогнул угол шторы и выглянул в окно. Солдаты сдерживали толпу, заполнившую задний двор его дома и дворы соседних домов.

Тэн бросил штору и принялся искать туфли. Он так и спал — одетым. Очевидно, Генри и Бизли положили его в постель, сняв с него только башмаки. Должно быть, он еще в машине, как только Генри втокнул его на заднее сиденье, заснул мертвым сном.

Тэн нашел башмаки на полу и, сев на кровать, принялся надевать их, лихорадочно обдумывая, что же делать дальше.

Он должен добыть где-нибудь бензин, наполнить бак и на всякий случай взять одну или две запасные канистры. Кроме того, нужно будет прихватить с собой воду, еду и, может быть, спальный мешок. Он твердо решил, что не вернется, пока не разыщет собаку.

Надев башмаки и завязав шнурки, Тэн вышел в гостиную. Там никого не было, но на кухне слышались голоса. Он выглянул в окно — такая же пустыня как и прежде. Правда, солнце поднялось выше, но во дворе перед его домом все еще было утро.

Тэн посмотрел на часы. Они показывали шесть да и по тени, на которую он обратил внимание, выглянув в окно спальни, легко было определить, что сейчас шесть часов. Должно быть, Тэн проспал около суток. Ему стало не по себе. Он не собирался столько спать и оставлять Таузера так долго одного.

Он направился в кухню. Там сидели трое — Эби, Генри Хортон и какой-то военный.

— Вот и вы, — весело воскликнула Эби. — А мы гадаем, когда вы проснетесь.

— Вы сварили кофе, Эби?

— А как же, целый кофейник. Я сейчас вам что-нибудь приготовлю.

— Только гренки, — попросил Тэн. — Некогда. Я должен ехать искать Таузера.

— Хайрам, — сказал Генри, — это полковник Райан из Национальной гвардии. Его ребята там, на улице.

— Да, я видел их из окна.

— Это необходимо было сделать, — объяснил Генри. — Совершенно необходимо. Шериф не мог справиться. Здесь бы все разнесли на куски. Я позвонил губернатору.

— Тэн, присядьте, пожалуйста. Я хочу с вами поговорить, — объявил полковник.

— Я понимаю, — сказал Тэн, придвигая стул. — Простите, полковник, но я очень спешу, у меня пропала собака.

— То, что здесь происходит, — заметил полковник, — куда важнее любой собаки.

— Полковник, ваши слова доказывают только, что вы не знаете Таузера. Он самый лучший пес из всех, каких мне довелось держать, а уж, поверьте, у меня их перебывало немало. Я его взял щенком, и все эти годы он был мне хорошим другом.

— Ну и прекрасно, — произнес полковник. — Я понимаю, он ваш друг. Но тем не менее я должен с вами поговорить.

— Сядьте и выслушайте полковника, Хайрам, — велела Эби. — Я сейчас сделаю оладьи. Генри принес с фермы какую-то колбасу.

Дверь черного хода отворилась, и, сопровождаемый ужасным металлическим звяканьем, пошатываясь, вошел Бизли. Он нес три пустые пятигаллонные канистры в одной руке и две в другой — все они гремели идребезжали.

— Послушайте, — закричал Тэн, — что здесь происходит?

— Успокойтесь, Тэн, — отвечал Генри. — Вы даже не знаете о проблемах, которые здесь возникли. Мы хотели принести сюда большой бак для бензина, но он не прошел. Потом пытались разобрать стену кухни и не смогли.

— Пытались что сделать?

— Разобрать стену кухни, — спокойно повторил Генри. — Через обычную дверь невозможно внести эти большие бензобаки, но как только мы начали пилить, убедились, что весь дом изнутри проложен тем же материалом, который вы использовали для потолка под лестницей. Когда мы хотели разрубить стену, топор сразу же затупился.

— Но, Генри, это мой дом, и никто не имеет права его ломать.

— Экстренный случай, — сказал полковник. — Мне хочется знать, Тэн, что это за материал, который мы так и не смогли пробить?

— Не волнуйтесь, Хайрам, — предупредил Генри. — За дверью нас ждет огромный новый мир.

— Он ждет совсем не вас. И вообще это никого не касается! — заорал Тэн.

— Но мы должны исследовать его, а для этого нам требуются огромные запасы бензина. И поскольку мы не можем внести большой бак, бензин приходится носить в канистрах. Позже мы пропустим через дом бензопровод.

— Но послушайте, Генри!..

— Мне бы хотелось, — твердо заявил Генри, — чтобы вы перестали прерывать меня и выслушали все, что я хочу сказать. Вы даже не представляете, с какими трудностями мы столкнулись в связи с организацией снабжения. Мы связаны по рукам и ногам размерами двери, мы должны запастись горючим и организовать транспорт. Легковые машины и грузовики были бы совсем не лишними. Мы должны их разобрать и протаскать по частям. Но вот самолет — проблема уже почти неразрешимая.

— Послушайте, Генри. Я не позволю тащить сюда самолет. Этот дом почти сто лет принадлежит моей семье. Я здесь хозяин, и вы не имеете права самовольно являться сюда и всем распоряжаться, да еще протаскивать через дом всякую дрянь.

— Ну поймите, Тэн, — плаксивым голосом произнес Генри, — нам до зарезу нужен самолет. Ведь, имея самолет, можно обследовать сразу огромную территорию.

Бизли, гремя канистрами, прошел через кухню в гостиную.

Полковник вздохнул.

— Я надеялся, мистер Тэн, что вы войдете в наше положение. Мне казалось естественным, что сотрудничество с нами в этом деле вы сочтете своим патриотическим долгом. Правительство, конечно, может воспользоваться своим правом верховной власти и конфисковать ваше владение. Но оно предпочло бы этого не делать. Я говорю сейчас неофициально, но я думаю, было бы правильным предупредить вас заранее, что власти предпочли бы прийти к дружескому соглашению.

— Сомневаюсь, — сказал Тэн наудачу, хотя сам толком ничего не знал, — что в этом случае можно применить право высшей власти. Вот если бы мой дом стоял на дороге...

— А это и есть дорога, — спокойно возразил полковник. — Прямая дорога через ваш дом в другой мир.

— Во-первых, — продолжал Тэн, — правительство еще должно доказать, что все это делается в интересах общества и что отказ владельца передать право владения государству равносителен вмешательству в действия правительства. А во-вторых...

— Мне кажется, — перебил его полковник, — правительство сможет доказать, что это делается в общественных интересах.

— Боюсь, что мне придется обратиться к адвокату, — сердито заметил Тэн.

— Если вам действительно понадобится очень хороший юрист, а я в этом уверен, то я смогу рекомендовать вам фирму, которая будет прекрасно защищать ваши интересы, притом за умеренную плату, — предложил Генри, всегда готовый прийти на помощь.

Полковник в негодовании поднялся.

— Вам придется держать ответ перед властями, Тэн. Правительство пожелает задать вам много вопросов. Во-первых, оно заинтересуется тем, как вам удалось здесь все так ловко устроить. Вы готовы ответить на этот вопрос?

— Нет, — признался Тэн. — Пожалуй, что нет.

Он с тревогой подумал — они считают, что я сделал все это сам, и накинутся на меня, как стая волков, чтобы узнать секрет. Он представил себе ФБР, государственный департамент, Пентагон и, даже не вставая со стула, почувствовал, что коленки у него дрожат.

Полковник повернулся и строевым шагом вышел из кухни.

Слышно было, как громко хлопнула задняя дверь.

Генри задумчиво посмотрел на Тэна.

— Вы и в самом деле так думаете? — спросил он. — Вы собираетесь тягаться с ними?

— Я обозлился, — ответил Тэн. — Они не имеют права являться сюда и распоряжаться в моем доме без спросу. Мне плевать, как они к этому отнесутся. Это мой дом, я здесь родился, прожил всю жизнь, мне нравится это место и...

— Ну конечно, — перебил его Генри. — Прекрасно понимаю ваши чувства.

— Я знаю, что это мальчишество. Коли уж они пришли, я бы ничего не имел против, если бы видел, что они хотят сесть, поговорить по-человечески и посвятить меня в свои планы. Но их даже не интересует мое мнение. Поверьте, Генри, все обстоит не так просто, как вам кажется. Независимо от того, что думают в Вашингтоне, вряд ли можно прийти и сразу захватить эту новую страну. Здесь могут произойти самые неожиданные события, и нужно все время быть начеку...

— Сидя здесь, — опять перебил его Генри, — я подумал о том, что ваша позиция очень похвальна и вы заслуживаете всяческой поддержки. Не по-соседски сидеть сложа руки и не прийти вам на помощь. Мы можем нанять целый штат блестящих юристов и выиграть дело. Потом оформить право на землю и организовать компанию по ее освоению. Нужно все сделать так, чтобы этот ваш новый мир был использован должным образом. И для меня естественно, Хайрам, поддержать вас в этом деле, стоять плечом к плечу с вами. Мы ведь уже и так компаньоны по выпуску телевизоров.

— А как насчет моего телевизора? — визгливым голосом спросила Эби, шлепнув на стол перед Тэном тарелку с оладьями.

— Эби, — терпеливо сказал Генри. — Я уже тебе объяснял, что он остался внизу за перегородкой, и сейчас трудно сказать, когда его можно будет вытащить оттуда.

— Да, я знаю, — ответила Эби. Она принесла блюдо с сосисками и разлила кофе по чашкам.

Вскоре опять появился Бизли и, громыхая канистрами, прошел к выходу.

— И вообще, как мне кажется, — заметил Генри, воспользовавшись паузой, — я в этом деле не посторонний наблюдатель. Сомневаюсь, могло ли у вас хоть что-то получиться без счетной машины, которую я вам прислал.

«Опять начинается, — подумал с тоской Тэн. — Даже Генри считает, что это сделал я».

— Неужели Бизли вам не говорил?

— Бизли много болтал, но вы же знаете Бизли.

Предположения Тэна оправдывались. Для жителей поселка — это лишь еще одна побасенка Бизли, еще одна придуманная им небывлица. Ведь не найдется никого, кто бы всерьез поверил хоть одному слову Бизли.

Тэн взял чашку и маленькими глотками принялся отхлебывать кофе, стараясь выиграть время для ответа. Но ничего не приходило на ум. Если он расскажет им все как есть, это будет звучать неправдоподобней, чем любая ложь.

— Мне-то вы можете признаться, Хайрам. Ведь в конце концов мы с вами компаньоны.

«Он считает меня дурачком, — подумал Тэн. — Генри воображает, что может обвести вокруг пальца любого, кого он изволит причислить к дуракам или простачкам».

— Вы все равно не поверили бы мне, Генри, если бы я рассказал вам правду.

— Ну хорошо, — процедил Генри и приподнялся с обиженным видом. — Я понимаю, с этим можно поременить.

Снова, гремя жестянками, через кухню прошел Бизли.

— Мне нужно немного бензина, чтобы ехать искать Таузера, — попросил Тэн.

— Сейчас все устрою, — мгновенно согласился Генри. — Пришлю Эрни с бензином. Можно будет пропустить шланг через дом. Я узнаю, не поедет ли кто-нибудь с вами.

— Это лишнее. Я поеду один.

— Если бы у нас был передатчик, мы могли бы с вами поддерживать связь.

— Но ведь у нас его нет, Генри, а я не могу больше ждать. Таузер где-то там совсем один.

— Понимаю. Я знаю, как вы к нему относитесь, Хайрам. Поезжайте и ищите его, если считаете, что это необходимо, а я пока займусь другими делами. Подыщу

адвокатов, и мы составим бумаги на право освоения земель.

— Послушайте, Хайрам, — вмешалась Эби. — У меня к вам просьба.

— Да, пожалуйста.

— Не поговорите ли вы с Бизли? Глупо вести себя так. Не было никакого повода все бросать и уходить от нас. Может быть, иногда я и бываю с ним резка, но его тупость выводит из себя. Он убежал и полдня помогал Таузеру выкапывать какого-то сурка, а после...

— Хорошо, я поговорю с ним, — ответил Тэн.

— Спасибо, Хайрам. Он вас послушает. Вы — единственный человек, которого он слушается. Мне так хотелось, чтобы вы починили мой телевизор, да тут началась эта заваруха. Мне он очень нужен. И в комнате будто чего-то не хватает. Он очень подходит к моей мебели. Вы помните?

— Да, помню, — сказал Тэн.

— Ну так ты идешь, Эби? — спросил Генри уже в дверях. Он поднял руку и с видом заговорщика махнул Тэну.

— Увидимся позже, Хайрам. Я все устрою.

«Нисколько не сомневаюсь», — подумал Тэн.

После их ухода он подошел к столу и тяжело опустился в кресло.

Наружная дверь хлопнула, и, задыхаясь от волнения, убежал Бизли.

— Таузер вернулся, — заорал он. — Он пришел и привел с собой большого сурка. Ты такого еще никогда не видел.

Тэн вскочил.

— Сурка? Но ведь это не Земля. Здесь не водятся сурки.

— Иди посмотри сам, — крикнул Бизли и выбежал из комнаты. Тэн выскочил за ним.

Зверь на самом деле был похож на гигантского сурка из детской книжки. Он был ростом с человека и шел на задних лапах, пытаясь сохранить достоинство, но то и дело с опаской поглядывая на Таузера.

Таузер следовал за ним в ста шагах, видимо, предпочитая на всякий случай держаться в приличном отдалении. У него был вид хорошо обученного пастушьего пса. Настороженно пригнув голову, он готов был в любую минуту броситься на чужака.

Сурок подошел к самому дому и остановился. Потом оглянувшись, посмотрел на пустыню и сел на задние лапы. Вскинув свою большую тяжелую голову, он стал наблюдать за Бизли и Тэном — выразительный взгляд его темных глаз был очень похож на человеческий.

Тэн подбежал к Таузеру, схватил его на руки и крепко прижал к груди. Пес завертел головой и лизнул хозяина мокрым языком прямо в лицо.

Тэн стоял с собакой в руках и глядел на гигантского сурка с чувством облегчения и благодарности.

«Все теперь стало на место, — подумал он, — раз Таузер вернулся». Он поднялся на крыльцо и прошел на кухню.

Там он опустил Таузера на пол, достал миску, налил в нее воды из крана. Таузер стал жадно лакать, разбрызгивая воду по линолеуму.

— Спокойнее, — предупредил Тэн, — не надо сразу так налегать.

Он пошарил в холодильнике, вынул остатки какой-то еды и положил в миску Таузеру. Тот замахал хвостом, выражая свое одобрение.

— По-настоящему следовало бы взять веревку и отстегать тебя за то, что ты удрал, — заметил Тэн.

Топоча ногами, вошел Бизли и объявил:

— Этот сурок — славный парень. Он кого-то ждет.

— Ну и прекрасно, — ответил Тэн, не вслушавшись в то, что сказал Бизли.

Он взглянул на часы.

— Половина восьмого. Мы можем послушать известия. Ты не хочешь включить радио, Бизли?

— С удовольствием, Хайрам. Я знаю, как ловить парня, который всегда говорит из Нью-Йорка.

— Именно его и надо поймать, — заявил Тэн.

Он вошел в комнату и посмотрел в окно — огромный сурок сидел на том же месте, прислонившись к стене, и глядел на дорогу, по которой пришли Тэн и Таузер.

— Он кого-то ждет, — сказал Бизли.

Тэн посмотрел на сурка, у которого был такой вид, будто он и впрямь кого-то ждал. Но что только не взбредет в голову Бизли?

«Ну а если сурок на самом деле ждет, — подумал Тэн. — Кого он может ждать? Впрочем, весть о том, что пробита дверь еще в один мир, очевидно, уже

разнеслась по планете. Интересно, сколько таких дверей было распахнуто за прошедшие века».

Генри говорил, что огромный неизведанный мир только и ждет, чтобы жители Земли пришли и завоевали его. Но здесь дело не только в этом. Ведь дорога вела в обе стороны.

Голос диктора ворвался в комнату обрывком фразы:

«...и наконец стали действовать. Сегодня вечером московское радио сообщило, что советская делегация завтра собирается внести в ООН предложение об интернационализации вновь открытого мира, а также ведущей к нему дороги.

Из дома, через который осуществляется связь с новым миром, больше не поступало никаких сведений. Дом принадлежит человеку по имени Хайрам Тэн. Все держится в строжайшей тайне, кордон войск плотным кольцом окружил дом, сдерживая толпы людей. Все попытки связаться с домом по телефону потерпели неудачу. Резкий голос отвечает, что вызовы по этому номеру не принимаются. Сам Тэн из дома не выходит».

Тэн пошел на кухню и сел за стол.

— Это он про вас говорит, — с гордостью заявил Бизли.

«Сегодня утром прошел слух, что Тэн, скромный деревенский механик и маклер по продаже старинных вещей, до вчерашнего дня мало кому известный, наконец вернулся из путешествия в неведомую страну. Нашел ли он там что-нибудь — пока остается тайной. Мы больше не имеем никаких сведений о новом мире и знаем только, что это — пустыня, в настоящий момент безжизненная.

Паника вчера вечером была вызвана тем, что в лесу, через дорогу от дома, нашли странный предмет. Вся местность оцеплена, и до сих пор полковник Райан, командующий войсками, не сообщил нам, что именно было найдено.

Непонятную роль во всем этом деле играет некий Генри Хортон, единственное неофициальное лицо, имеющее доступ в дом Тэна. Хортон не ответил почти ни на один из вопросов, заданных ему сегодня утром, но при этом с видом заговорщика упомянул о том, что они с Тэном компаньоны в каком-то таинственном деле. Кроме того, он недвусмысленно намекнул, что они сотрудичают в открытии нового мира.

Интересно отметить, что Хортон — директор небольшого завода, выпускающего счетные машины. Как стало известно из осведомленных источников, Хортон недавно передал Тэну машину или какой-то прибор, назначение которого он пытается сохранить в тайне. Ходят слухи, что эта машина создавалась в течение шести или семи лет.

Очевидно, ответить на вопрос о том, что же все-таки происходит в Уиллоу Бенде, мы сможем лишь после того, как приступит к работе группа ученых, которая вылетела сегодня из Вашингтона после длительного совещания в Белом доме. В совещании участвовали руководители Пентагона, Государственного департамента, ФБР и Комитета по новым видам вооружения.

Эффект, произведенный вчерашними сообщениями об Уиллоу Бенде, можно сравнить только со взрывом атомной бомбы двадцать лет назад. Многие наблюдатели склонны считать, что последствия событий в Уиллоу Бенде должны потрясти мир сильнее, чем Хиросима.

По вполне понятным причинам Вашингтон настаивает на невмешательстве, полагая, что это — сугубо внутреннее дело, и правительство намерено действовать в интересах нации.

Однако во всем мире поднялось движение за то, чтобы сделать планету достоянием всего мира, а не одной только страны.

По непроверенным сведениям, наблюдатель ООН срочно вылетает в Уиллоу Бенд. Франция, Англия, Боливия, Мексика, Индия уже просили у Вашингтона разрешения прислать своих наблюдателей к месту событий, и не приходится сомневаться, что и другие страны последуют их примеру.

Сегодня вечером весь мир как на иголках в ожидании вестей из Уиллоу Бенда».

Тэн протянул руку и выключил радио.

— Если верить тому, что они говорят, — сказал Бизли, — мы должны ждать нашествия иностранцев.

«Да, — подумал Тэн, — нашествия иностранцев. Но не в том смысле, в каком понимает Бизли. Значение этого слова явно устарело. Скоро ни одного жителя Земли нельзя будет назвать иностранцем, — потому что рядом, буквально за дверью, нас встретит чужая жизнь. Кто эти обитатели каменного дома?»

Речь идет не об одной планете. Он нашел только одну дверь, а таких дверей может быть великое множество, и неизвестно, каково их назначение и в какие миры они ведут.

Неведомый «некто» или «нечто» нашел способ проникать на новые планеты через бездны пространства, нашел более простой и короткий путь, чем полет через космические океаны. После того как дверь была открыта, попасть из одного мира в другой стало так же легко, как перейти из одной комнаты в другую.

Лишь одно не укладывалось у него в сознании — как движутся по орбитам и вращаются вокруг своей оси соединившиеся планеты? Ведь невозможно, размышляя он, создать прочные связи между объектами, если каждый из них движется сам по себе.

Еще два дня назад мысль, что он будет ломать голову над такими проблемами, показалась бы ему фантастичной. Тем не менее это был совершившийся факт, а если произошло одно невероятное событие, то может случиться и второе.

Зазвонил звонок. Тэн пошел открывать дверь. Это был Эрни, торговец бензином.

— Генри говорил, что вам нужен бензин. Я пришел предупредить вас, что до утра ничего нельзя сделать.

— Это неважно, — ответил Тэн. — Бензин мне больше не нужен.

Он быстро захлопнул входную дверь и еще долго стоял, прижавшись к ней спиной, пытаясь привести в порядок мысли. Все равно когда-нибудь придется встретиться с людьми. Нельзя же навеки запереться от целого мира. Рано или поздно жители Земли и он, Тэн, должны будут взглянуть правде в глаза.

Он злился на себя за эти мысли, но ничего не мог поделать.

У него за дверью находилось нечто очень важное для всего человечества, то, в чем люди нуждались или по крайней мере думали, что нуждались.

Но в конечном счете он один был за все в ответе. Это произошло в его владениях, в его доме. И быть может, он как-то невольно способствовал этому.

«Земля и дом принадлежат мне, — подумал он со злостью. — И весь этот мир, как бы велик он ни был, лишь продолжение моего двора»

Тэн вернулся обратно в комнату. В кресле с парчовой обивкой, свернувшись клубком, тихонько посапывал Таузер. Тэн решил не прогонять его. Пес заработал себе право спать там, где ему хочется.

Осторожно обойдя кресло, Тэн подошел к окну — пустыня простиралась до горизонта, а прямо перед окном спиной к дому сидели рядом и глядели на пустыню огромный сурок и Бизли. Казалось естественным, что они мирно сидят бок о бок, и Тэну пришло в голову, что они во многом схожи.

Это было хорошее начало — человек и существо из другого мира, дружески сидящие рядом.

Тэн попытался представить себе симбиоз двух соединенных вместе планет, одной из которых была Земля. Сердце лихорадочно застучало, когда он подумал, какие возможности таятся в таком сближении.

Что может принести Земле ее контакт с другими мирами?

И вдруг оказалось, что контакт уже установлен в такой спокойной, такой будничной обстановке, что никто даже не воспринял это событие как величайшую в истории человечества встречу. Сурок и Бизли там под окном и воплощали собой этот контакт. Если все будет продолжаться так и дальше, нет оснований волноваться.

И ведь это не случайность, подумал он. Все было спланировано и проделано с ловкостью и сноровкой, которые даются лишь долгой практикой. Конечно, это не первый мир, открытый ими для контактов, и нет оснований думать, что последний.

Маленькие крысоподобные существа пересекли космическое пространство, — и даже трудно представить, сколько световых лет они преодолели в корабле, который он откопал в лесу. Они запрятали свой корабль, как дети прячут игрушки в песок. Пришельцы выбрали именно дом Тэна для установки своей аппаратуры, с помощью которой превратили его в связующее звено между двумя мирами и навсегда покончили с необходимостью еще раз пересекать космос. Нужно только однажды проделать долгий путь, чтобы навсегда связать планеты.

После того как все было закончено, крысоподобные существа удалились, убедившись, что ворота, соединяющие планеты, крепки и могут противостоять всем попыткам разрушить их. Они обшили дом изнутри ка-

ким-то диковинным материалом, который не поддается топору и способен выдержать удары любой силы.

Четким тренированным маршем они прошли к холмам, где в гнездах лежало восемь воздушных кораблей. И теперь там, на холме, осталось только семь кораблей, а существа, похожие на крыс, ушли, и, кто знает, может быть, в будущем они высадутся на другой планете, и тогда откроется дверь в еще один новый мир.

«И ведь это гораздо больше, чем простое сближение планет, — подумал Тэн. — Это сближение жителей новых миров».

Маленькие зверьки были пионерами и исследователями, открывателями новых планет, похожих или непохожих на планету Земля. И существо, которое ждет кого-то под окном, сидя рядом с Бизли, тоже служит какой-то цели, и, может быть, в недалеком будущем той же цели станет служить человек.

Тэн отошел от окна и оглядел комнату. Она была такая, какой он помнил ее с незапамятных времен, и, несмотря на бурные события за стенами дома, оставалась неизменной.

«Это — реальность, — подумал Тэн. — Это — единственная реальность. Неизвестно, что впереди, но пока я еще стою здесь, в комнате с почерневшим от времени камином, с книгами, захватанными пальцами, качалкой на старом потертом ковре, по которому много лет ступали ноги любимых и близких».

Но он знал, что это спокойствие — лишь затишье перед бурей.

Еще немного — и начнут прибывать ученые, правительственные чиновники, военные, наблюдатели из разных стран, сотрудники ООН.

Тэн понимал, что безоружен перед всеми этими людьми и не сможет сопротивляться, что бы он ни говорил. Он не может вступить в единоборство со всем миром.

Сегодня дом Тэнов доживал свой последний день. Он простоял почти столетие, и теперь его ждет другая судьба. Впервые за все эти годы ни один Тэн не будет спать под его крышей.

Тэн посмотрел на камин, на книжные полки; ему почудилось, что по комнате бродят старые бледные привидения. Он нерешительно поднял руку, как бы

прощаясь с призраками и комнатой, но тотчас же опустил ее.

«Какой смысл», — подумал он.

Тэн вышел на крыльцо и уселся на ступеньках. Бизли, услышав его шаги, обернулся.

— Хороший он парень, — заметил Бизли, похлопав сурка по спине. — Совсем как большой плюшевый медведь.

— Это верно, — сказал Тэн.

— И больше всего мне нравится, что я могу с ним разговаривать.

— Да, понимаю.

Тэн вспомнил, что Бизли разговаривал и с Таузером. Он подумал, что хорошо бы пожить какое-то время в уютном, незатейливом мире Бизли.

Но все же почему крысоподобные существа, прибывшие в космическом корабле, остановили свой выбор именно на Уиллоу Бенде и его доме? Каким образом они узнали, что найдут здесь все необходимое, чтобы быстро и легко наладить свою аппаратуру? Сейчас уже не приходится сомневаться, что они разрушили счетную машину и использовали детали. Тут, пожалуй, Генри оказался прав. Сейчас, думая об этом, Тэн понимал, что Генри все же сыграл в этой истории известную роль. Но как они сумели предвидеть, что именно на этой неделе и в этом самом доме появится возможность быстро и без особого труда осуществить то, ради чего они проделали далекое путешествие?

Неужели они, помимо высоких технических знаний, обладают еще даром предвидения?

— Кто-то идет, — проговорил Бизли.

— Я никого не вижу.

— И я не вижу. Но сурок сказал мне, что он видит.

— Сказал тебе?

— Я же тебе объяснял, что мы с ним разговариваем. А теперь и я вижу.

Они были еще далеко и шли очень торопливо — три маленькие точки быстро двигались по пустыне в сторону дома.

Тэн сидел и смотрел, как они приближались. «Нужно пойти за ружьем», — подумал он, но не тронулся с места. Все равно без толку. Бесполезно хвататься за оружие, а в данном случае просто глупо. Лучшее, что может сейчас сделать человек, — это встретить при-

шельцев из другого мира с чистым сердцем и чистыми руками.

Они подъехали ближе, и Тэну показалось, что они сидят в каких-то невидимых седлах, которые быстро движутся по воздуху.

Теперь Тэн уже видел, что их трое и что они похожи на людей.

Они подкатили как-то неожиданно и резко остановились в ста шагах от крыльца.

Тэн сидел на ступеньках и молча глядел на них, едва удерживаясь от смеха. Эти трое были, пожалуй, ниже его ростом и черные, как пиковый туз. Их одежда состояла из узких, обтягивающих ноги небесно-голубых брюк и таких же жилетов, которые были им несколько велики. Но это еще полбеды. Самое удивительное, что пришельцы прибыли в обыкновенных седлах со стременами, к которым сзади было привязано нечто вроде скатанного одеяла.

Седла плавали, в них легко и грациозно сидели незнакомые всадники и во все глаза смотрели на Тэна.

Наконец он поднялся и сделал шаг им навстречу. И сразу же все трое спешили и тоже двинулись к нему, а седла так и остались неподвижно висеть в воздухе.

Путешественники остановились шагах в шести от Тэна.

— Они тебя приветствуют, Хайрам, — произнес Бизли. — Говорят, что рады тебя видеть.

— Ну хорошо, тогда передай им.. Но, послушай, Бизли, а как ты это узнал?

— Сурок сказал мне, о чем они говорят, а я — тебе. Ты скажи мне, я ему, а он передаст им. Так можно разговаривать. Для этого он и пришел сюда.

— Ну хорошо, я попробую, — сдался Тэн. — Так ты на самом деле можешь с ними разговаривать?

— Я же тебе все время про это толкую, — возмущенно ответил Бизли. — Я же тебе говорил, что могу разговаривать с Таузером, но ты считал меня сумасшедшим.

— Это телепатия, — сказал Тэн. — Оказывается, на самом деле все обстоит гораздо сложнее. Выходит, похожие на крыс существа знают не только мой дом, но и про Бизли тоже.

— Ты что-то сказал, Хайрам?

— Да нет, ничего, — ответил Тэн. — Попроси своего друга передать им, что я рад их видеть, и узнай, чем я могу быть полезен.

Тэн стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу, и смотрел на гостей. Он увидел у них на куртках множество карманов, набитых, вероятно, тем, что заменяло им табак, носовые платки, перочинные ножи и прочую ерунду.

— Они говорят, что хотят маклачить.

— Маклачить?

— Да. Ну, как бы торговать. — Бизли тихонько хмыкнул. — Угодили прямо в лапы к маклеру-янки. Так про вас говорит Генри. Он еще говорит, что вы любого обманите.

— Генри здесь ни при чем, — резко ответил Тэн. — Может быть, хотя бы здесь мы обойдемся без Генри.

Он сел на землю, и те трое тоже уселись напротив него.

— Спроси их, чем они хотят торговать.

— Идеями, — перевел Бизли.

— Идеями? Что за бред!

Но он уже понимал, что это не так. Идеи были самым лучшим товаром, который могли предложить пришельцы, наиболее ценным и ходким, не требующим специальных складов и не подрывающим экономики, во всяком случае на первое время. Кроме того, торговля реальными товарами меньше способствует быстрому развитию цивилизации.

— Спроси их, что они хотят в обмен на идею седел, на которых они приехали? — поинтересовался Тэн.

— Они спрашивают, что вы можете предложить.

Вот в этом-то и заключалась загвоздка. Ответить на такой вопрос было нелегко.

Машины и грузовики, двигатель внутреннего сгорания, очевидно, не годятся. У них уже есть седла. С точки зрения этих существ Земля далеко отстала от них в развитии транспорта.

Строительство? Вряд ли это подойдет. Он вспомнил про дом в пустыне. Значит, они знают, как строить дома. Может быть, одежда? Но на них была одежда.

«Краска, — подумал Тэн. — Краска — вот то, что им нужно».

— Спроси, не интересуется ли их краска, — обратился он к Бизли.

— Они спрашивают, что это такое. Объясни им, пожалуйста.

— Сейчас. Дай подумать. Краска — это защитный слой, которым можно покрывать любую поверхность. Она компактна, что важно для хранения и перевозки; применять ее несложно. Кроме того, она предохраняет предметы от непогоды и коррозии. Имеет декоративное значение. Существуют краски любых цветов. Изготовление их стоит недорого.

— Они обмозговывают эту идею, — передал Бизли. — Кажется, заинтересовались. Но им хочется узнать подробнее. Расскажи им что-нибудь еще.

«Ну, это уже на что-то похоже», — подумал Тэн. Он почувствовал себя в родной стихии.

Усевшись поудобнее и слегка наклонившись, он всматривался в три черных и плоских, как сковорода, лица, пытаясь понять, что делается в мозгу у пришельцев.

Наконец-то все стало на свои места.

Но лица пришельцев были непроницаемы.

Внутренний голос подсказывал Тэну, что среди этой троицы он найдет себе достойных партнеров. И это тоже радовало его.

— Скажи им, что я не совсем уверен, хорошо ли они меня поняли. Я говорил слишком быстро. Ведь краска — очень ценная идея.

— Они говорят, что были бы очень благодарны, если бы ты им еще что-нибудь рассказал: они заинтересовались.

«Зацепило, — подумал Тэн. — Только бы провести все на уровне».

И он с азартом принялся маклачить.

Через несколько часов появился Генри в сопровождении типичного горожанина с внушающим уважение чемоданчиком в руке.

Оба они в изумлении застыли на пороге: Тэн сидел на корточках, а перед ним лежала доска, по которой он водил кистью. Незнакомцы внимательно следили за его движениями. Судя по пятнам на их лицах и одежде, было видно, что они уже пробовали красить. Вокруг были разбросаны вымазанные краской доски и штук двадцать банок.

Тэн поднял голову и посмотрел на Генри и гостя.

— Я все время надеялся, что кто-нибудь появится, — сказал он.

— Хайрам, — начал Генри, и в голосе у него было еще больше важности, чем обычно. — Я хочу познакомиться с мистером Ланкастером. Он специальный представитель Организации Объединенных Наций.

— Рад познакомиться с вами, сэр, — ответил Тэн. — Вот я думаю, не могли бы вы мне...

— Мистер Ланкастер, — прервал его Генри, — не мог пробиться сквозь кордон, и я предложил ему свои услуги. Я уже объяснил, каков наш общий интерес в этом деле.

— Да, это было очень любезно со стороны мистера Хортон, — вставил Ланкастер. — Там был такой дурак сержант.

— К людям надо уметь подходить, — произнес Генри. Это изречение, как заметил Тэн, не было должным образом оценено представителем Объединенных Наций.

— Могу я узнать, мистер Тэн, — чем вы занимаетесь в данный момент? — спросил Ланкастер.

— Маклачу

— Маклачите? Что за странный способ выражать свои мысли?

— Старинное слово с некоторой модификацией. Когда вы торгуете с кем-нибудь, то происходит обмен товарами, а когда вы маклачите, это значит, что вы хотите содрать три шкуры.

— Очень интересно, — сказал Ланкастер. — Как я вас понял, вы собираетесь освежевать этих господ в голубых жилетах?

— Хайрам, — с гордостью заявил Генри, — лучший маклер в здешних местах. Он торгует старинными вещами, и поэтому ему приходится все время здорово ловчить.

— А не скажете ли вы мне, для чего здесь эти банки с краской? — спросил Ланкастер, совершенно не обращая внимания на Генри. — Эти джентльмены покупают краску?

Тэн отбросил доску и с раздражением вскочил.

— Заткнетесь вы оба когда-нибудь? — закричал он. — С той самой минуты, как вы появились, я не могу

вставить ни одного слова. А это очень важно, поверьте мне.

— Хайрам! — в ужасе воскликнул Генри.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь, — сказал представитель ООН. — Мы действительно мешаем своей болтовней. В чем же дело, мистер Тэн?

— Понимаете, я зашел в тупик, — признался Тэн. — И мне нужна помощь. Я продал этим голубчикам идею краски, но я об этой самой краске ровным счетом ничего не знаю. Словом, я понятия не имею, из чего и как она делается и на что идет.

— Мистер Тэн, но вы ведь продаете им краску. И какая вам разница...

— Да я не продаю краску! — закричал Тэн. — Вы что, не понимаете? Им не нужна краска. Им требуется идея краски. Принцип краски, они об этом никогда не думали и потому заинтересовались. Я предложил им идею краски в обмен за седла и почти договорился.

— Седла? Вы говорите об этих штуках, которые висят в воздухе?

— Да. Бизли, не попросишь ли ты наших друзей продемонстрировать седла?

— Отчего же нет, — ответил Бизли.

— Ничего не понимаю, — сказал Генри. — Какое отношение ко всему этому имеет Бизли?

— Бизли — переводчик. Если угодно, можете называть его телепатом. Помните, как он всегда говорил, что может разговаривать с Таузером?

— Но Бизли всегда хвастается.

— На этот раз все оказалось правдой. Он передает мои слова этому смешному чудищу, похожему на сурка, а сурок переводит пришельцам. А они говорят ему, он — Бизли, а Бизли — мне.

— Весело! — фыркнул Генри. — Да у Бизли никогда в жизни не хватит сообразительности стать этим... как вы говорите?

— Телепатом, — подсказал Тэн.

Один из гостей взобрался на седло, проехался на нем назад и вперед по воздуху, потом спрыгнул и снова уселся на землю.

— Чудеса! — изумился представитель ООН. — Какое-то автоматическое антигравитационное устройство! Мы действительно могли бы его использовать.

Он почесал подбородок.

— И вы хотите обменять идею краски на идею седла?

— Вот именно, — откликнулся Тэн. — Но мне нужна помощь. Мне нужен химик или специалист по производству красок, или еще какой-нибудь знаток, чтобы объяснить, как ее делают. И еще мне нужен какой-нибудь профессор или вообще человек, который разберется в том, что они будут говорить о принципе устройства седла.

— Все ясно, — изрек Ланкастер. — Да, задача трудная. Мистер Тэн, вы мне кажетесь человеком проницательным.

— Вы не ошиблись, мистер Ланкастер, — вмешался Генри. — Хайрам — человек исключительной проницательности.

— Тогда, я думаю, вы понимаете, — заметил представитель ООН, — что вся процедура в некотором роде необычна.

— Ничего подобного! — воскликнул Тэн. — Это их метод работы. Они открывают новую планету и выменивают идеи. Они уже очень давно торгуют с вновь открытыми мирами. И им нужны идеи, новые идеи, потому что только таким путем они развивают свою технику и культуру. И у них, сэр, есть множество идей, которыми человечество могло бы воспользоваться.

— Вот тут-то и зарыта собака, — сказал Ланкастер. — Это, пожалуй, самое важное событие за всю историю человечества. За какой-нибудь год мы получим столько идей и сведений, что сможем в своем развитии, по крайней мере теоретически, продвинуться на тысячу лет вперед. Это дело огромной государственной важности, и нужно, чтобы оно попало в руки людей опытных и знающих.

— Но где вы найдете человека, который мог бы торговаться лучше, чем Хайрам? — возмутился Генри. — Когда он берется за дело — тут только держись. Почему не предоставить это ему? Он будет работать для вас. Вы можете создать комиссию специалистов и группу по планированию, а Хайраму поручить практическую сторону. Эти существа уже с ним освоились, и видно, что у них с Хайрамом налажен контакт. Что вы еще хотите? Ему нужна только небольшая помощь.

Подошел Бизли и уставился на представителя ООН.

— Я ни с кем больше работать не буду, — объявил он. — Если вы выгоните Хайрама, я уйду с ним. Хайрам — единственный, кто обращался со мной по-человечески.

— Вот видите, — с торжеством в голосе произнес Генри.

— Пойдите, Бизли, — сказал представитель ООН. — Мы можем договориться. Я представляю себе, что переводчик в такой ситуации, как эта, может заработать кучу денег.

— Деньги для меня ничего не значат, — ответил Бизли. — Друзей я не куплю, а люди все равно будут смеяться надо мной.

— Он не шутит, мистер Ланкастер, — предупредил Генри. — Нет человека, который бы переупрямил Бизли. Я это хорошо знаю. Ведь он у нас работал.

Вид у представителя ООН был растерянный и несчастный.

— И вы не скоро найдете нового телепата, по крайней мере такого, который сможет разговаривать с ними, — заявил Генри.

Казалось, представителю ООН не хватает воздуха.

— Сомневаюсь, — признался он, — можно ли на всем земном шаре найти другого.

— Ну хорошо, — безжалостно произнес Бизли. — Давайте решать. Я не могу стоять здесь весь день.

— Уговорили! — воскликнул представитель ООН. — Вы двое идите и продолжайте работу. Вы согласны, Хайрам? Это случай, который нельзя упускать. И скажите, пожалуйста, чем я могу быть полезен? Могу я что-нибудь для вас сделать?

— Можете, — ответил Тэн. — Скоро сюда понаедут всякие шишки из Вашингтона и из других стран. Держите их всех от меня подальше.

— Я им все объясню. Они вам не будут мешать.

— А мне нужен химик и еще какой-нибудь специалист, который сможет понять все про седла. И очень срочно. Я могу еще немного задержать этих голубчиков, но ненадолго.

— Через несколько часов я вам доставлю любого эксперта, какого угодно, — заверил представитель ООН. — А через день или два сотни специалистов будут дежурить здесь, чтобы явиться по вашему первому зову.

— Сэр, — заговорил Генри елейным голосом. — Это прекрасное решение. Оба мы, Хайрам и я, очень вам благодарны. А сейчас, поскольку все решено, нам надо идти, нас ждут репортеры. Они заинтересованы в нашем интервью, мистер Ланкастер.

Представитель ООН, казалось, ничего не имел против, и они с Генри затопали по лестнице.

Тэн обернулся и посмотрел на пустыню.

— Ведь все это — мой собственный необъятный двор, — сказал он вслух.

ДОСТОЙНЫЙ ПРОТИВНИК

Пятнашники запаздывали.

Может, они чего-нибудь не поняли.

Или выкинули очередную шутку.

А может, они и вовсе не собирались придерживаться соглашения.

— Капитан, — осведомился генерал Лаймен Флад, — который теперь час?

Капитан Джист оторвал взгляд от шахматной доски.

— Тридцать семь — ноль восемь по среднегалактическому, сэр.

И снова уткнулся в доску. Сержант Конрад загнал его коня в ловушку, и капитану это не нравилось.

— Опаздывают на тринадцать часов! — пропыхтел генерал.

— Они, наверное, так и не взяли в толк, когда мы их ждем.

— Мы же объяснили им все на пальцах. Взяли их за ручку и твердили одно и то же снова и снова, пока они не уразумели. Они не могли не понять нас.

Но они очень даже могли, и генералу это было известно лучше, чем кому бы то ни было.

Пятнашники не понимали толком почти ничего. Идея перемирия озадачила их так, будто они никогда не

слыхивали ни о каких перемириях. Предложение обменяться пленными поставило их в тупик. Даже задача согласовать время обмена потребовала изнурительных объяснений — словно они прежде не догадывались, что время можно измерить, и не ведали элементарной математики.

— А вдруг они потерпели аварию? — предположил капитан.

Генерал фыркнул.

— У них не бывает аварий. Их корабли — настоящее чудо. Чудо, которому все нипочем. Они же смели нас, просто смели, разве не так?

— Так точно, сэр, — откликнулся капитан.

— Как по-вашему, капитан, сколько их кораблей мы уничтожили?

— Не больше дюжины, сэр.

— Крепкий противник, — изрек генерал.

И, пройдя через всю палатку, уселся в кресло.

Капитан почти не ошибся. Точная цифра была одиннадцать. Да и из тех одиннадцати лишь один был уничтожен наверняка. Остальные в лучшем случае удалось на какое-то время вывести из строя.

И получилось в итоге, что общий счет был десять — один в пользу пятнашников, если не хуже. «Никогда еще, — признался себе генерал, — земной флот не переживал столь жестокого разгрома». Целые эскадры были развеяны в прах или бежали с поля брани и вернулись на базу в половинном составе.

Корабли бежали, но на борту не было калек. На корпусах — ни царапины. Впрочем, погибшие крейсера также не подвергались никаким видимым разрушениям — они просто-напросто исчезали, не оставляя даже мельчайших обломков.

«Ну разве можно одолеть такого врага?» — спросил себя генерал. Как прикажете бороться с оружием, которое глотает корабли целиком?

На далекой Земле и на сотнях других планет, входящих в состав Галактической федерации, тысячи ученых днем и ночью, отложив все иные заботы, трудились над тем, чтобы найти защиту от страшного оружия или по крайней мере изобрести что-либо похожее.

Но шансы на успех — кто-кто, а генерал это ясно понимал — были призрачно малы: не находилось и намека на ключ, способный открыть тайну. Это и понят-

но — ведь те, кто пострадал от оружия пятнашников исчезали бесследно.

Быть может, такой ключ мог бы дать кто-нибудь из попавших к ним в плен. Если бы не надежда на разведчиков поневоле, то, по его убеждению, не стоило бы и затевать этот хлопотный обмен пленными.

Он взглянул на капитана и сержанта, сгорбившихся над шахматной доской, и на пленного пятнашника, следившего за поединком.

И подозвал пленного к себе.

Тот подкатился, колыхаясь как пудинг.

И, наблюдая за ним, генерал вновь, без всяких на то оснований, испытал странное чувство, будто ему нанес ли оскорбление.

Пятнашник являл собой потешное гротескное зрелище, несовместимое с представлением о воинственности. Он был кругленький, каждая его черточка, гримаса и жест искрились весельем, а одет он был в неприлично пестрый наряд, скроенный и пошитый словно нарочно для того, чтобы возмутить военного человека до глубины души.

— Что-то ваши друзья запаздывают, — заметил генерал.

— А подождите, — отвечал пятнашник голосом, похожим на свист. Приходилось внимательно вслушиваться в этот свист, чтобы хоть что-нибудь разобрать.

Генерал призвал на помощь все свое самообладание. Что толку спорить?

Ну а браниться и вовсе бессмысленно.

Интересно, сумеет ли он — да что там он, сумеет ли человечество когда-нибудь раскусить пятнашников?

Не то чтобы это и вправду кого-то занимало всерьез. Пусть бы отвязались от землян — и того довольно.

— Подождите, — просвистел пятнашник. — Они придут по истечении среднего времени.

«Какого черта, — возмутился генерал про себя, — сколько еще ждать этого "среднего времени"?..»

Пятнашник откатился назад и продолжал следить за игрой.

Генерал выбрался из палатки наружу

Крошечная планетка выглядела еще холоднее, пустынное и неприютное, чем прежде. «Стоит только при

смотреться, — мелькнула мысль, — и кажется, будто ландшафт с каждым часом становится все тоскливее: запомнился унылым — стал удручающим».

Безжизненная, бесплодная, начисто лишенная какой бы то ни было стратегической или экономической ценности, планетка представлялась нейтральной территорией, как нельзя лучше подходящей для обмена пленными. Нейтральной, поскольку никто во Вселенной пальцем не шевельнул бы для того, чтобы ее захватить.

Дальняя звездочка, солнце планеты, светилась на небе тусклым пятном. Голый черный камень простирался к горизонту, до которого было рукой подать. Ледяной воздух полоснул генерала по ноздрям точно ножом.

Здесь не было ни холмов, ни долин. И вообще не было ничего, кроме плоского, без единой трещинки камня, уходящего во все стороны, — не планета, а сплошной исполинский космодром.

Генерал напомнил себе, что местом встречи эта планетка была назначена по предложению пятнашников, и это само по себе выглядело подозрительным. Но на тогдашней стадии переговоров Земля не могла позволить себе роскоши торговаться по мелочам.

Он стоял, ссутулив плечи, и ощущал, как по спине бежит холодок мрачных предчувствий. По мере того как час тянулся за часом, планетка все явственнее напоминала ему гигантскую ловушку.

Нет, наверное, он заблуждается. В поведении пятнашников не было ровным счетом ничего, что оправдывало бы подобные подозрения. Напротив, они вели себя почти великодушно. Они могли бы выдвинуть свои условия — практически любые условия, — и Галактической федерации пришлось бы, хочешь не хочешь, принять их. Земля должна была выиграть время любой ценой. Земля должна была успеть подготовиться к следующей схватке — через пять лет, или через десять, или сколько бы лет ни прошло.

Однако пятнашники — невероятно, но факт — не выдвинули никаких условий. «Хотя, — поправил себя генерал, — никто не в силах догадаться, что у пятнашников на уме и какой еще фокус они задумали».

В полутьме вырисовывался лагерь землян — несколько палаток, передвижная электростанция, замерший в ожидании космический корабль, а подле него —

маленький разведывательный катер, тот самый, на котором летал пленный пятнашник.

Катер сам по себе как нельзя лучше доказывал глубину пропасти, разделяющей пятнашников и людей. Три полных дня переговоров ушли только на то, чтобы пятнашники сумели членораздельно объяснить свое желание получить катер и его пилота обратно.

С сотворения мира ни один корабль во всей Галактике не подвергался столь тщательному обследованию, как это крохотное суденышко. Но достоверно установить удалось совсем немного. А пленный пятнашник, невзирая на бешеные усилия психологов, сообщил и того меньше.

Лагерь казался спокойным, почти вымершим. Двое часовых четко выхаживали взад и вперед. Все остальные были в укрытии и поджидали пятнашников, убивая время, кто как мог.

Генерал торопливо пересек пространство, отделявшее его от госпитальной палатки. Пригнувшись, шагнул за порог.

За столом сидело четверо, лениво перебрасываясь в картишки. Один из игроков бросил карты на стол и поднялся.

— Что слышно, генерал?

Генерал поздоровался с ним за руку

— Должны пожаловать с минуты на минуту У вас все в порядке, док?

— Мы готовы уже давно, — сказал психиатр. — Сразу же по прибытии забираем ребят сюда и обследуем по всем статьям. Наши игрушки все на ходу. Долго мы вас не задержим.

— Прекрасно. Мне бы хотелось распрощаться с этим небесным камушком как можно скорее. Не нравится мне тут.

— Только один вопрос..

— Что такое?

— Как угадать, сколько человек нам вернут?

Генерал покачал головой:

— Этого мы так и не выяснили. Они не очень-то в ладах с цифрами. Что, если математика не так повсеместна, как вы, ученые, полагаете?

— В любом случае, — ответил доктор покорно, — сделаем все, что в наших силах

— Да нет, — продолжал генерал, — их не может быть много. Мы же возвращаем одного-единственного пятнашника и один кораблик. Как по-вашему, во сколько людей они могут его оценить?

— Откуда же мне знать! Слушайте, а вы уверены, что они вообще прилетят?

— Трудно быть уверенным даже в том, что они нас поняли. Когда дело доходит до откровенной тупости...

— Не так уж они тупы, — тихо возразил доктор. — Мы оказались неспособны усвоить их язык, так они овладели нашим.

— Сам знаю, — отмахнулся генерал нетерпеливо. — Вернее, сознаю. Но перемирие — ведь сколько дней понадобилось, чтобы они хотя бы отдаленно поняли, о чем речь! И еще больше дней ушло на то, чтобы согласовать систему отсчета времени. Ей-же-ей, договориться на пальцах с дикарями каменного века было бы и то легче!

— Конечно, легче, — сказал доктор. — Дикари как-никак люди.

— А пятнашники — высокоразвитые существа! Их техника во многих отношениях даст нашей сто очков вперед. Они же поколотили нас как маленьких.

— Да что там, просто разнесли вдребезги...

— Хорошо, пусть так, разнесли. И почему бы не разнести? У них есть оружие, какое нам и не снилось. Они действовали много ближе к своим базам. У них не было наших проблем материально-технического обеспечения. Да, они разнесли нас вдребезги, но разрешите спросить: сами-то они догадываются об этом? Воспользовались они плодами своей победы? Они могли перебить нас до последнего. Могли навязать нам такие условия мира, что отбросили бы нас на века. А вместо того отпустили нас подобру-поздорову. Где тут логика, я вас спрашиваю?

— Вы столкнулись с иной логикой, — сказал доктор.

— Мы сталкивались с другими инопланетянами. И всегда понимали их. По большей части нам удавалось с ними поладить.

— Мы соприкасались с ними на коммерческой основе, — напомнил доктор. — Трудности, если были трудности, возникали уже потом, когда мы достигали какого-то начального взаимопонимания. Пятнашники —

единственные, кто сразу, с места в карьер, бросились в бой.

— И не известно зачем, — произнес генерал. — Мы их не трогали, даже не направлялись в их сторону. Могли пролететь мимо и вовсе их не заметить. Кто мы такие, они и понятия не имели. Выходит, им было все равно кто. Ни с того ни с сего выскочили из пустоты и навалились на нас. И то же самое случалось с каждым, кто попадался им на дороге. Они нападают на любого встречного. Просто нет такого дня, когда бы они с кем-нибудь не воевали — а то и с двумя-тремя противниками одновременно.

— У них комплекс самозащиты, — предположил доктор. — Ждут, чтобы их оставили в покое. Добиваются одного — отвадить других от планет, которые они облюбовали для себя. Вы же правильно сказали — они могли и перебить нас всех до последнего.

— А может, они очень обидчивы. Не забывайте, мы тоже раз-другой потрепали их — не так сокрушительно, как они нас, но все-таки ощутимо. Держу пари, они нападут на нас снова, как только выдастся случай, — генерал перевел дыхание. — В следующий раз они не должны застать нас врасплох. В следующий раз они могут и не остановиться на полпути. Мы обязаны одолеть их.

«Нелегкая это задача, — добавил он про себя, — воевать с противником, о котором почти ничего не известно. Против оружия, о котором не знаешь абсолютно ничего».

В теориях, правда, недостатка не ощущалось. Но даже лучшие из них были, в сущности, не теории, а лишь более или менее обоснованные догадки.

Оружие пятнашников могло действовать во времени, отбрасывая свои жертвы вспять, в первозданный хаос. Или переносить их в другое измерение. Или обрушивать атомы внутрь себя, превращая космические корабли в пылинки — самые чудовищно тяжелые пылинки, когда-либо существовавшие во Вселенной.

Достоверно было одно — корабли не аннигилировали, никто не наблюдал ни вспышки, ни жара. Корабли просто исчезали, мгновенно и без следа.

— Беспокоит меня еще и другая странность, — заметил доктор. — Сколько рас пострадало от пятнашников до того, как они наткнулись на нас! Но когда мы

попытались связаться с пострадавшими, получить хоть какую-то поддержку, никто не стал с нами разговаривать. Ответить и то не пожелали.

— Это новый для нас сектор пространства, — сказал генерал. — Мы здесь пока еще чужие.

— По логике вещей, — возразил доктор, — пострадавшие должны бы ухватиться за возможность расквитаться с пятнашниками.

— Нечего рассчитывать на союзников. Мы отвечаем за себя сами. Нам самим и выпутываться.

Генерал наклонился, чтобы выйти из палатки.

— Персонал, — заверил доктор, — приступит к делу тотчас же, как прибудут пациенты. Предварительное заключение будет подготовлено в течение часа, если только от людей хоть что-нибудь осталось.

— Прекрасно, — произнес генерал и, пригнувшись, выбрался наружу.

Ситуация была скверная, неопределенная до ужаса — если бы не умение владеть собой, впору было бы закричать от страха.

Да, кто-то из пленных землян, возможно, расскажет что-то полезное — но ведь их слова нельзя принять на веру, как нельзя принять на веру то, что рассказал пленный пятнашник. «На сей раз, — сказал себе генерал, — команде психологов, хочешь не хочешь, придется превзойти себя».

Задумано было ловко, спору нет: устроить пленному пятнашнику космический вояж и с гордостью показать ему вереницу голых, ни на что не годных планет, словно они — жемчужины в короне Галактической федерации.

Ловко — если бы пятнашники были людьми. Никто из людей не затеял бы свары, не то что войны, из-за планеток, какие были показаны.

Но пятнашники людьми не были. И Бог весть какие планеты придутся им по вкусу.

А еще оставался риск, что эти никчемные планетки внушат пленному мысль, будто Земля окажется легкой добычей.

«Нет, эту головоломку не распутать», — решил генерал. Вся ситуация противоестественна в самой своей основе. Каковы бы ни были различия между цивилизациями землян и пятнашников, ситуация противоестественна все равно.

И что-то дикое, противоестественное намечалось здесь, в **этот** самый момент.

Он услышал какой-то звук и, резко повернувшись, уставился в небо.

С неба спускался корабль, он был совсем близко и шел быстро, слишком быстро.

У генерала перехватило дух — но корабль уже замедлил ход, выровнялся и опустился по всем правилам искусства за четверть мили, не дальше, от корабля землян. Генерал бросился бегом, затем опомнился и перешел на четкий военный шаг

Люди выбирались из палаток и строились в шеренги. Над лагерем прозвучал приказ — и шеренги двинулись как на параде.

Генерал позволил себе улыбнуться. Да, ребята у него хоть куда. Их не застать врасплох. И если пятнашники рассчитывали, подкравшись исподтишка, привести их в замешательство и заработать на этом очко, то пусть подавятся.

Солдаты, отбивая шаг, быстро приближались к цели. Из-под навеса выехала машина неотложной помощи и последовала за ними. Зарокотали барабаны, в стылом до рези воздухе ясно и отчетливо пропели горны.

«Да, — сказал себе генерал горделиво, — именно таким ребятам по плечу обеспечить целостность Галактической федерации, сколько бы она ни расширялась. Именно таким по плечу охранять мир на пространствах объемом в тысячи кубических световых лет. Именно таким по плечу в один прекрасный день с Божьей помощью отразить угрозу, какую олицетворяют собой пятнашники».

Войн теперь почти не было. Космос слишком велик для сражений. И уж если в кои-то веки где-то дойдет до конфликта — все равно есть множество путей избежать войны, обойти ее по краю. Но такую угрозу, как пятнашники, игнорировать нельзя. Настанет день, не сегодня так завтра, и либо им, либо землянам суждено потерпеть полное поражение. Галактической федерации не ведать покоя, пока у нее под боком крутятся эти бестии.

За спиной послышался топот, и генерал обернулся. Застегивая на бегу мундир, его догонял капитан Джист. Поравнявшись с генералом, капитан произнес:

— Итак, сэр, они наконец прибыли.

— С опозданием на четырнадцать часов, — ответил генерал. — На данный момент наша задача — встретить их как можно достойнее. А вы, капитан, не застегнули пуговицу.

— Прошу прощения, сэр, — отозвался капитан, приводя себя в порядок.

— Ну ладно. Заодно поправьте погоны. Поаккуратнее, если можете. Правой, левой, раз, два!..

Уголкем глаза генерал заметил, как сержант Конрад со своим отделением выводит пленного пятнашника, почти по прямой, к заданной точке, — ловко, уверенно, лучшего и не пожелаешь.

Солдаты двумя параллельными рядами охватили корабль с флангов. Открылся люк, из люка пополз трап, и генерал с удовлетворением отметил, что они с капитаном Джистом окажутся у подножия трапа почти в ту же секунду, когда ступеньки коснутся поверхности. Это было эффектно, это было превосходно, как если бы он лично рассчитал всю процедуру до мельчайших подробностей.

Трап, лязгнув, достиг грунта, и по трапу неторопливо скатились три пятнашника.

«Что за мерзкая троица, — подумал генерал. — Хоть бы один надел форму или, на крайний случай, медаль...»

Едва они спустились вниз, генерал взял дипломатическую инициативу на себя.

— Приветствуем вас, — произнес он медленно и отчетливо, как только мог, чтоб его поняли.

Пятнашники встали в ряд и стояли, глядя на генерала, и он почувствовал себя не в своей тарелке из-за выражения их развеселых округлых лиц. По-видимому, никакого другого выражения на этих лицах просто не могло быть. Но пятнашники упорно глазели на генерала, и он бодро продолжал:

— С большим удовлетворением отмечаю, что Земля добросовестно выполнила обязательства, согласованные при заключении перемирия. Мы искренне надеемся, что это означает начало эры...

— Очень мило, — перебил один из пятнашников.

Что он имел в виду — речь генерала или ситуацию в целом, или просто-напросто пытался соблюсти вежливость, — определить было трудно.

Генерал, не смутившись, хотел было продолжать, но заговоривший пятнашник поднял коротенькую округлую ручку и остановил его.

— Пленные придут вот скоро, — просвистел он.

— Разве вы не привезли их?

— Они придут скоро опять, — заявил пятнашник с восхитительным пренебрежением к точности выражений.

Не отводя взгляда от генерала, он слегка взмахнул ручкой, что, вероятно, соответствовало пожатию плеч

— Ловушка, — шепнул капитан генералу на ухо.

— Мы побеседуем, — предложил пятнашник.

— Они что-то затеяли, — предупредил капитан. — Следовало бы объявить готовность номер один, сэр.

— Согласен, — ответил генерал. — Только сделайте это без шума. — И, повернувшись к делегации пятнашников, добавил: — Если вы, джентльмены, последуете за мной, я предложу вам подкрепиться...

— Рады весьма, — объявил пятнашник. — Что такое подкре...?

— Выпивка, — сообщил генерал и пояснил свои слова недвусмысленным жестом.

— Выпивка — хорошо, — откликнулся пятнашник. — Выпивка — это друг?

— Точно, — сказал генерал.

Он направился к палатке, сдерживая шаг, чтобы пятнашники не отставали. Попутно он не без удовольствия отметил, что на сей раз капитан не промедлил ни минуты. Сержант Конрад уже вел свое отделение обратно, и в центре строя тащился пленный пятнашник. С орудий снимали чехлы, и последние из спешившейся было прислуги земного корабля взбирались на борт.

Капитан нагнал делегацию у самого входа в палатку

— Все исполнено, сэр, — доложил он шепотом.

— Прекрасно, — отозвался генерал.

Войдя в палатку, генерал открыл холодильную камеру и вынул объемистый кувшин.

— Вот, — сказал генерал, — выпивка, которую мы изготовили для вашего соотечественника. Он нашел ее очень приятной на вкус.

Он достал стаканы, соломинки для коктейля и отвинтил пробку, сокрушаясь, что не может зажать себе нос: пошло пахло как хорошо выдержанная падаль. Не хотелось даже гадать, из каких компонентов оно составле-

но. Химики Земли состряпали эту жижу для пленника, который поглощал ее галлон за галлоном с тошнотным наслаждением.

Как только генерал наполнил стаканы, пятнашники оббили их щупальцами и втянули соломинки в безгубые рты. Отведали угощение и восторженно закатили глаза.

Генерал схватил стакан со спиртным, протянутый капитаном, и одним глотком опорожнил его наполовину. В палатке становилось трудно дышать.

«Господи, — подумал он, — и чего только не приходится выносить, чтобы сослужить службу своим планетам и своему народу!..»

Наблюдая за пятнашниками, вкушающими свое пойло, он размышлял: какой же камень они припасли за пазухой?

«Побеседуем», — так выразился тот, кто взял на себя роль переводчика, и это могло означать практически все что угодно. От возобновления переговоров до бесчестной попытки выгадать время.

Если это переговоры, то землян приперли к стене. Ему не оставили выбора — придется вступать в переговоры. Земной флот искалечен, у пятнашников есть их таинственное оружие, возобновление военных действий немыслимо. Землянам необходимо выиграть по меньшей мере лет пять, еще лучше — десять.

А если это пролог к атаке, если планетка — капкан, у него нет другого выхода, кроме самоубийственного решения принять бой и сражаться до последнего патрона.

Что так, что эдак, осознал генерал, — земляне обречены.

Пятнашники отставили пустые стаканы, он наполнил их снова.

— Вы проявили хорошо, — сказал один из пятнашников. — Есть у вас бумага и рисователь?

— Рисователь? — переспросил генерал.

— Он просит карандаш, — подсказал капитан.

— О да. Пожалуйста, — генерал достал карандаш с блокнотом и положил их на стол.

Пятнашник отодвинул стакан и, подобрав карандаш, принялся старательно рисовать. С земной точки зрения рисунок напоминал каракули пятилетнего карапуза, выводящего первые в жизни буквы.

Они стояли и ждали, а пятнашник все рисовал. Наконец он справился со своей задачей, отложил карандаш и указал на волнистые линии.

— Мы, — заявил он.

Потом указал на другие, иззубренные линии.

— Вы, — пояснил он генералу.

Тот склонился над бумагой, силясь уразуметь, что же имел в виду художник.

— Сэр, — вмешался капитан, — это похоже на схему сражения.

— Оно, — гордо провозгласил пятнашник.

Он снова поднял карандаш и пригласил:

— Смотрите.

На рисунке появились новые линии, смешные значки в точках их пересечения и кресты там, где боевые порядки были прорваны. Когда пятнашник закончил, земной флот оказался разбит, разделен на три части и обращен в паническое бегство.

— Это, — узнал генерал, ощущая, как в горле клокочет гнев, — столкновение в секторе 17. В тот день мы потеряли половину нашей Пятой эскадры.

— Маленькая ошибка, — объявил пятнашник, сделав при этом странный жест, словно просил прощения. Потом вырвал из блокнота новый листок, расстелил его на полу и принялся рисовать сызнова.

— Внимайте, — пригласил он.

Пятнашник вновь обозначил линии защиты и атаки, но слегка видоизменил их. Боевые порядки землян как бы повернулись вокруг оси, разъединились и превратились в две параллельные полосы, охватившие нападающих пятнашников с флангов. Еще поворот оси — и строй пятнашников дрогнул и рассеялся в пространстве.

Художник отложил карандаш.

— Маленький пустяк, — сообщил он генералу и капитану. — Вы проявили хорошо. Сделали одну чуточную ошибку.

Генерал опять наполнил стаканы, призывая на помощь все свое самообладание.

«Куда же они клонят? — подумал он. — Ну зачем они тянут и не выкладывают все напрямик?»

— Так лучше, — вымолвил один из пятнашников, поднимая свой стакан в знак того, что подразумевает поило.

— Еще? — осведомился пятнашник-стратег, вновь берясь за карандаш.

— Прошу, — ответил генерал, скрипя зубами.

Прошагав к входному пологоу, он выглянул из палатки. Орудийные расчеты были на своих местах. Струйки дыма курились под жерлами стартовых двигателей; возникни необходимость — и корабль взмлет вверх в одно мгновение. В лагере царила напряженная тишина.

Генерал вернулся к столу и продолжал следить за тем, как пятнашник с веселой миной читает лекцию о способах выиграть бой. Лист за листом покрывались схемами, и время от времени стратег проявлял великодушие — показывал, отчего пятнашники проиграли стычку, когда могли бы выиграть, чуть изменив тактику.

— Интересно! — провозглашал он с воодушевлением.

— Действительно интересно, — согласился генерал. — Только один вопрос.

— Спрашивайте, — разрешил пятнашник.

— Допустим, опять война. Почему вы уверены, что мы не используем все эти знания против вас?

— Но прекрасно! — воскликнул пятнашник восторженно. — Мы того и хотим!

— Вы воюете хорошо, — вмешался другой пятнашник. — Однако немножко грубо. В следующий раз научитесь лучше.

— Грубо? — взъярился генерал.

— Слишком резко, сэр. Нет надобности бить по кораблям трах-тарарах...

Снаружи грохнул залп, потом еще и еще, а потом грохот орудий утонул в басовитом, потрясающем скалы реве множества корабельных двигателей.

Генерал в один прыжок очутился у входа и протаранил его насквозь, не удосужившись отогнуть полог. Фуражка слетела у него с головы, и он покачнулся, едва не потеряв равновесия. А задрав голову, увидел, как они приближаются, эскадра за эскадрой, расцвечивая тьму вспышками выхлопов.

— Прекратить огонь! — заорал он. — Безмозглые тупицы, прекратите огонь!

Но кричать не было нужды — пушки умолкли сами по себе.

Корабли приближались к лагерю в безукоризненном походном строю. Затем они пролетели над лагерем, и

гром их двигателей, казалось, приподнял палатки и потряс до основания скалы, где эти палатки стояли. А затем сомкнутыми рядами корабли опять пошли на подъем, все с той же безукоризненной точностью выполняя уставной маневр перед мягкой посадкой.

Генерал замер как вкопанный, ветер ерошил его серо-стальные волосы, и в горле сжимался непрощенный комок — гордость за своих и благодарность к чужим.

Кто-то тронул его за локоть.

— Пленные, — объявил пятнашник. — Я же говорил вам так и так.

Генерал попытался ответить, но слова отказывались повиноваться. Он проглотил комок и предпринял новую попытку.

— Мы ничегошеньки не понимали, — сказал он.

— У вас не было наших берушек, — сказал пятнашник. — Потому вы и воевали столь грубо.

— Мы не виноваты, — ответил генерал. — Мы же не знали. Мы никогда еще не воевали таким манером.

— Мы дадим вам берушки, — заявил пятнашник. — В следующий раз мы с вами сыграем как надо. Будут берушки, у вас получится лучше. Нам легче дать, чем терять.

«Неудивительно, — подумал генерал, — что они и слыхом не слыхивали про перемирия. Неудивительно, что были повержены в недоумение предложением о переговорах и обмене пленными. Какие, в самом деле, переговоры нужны обычно для того, чтобы вам вернули фигуры и пешки, завоеванные в игре?

И неудивительно, что у других инопланетян идея коллективно обрушиться на пятнашников вызвала лишь скорбь и неприязнь...»

— Они вели себя неспортивно, — сказал генерал вслух. — Могли бы предупредить нас. А может, они привыкли к правилам игры с незапамятных времен...

Теперь он понял, почему пятнашники выбрали именно эту планету. На ней хватало места для посадки всем кораблям.

Он стоял и смотрел, как эскадры опускаются на скальный грунт в клубах розового пламени. Попытался пересчитать их, но сбился; хотя он и без счета знал, что Земле вернули все утраченные корабли, все до единого.

— Мы дадим вам берушки, — продолжал пятнашник. — Научим, как обращаться. Управлять просто. Никаких увечий ни людям, ни кораблям.

«А ведь это, — сказал себе генерал, — нечто большее, чем глупая игра. Да и глупая ли, если вдуматься в ее исторические и культурные корни, в философские воззрения, которые сплелись в ней?..» Одно можно утверждать с уверенностью: это много лучше, чем вести настоящие войны.

Впрочем, с берушками всем войнам придет конец. Те мелкие войны, что еще оставались, будут прекращены раз и навсегда. Отныне нет нужды одолевать врага в бою — зачем, если любого врага можно просто забрать? И нет нужды годами терпеть партизанские вылазки на вновь осваиваемых планетах: аборигенов можно забрать и поместить в культурные резервации, а опасную фауну переправить в зоосады.

— Будем еще воевать? — спросил пятнашник с беспокойством.

— Разумеется! — воскликнул генерал. — В любое время, как только пожелаете. А что, мы и вправду такой хороший противник, как вы сказали?

— Не самый ловкий, — отозвался пятнашник с обезоруживающей прямоотой. — Но лучший, какого мы встречали. Играйте больше — станете еще лучше.

Генерал усмехнулся. «Ну в точности сержант и капитан со своими вечными шахматами», — подумал он.

Повернувшись к пятнашнику, он похлопал того по плечу.

— Пошли назад в палатку, — предложил генерал. — Там еще осталось кое-что в кувшине. Зачем же добру пропадать?

ОПЕРАЦИЯ «ВОНЮЧКА»

Я сидел на заднем крыльце своей лачуги, держал в правой руке бутылку, в левой — ружье и поджидал реактивный самолет, как вдруг за углом хижины подозрительно оживились собаки.

Я наспех отхлебнул из бутылки и неловко поднялся на ноги. Схватил метлу и обошел вокруг дома.

По тьяканию я понял, что собаки загнали в угол скунса *, а у скунсов и так от реактивных самолетов поджилки трясутся, нечего им докучать без нужды.

Я перешагнул через изгородь там, где она совсем завалилась, и выглянул из-за угла хижины. Уже смеркалось, но я разглядел, что три собаки кружат у зарослей сирени, а четвертая, судя по треску, продирается прямо через кусты. Я знал, что, если сразу не положу этому конец, через минуту нечем будет дышать — скунс есть скунс.

Я хотел подобраться к собакам незаметно, но то и дело спотыкался о ржавые консервные банки и пустые бутылки и тут же дал себе слово, что утром расчищу

Operation Stinky, 1958

© 1967 Н. Евдокимова, перевод на русский язык

* Скунс — североамериканский пушной зверек, который при нападении на него выделяет зловонную жидкость, вызывающую у человека головокружение и тошноту. (Примеч. пер.)

весь двор. Я и раньше часто собирался, да как-то руки не доходили.

Я поднял такой шум, что все собаки удрали, кроме одной, — та завязла в кустах. Я хорошенько примерился и с удовольствием огрел ее метлой. Надо было видеть, как она оттуда выскочила, — тощая такая собака, шкура на ней обвисла, того и гляди, собака из нее выпрыгнет.

Собака взвыла, зарычала, вылетела, как пробка из бутылки, и метнулась мне прямо под ноги. Я пытался устоять, но наступил на пустую бутылку и постыдно шлепнулся на землю. Я так расшибся, что света Божьего не взвидел, а потом никак не мог прийти в себя и подняться на ноги.

Пока я приходил в себя, из-под сиреневого куста вынырнул скунс и направился прямо ко мне. Я стал отгонять его, но он никак не отгонялся. Он завилял хвостом, словно встретил родную душу, подошел вплотную и с громким мурлыканьем стал о меня тереться.

Я и пальцем не двинул. Даже глазом не моргнул. Рассудил, что если я не шелохнусь, то скунс, может, и отстанет. Вот уже три года у меня под хужиной жили скунсы, и мы с ними отлично ладили, но никогда не были, что называется, на короткой ноге. Я их не трогал, они меня не трогали, и все были довольны.

А этой веселой зверюшке, как видно, втемяшилось в голову, что я ей друг. Может, скунса распирало от благодарности за то, что я отогнал собак.

Он обошел вокруг меня, потыкался мордой, потом вскарабкался ко мне на грудь и заглянул в лицо. И без устали мурлыкал с таким азартом, что весь дрожал.

Так он стоял на задних лапках, упершись мне в грудь передними, заглядывал мне в лицо и мурлыкал — то тихо, то громко, то быстро, то медленно. А сам наострил уши, будто ожидал, что я замурлычу в ответ, и все время дружелюбно вилял хвостом.

В конце концов я протянул руку (очень осторожно) и погладил скунса по голове, а он как будто не возражал. Так мы пролежали довольно долго — я его гладил, а он мурлыкал.

Потом я отважился стряхнуть его с себя.

После двух или трех неудачных попыток я кое-как поднялся с земли и пошел к крыльцу, а скунс тащился за мной по пятам.

Я опять сел на крыльцо, взял бутылку и как следует приложился к ней; это было самое умное, что можно сделать после стольких треволнений. А пока я пил из горлышка, из-за деревьев вынырнул реактивный самолет, свечкой взмыл над моим участком, и все кругом подпрыгнуло на метр-другой.

Я выронил бутылку и схватил ружье, но самолет скрылся из виду, прежде чем я успел взвести курок.

Я отложил ружье и как следует выругался.

Только позавчера я предупреждал полковника — вовсе не в шутку, — что, если реактивный самолет еще раз пролетит так низко над моей хижинкой, я его обстреляю.

— Безобразие, — говорил я полковнику. — Человек строит себе хижину, живет тихо-мирно, ни к кому не пристаёт. Так нет, правительству непременно надо устроить воздушную базу именно в двух милях от его дома. Какой может быть мир и покой, когда чертовы реактивные самолеты чуть не цепляют за дымовую трубу?

Вообще-то полковник разговаривал со мной вежливо. Он напомнил мне, как необходимы нам воздушные базы, как наша жизнь зависит от самолетов, которые там размещены, и как он, полковник, старается наладить маршруты вылетов так, чтобы не тревожить мирное население окрестностей.

Я сказал, что реактивные самолеты вспугивают скунсов, и он не стал смеяться, а даже посочувствовал и вспомнил, как в Техасе еще мальчишкой ставил на скунсов капканы. Я объяснил, что не промышляю ловлей скунсов, что я, можно сказать, живу с ними под одной крышей, что я к ним искренне привязан, но по ночам не сплю и слушаю, как они шныряют взад и вперед под хижинкой, а когда слышу это, то чувствую, что я не одинок, что делю свой кров с другими тварями Божьими.

Но тем не менее он не обещал, что реактивные самолеты больше не будут сновать над моим жильем, и тут-то я пригрозил обстрелять первый же самолет, который увижу у себя над головой. Тогда полковник вытащил из письменного стола какую-то книгу и прочитал мне вслух, что стрельба по воздушным кораблям — дело незаконное. И я ничуть не испугался.

И надо же такому случиться! Я сижу в засаде, мимо проходит реактивный самолет, а я прохлаждаюсь с бутылкой.

Я перестал ругаться, как только вспомнил о бутылке, и тут же услышал бульканье. Она закатилась под крыльцо, я не сразу нашел ее и чуть с ума не сошел, услышав, как она булькает.

Я лег на живот, дотянулся до того места под ступеньками, куда закатилась бутылка, и наконец поднял ее, но она уже добулькалась досуха. Я швырнул ее во двор и, вконец расстроенный, опустился на ступеньки.

Тут из темноты вынырнул скунс, взобрался вверх по ступенькам и уселся рядом со мной. Я протянул руку, погладил его, и он в ответ замурлыкал. Я перестал горевать о бутылке.

— А ты, право, занятный зверь, — сказал я. — Что-то я не слышал, чтобы скунсы мурлыкали.

Так мы посидели с ним, и я рассказал ему обо всех своих неприятностях с реактивными самолетами, как рассказывает животным человек, когда ему не с кем поделиться, а порой и когда есть с кем.

Я его ни капельки не боялся и думал: как здорово, что наконец-то хоть один скунс со мной подружился. Интересно, теперь, когда лед, так сказать, сломан, может, какой-нибудь скунс переселится из подполья ко мне в комнату?

Затем я подумал: теперь будет о чем порассказать ребятам в кабачке. Но тут же понял, что, как бы я ни клялся и ни божился, никто не поверит ни единому моему слову. Вот я и решил прихватить с собой живое доказательство.

Я взял ласкового скунса на руки и сказал:

— Поехали. Надо показать тебя ребятам.

Я налетел на дерево и запутался в старой проволоочной сетке, что валялась во дворе, но кое-как добрался до того места перед домом, где стояла моя старушка Бетси.

Бетси не была ни самой новой, ни самой лучшей машиной в мире, но зато отличалась верностью, о которой любой мужчина может только мечтать. Мы с ней многое пережили вместе и понимали друг друга с

полуслова. У нас было что-то вроде сделки я мыл ее и кормил, а она доставляла меня куда надо и всегда привозила обратно. Ни один разумный человек не станет требовать большего от автомобиля.

Я похлопал Бетси по крылу и поздоровался с ней, уложил скунса на переднее сиденье и залез в машину сам.

Бетси никак не хотела заводиться. Она предпочитала остаться дома. Однако я потолковал с ней по-хорошему наговорил ей всяких ласковых слов, и наконец, дрожа и фыркая, она завелась.

Я включил сцепление и вывел ее на шоссе.

— Только не разгоняйся, — сказал я ей. — Где-то на этом перегоне автоинспекция ловит злостных нарушителей, так что у нас могут быть неприятности.

Бетси медленно и плавно довезла меня до кабачка, я оставил ее на стоянке, взял скунса под мышку и вошел в зал.

За стойкой работал Чарли, а в зале было полно народу — Джонни Эшленд, Скелет Паттерсон, Джек О'Нийл и еще с полдюжины других.

Я опустил скунса на стойку, и он сразу же двинулся к ребятам, как будто ему не терпелось с ними подружиться.

А они как его увидели, так сразу нырнули под табуреты и столы. Чарли схватил бутылку за горлышко и попятился в угол.

— Эйса, — заорал он, — сейчас же убери эту пасть!

— Да ты не волнуйся, — сказал я, — этот клиент не скандальный.

— Скандальный или не скандальный, проваливай отсюда с ним вместе!

— Убери его ко всем чертям! — хором подхватили посетители.

Я на них здорово разозлился. Подумать только, так лезть в бутылку из-за ласкового скунса!

Все же я смекнул, что их не переспоришь, подхватил скунса на руки и отнес к Бетси. Я нашел куль из рогожи, сделал скунсу подстилку и велел сидеть на месте, никуда не отлучаться — мол, скоро вернусь.

Задержался я дольше, чем рассчитывал, потому что пришлось рассказывать все подробности, а ребята задавали каверзные вопросы и сыпали шуточками, но никто

не дал мне заплатить за выпивку — все подносили наперебой.

Выйдя оттуда, я не сразу увидел Бетси, а увидев, не сразу подошел — пришлось с трудом прокладывать к ней курс. Времени на это ушло порядком, но, поворачивая по ветру то на один галс, то на другой, я в конце концов подобрался к ней вплотную.

Я с трудом попал внутрь, потому что дверца открывалась не так, как обычно, а войдя, не мог отыскать ключ. Наконец я все-таки нашел его, но тут же уронил на пол, а когда нагнулся, то растянулся ничком на сиденье. Там было страшно удобно, и я решил, что вставать вовсе глупо. Переночую здесь, и дело с концом!

Пока я лежал, у Бетси завелся мотор. Ха! Бетси надулась и хочет вернуться домой самовольно. Вот какая у меня машина! Ну чем не жена?

Она дала задний ход, развернулась и направилась к шоссе. У самого шоссе остановилась, поглядела, нет ли там движения, и выехала на магистраль, направляясь прямехонько домой.

Я нисколько не тревожился. Знал, что могу положить на Бетси. Мы с ней многое пережили вместе, и она была умницей, хотя прежде никогда не ходила домой самостоятельно.

Лежал я и удивлялся, как она раньше до этого не додумалась.

Нет на свете машины, которая ближе человеку, чем автомобиль. Человек начинает понимать свой автомобиль, а автомобиль приучается понимать человека, и со временем между ними возникает настоящая привязанность. Вот мне и показалось совершенно естественным, что настанет день, когда машине можно будет доверять точно так же, как лошади или собаке, и что хорошая машина должна быть такой же верной и преданной, как собака или лошадь.

Так я размышлял, и настроение у меня было отличное. Бетси тем временем свернула с шоссе на проселок.

Но только мы остановились у моей лачуги, как позади раздался визг тормозов; я услышал, как открылась дверца чужого автомобиля и кто-то выпрыгнул на гравий.

Я попытался встать, но чуть замешкался, и этот кто-то рывком открыл дверцу, просунул руку, сгреб меня за шиворот и выволок из машины.

На неизвестном была форма государственного дорожного инспектора, второй инспектор стоял чуть подале, а рядом с ним торчал полицейский автомобиль с красной мигалкой. Я просто диву дался, как это не заметил, что они за нами гонятся, но тут же вспомнил, что всю дорогу лежал пластом.

— Кто вел машину? — рявкнул тот фараон, что держал меня за шиворот.

Не успел я рта раскрыть, как второй фараон заглянул в Бетси и проворно отскочил шагов на десять.

— Слейд! — взвыл он. — Там внутри скунс!

— Не хочешь ли ты сказать, что скунс сидел за рулем? — осведомился Слейд.

Второй возразил:

— Скунс по крайней мере трезв.

— Оставьте-ка скунса в покое, — сказал я им. — Это мой друг. Он никому не причинил зла.

Я шархнулся в сторону, рука Слейда выпустила мой воротник, и я метнулся к Бетси. Я ударился грудью о сиденье, вцепился в руль и попытался втиснуться внутрь.

Внезапно взревев, Бетси сама завелась, из-под ее колес вылетел гравий и пулеметной очередью ударил в полицейский автомобиль. Бетси устремилась вперед и, пробив изгородь, вырвалась на шоссе. Она со всего размаха врезалась в заросли сирени, я вывалился на ходу, а она понеслась дальше.

Я лежал, увязнув в кустах сирени, и следил, как Бетси выходит на большую дорогу. «Она старалась, как могла, — утешал я сам себя. — Она пыталась выручить меня, и не ее вина, что я не усидел за рулем. А теперь ей надо сматываться. И у нее это, видно, неплохо выходит. А ревет-то как — словно внутри у нее двигатель от линкора».

Инспекторы вскочили в автомобиль и пустились в погоню, а я стал соображать, как бы выпутаться из сирени.

В конце концов я оттуда выбрался, подошел к парадному крыльцу хижины и уселся на ступеньках. Тут вспомнил про изгородь и решил, что чинить ее все равно не стоит — проще пустить на растопку.

За Бетси я не очень беспокоился. Я был уверен, что она не даст себя в обиду

В этом-то я был прав, потому что немного погодя автоинспекторы вернулись и поставили свою машину на подъездной дорожке. Они заметили, что я сижу на ступеньках, и подошли ко мне.

— А где Бетси? — спросил я.

— Бетси? А фамилия? — ответил Слейд вопросом на вопрос.

— Бетси — это машина, — пояснил я.

Слейд выругался.

— Удрала. Идет с незажженными фарами, делает сто миль в час. Я не я, если она ни во что не врежется.

На это я только головой покачал:

— С Бетси ничего такого не случится. Она знает все дороги на пятьдесят миль в окружности.

Слейд решил, что я над ним просто насмехаюсь. Он схватил меня и, встряхнув для острстки, поднял на ноги.

— Ты за это ответишь. — Он толкнул меня к другому инспектору, а тот поймал меня на лету. — Кидай его на заднее сиденье, Эрни, и поехали.

Похоже было, что Эрни не так бесится, как Слейд. Он сказал:

— Сюда, папаша.

Втащив меня в машину, они больше не желали со мной знаться. Я ехал с Эрни на заднем сиденье, а Слейд сидел за рулем. Не проехали мы и мили, как я задремал.

Когда я проснулся, мы как раз въезжали на стоянку у полицейского управления. Я вылез из машины и хотел было пойти сам, но они подхватили меня с двух сторон и поволокли силком.

Мы вошли в помещение вроде кабинета, с письменным столом, стульями и скамьей. За столом сидел какой-то человек.

— Что там у вас? — спросил он.

— Будь я проклят, если сам знаю, — ответил Слейд, злой как черт. — Боюсь, вы нам не поверите, капитан.

Эрни подвел меня к стулу и усадил.

— Пойду принесу тебе кофе, папаша. Нам надо с тобой потолковать. Желательно, чтобы ты протрезвел.

Я подумал, что с его стороны это очень мило.

Я вволю напился кофе, в глазах прояснилось, и все кругом перестало плясать и двоиться — я имею в виду мебель. Хуже было, когда я принялся соображать. То,

что прежде само собой разумелось, теперь показалось очень странным. Например, как это Бетси сама отправилась домой.

В конце концов меня подвели к столу, и капитан засыпал меня вопросами о том, кто я такой, когда родился и где проживаю, но постепенно мы подошли к тому, что было у них на уме.

Я не стал ничего скрывать. Рассказал о реактивных самолетах, о скусках и своем разговоре с полковником. Рассказал о собаках, о ласковом скуссе и о том, как Бетси разобиделась и пошла домой самовольно.

— Скажите-ка лучше, мистер Бейлз, — спросил капитан, — вы не механик? Я знаю, вы говорили, что работаете поденно и перебиваетесь случайным заработком. Но я хочу выяснить, может, вы со своей машиной что-нибудь намудрили?

— Капитан, — ответил я честно, — да я не знаю, с какого конца берутся за гаечный ключ.

— Вы, значит, никогда не работали над своей Бетси?

— Просто ухаживал за ней на совесть.

— А кто-нибудь еще над ней работал?

— Да я бы к ней никого и на пушечный выстрел не подпустил.

— В таком случае не можете ли вы объяснить, как это машина движется сама по себе?

— Нет, сэр. Но ведь Бетси умница..

— Вы точно помните, что не сидели за рулем?

— Конечно, нет. Мне казалось нормальным, что Бетси сама везет меня домой.

Капитан в сердцах швырнул на стол карандаш.

— Сдаюсь!

Он встал из-за стола.

— Пойду сварю еще кофе, — сказал он Слейду — Может быть, у вас лучше получится.

— Еще одно, — обратился Эрни к Слейду, когда капитан хлопнул дверью. — Этот скусс...

— При чем тут скусс?

— Скунсы не виляют хвостом, — заявил Эрни. — И не мурлыкают.

— Этот скусс проделывал и то и другое, — саркастически заметил Слейд. — Это был особенный скусс

Не скунс, а диво — хвост колечком. Кстати, скунс действительно ни при чем. Его только прокатали.

— Не найдется ли у вас рюмашечки, а? — спросил я. Мне было здорово не по себе.

— Конечно, — ответил Эрни. — Он подошел к шкафчику в углу и вынул оттуда бутылку.

Через окно я увидел, как восток начал светлеть. Скоро рассвет.

Зазвонил телефон. Слейд снял трубку.

Эрни подал мне знак, и я подошел к нему, вернее к шкафчику. Эрни вручил мне бутылку.

— Только не увлекайся, папаша, — посоветовал он. — Ты ведь не хочешь снова перебрать, правда?

Я и не увлекался. Высосал стакана полтора, и все.

Слейд заорал:

— Эй!

— Что случилось? — спросил Эрни. Он отнял у меня бутылку — не то чтобы силой, но вроде этого.

— Какой-то фермер обнаружил машину, — сказал Слейд. — Она обстреляла его собаку.

— Она... что собаку? — с запинкой переспросил Эрни.

— Так утверждает этот малый. Он выгнал коров. Было раннее утро. Он собирался на рыбалку и хотел заблаговременно сделать кое-что по хозяйству. В конце узкого тупичка, между тремя изгородами, он увидел машину и решил, что ее здесь бросили.

— А что там насчет стрельбы?

— Вот слушай. Собака подбежала к машине и облаяла ее. И вдруг из машины вырвалась большая искра. Пса сбило с ног. Он встал и давай удирать. Машина пустила вдогонку ему вторую искру. Угодила псу прямо в ногу. Этот малый говорит, что у пса вскочили волдыри.

Слейд взял курс на дверь.

— Ну, вы там, поторапливайтесь!

— Ты нам, может, понадобится, папаша, — сказал Эрни.

Мы выбежали на улицу и прыгнули в машину.

— Где находится эта ферма? — спросил Эрни.

— Западнее воздушной базы, — ответил Слейд.

Фермер поджидал нас на лавочке у ворот скотного двора. Когда Слейд затормозил, он вскочил на ноги.

— Машина еще там, — доложил он. — Я с нее глаз не спускаю. Оттуда никто не выходил.

— А она не может оттуда выбраться другим путем?

— Никак. Крутом леса и поля. Это тупик.

Слейд удовлетворенно хмыкнул. Он отвел полицейскую машину к началу проулка и развернул ее, надежно перегородив проезд.

— Отсюда дойдем на своих двоих, — заявил он.

— Сразу за тем вон поворотом, — показал фермер.

Мы зашли за поворот и увидели, что там стоит Бетси.

— Это моя машина, — сказал я.

— Давайте рассредоточимся, — предложил Слейд. — С нее станется и нас обстрелять.

Он расстегнул кобуру пистолета.

— Не вздумайте палить по моей машине, — предупредил я, но он и бровью не повел.

Мы все четверо рассредоточились и стали подкрадываться к Бетси. Чудно было, что мы ведем себя, будто она нам враг и надо захватить ее врасплох.

Вид у нее был такой же, как всегда, — обыкновенная развалюшка дешевой марки, но очень умная и очень преданная. И я все вспомнил: куда она только меня ни возила, а ведь всегда привозила домой.

И вдруг она нас атаковала. Стояла-то она носом к тупику, и ей пришлось дать задний ход, но это не помешало ей напасть на нас.

Она слегка подпрыгнула и покатила к нам полным ходом, с каждой секундой все увеличивая скорость, и я увидел, что Слейд выхватил пистолет.

Я выскочил на середину проулка и замахал руками. Не доверял я этому Слейду. Я боялся, что, если Бетси не подчинится, он изрешетит ее пулями.

А Бетси и не собиралась останавливаться. Она надвигалась на нас, и притом гораздо быстрее, чем положено такой старой колымаге.

— С дороги, кретин! — завопил Эрни. — Она тебя сшибет!

Я отскочил в сторону, но при этом не больно старался. Я подумал: «Если уж до того дошло, что Бетси хочет сшибить меня, то стоит ли тогда жить на свете?»

Я споткнулся и растянулся ничком, но, падая, заметил, что Бетси оторвалась от земли, точно собиралась

через меня перепрыгнуть. И сразу смекнул, что уж мне-то ничего не угрожает — у Бетси и в мыслях не было нае~~х~~ать на меня.

А Бетси поплыла прямиком в небо; колеса у нее все еще крутились, будто она взбиралась задним ходом на невидимый крутой холм.

Я перевернулся на спину, сел и давай глядеть на нее, а поглядеть было на что, это уж мне поверьте. Она летела точь-в-точь как самолет. Я просто черт знает как гордился ею.

Слейд стоял разинув рот, опустив руку с пистолетом. Ему и в голову не пришло стрелять. Скорее всего, он вообще забыл, что у него есть пистолет.

Бетси взмыла над верхушками деревьев и вся засияла, засверкала под солнцем — двух недель не прошло, с тех пор как я ее драил, — и я подумал, до чего же это здорово, что она научилась летать.

Тут я увидел реактивный самолет и хотел крикнуть Бетси, чтобы побереглась, но во рту у меня пересохло, будто туда квасцов насыпали, — я онемел.

Наверное, все это длилось с секунду, но мне казалось, будто они летят уже целую вечность, — в небе повисла Бетси и повис самолет, и я знал, что катастрофы не миновать.

Потом по всему небу разлетелись куски металла, а реактивный самолет задымился и пошел на посадку влево, в сторону кукурузного поля.

Я сидел посреди дороги — руки-ноги стали прямо ватные — и глаз не сводил с кусков, которые еще недавно были моей Бетси. У меня на душе кошки скребли. Сердце кровью обливалось от такого зрелища.

Обломки машины с грохотом падали на землю, но один кусок спускался не так стремительно, как остальные. Он как бы планировал.

Я все следил за ним и недоумевал, с чего это он планирует, когда остальные куски давно упали, и вдруг заметил, что это крыло машины и что оно болтается вверх-вниз, словно тоже хочет упасть, но кто-то ему мешает.

Крыло спланировало на землю у опушки леса. Оно легко опустилось, покачалось и осело набок. А когда оно оседало, из него что-то выскочило. Это «что-то» встряхнулось и вприпрыжку умчалось в лес.

Ласковый скунс!

К этому времени все металось как угорелые. Эрни бежал к фермерскому дому — звонить на воздушную базу насчет самолета, а Слейд с фермером мчались на кукурузное поле, где самолет пропахал в кукурузе такую межу, что там прошел бы и танковый дивизион.

Я встал и подошел к тому месту, где, как я приметил, упали куски. Кое-что я нашел — фару (даже стекло на ней не разбилось), искореженное и перекрученное колесо, металлическую решетку с радиатора. Я понимал, что все это без толку. Никто уж никогда не соберет Бетси заново.

И вот стоял я с куском хромированного металла в руке и думал о том, как славно мы с Бетси, бывало, проводили время, — как она меня возила в кабачок и терпеливо дожидалась, когда мне захочется домой, и как мы уезжали на рыбалку и вдвоем съедали там походный ужин, и как осенью подавались к северу охотиться на оленей.

Пока я там стоял, с кукурузного поля вернулись Слейд и фермер, а между ними плелся летчик. У него был очумелый вид, ноги подгибались, и он просто висел на своих спутниках. Глаза у него остекленели, язык заплетался.

Дойдя до проулка, они перестали поддерживать летчика, и тот тяжело опустился наземь.

— Какого черта, — только и спросил он, — неужто стали выпускать летающие автомобили?

Никто ему не ответил. Зато Слейд накинудся на меня:

— Эй, папаша! Оставь в покое обломки! Не смей к ним прикасаться!

— У меня есть полное право к ним прикасаться, — возразил я. — Это моя машина.

— Ничего не трогай! Здесь что-то нечисто. Эта рухлядь, возможно, покажет, в чем дело, если к ней никто не сунется раньше времени.

Бросил я решетку от радиатора и вернулся в проулок.

Мы все четверо расселись рядом и стали ждать. Летчик, видимо, пришел в себя. Ему рассекло кожу над лбом, и на лице запеклась кровь, но в общем-то он был целехонек. Даже попросил сигарету, и Слейд дал ему закурить и поднес огонек.

Мы слышали, как в начале проулка Эрнэ задним ходом вывел полицейскую машину из тупичка. Вскоро-сти он подошел к нам.

— Сейчас будут.

Он сел рядом с нами. О том, что произошло, мы и словом не обмолвились. По-моему, все боялись об этом говорить.

Не прошло и четверти часа, как нагрянула вся воздушная база. Сначала появилась санитарная машина; туда погрузили летчика, и она отъехала, вздымая клубы пыли.

Вслед за санитарной машиной подъехали пожарные, за ними — джип с самим полковником. За полковником потянулись другие джипы — и три-четыре грузовика, и все машины были битком набиты солдатами. Мы и глазом моргнуть не успели, как они наводнили всю округу.

Полковник сразу побагровел, — видимо, расстроился. Оно и понятно. Где это видано, чтобы самолет в воздухе налетал на автомобиль?

Громко топая, полковник подошел к Слейду и наорал на него, а Слейд в ответ тоже заорал, и я удивился, с чего это они так взъелись друг на дружку, но оказалось — ничего подобного. Просто такие уж у них голоса, когда они волновались.

Кругом все бегали и суетились и тоже орали, но это продолжалось недолго. Прежде чем полковник и Слейд перестали шуметь, набежало полным-полно солдат и инициатива перешла к военно-воздушным силам.

Окончив разговор со Слейдом, полковник подошел ко мне.

— Итак, машина была ваша, — сказал он таким голосом, будто я во всем виноват.

— Да, моя, и я требую с вас убытки по суду. Машина была первый сорт.

Полковник вперился в меня так, словно хотел убить на месте, и вдруг узнал.

— Постойте-ка, — сказал он. — Это не вы у меня на днях были?

— Точно. Я еще рассказывал вам о своих скунсах. Один из них как раз сидел сейчас в старушке Бетси.

— Валяйте дальше, приятель, — сказал полковник. — До меня что-то тугο доходит. Только не травите.

— Старушка Бетси — это машина, — объяснил я, — и в ней сидел скунс. Когда в нее врезался ваш самолет, скунс приземлился на крыле от машины.

— Вы хотите сказать, что скунс... крыло... что...

— Он вроде бы спланировал, — закончил я.

— Капрал, — обратился полковник к Слейду, — что там у него на счету?

— Да только езда в пьяном виде, — ответил Слейд. — Пустяки.

— Я хотел бы взять его с собой на базу.

— Буду вам очень признателен, — неуверенным голосом ответил Слейд.

— В таком случае пошли, — сказал полковник, и я последовал за ним к джипу.

Мы расположились на заднем сиденье, а машину вел солдат — шпарил как на пожар. Мы с полковником особенно не разговаривали. Мы только зубы стискивали и надеялись, что доберемся живыми. Так, по крайней мере, было со мной.

Там, на базе, полковник сел за свой письменный стол, знаком приказал мне занять кресло. Потом откинулся на спинку стула и давай меня изучать. Счастье, что ничего плохого я не сделал, иначе под его взглядом я бы, пожалуй, не выдержал и раскололся.

— Вы тут много чего наговорили, — начал полковник. — Устраивайтесь поудобнее и расскажите все с самого начала, не пропуская ни единой мелочи.

Я стал рассказывать все как есть и пустился во всякие подробности, чтобы втолковать ему мою точку зрения, а он ничего, не перебивал, только сидел и слушал. Ни разу еще мне не попадался такой хороший слушатель.

Когда я выложил все до конца, он нашарил на столе блокнот и карандаш.

— Давайте-ка зафиксируем основные выводы, — сказал он. — Вы утверждаете, что раньше машина никогда не совершала самовольных действий?

— Насколько я знаю, не совершала, — ответил я как на духу — Но, конечно, она могла тренироваться в мое отсутствие.

— И никогда до сих пор не летала?

Я покачал головой.

— А когда она стала проделывать и то и другое, в ней находился ваш скунс?

— Совершенно верно.

— И вы утверждаете, что после катастрофы скунс спланировал, сидя на крыле машины?

— Крыло перевернулось, а скунс убежал в лес.

— Вам не кажется странным, что крыло планировало, тогда как остальные обломки просто грохнулись оземь?

Я согласился, что это и вправду чудно.

— Теперь о скунсе. Вы утверждаете, что он мурлыкал.

— Еще как! Любо-дорого было слушать!

— И вилял хвостом?

— Прямо как собака.

Полковник отодвинул блокнот и откинулся на спинку стула. Он сложил руки на груди, точно обнял себя за плечи.

— По личному опыту, накопленному в детстве при ловле скунсов в капканы, могу сообщить вам, что скунсы не мурлыкают и никогда не виляют хвостом.

— Я знаю, что у вас на уме, — объявил я, озлившись, — но не так уж я был пьян. Я сделал глоток-другой, чтобы скоротать время, покуда появится самолет. Но видел скунса своими глазами, знаю, что это был именно скунс, и помню, как он мурлыкал. Ласковый был, будто я ему понравился, и он...

— Ну ладно, — сказал полковник. — Ладно.

Сидели мы и смотрели друг на друга. Ни с того ни с сего он ухмыльнулся.

— А знаете, — сказал он, — я вдруг понял, что мне нужен адъютант.

— Желающих нет, — сказал я упрямо. — Вы меня на четверть мили не подтащите к реактивному самолету. Хоть вяжите по рукам и ногам.

— Вольнонаемный адъютант. Триста долларов в месяц и полное обеспечение.

— Всю жизнь мечтал толкаться среди военных.

— И выпивки сколько влезет.

Где надо расписаться? — спросил я.

Вот так-то я и стал адъютантом полковника.

Я подумал, что у него шарики за ролики заехали, и сейчас так думаю. Для него все сложилось бы куда лучше, если бы он тогда же подал в отставку. Но он носился со своей идеей и был из числа тех азартных дураков, что играют ва-банк.

Мы с ним уживались как нельзя лучше, но временами кое в чем расходились. Началось все с дурацкого требования, чтобы я не отлучался с базы. Я устроил скандал, но полковник уперся.

— Ты выйдешь за ворота, распустишь слюни и начнешь трепаться, — твердил он. — А мне надо, чтобы ты прикусил язык и держал его за зубами. Как по-твоему, для чего я тебя взял на службу?

Жилось мне не так уж плохо. Забот и в помине не было. Просто пальцем не шевелил — никакой работы с меня никто не спрашивал. Жратва была сносная, комнату с постелью мне дали, и полковник сдержал слово насчет выпивки.

Несколько суток я полковника вовсе не видел. В один прекрасный день забежал к нему поздороваться. Только я на порог, как входит сержант с пачкой бумаг в руке. И будто сам не свой.

— Вот рапорт о том автомобиле, сэр, — доложил он.

Полковник взял бумаги и перевернул несколько листов.

— Сержант, я ничего не понимаю.

— И я тоже, сэр.

— Ну вот это, например, что? — спросил полковник и ткнул пальцем.

— Вычислительное устройство, сэр.

— В автомобилях не бывает вычислительных устройств.

— Вот именно, сэр, то же и я говорю. Но мы нашли место, где оно было укреплено на моторе.

— Укреплено? Приварено?

— Ну не совсем приварено. Оно вроде бы стало частью мотора. Как будто бы их отлили вместе. Там не было никаких следов сварки.

— А вы уверены, что это вычислительное устройство?

— Так утверждает Коннели, сэр. Он на вычислительных машинах собаку съел. Однако таких он еще не видывал. Он говорит, что это устройство работает по

совершенно иному принципу. И полагает, что он очень толковый. Принцип этот. Он говорит...

— Продолжайте! — гаркнул полковник.

— Он говорит, что по мощности это устройство в тысячу раз превосходит лучшие наши вычислительные машины. Он говорит, будто, даже не обладая буйной фантазией, можно назвать это устройство разумным.

— Что вы понимаете под словом «разумный»?

— Вот Коннели уверяет, что такая штука, возможно, умеет самостоятельно мыслить.

— О Господи! — только и выговорил полковник.

Он посидел с минуту, словно о чем-то задумался. Потом перевернул страницу и ткнул в другое место.

— А это другой блок, сэр, — сказал сержант. — Чертеж блока. Что за блок — не известно.

— Не известно!

— Мы никогда ничего подобного не видели, сэр. Мы понятия не имеем, какое у него назначение. Он был связан с трансмиссией, сэр.

— А это?

— Результаты технического анализа бензина. С бензином что-то странное, сэр. Мы нашли бак, весь искореженный и на себя не похожий, но там еще оставался бензин. Он не...

— С какой стати вам вздумалось делать анализ?

— Да ведь это не бензин, сэр. Это что-то другое. Раньше был бензин, но он изменился, сэр.

— У вас все, сержант?

Сержанту, как я видел, становилось жарко.

— Нет, сэр, есть еще кое-что. В рапорте все изложено, сэр. Нам удалось найти большую часть обломков, сэр. Отсутствует лишь несколько мелких деталей. В настоящее время мы работаем над сборкой.

— Сборкой...

— Может, вернее назвать это склейкой, сэр...

— Машина не будет ходить?

— Навряд ли, сэр. Ее здорово покалечило. Но если бы ее удалось собрать целиком, это был бы лучший автомобиль в мире. Судя по спидометру, машина прошла 80 000 миль, но состояние такое, будто она только вчера с завода. К тому же она сделана из таких сплавов, что мы просто диву даемся.

Сержант помолчал.

— Осмелюсь доложить, сэр, тут дело нечисто.

— Да, да, — сказал полковник. — Вы свободны, сержант. Еще как нечисто!

Сержант повернулся кругом.

— Минуточку, — окликнул его полковник.

— Есть, сэр.

— Мне очень жаль, сержант, но вам и всему подразделению, прикомандированному к машине, не разрешается покидать территорию базы. Я не могу допустить утечки информации. Сообщите своим людям.

— Есть, сэр, — сказал сержант и вежливо козырнул, но вид у него был такой, словно он сейчас полковнику глотку перережет.

Когда сержант вышел, полковник сказал мне.

— Эйса, если ты что-то знаешь и молчишь, а потом это выплывет наружу и я окажусь в дураках, то я сверну твою тощую шею.

— Чтoб мне провалиться, — сказал я.

Он как-то чудно на меня посмотрел.

— Тебе известно, что это за скунс?

Я покачал головой.

— Это вовсе не скунс, — сказал он. — И мы обязаны выяснить, кто же это.

— Но ведь его здесь нет. Он убежал в лес.

— Его можно поймать.

— Это мы-то вдвоем?

— Зачем вдвоем? На базе две тысячи солдат

— Но...

— Ты думаешь, им не очень-то по вкусу ловить скунса?

— Примерно так. Может, они и пойдут в лес, но сделают все, чтобы не найти скунса, ни за что не станут ловить.

— Станут как миленькие, если пообещать вознаграждение. Пять тысяч долларов.

Я посмотрел на него так, словно он окончательно спятил.

— Поверь, — сказал полковник, — он того стоит. Всех этих денег, до последнего цента.

Я же говорю, свихнулся человек.

В облаву на скунса я не пошел. Я знал, как мало шансов найти его. К этому времени он мог выбраться за

пределы штата или залезть в такую нору, где его и днем с огнем не сыщешь.

Да и ни к чему мне были пять тысяч долларов. Я получал хороший оклад и пил вволю.

На другой день я зашел к полковнику покалякать. У него был крупный разговор с военным врачом.

— Вы обязаны отменить приказ! — разорвался костоправ.

— Не могу я его отменить! — орал полковник. — Мне необходимо это животное!

— Вы когда-нибудь видели, чтобы скунсов ловили голыми руками?

— Нет, никогда.

— У меня уже одиннадцать штук, — сказал костоправ. — Больше я не потерплю.

— Капитан, — ответил полковник, — прежде чем все это кончится, у вас будет гораздо больше одиннадцати скунсов.

— Значит, вы не отмените приказ, сэр?

— Нет

— В таком случае я сам прекращу это безобразие!

— Капитан! — свирепо произнес полковник.

— Вы невменяемы, — заявил костоправ. — Никакой военный трибунал..

— Капитан!

Но капитан ничего не ответил. Он повернулся кругом и вышел.

Полковник взглянул на меня.

— Иной раз приходится тяжело, — сказал он.

Я понял, что надо срочно найти этого скунса, иначе полковника смешают с грязью.

— А все-таки я в толк не возьму, — сказал я, — на кой черт вам сдался этот зверь. Обыкновенный скунс, разве что мурлыкать умеет.

Полковник уселся за стол и стиснул голову руками.

— О Господи! — простонал он. — До чего же тупы люди!

— Это-то да, — не отставал я, — но все-таки непонятно..

— Сам посуди, — сказал полковник. — Кто-то копался в твоей машине. Ты утверждаешь, что это не твоя работа. Ты утверждаешь, что не подпустил бы к машине никого другого. Ребята, которые исследовали обломки,

заявляют, что в машине есть такие премудрые устройства, до каких у нас еще никто не додумался.

— Если вы думаете, что этот скунс...

Полковник трахнул кулаком по столу.

— Да какой там скунс! Нечто, похожее на скунса! Нечто, мыслящее в машинах побольше твоего, моего, да и вообще больше, чем будет когда-нибудь смыслить человек!

— Но у него и рук-то нет. Как, по-вашему, мог он сотворить то, что вы думаете?

Но он не успел мне ответить.

С треском распахнулась дверь, и ввалились двое солдат из караулки. Им было не до того, чтобы приветствовать полковника по всей форме.

— Господин полковник, — сказал один из них, переводя дух. — Господин полковник, нашли. Даже не пришлось его ловить. Мы свистнули, и он пошел за нами следом.

За ними, виляя хвостом и мурлыча, вошел скунс. Он сразу подбежал ко мне и стал тереться о мои ноги. Когда я наклонился и взял его на руки, он замурлыкал так громко, что я побоялся, не взорвется ли.

— Он самый? — спросил меня полковник.

— Он и есть, — подтвердил я.

Полковник схватил телефонную трубку.

— Соедините меня с Вашингтоном! Пентагон? Мне нужен генерал Сандерс.

И махнул нам рукой:

— Вон отсюда!

— Но, господин полковник, вознаграждение..

— Получите! А теперь убирайтесь!

Вид у него был, как у человека, которому только сейчас объявили, что его не расстреляют на рассвете.

Мы повернулись через правое плечо и вышли из кабинета.

У двери с винтовками в руках топтались четыре субъекта устрашающего типа, типичные техасские гангстеры.

— Ты на нас не обращай внимания, друг, — сказал мне один из них. — Мы всего-навсего твои телохранители.

Это и вправду были мои телохранители. Ни на шаг от меня не отставали — куда я, туда и они. И с нами ходил

скурс. Поэтому они ко мне и прилипли. Я-то им был до лампочки. Это скунса надо было охранять.

А скунс привязался ко мне — клещами не оторвешь. Он шел за мной по пятам и шмыгал у меня между ботинками, но по большей части ему хотелось, чтобы я таскал его на руках или сажал себе на плечо. И он все время мурлыкал. То ли смекнул, что я ему настоящий друг, то ли считал меня простофилей.

Жить стало трудно. Скунс спал вместе со мной, и в моей комнате ночевали четыре охранника. В отхожее место я шел вместе со скунсом и одним охранником, а остальные трое околачивались поблизости. Я ни на миг не оставался один. Я говорил, что это непорядочно. Я говорил, что это неконституционно. Ничего не помогало. Дется было некуда. Охранников было двенадцать штук, и работали они в три смены, по восемь часов каждая.

Несколько дней я не видел полковника и подумал, что это странно: раньше он себе места не мог найти, пока не заполучит скунса, а теперь ему до скунса и дела нет.

А я тем временем пораскинул умом насчет того, что говорил полковник о скунсе: будто это и не скунс вовсе, а существо, по виду схожее со скунсом, и будто оно знает о чем-то побольше нашего. И чем дольше я об этом думал, тем больше верил в то, что полковник, пожалуй, прав. Но все-таки казалось невероятным, чтобы какая-то безрукая тварь разбиралась в машинах, не говоря уже о том, чтобы мудрить с ними.

Тут я вспомнил, как мы с Бетси всегда понимали друг друга, и, более того, представил себе, что человек и машина сближаются настолько, что могут друг с другом беседовать, и тогда человек, даже безрукий, может помочь машине улучшиться. И хоть, когда говоришь это вслух, получается что-то вроде нелепицы, но в глубине души мне казалось, что так и должно быть, и как-то тепло становилось при мысли о том, что человек и машина могут стать закадычными друзьями.

Если на то пошло, не такая уж это нелепость.

Быть может, говорил я себе, когда я зашел в кабачок и оставил скунса в машине, то скунс оглядел ее и пожалел эту старую колымагу, как мы с вами пожалели бы бездомную кошку или больную собаку. И, может быть, скунс тут же, на месте, решил починить ее, как

умест; с него стало бы и металлом разжиться где-нибудь, где не скоро хватятся, чтобы смастерить вычислитель и все эти хитроумные штучки.

Кто его знает, может, до него не доходило, хоть тресни, как это их не было в машине с самого начала. Может, он считал, что машина без этих штучек вообще не машина. А скорее всего, подумал, что Бетси неисправна.

Охранники прозвали скунса Вонючкой, и это были враки, потому что от него ничуть не пахло — редко я встречал таких спокойных и воспитанных зверей. Я сказал охранникам, что это несправедливо, но они только ржали надо мной, и вскорости об этой кличке прознала вся база, и, куда бы мы ни шли, отовсюду нам кричали: «Эй, Вонючка!» Скунс, как видно, ничего не имел против, и я тоже в мыслях стал звать его Вонючкой.

Так я додумался, что Вонючка мог починить Бетси и зачем он ее чинил. Но одного я никак не уразумел — откуда он вообще взялся? Думал я, думал, но так ничего и не надумал, кроме каких-то глупостей, и даже сам решил, что это уж слишком.

Разок-другой я заходил к полковнику, но сержанты и лейтенанты гнали меня в три шеи, и мы с ним так и не повидались. Я обиделся и решил туда больше не соваться, пока он меня не позовет.

В один прекрасный день он меня позвал. Прихожу я и вижу: у него в кабинете полным-полно важных шишек. Полковник как раз переговаривался с каким-то старым, седым, свирепым старикашкой, у него был нос крючком, зубастая пасть и звезды на погонах.

— Генерал, — обратился к старикашке полковник, — разрешите представить вам ближайшего друга Вонючки.

Генерал подал мне руку. Вонючка помурлыкал ему, сидя на моем плече.

Генерал хорошенько взгляделся в Вонючку.

— Полковник, — сказал он, — от души надеюсь, что вы не заблуждаетесь. В противном случае, если когда-нибудь дойдет до огласки, военно-воздушные силы погибли. Армия и флот будут потешаться над нами

еще десятки лет, да и конгресс нам никогда не простит такого розыгрыша.

Полковник судорожно глотнул:

— Уверяю вас, сэр, я не заблуждаюсь.

— Не знаю, как это я дал себя уговорить, — разворчался генерал. — Более сумасбродный план и представить себе невозможно.

Он еще раз поглядел на Вонючку.

— По-моему, скунс как скунс, — заметил генерал.

Полковник представил меня группе других полковников и куче майоров, а с капитанами, если они там вообще были, возиться не стал, и все жали мне руку, а Вонючка мурлыкал — получалось очень уютно.

Один из полковников подхватил Вонючку на руки, но тот стал отчаянно брыкаться и все рвался ко мне.

Генерал сказал:

— Кажется, он предпочитает именно ваше общество.

— Он мой друг, — объяснил я.

После ленча полковник с генералом зашли за мной и Вонючкой и все мы отправились в ангар. Там навели порядок, и в ангаре стоял только один самолет, из новейших реактивных. Нас поджидала целая толпа — были и военные, но больше всего спецы в гражданской одежде или в грубых бумажных комбинезонах. Некоторые держали в руках инструменты — так я считаю, — хотя я эдаких диковин сроду не видывал. И всюду были понаставлены какие-то аппараты.

— А теперь, Эйса, — сказал полковник, — сядь в этот реактивный самолет вместе с Вонючкой.

— А чего там делать? — спросил я.

— Да просто посиди. Но только ничего не трогай. Иначе ты нам все испортишь.

Мне показалось, что гут дело нечисто, и я заколебался.

— Не бойтесь, — успокоил меня генерал. — Вам ничего не грозит. Входите смелей и усаживайтесь.

Так я и сделал, и получилось вовсе глупо. Я вскарабкался туда, где полагается сидеть пилоту, и уселся в его кресло: ну и местечко! Повсюду торчала всякая чертовщина, какие-то приборы и невиданные штучки. Я не смел шелохнуться, до того боялся их задеть — Бог его знает, что бы могло стрястись.

Вошел я, значит, уселся и некоторое время развлекался тем, что глазел на все эти диковины и гадал, для чего они служат, но почти ни разу не угадал.

В конце концов я осмотрел все в сотый раз и стал ломать себе голову, чем бы еще заняться, а делать было нечего, скущища смертная. Но тут я вспомнил, сколько денег заколачиваю, сколько даровой выпивки получаю, и подумал, что ради всего этого можно просидеть любое кресло.

А Вонючка вообще не обратил ни на что внимания. Он пристроился у меня на коленях и заснул — так мне, во всяком случае, казалось. Он-то себя не утруждал, это уж точно. Лишь время от времени приоткрывал один глаз и поводил ухом, только и всего.

Поначалу я об этом не думал, но, когда посидел там час или около того, до меня вдруг дошло, зачем они затащили нас с Вонючкой в самолет. Они надеются, подумал я, что, если посадят в самолет Вонючку, он и этот самолет пожалеет и проделает с ним такую же штуку, как с Бетси. Но если они так полагают, то наверняка останутся в дураках: ведь Вонючка решительно ничего не стал делать, только свернулся клубочком и заснул.

Мы просидели несколько часов, а потом нам сказали, что можно вылезать.

Тут-то и закрутилась операция «Вонючка». Так они называли всю эту бодягу. Просто умора, каких только названий не выдумает военная авиация!

Это тянулось несколько дней. Утром мы с Вонючкой вставали, несколько часов сидели в самолете, делали перерыв на обед и возвращались еще на несколько часов. Вонючка как будто не возражал. Ему было все равно, где сидеть. Он только и делал, что сворачивался клубочком у меня на коленях и через пять минут уже дремал.

Насколько я мог судить, дело не двигалось ни на шаг, но с каждым днем генерал, полковник и спецы, что наводняли ангар, распалялись все больше и больше. Видно было, что им до смерти охота почесать языки, но они сдерживались.

Очевидно, работа не кончалась и после того, как мы с Вонючкой уходили. Каждый вечер в ангаре горел свет, спецы вкалывали вовсю, а вокруг них охраны было видимо-невидимо.

В один прекрасный день тот реактивный самолет, в котором мы сидели, выкатили из ангара, вместо него поставили другой, и все повторилось снова-здорово. Опять ничего не произошло. Однако атмосфера в этом ангаре до того накалилась, что, казалось, все вот-вот вспыхнет.

Ума не приложу, что там творилось.

Постепенно это состояние напряженности передавалось всей базе, и началось что-то совершенно невероятное. Вам и во сне не снилась воинская часть, которая бы так проворно пошевеливалась. Приехала бригада строителей и давай строить новые корпуса, а как только они были готовы, там разместили какие-то машины. Приезжали все новые и новые люди, и очень скоро база превратилась в растревоженный муравейник.

Однажды я вышел погулять (а охранники тащились рядом) и увидел такое, что аж глаза выпучил. Всю базу обносили четырехметровым забором, увенчанным колючей проволокой. А по эту сторону забора было столько охранников, что они чуть не наступали друг другу на пятки.

Вернулся я с прогулки перепутанный, потому что, судя по всему, меня силком втянули в какое-то чересчур сложное и темное дело.

До сих пор я полагал, что речь идет только о полковнике, который слишком выслуживался перед начальством и теперь никак это не расхлебает. Все время я очень жалел полковника: ведь генерал, судя по его роже, был из тех типов, что позволяют водить себя за нос лишь до поры до времени, а потом раз — и к ногтю.

Примерно в то же время посреди одной из взлетных полос стали рыть огромный котлован. Как-то раз я подошел взглянуть на него и только диву дался. Была хорошая, ровная взлетная полоса, стояла больших денег, а теперь в ней роют яму — не иначе как хотят сделать бассейн для плавания. Я порасспросил кое-кого, но люди, к которым я обращался, то ли сами ничего не знали, то ли знали, да помалкивали.

А мы с Вонючкой все сидели в самолетах. Теперь это был шестой по счету. Но ничего не менялось. Я сидел и скучал до одури, а Вонючка не унывал.

Как-то вечером полковник передал через сержанта, что хочет меня видеть.

Я вошел, сел и посадил Вонючку на письменный стол. Он разлегся на полированной крышке и стал переводить глаза с меня на полковника.

— Эйса, — сказал полковник, — по-моему, все идет хорошо.

— Вы хотите сказать, что добились своего?

— Мы добились неоспоримого преимущества в воздухе. Теперь мы опередили остальные страны на добрый десяток лет, если не на все сто, — в зависимости от того, насколько нам удастся все освоить. Теперь нас никому не догнать.

— Но ведь Вонючка только и делал, что спал!

— Он только и делал, — сказал полковник, — что реконструировал каждый самолет. В ряде случаев он применял совершенно непонятные принципы, но голову даю на отсечение, немного погодя мы их поймем. А в других случаях изменения были так просты и так очевидны, что просто удивительно, как это мы сами до них не додумались.

— Полковник, а кто такой Вонючка?

— Не знаю, — ответил он.

— Вы же что-то подозреваете.

— Безусловно. Но это только подозрение, не более. Мне страшно даже подумать об этом.

— Меня не так-то легко застрашать.

— Ну что ж, в таком случае... Вонючка не похож ни на что земное. Мне кажется, он с другой планеты, а может быть, даже из другой звездной системы. По-моему, он совершил к нам космический перелет. Как и зачем, не имею представления. Возможно, звездолет потерпел аварию, а Вонючка сел в спасательную ракету и прилетел на Землю.

— Но если у него была ракета...

— Мы прочесали каждый квадратный метр на много миль в окружности.

— И ничего не нашли?

— Ничего, — сказал полковник.

Переварить такую идею было трудновато, но я с этим справился. Затем я подумал о другом.

— Полковник, — сказал я, — по вашим словам, Вонючка починил самолеты, и они стали даже лучше новых. Как же он мог это сделать, если у него нет рук и он только спал и ни до чего ни разу не дотронулся?

— А как по-твоему? — спросил полковник. — Я выслушал уйму догадок. Из них только одна не совсем лишена смысла, да и то с натяжкой, — это телекинез.

Ну и словечко!

— А что это значит, полковник?

Этим словечком я собрался ошарашить ребят в кабчке если когда-нибудь попаду туда снова, и я хотел употребить его кстати.

— Передвижение предметов усилием воли, — объяснил полковник.

— Да ведь он ничего не передвигал, — возразил я. — Все новые устройства в Бетси и в самолетах взялись прямо изнутри, никто ничего не вставлял.

— При телекинезе и это возможно.

Я задумчиво покачал головой:

— А мне все иначе мыслится.

— Валяй, — вздохнул полковник. — Послушаем и твою теорию. Не понимаю, с какой стати ты должен быть исключением.

— По-моему, у Вонючки, если можно так выразиться, легкая рука на машины, — сказал я. — Знаете, как у некоторых людей бывает легкая рука на растения, а вот у него...

Полковник одарил меня долгим жестким взглядом из-под нахмуренных бровей, потом медленно склонил голову

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Новые узлы и детали никто не вставлял и не переставлял. Они *наросли*.

— Что-то в этом роде. Может быть, он умеет оживать машины и все улучшает их, отрачивая детали, чтобы машины стали счастливее и повысили свой к.п.д.

— В твоём изложении это звучит глупо, — проворчал полковник, — но вообще-то здесь намного больше смысла, чем во всех прочих рассуждениях. Человек работает с машинами — я говорю о настоящих машинах — всего лишь лет сто, от силы двести. Если поработать с ними десять тысяч или миллион лет, это покажется не таким уж глупым.

Мы долго молчали, уже наступили сумерки, а мы оба все думали, и, наверное, об одном и том же. Думали о черной бездне, лежащей за пределами Земли, и о том, как Вонючка пересекал эту бездну. Пытались представить себе, из какого мира он прибыл, почему расстался

со своим миром и что случилось в черной бездне, что вынудило его искать убежища на Земле.

И оба, наверное, думали о том, какая ирония судьбы занесла его на планету, где он похож на зверька, от которого все норуют держаться подальше.

— Чего я никак не пойму, — нарушил молчание полковник, — так это зачем ему такие хлопоты? Почему он это делает ради нас?

— Он это делает не ради нас, а ради самолетов, — ответил я. — Он их жалеет.

Дверь распахнулась, и, громко топая, вошел генерал. Он торжествовал. В комнате сгустилась тьма, и вряд ли он меня увидел.

— Разрешение получено! — радостно объявил он. — Корабль прибудет завтра. Пентагон не возражает.

— Генерал, — сказал полковник, — мы чересчур торопим события. Пора заложить какие-то основы для понимания самой сути. Мы ухватили то, что лежало на поверхности. Мы использовали этого зверька на всю катушку. Мы получили колоссальную информацию..

— Но не ту, что нам нужна! — рывкнул генерал. — До сих пор мы занимались опытами. А вот информации по А-кораблю у нас нет. Вот что необходимо нам в первую очередь.

— Точно так же нам необходимо понять это существо. Понять, каким образом оно все делает. Если бы с ним можно было побеседовать.

— Побеседовать! — генерал совсем взбесился.

— Да, побеседовать! — не испугался полковник. — Скунс все время мурлыкает. Может быть, это способ общения. Нашедшие его солдаты только свистнули, и он пошел за ними. Это было общение. Будь у нас хоть капля терпения...

— У нас нет времени на такую роскошь, как терпение, полковник.

— Генерал, нельзя же так — просто выжать его досуха. Он сделал для нас очень много. Отплатим же ему хоть чем-нибудь. Ведь он-то проявляет необычайное терпение — ждет, пока мы установим с ним контакт, и надеется, что когда-нибудь мы признаем в нем разумное существо!

Они орали друг на друга, и полковник, должно быть, позабыл о моем присутствии. Мне стало неудобно. Я протянул Вонючке руки, и он прыгнул прямо ко мне. На цыпочках я прокрался через весь кабинет и незаметно вышел.

В ту ночь я лежал в постели, а Вонючка свернулся клубком поверх одеяла у меня в ногах. В комнате сидели четыре охранника, тихие, как настороженные мыши.

Я поразмыслил над тем, что сказал генералу полковник, и сердце мое потянулось к Вонючке. Я вообразил, как было бы ужасно, если бы человека вдруг выкинули в мир скунсов, которым плевать на него, — им интересно разве только то, что он умеет рыть самые глубокие и гладкие норы, какие приходилось видеть скунсам, и делает это быстро. И вот человек должен вырыть столько нор, что скунсам некогда постараться понять этого человека, потолковать с ним или выручить его.

Лежал я, жалел Вонючку и убивался, что ничем не могу ему помочь. Тогда он полез ко мне по одеялу, забрался под простыню, я высвободил руку и крепко прижал его к себе, а он мне тихонько замурлыкал. Так мы с ним и заснули.

На другой день появился А-корабль, последний из трех изготовленных, но все еще экспериментальный. На вид это было просто чудище, и мы стояли на порядочном расстоянии от цепи охранников и смотрели, как он, лихо маневрируя, садится торцом в заполненный водой котлован.

По трапу спустился экипаж корабля — свора наглых юнцов. За ними подъехала моторка.

Наутро мы отправились к кораблю. Я сидел в моторке вместе с генералом и полковником, и, пока лодка качалась у трапа, они опять успели разойтись во мнениях.

— Я по-прежнему считаю, что это рискованно, генерал, — сказал полковник. — Одно дело — баловаться с реактивными самолетами, совершенно другое — атомный корабль. Если Вонючке вздумается мудрить с реактором...

Не разжимая губ, генерал процедил:

— Приходится идти на риск.

Полковник пожал плечами и полез вверх по трапу. Генерал подал мне знак, и я тоже полез, а Вонючка сидел у меня на плече. За нами последовал генерал.

Раньше мы с Вонючкой сидели в самолетах вдвоем, но тут на борту оказалась еще бригада техников. Места хватало, а они ведь только так и могли выяснить, что делает Вонючка в часы своей работы. Как дошло до А-корабля, так им приспичило выяснить все доподлинно.

Я уселся в кресло пилота, Вонючка примостился у меня на коленях. Полковник побыл с нами, но вскоре ушел, и мы остались вдвоем.

Я нервничал. То, что полковник говорил генералу показалось мне дельным. Но день прошел, ничего не случилось, и я стал склоняться к мысли, что полковник ошибся.

Так продолжалось четыре дня, и я притерпелся. Перестал нервничать. На Вонючку можно положиться, твердил я себе. Он ничего не сделает нам во вред.

Техники держались бодро, с генеральской физиономии не сходила улыбка: судя по всему, Вонючка не обманул ничьих надежд.

На пятый день, когда мы плыли к кораблю, полковник сказал:

— Сегодня кончаем.

Я рад был это слышать.

Мы уже совсем было собрались сделать перерыв на обед, как вдруг все началось. Не скажу точно, как это вышло, — но все перемешалось в голове. Будто бы кто-то закричал, но на самом-то деле никто не кричал. Я приподнялся в кресле и снова сел. Кто-то крикнул еще раз.

Я знал, что вот-вот случится что-то страшное. Я это нутром чуял. Я знал, что надо срочно уносить ноги с А-корабля. Меня охватил страх, безотчетный страх. Но сквозь этот страх и наперекор ему я помнил, что мне нельзя уйти. Я должен был остаться — за это мне платили деньги. Я вцепился в ручки кресла и против воли остался.

Вдруг я почувствовал панический ужас и тут уж ничего не мог поделать. Справиться с ним не было сил. Я вскочил с кресла, уронив с колен Вонючку. Добрался до двери, с трудом открыл ее и обернулся назад.

— Вонючка! — позвал я.

Я стал пересекать кабину, чтобы взять его на руки, но на полпути меня снова одолел такой страх, что я повернулся и стрелглав помчался прочь, не разбирая дороги.

Я кубарем скатился по лесенке, а внизу слышался топот и вопли перепуганных людей. Тогда я понял, что мне не померещилось и что я вовсе не трус, — что-то на самом деле было неладно.

Когда я добрался до люка, к нему уже хлынула толпа, и люди, толкаясь, бросились по трапу вниз. С берега выслали моторку. Кто-то прыгнул с трапа в воду и пустился вплавь.

По полю к водному котловану наперегонки шпарили санитарные и пожарные машины, а над строениями, возведенными в честь операции, завывала сирена — истошно, словно кошка, которой наступили на хвост.

Я вгляделся в окружающих. У всех были напряженные, бледные лица, и мне стало ясно, что все напуганы не меньше моего, но я почему-то не перетрусил пуще прежнего, а даже почти успокоился.

А люди все кувыркались вниз по трапу и плюхались в воду, и я твердо знаю, что если бы за ними кто-нибудь следил по хронометру, то были бы побиты все рекорды скоростных заплывов.

Я встал в очередь на выход, опять вспомнил о Вонючке, вышел из очереди и бросился его спасать.

Однако, когда я наполовину поднялся по лесенке, от моей храбрости и следа не осталось и я не рискнул идти дальше. Смешнее всего, что я не могу объяснить, отчего я так струхнул.

Я в числе последних спустился по трапу и втиснулся в моторку, которая была так перегружена, что еле доползла до твердой земли.

Здесь всюду суетился военный врач, требуя, чтобы пловцов немедленно отправили на дезактивацию, повсюду метались и кричали люди, с незаглушенными моторами стояли пожарные машины, и по-прежнему надрывалась сирена.

— Назад! — закричал кто-то. — Бегите! Все назад!

И все мы, конечно, разбежались, как стадо овец, которым явилось привидение.

Тут раздался неопиcуемый рев, и все мы обернулись.

Из котлована медленно поднимался атомный корабль. Под ним кипела и бурлила вода. Корабль взмыл

в воздух плавно, грациозно, без единого толчка или сотрясения. Он взлетел прямо в небо, миг — и его не стало.

Внезапно я понял, что крутом мертвая тишина. Никто не смел пошевелиться. Все затаили дыхание. Только стояли и глаз не сводили с неба. Сирена давно умолкла.

Я почувствовал, как кто-то тронул меня за плечо. Это был генерал.

— А Вонючка? — спросил он.

— Не захотел пойти за мной, — ответил я, чувствуя себя последним подонком. — А вернуться за ним было страшно.

Генерал круто повернулся и взял курс на другой конец поля. Я кинулся за ним, сам не знаю зачем. Он перешел на бег, и я вприпрыжку понесся бок о бок с ним.

Мы ураганом ворвались в оперативный корпус и, перепрыгивая через ступеньки, взлетели по лестнице на станцию слежения.

Генерал рявкнул:

— Засекли?

— Да, сэр, в данный момент мы его ведем.

— Хорошо, — произнес генерал, тяжело дыша. — Прекрасно. Надо сбить его во что бы то ни стало. Сообщите курс.

— Прямо вверх, сэр. Он все еще идет вверх.

— Сколько прошел?

— Около пяти тысяч миль, сэр.

— Не может быть! — взревел генерал. — Он не может летать в космическом пространстве.

Он повернулся и наскочил на меня.

— Прочь с дороги!

Токая, он сбежал вниз по лестнице.

Я спустился вслед за ним, но, выйдя из здания, пошел в другую сторону. Я миновал административный корпус, возле которого стоял полковник. Мне не хотелось останавливаться, но он меня окликнул.

— Хорошо получилось, — сказал полковник.

— Я старался увести его, — стал я оправдываться, — но он ни за что не шел.

— Еще бы. Как по-твоему, что нас вспугнуло?

Я перебрал в уме все как было и нашел только один ответ:

— Вонючка?

— Конечно. Он ждал, пока не завладеет чем-то вроде А-корабля и не переоборудует его для космического рейса. Но сначала ему надо было избавиться от вас, вот он вас и выгнал.

Над этим я тоже поразмыслил.

— Значит, он все-таки сродни скунсу.

— То есть? — покосился на меня полковник.

— Я все не мог смириться с тем, что его называют Вонючкой. Мне казалось, что это несправедливо: никакого запаха — и такое прозвище. Но, как видно, запах у него все-таки был — вы, наверное, сказали бы, что это запах мысли, — и настолько сильный, что все бежали с корабля.

Полковник кивнул:

— Все равно, я рад, что у него получилось.

Он уставился в небо.

— Я тоже, — сказал я.

Правда, я все же обиделся на Вонючку. Мог хотя бы попрощаться. На Земле у него не было друга лучше меня, и то, что он вытурил меня наравне со всеми остальными, казалось просто свинством.

Сейчас мне так не кажется.

Я по-прежнему не знаю, с какого конца берутся за гаечный ключ, но теперь у меня новая машина, купленная на те деньги, что я заработал на воздушной базе. Между прочим, эта машина умеет ездить сама собой, вернее, уметь-то умеет, но ездит только на тихих сельских дорогах. При оживленном уличном движении она начинает дрейфить. Где уж ей до старушки Бетси!

Впрочем, я мог бы исправить дело в два счета. Так я стал думать с тех пор, как моя новая машина перепрыгнула через поваленное дерево, лежащее поперек шоссе. Да, Вонючка оставил мне кое-что на память: я, например, любую машину могу сделать летающей. Только не желаю с этим связываться. Мне вовсе не хочется, чтобы со мной обращались так же, как с Вонючкой.

ЗЕЛЕНый МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

После ленча я вернулся в контору, устроился поудобней, закинув ноги на стол, и принялся усердно думать над тем, как отвадить пса, который растаскивал мусор у меня из бака.

Вот уже несколько месяцев как я воевал с этой животиной, и был готов прибегнуть к крайним мерам.

Я загородил мусорный бак бетонными плитами так, чтобы пес не мог его опрокинуть. Но кобель был здоровый: поднявшись на задние лапы, он вставал на бак и легко выгребал из него мусор. Я уже подумывал: не поставить ли небольшой лисий капкан, чтобы, когда пес сунет морду в бак, ему прищемило нос? Однако если так сделать, то как пить дать в какой-нибудь четверг утром забуду убрать капкан, и вместо собаки в него попадет мусорщик.

Я даже, хотя и не всерьез, подумывал провести к баку электропроводку, чтобы пса стукнуло разок током. Но, во-первых, я не знал, как эта проводка подводится, а потом, если и соображу, то десять шансов против одного, что бедняга не только испугается, он будет просто убит током, а убивать пса мне не хотелось.

Понимаете ли, я люблю всех собак. Это, конечно, не значит, что я должен любить их всех без разбора, не так ли? И если бы вам пришлось каждое утро вновь собирать мусор, то вы бы разозлились на этого остолопа не меньше моего.

Пока я размышлял над тем, нельзя ли в какой-нибудь особо аппетитный кусок выброшенных продуктов подсыпать чего-нибудь такого, от чего пес заболел бы, но не умер, позвонил телефон.

Звонил Пит Скиннер из Экорн-риджа.

— Вы не могли бы сейчас приехать ко мне? — спросил он.

— Мог бы, — ответил я. — Что у вас хорошего?

— Яма на сороковом участке.

— Выгребная?

— Нет. Похоже, что кто-то ее выкопал и всю землю увез.

— Кто бы это мог сделать, Пит?

— Откуда я знаю? Но это еще не все. Возле ямы оставлена куча песка.

— А вы же прекрасно знаете, — заметил Пит, — что на участке нет песчаной почвы. Все, что есть у меня, так это чернозем.

— Хорошо, сейчас приеду, — сказал я и повесил трубку.

Мне, как окружному агенту по развитию сельского хозяйства, приходится выслушивать много всяких вздорных звонков, но этот превзошел все остальные. Чума у свиней, кукурузная совка, черви на плодовых деревьях, рекордные удои молока — все они относились к моей компетенции. Но яма на сороковом участке?! Извините!

Но мне все-таки сдается, что раз Пит позвонил именно нам в контору, а не кому-нибудь другому, то это следует принять как комплимент. Когда ты работаешь окружным агентом пятнадцать лет, то многие фермеры начинают верить в тебя и часть их, подобно Питу, считает, что ты можешь разрешить любое затруднение. А я, признаться, страсть как люблю похвалу, не в пример другим. Чего я не люблю, так это головную боль, которая приходит вместе со всеми затруднениями.

И я поехал к Скиннеру.

Его жена сказала, что он на сороковом участке, так что я направился туда и застал, кроме Пита, еще несколько соседей. Все они разглядывали яму и высказывали массу глупых предположений. Мне никогда до этого не доводилось видеть более озабоченной толпы людей.

Яма — почти идеальный конус — была диаметром не менее семи футов, а в глубину — почти десять, и совсем не походила на яму, которую копали лопатой и киркой: ее стенки были срезаны гладко, как фрезой, однако земля не была примята, как это обязательно случилось бы, будь для этого использована какая-нибудь машина.

Рядом с ямой лежала куча песка. Глядя на нее, я подумал, что если весь этот песок сгрести в яму, то он заполнил бы ее тюtelька в тюtelьку.

Песок был самый белый из всех, какие мне только доводилось видеть: не просто чистый, а абсолютно стерильный — словно его промывали по крупинке.

Я постоял немного, уставившись с другими на яму и кучу песка, страстно желая, чтобы меня осенила какая-нибудь блестящая идея. Но увы, ничего интересного в голову не приходило. Вот яма, а вот песок. Верхний пахотный слой земли был мокрым, и на нем обязательно были бы видны следы колес или чего другого, если бы эти следы были. Но в том-то и дело, что их не было.

Я сказал Питу, что ему, быть может, лучше огородить все вокруг колючей проволокой: вдруг шериф или еще кто-то из штата или университета захочет взглянуть на эту штуку. Пит сказал, что мысль хорошая, и он это сделает немедленно.

Я вернулся на ферму Пита и попросил миссис Скинер дать мне пару банок. Одну из них я наполнил песком, а другую с большими предосторожностями, так чтобы стенки ямы не осыпались, набил почвой из ямы.

Тем временем Пит с двумя соседями нагрузил фургон столбами, мотками колючей проволоки и привез их к яме. Я помог разгрузить фургон, а затем поехал назад в контору.

Там меня уже ожидали три человека. Я передал своей секретарше Милли банки и попросил ее послать их немедленно в почвоведческую лабораторию сельскохозяйственного колледжа штата, после чего занялся приемом граждан.

Было уже далеко за полдень, когда в мой кабинет вошла Милли.

— Вам звонил банкир Стивенс и просил заехать к нему по пути к дому.

— Что от меня нужно этому жирному борову? — спросил я. — Он же не фермер, а денег я у него не занимал.

— У него с цветами случилось что-то страшное, — сказала мне секретарша. — Он прямо убит горем.

По дороге домой я завернул к Стивенсу. Банкир уже ждал меня на улице. Вид у него был ужасный. Он повел меня за дом к большому цветнику, представлявшему печальное зрелище. В саду не осталось ни одного живого цветка. Все они погибли и, увядшие, валялись на грядках.

— Отчего это могло произойти, Джо? — спросил Стивенс так, что его слова и тон, какими они были сказаны, вызвали во мне жалость.

В конце концов, эти цветы многое значили в его жизни. Он выращивал их из особых семян, все время нянчился с ними, и они у него были высший сорт.

— Возможно, их опрыскивали каким-то химикатом, — заметил я.

Обойдя крутом сад, я пристально осмотрел увядшие цветы, но нигде не заметил следов ожогов, обычно оставляемых химикатами.

Затем я увидел маленькие ямки — сперва только две, а затем, осмотрев все вокруг, еще целую дюжину.

Ямки диаметром в дюйм виднелись по всему саду, словно кто-то взял черенок лопаты и понатыкал дыр по всему участку. Опустившись на колени, я увидел, что ямки имели коническую форму — так образуются лунки, когда из грядок выдергивают растения с толстыми корешками.

— Вы что, недавно пропалывали сорняки? — спросил я Стивенса.

— Да, но не такие крупные, — отвечал банкир. — Вы, Джо, знаете, сколько сил и труда я вкладывал в эти цветы: поливал и разрыхлял землю, опрыскивал, вносил точно установленное количество минеральных удобрений в почву...

Я, слушая вполуха и не мешая ему выговориться, тем временем подобрал комочек земли и растер его пальца-

ми. Это была совершенно высушенная земля, она рассыпалась от малейшего прикосновения.

— Вы давно поливали эту грядку? — спросил я.

— Вчера вечером, — ответил Стивенс.

— А когда вы увидели, что ваши цветы погибли?

— Сегодня утром. Вчера вечером они были в хорошем состоянии, а сегодня... — И его глаза быстро заморгали от слез.

Я попросил у него стеклянную банку и наполнил ее почвой.

— Пошлим в лабораторию и посмотрим, что с ней случилось, — сказал я Стивенсу и, распрощавшись, ушел.

По дороге домой я увидел, как свора собак окружила что-то у ограды перед моим домом — собаки, как известно, любят гонять кошек. Я припарковал машину, взял черенок от старой мотыги и вышел на улицу спасти кота, которого собаки, видимо, загнали под изгородь.

При виде меня собаки разбежались, и я стал искать бедного кота под забором. Но там никого не оказалось, так что мое любопытство усилилось, и мне захотелось понять, на кого же тогда собаки накинлись. Итак, я продолжал поиски.

И нашел!

Оно лежало на земле под самыми нижними ветками живой изгороди, словно сползло туда в поисках укрытия.

Я протянул руку и вытащил его наружу: какой-то сорняк футов пять длиной, с очень странной корневой системой: восемь корней, каждый диаметром с дюйм у основания. Корни не перевивались, как обычно у растений, а были похожи на отростки по четыре в ряд на каждой стороне растения. Я осмотрел их внимательно и увидел, что корни не были отломаны, а имели тупые прочные кончики. Стебель у растения внизу был толстой в кулак. От него отходили четыре крупные ветки, покрытые толстыми прочными мясистыми листьями, однако концы ветвей с фут длиной были голыми. На верхушке имелось несколько мясистых завязей стручков. Самый крупный был похож на небольшой кофейник.

Сидя на корточках, я разглядывал растение, но чем больше смотрел, тем сильнее недоумевал. Мне, как окружному агенту по сельскому хозяйству, следует хоть немного знать ботанику, но это растение ни на что из виденного мною прежде не было похоже.

Я перетащил его через лужайку к сараю с инструментами и бросил там, решив заняться им посерьезней завтра утром. Затем направился домой, чтобы организовать ужин: поджарить бифштекс и приготовить тарелку зеленого салата.

Поев и вымыв посуду, я заглянул в справочник по ботанике: нет ли там каких-либо сведений, которые могли бы помочь определить, что это за растение я нашел?

Однако в справочнике ничего такого не оказалось. Перед тем как лечь в кровать, я взял карманный фонарик и вышел во двор, чтобы заглянуть в сарай, возможно, рассчитывая, что сорняк окажется каким-то другим, чем я его помню.

Открыв дверь сарая, я осветил фонариком то место, где бросил растение, но его там не оказалось. В одном из дальних углов слышался шелест листьев, и я направил луч света туда.

Мой сорняк переполз в угол и старался подняться — его ствол, прижавшись к стене сарая, изогнулся так, как человек изгибает спину, когда хочет подняться.

Стоя с раскрытым ртом и глядя, как сорняк старается выпрямиться и встать, я в первый момент оцепенел от ужаса, а затем кинулся в угол сарая и схватил топор.

Если бы тому удалось подняться, я, вероятно, изрубил бы его на куски. Но пока я стоял с топором в руке, я понял, что растение не может встать. И меня ничуть не удивило, когда оно свалилось на пол.

То, что я дальше сделал, было столь же неразумно и выполнено помимо моей воли, как инстинктивное хватание за топор.

Я отыскал старую ванну и наполнил ее водой. Затем подобрал с пола растение, почувствовав при этом, как оно начало извиваться, словно червь, и сунул его корнями в воду. Потом перетащил ванну к стене сарая так, чтобы сорняк мог, держась за стенку, стоять прямо.

Вернувшись в дом, я перерыл два чулана, пока нашел кварцевую лампу, которую купил несколько лет назад, чтобы подлечить свой артрит плечевого сустава. Установив лампу, я направил свет на растение и, набрав полную пригоршню земли, высыпал ее в ванну. Вот и все, что я мог, по своим расчетам, сделать: дал растению воду, питание, искусственный свет. Я боялся, что если придумаю еще что-нибудь, то могу навредить, ибо понятия не имею, в каких условиях оно привыкло расти.

Но, кажется, все было правильно. Растение сразу же ожило, и, пока я суетился, похожий на кофейник стручок на его верхушке поворачивался туда-сюда, следя за каждым моим шагом.

Некоторое время я наблюдал за ним, потом передвинул немного подальше кварцевую лампу, чтобы она не обожгла ему листья, и вернулся в дом.

Вот тут-то я действительно перепугался не на шутку. Я грешным делом испугался еще в сарае, но сейчас был просто потрясен. Перебирая в памяти все заново, я начал понимать более четко, какого рода создание нашел под изгородью. Помнится, я еще не был готов к тому, чтобы сказать об этом вслух, но, по всей вероятности, мой гость был разумным существом с другой планеты.

Каким образом он сюда попал, думалось мне, и не он ли понаделал ямок на цветочных клумбах у банкира Стивенса, и не связано ли все это с ямой на сороковом участке Пита Скиннера?

Я посидел немного в раздумье, ибо не пойдешь ведь так просто шнырять по чужому саду в полночь.

Но должен же я все выяснить!

Темным переулком я прошел на зады усадьбы Стивенса и полез в сад. Прикрыв фонарик шляпой, я еще раз осмотрел лунки на заглубленных цветочных грядках. Меня не слишком удивило, что ямки встречаются группами по восемь штук: четыре на каждой стороне — точно такие же лунки оставило бы растение, находившееся в моем сарае, если его корнями воткнуть в землю.

Вернулся я к себе как раз вовремя, чтобы застать расшвыривающего мусор пса за работой. Он засунул голову прямо в бак, и мне удалось незаметно подкрасться. Учувя меня, он попытался выпрыгнуть из бака, но еще больше застрял в нем. Прежде чем ему удалось выско-

бодиться, я наградил его таким пинком в одно наиболее подходящее место, что, получив соответствующее ускорение, пес, надо полагать, установил новый мировой рекорд скорости среди собак.

Я подошел к сараю и открыл дверь. Ванна, полная мутной воды, оставалась на месте, кварцевая лампа горела по-прежнему, но само растение исчезло. Я оглядел сарай, но нигде его не увидел. Тогда я выдернул из розетки шнур и направился к дому.

Сказать по правде, я почувствовал облегчение от того, что мой гость ушел. Но когда я завернул за угол дома, то увидел, что это не так — растение стояло в оконном цветочном ящике, и листья герани, которую я выращивал всю весну, безжалостно свисали по краям ящика.

Я стоял и смотрел на растение, и у меня было такое ощущение, будто оно также смотрит на меня. И тут я подумал, что ему пришлось не только пройти от сарая до дома, а потом взобраться в цветочный ящик на окне, но надо было еще открыть запертую дверь сарая и запереть ее снова.

Растение стояло твердо и прямо и, как видно, находилось в полном здравии. В цветочном ящике у окна оно выглядело столь же нелепо, как если бы кто-то вырастил там кукурузу, хотя растение ничем не напоминало кукурузный стебель.

Взяв ведро воды и вылив его в цветочный ящик, я вдруг почувствовал, как кто-то хлопнул меня по затылку, и поднял глаза — надо мною склонилось растение и одобрительно хлопало меня одной из веток, мягкий лист на конце которой вытянулся так, что стал похож на кисть руки.

Я зашел в дом и свалился на кровать. Размышляя над случившимся, я главным образом думал о том, что если растение станет мне очень досажать или окажется опасным, то все, что нужно сделать, так это смешать сильную дозу какого-нибудь минерального удобрения, мышьяка или чего-то столь же смертельного и напоить его этой дрянью.

Хотите верьте, хотите нет, но я уснул спокойно.

На следующее утро после завтрака я вышел во двор, чтобы посмотреть на растение и, может быть, запереть его на весь день в гараже, где замки получше, но ни на подоконнике, ни в каком другом месте его не

оказалось. А поскольку день был субботний, когда в город наезжают фермеры, многие из которых наверняка решат заглянуть ко мне в контору, то я поспешил на работу.

Весь день я занимался делами и не имел ни минуты свободного времени, чтобы подумать или поволноваться, но когда занялся упаковкой образцов почвы из сада банкира Стивенса, чтобы послать их на анализ в лабораторию, то мне подумалось: а не следует ли известить кого-нибудь в Вашингтоне о моем растении, но не знал, с кем там связаться и в какое министерство обратиться.

Вернувшись домой, я нашел растение на огороде, где оно стояло на маленькой грядке редиса. Хотя несколько листьев завяли, в остальном все вокруг было в полном порядке. Я бросил добрый взгляд на растение, и оно помахало мне парой своих веток — нет, не думайте, то не ветер их пошевелил, ибо никакого ветра не было, — затем кивнуло своим кофейным стручком, как бы давая понять, что узнало меня.

После ужина я обшарил изгородь перед домом и нашел еще два таких растения, но оба были мертвы. Поскольку мой ближайший сосед ушел в кино, то я осмотрел также и его участок и нашел еще четыре растения в одном из укромных уголков под кустами, куда они заползли, чтобы спокойно умереть.

Я все понял: семь этих растений выбрали цветочные грядки банкира Стивенса себе на завтрак, но минеральные удобрения, которые он применял, погубили их всех, кроме одного. Этот единственный оставшийся из живых пришелец как-то добрался до моего участка.

Я спрашивал себя, почему редис, герань на окне, цветы в саду Стивенса среагировали таким вот образом. Быть может, эти растения-пришельцы вырабатывают какой-то яд, который впрыскивают затем в почву, чтобы другие травы и деревья не могли расти там, где поселились они. Такое предположение не лишено оснований. Ведь есть же на Земле деревья и травы, которые проделывают точно такую же операцию различными способами. Или, возможно, пришельцы высасывают из почвы всю влагу и питательные вещества, так что другим ничего не остается и они погибают от голода?

Если они прибыли с другой планеты, то должны были прилететь на каком-то корабле. Так что яма на сороковом участке у Пита образовалась там, где пришельцы

приземлились, чтобы возобновить запас пищи, оставив рядом с ямой равное количество отходов.

А эти семь, как они очутились здесь? Бросили корабль, спасаясь от опасности, как моряки, терпящие бедствие?

Корабль, наверное, искал пропавших членов экипажа и, не найдя их, улетел. Если это так, тогда мое растение — единственный оставшийся на Земле при шелец. Но, может быть, корабль все еще продолжает поиски?

Я сильно устал, размышляя над всеми этими вопросами, и завалился пораньше спать, однако долго еще лежал без сна, беспокойно ворочаясь. Но в тот самый момент, когда на меня напал сон, услышал, как у мусорного бака опять завозился пес. Думаете, после того, что случилось с ним накануне, он решил избегать мой двор? Не на того напали! Он как ни в чем не бывало гремел и стучал по баку, стараясь опрокинуть его и выпотрошить.

Схватив с кухонной плиты кастрюлю с ручкой, я открыл заднюю дверь и бросил кастрюлей в него, но промахнулся на добрых три метра. Это меня так раздосадовало, что я даже не захотел пойти и подобрать кастрюлю. Я просто вернулся и снова лег спать.

Прошло порядочно времени, когда меня внезапно поднял с постели визг смертельно перепуганной собаки. Я вскочил на ноги и бросился к окну.

В свете луны пес мчался по садовой дорожке так, словно за ним гнались черти. Следом на всех парусах летело растение-гость. Оно схватило одной веткой бедного пса за хвост, а оставшимися тремя надавало ему жару.

Они выскочили на улицу и скрылись из виду, но долго еще в окрестностях раздавался собачий визг. Спустя некоторое время я увидел, как растение ступило на усыпанную гравием дорожку сада и зашагало, словно большое насекомое, на своих восьми корнях.

Свернув с дорожки, растение пристроилось возле куста сирени и, как видно, расположилось на ночь. Если во всем происходящем и нет ничего хорошего, решил я, то, по крайней мере, мусорный бак теперь будет вне опасности — если пес еще раз попробует вернуться, мой гость всегда готов задать ему трепку.

Долго я лежал с открытыми глазами, силясь понять, как это растение догадалось, что я не хочу, чтобы пес

рылся у меня в баке с мусором. Вероятно, оно видело — если это надлежащее слово, — как я гнал разбойника со двора.

Я уснул с приятным чувством, что наконец-то мы с растением начали понимать друг друга.

На следующий день было воскресенье, и я занялся оранжереей, чтобы привести ее в порядок и посадить туда пришельца, который пока что отыскивал для себя на огороде солнечное местечко и притворился большим, особенно неприглядным сорняком, который я поленился раньше выполоть.

Во время работы ко мне подошел сосед, чтобы дать бесплатный совет, а потом долго стоял и мялся, и по всему было видно: ему хочется еще что-то сказать мне, но он не решается.

— Странное дело, — наконец выпалил он, — но моя Дженни клянется, что видела, как какое-то небольшое деревце расхаживает у тебя по двору. Мой мальчишка также видел его и говорит, что оно гналось за ним. — Сосед, смущенно хихикнув, закончил: — Дети есть дети, как ты понимаешь.

— Да, конечно, — подтвердил я.

Постояв еще немного и дав мне пару каких-то советов, сосед ушел к себе.

Меня встревожили его слова. Если растение в самом деле гоняется за детьми, то хлопот не оберешься.

Весь день напролет я работал в оранжерее, но нужно было так много сделать, ибо ею не пользовались почти десять лет, что к вечеру я устал до чертиков.

Поев, я вышел на заднее крыльцо и уселся на ступеньки посмотреть на звезды. Тишь да гладь стояла вокруг.

Не прошло и четверти часа, как до меня донесся шелест листьев. Я оглянулся и увидел растение, которое вышло из сада на своих корнях и подошло ко мне. Оно как будто опустилось со мной на ступеньки, и мы сидели вдвоем и смотрели на звезды.

Немного погодя растение протянуло одну из своих веток и взяло меня под руку своим похожим на ладонь листом.

Я слегка вздрогнул, но оно коснулось меня столь деликатно, что я остался спокойно сидеть, решив, что если уж нам приходится жить вдвоем, то незачем избегать друг друга.

Спустя некоторое время я начал постепенно ощущать, как на меня накатываются волны благодарности, словно растеньице хотело мне сказать «спасибо».

Слова, сами понимаете, не произносились. Растеньице, кроме как шелестеть листьями, других звуков издавать не могло, однако я понял, что существует какая-то система общения без помощи слов, а чувствами — глубокими, чистыми, крайне искренними.

Наконец такое непрерывное излияние благодарности стало несколько смущать меня.

— Ну хватит, хватит, — сказал я, стараясь положить конец этому. — Вы бы то же самое сделали для меня.

Каким-то образом растение, должно быть, почувствовало, что его признательность понята и воспринята, так как чувство благодарности немного ослабло и вместо него возобладало другое — ощущение мира и спокойствия.

Растеньице поднялось и пошло прочь, но я окликнул его:

— Эй, погоди минутку!

Оно, видимо, поняло и вернулось. Я взял его за ветку и повел вдоль границ своего участка, стараясь как можно усердней внушить, чтобы оно не выходило за изгородь.

К концу этой передачи мыслей я был весь мокрый от чрезмерного напряжения. Но в конце концов растение сказало нечто вроде «о'кей!» Тогда я нарисовал в уме картину, как оно гонялось за мальчишкой, и мысленно пригрозил пальцем. Растение согласилось. Затем я попробовал сказать ему, чтобы оно не ходило средь бела дня по двору, когда люди могут увидеть. Не знаю, то ли это наставление было труднее понять, то ли я уже устал, но мы оба выдохлись до конца, прежде чем растеньице показало, что поняло меня. Лежа в кровати, я долго размышлял над проблемой общения. По-видимому, это была не телепатия, но что-то также основанное на мысленных образах и эмоциях. Я уснул, радуясь мысли, что мой дом и сад станут школой для инопланетянина.

На следующий день мне позвонили из почвоведческой лаборатории сельскохозяйственного колледжа.

— Что это за дрянь вы нам прислали? — спросил незнакомый голос.

— Образцы почвы, — ответил я слегка обескураженно. — А чем они вам не нравятся?

— С образцом номер один — полный порядок. Это обычная для округа Бартон почва. А вот образец номер два — песок, причем не простой, а в смеси с блестками золота, серебра и меди. Все частицы, разумеется, очень мелкие. Но если у какого-то фермера в вашем округе такого песка целая шахта, то он может считать себя миллионером.

— Ну, у него этого песка самое большее пять вагонов.

— А где он его взял?

Глубоко вздохнув, я рассказал все, что мне было известно о происшествии на сороковом участке Пита.

Ученый-почвовед сказал, что они сейчас приедут к нам, но прежде чем он повесил трубку, я спросил его насчет третьего образца с участка банкира Стивенса.

— Что он выращивал на этой земле? — спросили меня на другом конце провода озадаченно. — Насколько мы понимаем, она абсолютно истощена. Скажите ему, пусть прежде чем что-нибудь сеять на ней, внесет как можно больше органических удобрений и все необходимое, чтобы земля вновь стала плодородной.

Почвовед приехал на участок Пита вместе с тремя другими учеными из колледжа. Чуть позже, на неделе, после того как газеты под крупными заголовками протрубили на всю страну об этом инциденте, прикатила парочка господ из Вашингтона. Однако они, как видно ничего не могли понять из случившегося, так что в конце концов отчалили обратно. Газеты еще немного пожевали эту тему, но вскоре бросили ее.

За это время масса любопытных посетила ферму Пита, чтобы собственными глазами посмотреть на яму и песок. Они растащили больше половины кучи и довели Пита до бешенства.

— Я решил засыпать эту яму — и дело с концом, — заявил он мне, что и сделал немедленно.

Тем временем в моем доме положение все более улучшалось. Растеньице, кажется, поняло мое предупреждение не выходить со двора, вело себя как и подобает растению днем и оставило детей в покое: пусть играют себе на здоровье на моем дворе, если это им так нравится. Но самым прекрасным было то, что

пес, совершавший набеги на бак с мусором, больше ни разу не показался.

Много раз, пока продолжался ажиотаж вокруг ямы у Пита, мне страсть как хотелось рассказать кому-нибудь из ученых о моем госте, но каждый раз я откладывал, потому что мы с ним мало продвинулись по части преодоления языкового барьера. Правда, в других отношениях мы ладили отлично.

Я предоставил как-то раз пришельцу возможность посмотреть, как разбирается, а затем вновь собирается электромотор, но был не слишком уверен, что он понял что-либо. Я пытался объяснить ему, что такое механическая сила, и показал, как мотор эту силу производит; попробовал рассказать немного об электричестве, электронах и протонах, однако быстро запутался, так как сам очень мало что смыслил во всем этом. Сказать по совести, я не думаю, чтобы растеньице поняло хоть что-либо по части электрических двигателей.

Зато с автомобильным мотором мы добились успеха. Затратив целое воскресенье, мы его разобрали на части, а затем снова собрали. Следя за моими действиями, растеньице, кажется, заинтересовалось мотором всерьез.

День был жарким, а дверь в гараже нам пришлось держать на запоре, и я грешным делом предпочел бы потратить воскресенье на рыбалку, а не на разборку грязного, в мазуте, двигателя. Десятки раз я задавал себе вопрос: «Стоит ли вообще заниматься этим делом и нет ли каких-то более легких методов ознакомления моего гостя с фактами нашей земной жизни?»

Я так устал за воскресенье, что в понедельник утром не расслышал будильника и проснулся на час позже, чем нужно. Быстро натянув на себя рубашку и штаны, я кинулся к гаражу — дверь оказалась открытой, а внутри находилось растеньице. Оно разбросало по всему полу части двигателя и продолжало, радо-радехонько, трудиться над моей автомашиной. Я чуть было не набросился на него с топором, но вовремя сдержался. Заперев дверь гаража, я пошел на работу пешком.

Весь день меня мучил вопрос, каким образом пришелец попал в гараж. Может, он проник туда вчером заранее, когда я отвлекся, или же он умеет открывать замки отмычкой. Я также спрашивал себя, в каком состоянии окажется машина к моему приходу, и уже

ясно представлял, как работаю в гараже допоздна, собирая ее.

Я ушел с работы на час пораньше, решив, что если уж мне нужно возиться с машиной, то лучше начать поскорей.

Придя домой, я увидел, что мотор собран, а пришелец стоит в огороде, изображая собой сорняк. Значит, он умеет открывать замки — ведь я, уходя на работу, гараж запер.

Держа пари с самим собой, что мотор не заведется, я включил зажигание. Однако двигатель заработал вполне нормально. Я проехал по улице, чтобы проверить машину — она оказалась в полном порядке.

Для следующего занятия я постарался найти что-нибудь попроще. Я достал столярный инструмент, показал его моему гостю и дал возможность посмотреть, как я буду делать птичью клетку. Не то чтоб мне очень нужна была такая клетка — в доме их имелось достаточно, — но я предполагал, что так мне будет легче и проще показать, как мы работаем по дереву.

Растение внимательно следило за мной, но, мне показалось, было чем-то недовольно. Положив руку на ветку, я спросил, в чем дело, но в ответ получил утробное молчание.

Я был озадачен. Почему растеньице проявило самый живой интерес при разборке мотора, а тут, когда я стал делать птичью клетку, опечалилось? Я не мог догадаться до тех пор, пока несколько дней спустя мой гость не застал меня за срезанием цветов для моей вазы в столовой.

И тогда он ударил меня.

Растение есть растение, а цветы тоже являются растениями. Да и доски тоже когда-то были растениями. Я стоял в саду с подрагивающим в руке букетом, а пришелец смотрел на меня, и я подумал о всех тех потрясениях, которые его ожидают, когда он получит нас: как мы вырубаем леса, выращиваем растения на корм и одежду, выжимаем из них соки и извлекаем лекарства. Как я понял, растеньице во всем напоминало человека, который попал на другую планету и увидел там, как некоторая форма жизни выращивает людей себе на корм.

Растеньице, казалось, не разозлилось и не убежало от меня в ужасе. Оно просто опечалилось, а когда оно

печалилось, то становилось самым печальным существом, какое вы только можете себе представить. По сравнению с ним пропойца с похмелья выглядит наверняка веселей.

Если мы когда-нибудь доживем до такого момента, когда действительно сможем разговаривать друг с другом (я имею в виду беседы о таких вещах, как мораль, этика, философия), я тогда узнаю, какие чувства испытывает мой гость к нашей потребляющей растения цивилизации. Он наверняка пытался рассказать мне об этом, но я не сумел понять многое из того, на что он намекал.

Как-то раз вечером мы сидели на ступеньках крыльца и глядели на звезды. Еще раньше пришелец показал мне свою родную планету, а может быть, одну из планет, которую он посетил, — не знаю. Все, что я уловил тогда, состояло из каких-то смутных образов. Одно место казалось горячим и красным, другое — холодным и голубым. Было еще одно, третье. Окрашенное во все цвета радуги, оно вызывало в душе спокойное, чуть радостное чувство, словно там веял нежный, прохладный ветерок, журчали фонтаны и в легком сумраке пели птицы.

Мы уже долго сидели на крыльце, когда вдруг мой гость положил свою ветку на мое плечо и мысленно показал какое-то растение. Должно быть, ему приходилось делать значительные усилия, чтобы дать мне его визуальное изображение, ибо картина была четкой и ясной. Растение было тощим и поникшим и выглядело, если такое возможно, еще более печальным и грустным, чем мое, когда оно впадало в печаль. Я проникся жалостью, и тогда мой гость начал думать о доброте, а когда он думает о таких вещах, как доброта и печаль, благодарность и счастье, то прямо изливается ими.

Пришелец вызвал во мне столько возвышенных, благородных мыслей, что я боялся, что меня разорвет на части.

И пока я сидел на крыльце, размышляя об этом, то мысленно увидел, как бедное растение начало понемногу оживать и расти, а потом расцвело и превратилось в самый красивый цветок, который мне только доводилось когда-либо видеть. Семена созрели, и растение рассыпало их. Мгновенно из семян проросли совсем маленькие растения, тоже полные жизни.

Несколько дней я ходил сам не свой под впечатлением виденного, спрашивая себя, уж не схожу ли с ума. Я пробовал избавиться от этого наваждения, но не мог — картина навела меня на одну идею, и единственный способ, каким я мог избавиться от нее, — это проверить ее правильность на практике.

Возле сарая с инструментом росла желтая роза — самая печальная и жалкая из всех роз в городе. Зачем она год за годом цеплялась за жизнь, я не мог понять. Она росла там, когда я еще был мальчишкой. Единственная причина, почему ее давным-давно не выбросили, заключалась в том, что никому не нужен был тот клочок земли, на котором она росла.

Я решил, что если какое-то растение нуждается в моральной помощи, так это желтая роза.

Итак, я тайком, чтобы пришелец меня не заметил, пробрался к сараю и встал перед розой. Я начал думать о ней добрые мысли, хотя одному Богу известно, как трудно думать доброжелательно о таком жалком кустике. Я чувствовал себя дураком и надеялся, что никто из моих соседей не увидит моих упражнений, но продолжал свое. Кажется, на первый раз я достиг немногого, но раз за разом возвращался к розе. Примерно через неделю я дошел до того, что в самом деле полюбил этот цветок.

А еще через четыре дня заметил на ней некоторые перемены. К концу второй недели роза из тощего жалкого кустика превратилась в цветок, который любой любитель роз был бы горд иметь в своем саду. Роза сбросила все изъеденные червями листья и выпустила новые, которые казались такими блестящими, словно их навозили. Затем появились крупные цветочные почки, и вскоре куст весь засиял в желтом ореоле.

Однако я не совсем поверил первому опыту. Где-то в глубине души я подозревал, что пришелец видел мои упражнения и слегка помог мне, и я решил проверить свою теорию еще раз там, где мой гость не мог помешать.

В нашей конторе Милли вот уже два года старалась вырастить африканскую фиалку и к описываемому мною моменту уже готова была признать свое поражение. Я часто отпускал шутки насчет этой фиалки, так что иногда моя секретарша даже дулась на меня. Подобно желтой розе, это было несчастнейшее из растений. Его

поедали насекомые. Милли часто забывала его полить, цветок не раз роняли на пол, а посетители использовали горшок в качестве пепельницы.

Я, естественно, не мог дать фиалке такой интенсивный курс лечения, как розе, но взял за правило ежедневно оставаться на несколько минут возле окна и думать о ней по-доброму. Через пару недель фиалка стала выпрямляться и крепнуть, а к концу месяца расцвела впервые за свою жизнь.

Тем временем курс обучения пришельца продолжался.

Вначале он отказывался входить в дом, но в конце концов достаточно поверил мне, чтобы войти в комнаты. Однако он не любил проводить много времени в закрытом помещении, так как дом был чересчур переполнен напоминанием о том, что наша цивилизация — цивилизация, потребляющая растения. Мебель, одежда, крупы, бумага, даже сам дом — все было сделано из растений. Я достал старую кадку, наполнил ее землей и поставил в углу столовой, но я не помню, чтобы он хоть раз воспользовался ею.

Хотя тогда я и мысли не допускал об этом, но понимал, что все, что мы с пришельцем делаем, — все обречено на провал. Сумел бы кто-то сделать лучше или нет — не знаю. Думаю, что сумел бы. Но лично я не знал, с кем и как начать разговор об этом, так как боялся, что меня высмеют. Ужасно, как мы, люди, боимся показаться смешными.

Кроме того, надо было считаться и с гостем. Что бы он подумал, если бы я вдруг отдал его кому-то? Я не раз подбивал себя на то, чтобы предпринять какие-то конкретные шаги, но тут из сада выходило растение, усаживалось рядом со мной на ступеньки, и мы начинали беседу — ни о чем, по сути, конкретном, а о счастье и горе, о братстве и воле, и моя решимость постепенно улетучивалась.

С тех пор я часто думаю, насколько мы с ним, наверное, походим на двух затерявшихся детей — незнакомых, выросших в разных странах, — которым очень хотелось бы поиграть вместе, но ни один не понимал ни правил игры другого, ни языка.

Знаю, знаю! Вы скажете, что надо было начинать с математики. Вы показываете инопланетянину, что дважды два — четыре. Затем рисуете Солнечную систему и показываете на чертеже Солнце, а затем тычете пальцем на светило в небе и на пол. Таким образом даете ему знать, что вам известно о Солнечной системе, о космосе, о звездах и так далее. Затем вы вручаете ему карандаш и бумагу, чтобы он нарисовал звездную карту родного неба, свою солнечную систему и ту планету откуда он прилетел.

Но что, если он не знает математики? Что, если выражение «два плюс два равно четырем» для него ничего ровным счетом не означает? Что, если он не умеет чертить или видеть, слышать, чувствовать и думать так, как это делаем мы?

Чтобы иметь дело с пришельцами из другого мира надо иметь какую-то первооснову.

Но, может быть, математика не есть такая первооснова?

Чертежи также?

В этом случае надо искать что-то другое.

Ведь должны же быть какие-то определенные, всеобщие, универсальные первоосновы.

Думаю, что я знаю, каковы они.

Если уж ничему другому, то этому растеньице научило меня.

Счастье — вот первооснова. И горе — первооснова. И благодарность, возможно, в чуть меньшей степени. И доброта. И, вероятно, ненависть — хотя мы с моим гостем никогда не имели с ней дела.

Быть может, братство.

Но доброта, счастье и братство — инструменты, не очень удобные в обращении, когда хотят добиться понимания по какому-то конкретному вопросу, хотя в мире растений это может быть не так.

Приближалась осень, и я начал подумывать, как устроиться с моим гостем на зиму. Разумеется, я мог бы его держать в доме, но он не любил бывать в закрытом помещении.

Как-то вечером мы сидели вдвоем на ступеньках заднего крыльца, слушая первых сверчков за сезон.

Корабль спустился бесшумно. Я заметил его только тогда, когда он оказался на уровне деревьев. Он опустился вниз и приземлился как раз между моим домом и сараем.

Я слегка вздрогнул, но не испугался и, кажется, не очень удивился. Где-то в глубине души я все время интересовался: неужели товарищи и собратья растеньица так и не разыщут его в конце концов?

Корабль весь светился мерцающим светом. Из него вышли три растеньица, но странная вещь — ни дверей, ни люков не было, и растеньица как бы вышли из него сквозь стены, и они снова закрылись за ними.

Мое растеньице взяло меня за руку и потянуло слегка за собой, показывая, что хочет войти вместе со мной на корабль. Чтобы успокоить меня, оно начало изливать на меня мирные успокаивающие мысли. И все время, пока это продолжалось, я слушал разговор между моим растеньицем и тремя вновь прибывшими, но улавливал только какие-то неясные обрывки их беседы, едва ли осознавая, что ведется разговор, и, уж конечно, не понимая, о чем они говорят.

Потом мое растеньице встало рядом со мной, а трое сошедших с корабля подошли поближе. Они по очереди брали меня за руку и некоторое время смотрели на меня, благодаря за помощь и желая счастья.

То же самое сказала мое растеньице, а затем они вчетвером направились к кораблю и скрылись в нем.

Я стоял и смотрел, как корабль медленно уходит в ночь, до тех пор пока он не исчез из виду. И чувства благодарности и счастья постепенно меркли во мне, уступая чувству одиночества и печали.

Я понял, что где-то там, наверху, есть большой корабль-матка, что в нем много других растеньиц, одно из которых жило со мной почти полгода, тогда как другие шесть его товарищей умерли под забором по соседству.

Я понял также, что это корабль-матка вычерпала плодородную землю с участка Пита Скиннера.

Наконец я перестал смотреть на небо. За сараем я увидел красоту желтой розы в цвету и опять подумал о первоосновах общения живых существ.

Я хотел знать, уж не используются ли счастье и доброта, а быть может, даже такие чувства, о которых мы, люди, еще не знаем, в мире растений так, как мы используем науки?

Ведь расцвел же розовый куст, когда я стал думать по-доброму о нем. А африканская фиалка? Разве она не обрела новую жизнь в человеческой доброте?

Вам это может показаться удивительной несусразицей, но такой феномен не так уж нов или неизвестен. Есть люди, которые умеют получить с грядки или сада все, что захотят. О таких говорят, что у них дома живет зеленый помощник — мальчик с пальчик.

И, может быть, наличие зеленого помощника, мальчика с пальчик, зависит не столько от умения или трудов, вкладываемых в растения, сколько от доброты и интереса, проявляемого к ним человеком?

В течение многих веков растительная жизнь на нашей планете воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Все было легко и просто. В целом растениям уделялось мало любви. Их сажали или сеяли. Они росли. В должное время с них снимали урожай.

Иногда я спрашивал себя: «А что, когда голод сожмст нашу перенаселенную планету в своих тисках, разве тогда не появится крайняя нужда в раскрытии секрета садоводческого искусства, тайны зеленого мальчика с пальчик?

Если доброта и любовь могут побудить растения производить в несколько раз больше обычной нормы, то неужели мы не возьмем доброту в качестве орудия, с помощью которого можно спасти Землю от голода?

Во сколько раз больше можно получить зерна, если фермер полюбит, скажем, выращиваемую пшеницу?»

Конечно, такой простой принцип вряд ли получит одобрение.

Во всяком случае, он не сработает, не сработает в потребляющем растения обществе.

Ибо как можно сохранить у растения убеждение, что вы его любите и испытываете к нему добрые чувства, когда из года в год доказываете, что ваш единственный интерес к нему сводится к тому, чтобы или съесть его, или сделать из него одежду, срубить на дрова.

Я прошел за сарай и встал возле желтой розы, стараясь найти ответ. Роза разволновалась подобно кра-

сивой женщине, которая знает, что ею восхищаются, однако никаких чувств от нее не исходило.

Благодарность и счастье исчезли, растворились. И ничего не осталось, кроме чувства тоски и одиночества.

Вот собачьи дети эти растительные пришельцы – растравили человека так, что он теперь не может спокойно съесть кашу на завтрак!

НА ЗЕМЛЮ ЗА ВДОХНОВЕНИЕМ

Филберт заблудился. К тому же он был напуган. Это обстоятельство настораживало само по себе, потому что Филберт был роботом, а роботам эмоции неведомы.

Некоторое время Филберт обдумывал создавшееся положение, пытаясь разобраться в своих чувствах. Однако логики в них он так и не усмотрел.

Вокруг простиралась мертвая пустыня — все, что осталось от Старой Земли. Высоко над головой в иссиня-черном небе тускло светило кирпичное Солнце — атмосфера почти исчезла, и звезды сверкали нестерпимо ярким блеском. Хилая растительность, тщетно цепляющаяся за жизнь в мире, где жизни почти не было, казалось, сжималась от страха перед чувством врожденной бесплодности своих усилий.

Филберт вытянул правую ногу — и она скрипнула. Коленный сустав вышел из строя уже много часов назад. В него попал песок — очевидно, когда Филберт упал и повредил плоскость ориентировки. Потому-то он и заблудился. Тремя глазами, расположенными в верхней части головы, Филберт внимательно изучал звезды.

Earth for Inspiration, 1954

© 1971 И Почиталин, перевод на русский язык

— Как жаль, что я ничего не знаю о созвездиях, — произнес он скрипучим от недостатка смазки голосом. — Босс утверждал, что люди пользовались ими для навигации. Впрочем, нет смысла принимать желаемое за действительное.

Ну вот что: если он не найдет масла, ему конец. Только бы вернуться назад, к изуродованному космолету, внутри которого лежало такое же изуродованное человеческое тело. Там для него нашлось бы вдоволь масла. Но он не мог вернуться, потому что не имел представления о месте катастрофы.

Ему оставалось только брести вперед в надежде отыскать затерянный в пустыне космический порт. Раз в месяц пассажирские лайнеры доставляли на Землю паломников и туристов, стремящихся взглянуть на старые храмы и памятные места первой обители человечества. Кто знает, может быть, ему удастся набрести на одно из примитивных племен, все еще живущих на Старой Земле.

Филберт продолжал идти, скрипя правым коленом. Солнце медленно опускалось на западе, и на смену ему вставала Луна — чудовищный, изрытый оспинами мир. Тень Филберта скользила впереди, пересекая вместе с ним выветрившиеся, изъеденные временем горы, горбившиеся дюнами пустыни и белое от солончаков дно моря. Ни души вокруг.

Скрип в колене становился все сильнее. Наконец Филберт остановился, разобрал левый коленный сустав и наскреб из него немного смазки для больного колена. Через несколько дней скрипели уже оба колена. Тогда он разобрал руки, сначала одну, потом другую, и выбрал из них все оставшееся масло. Неважно, что руки выйдут из строя, лишь бы ноги продолжали двигаться!

Но затем заныло бедро, вслед за ним другое, и наконец свело лодыжки. Филберт заставлял себя идти вперед, еле действуя высохшими суставами и с трудом сохраняя равновесие.

Он наткнулся на стоянку, но люди покинули лагерь. Живительный источник иссяк, и в поисках воды племя перекочевало в другое место.

Теперь Филберт уже волочил правую ногу, и страх не покидал его.

— Я схожу с ума, — простонал он. — Меня преследуют видения, а это случается только с людьми. Только с людьми...

Его голосовой аппарат захрипел, задрезжал, связи заклинило. Нога поддомилась, и он пополз. Но когда и руки отказались ему повиноваться, Филберт бессильно распростерся на песке. Струйки песка с шипением ударялись о его металлический корпус.

— Кто-нибудь меня найдет, — прохрипел он.

Но никто его не нашел. Филберт ржавел и с течением времени превратился в развалину. Сначала отказал слух, затем потухли глаза, от металлического корпуса отлетали тускло-рыжие чешуйки. Однако внутри мозговой коробки, герметически закрытой и автоматически смазываемой, мозг Филберта продолжал выполнять свою функцию.

Робот все еще жил, вернее, существовал. Он не мог двигаться, слышать, видеть, говорить — он был всего лишь вместилищем неустанно работающих мыслей. И если продолжительность человеческой жизни составляла примерно десять тысяч лет, то жизнь робота мог оборвать только несчастный случай.

Шли годы. Века постепенно складывались в тысячелетия. А Филберт послушно продолжал думать, решал гигантские проблемы, находил нужный выход из положения при самых разнообразных обстоятельствах. Наконец им овладела мысль о тщете существования.

В полнейшем отчаянии от бездействия, восстав против пыльной логики, Филберт пришел к логическому заключению, которое положило конец — хотя работа и не оставляли дурные предчувствия — самой необходимости в логике: пока он был частицей человечества, логическое мышление было его обязанностью. Теперь же, когда он больше не был связан с Человеком, его логика стала ненужной.

Педант по природе, Филберт никогда не довольствовался полумерами. Поэтому он начал выдумывать невероятные ситуации, сочинял всякого рода приключения и путешествия, принимал на веру сомнительные предпосылки и теории, играл с метафизическими представлениями. Он углублялся в невероятные измерения, разговаривал со странными существами, живущими в неведомых мирах, воевал с чудовищами, рожденными

за пределами времени и пространства, спасал цивилизации, находившиеся на краю неминуемой гибели.

Мчались годы, но Филберт этого не замечал. Для него наступило счастливое время.

Джером Дункан с кислой миной взглянул на очередной отказ из редакции, осторожно взял лист со стола и принялся изучать редакторские каракули.

Неубегительно. Слишком мало науки. Ситуации банальные. Действующие лица нежизненные. Весьма сожалею.

— На сей раз ты превзошел самого себя! — прорычал Дункан, обращаясь к каракулям.

Мягко ступая, в комнату скользнул Дженкинс, робот-камердинер.

— Еще одна, сэр? — спросил он.

От неожиданности Дункан подпрыгнул:

— Дженкинс, что за манера подкрадываться! Ты меня нервидуешь!

— Извините, сэр, — с достоинством промолвил Дженкинс. — Я вовсе не подкрадывался. Я просто заметил, что вам вернули рукопись.

— Ну и что из этого? За последнее время мне вернули массу рукописей.

— Вот именно, сэр, вот именно. Раньше их никогда не возвращали. Вы были автором лучших в Галактике книг. Настоящая классика, сэр, если мне будет позволено заметить. Ваш «Триумф роботов» был удостоен ежегодной премии, сэр, и...

Лицо Дункана просветлело.

— Да, вот это была история! Все роботы засыпали эту старую кислятину-редактора хвалебными отзывами. Конечно, можно было не сомневаться, что роботам понравится повесть. В конце концов, речь там шла о них.

Он печально взглянул на письмо и покачал головой:

— Теперь конец всему этому, Дженкинс. Дункан выходит из игры. А ведь читатели пишут письма, спрашивают обо мне. «Когда же Дункан напишет что-нибудь новое вроде "Триумфа роботов"?» И тем не менее редактор отсылает все мои материалы обратно. Неубедительно, говорит. Мало науки. Действующие лица его не устраивают.

— Могу я высказать свое мнение, сэр?

— Валяй, — вздохнул Дункан. — Высказывай свое мнение.

— Дело вот в чем, сэр, — сказал Дженкинс. — Вы уж меня извините, но вашим произведениям не хватает убедительности.

— Вот как? И что же, по-твоему, я должен с ними сделать?

— Почему бы вам не посетить места, о которых вы пишете? — предложил робот. — Почему бы вам не взять отпуск для поисков местного колорита и вдохновения?

Дункан почесал голову.

— Пожалуй, ты прав, Дженкинс, — признался он. Затем еще раз взглянул на отвергнутую рукопись, перелистал страницы.

— Вот уж на нее-то должен был бы найтись покупатель. Это рассказ о Старой Земле, а они всегда популярны.

Он отшвырнул рукопись и встал.

— Дженкинс, позвони в Галактическое агентство и узнай расписание полетов на Старую Землю.

— Но полеты на Старую Землю были прекращены еще тысячу лет назад, — запротестовал Дженкинс.

— Там находятся храмы, которые люди посещали на протяжении миллионов лет.

— По-видимому, сэр, храмами никто больше не интересуется.

— Вот и хорошо! — рявкнул Дункан. — Марш отсюда и зафрахтуй корабль. Да не забудь собрать походное снаряжение.

— Походное снаряжение, сэр?

— Вот именно. Мы отправляемся на Старую Землю и будем жить в палатке. Там мы впитаем в себя столько местного колорита, что он потечет у нас из ушей!

Дункан злобно уставился на послание редактора.

— Я покажу этому старому...

Звякнул колокольчик службы новостей, и на стенной панели зажегся синий свет. Дункан нажал кнопку, из трубки в стене на письменный стол выпала газета. Он быстро развернул ее и прочитал заголовок, набранный броскими алыми буквами:

ПОХИТИТЕЛИ РОБОТОВ СНОВА ЗА РАБОТОЙ

Дункан с отвращением отбросил газету.

— Они совсем помешались на этих похитителях, — пробормотал он. — Кому нужны несколько роботов! Может, роботы сами разбегаются.

— Но они не могут убежать, сэр, — возразил Дженкинс. — По крайней мере эти роботы не могут. Я был знаком кое с кем из них. Они преданы своим хозяевам.

— В таком случае это очередная газетная кампания, — заявил Дункан. — Пытаются увеличить тиражи.

— Но ведь кража роботов происходит по всей Галактике, сэр, — настаивал Дженкинс. — Газеты пишут, что это похоже на действия организованной шайки. Красть роботов и снова их продавать может оказаться выгодным делом, сэр.

— Если так, — проворчал Дункан, — то скоро их поймают. Еще никому не удавалось долго водить за нос этих сыщиков.

Старый Хэнк Уоллес уставился в небо, бормоча что-то себе под нос.

— Клянусь громом, — вдруг взвизгнул он, — корабль! Наконец-то!

Он проковылял к контрольному посту порта, который размещался в сарае, потянул на себя рычаги, включающие освещение посадочного поля, и вышел наружу, чтобы еще раз взглянуть на корабль. Корабль снизился, мягко коснулся бетона и, прокатившись несколько ярдов, остановился.

Шаркая ногами, Хэнк направился к кораблю. Дыхание со свистом вырывалось из его кислородной маски. Из корабля вышел закутанный в мех человек с маской на лице. За ним спустился робот, нагруженный пакетами.

— Эй там, привет! — крикнул Хэнк. — Добро пожаловать на Старую Землю!

Вновь прибывший посмотрел на него с любопытством:

— Мы не думали, что найдем здесь кого-нибудь.

Хэнк ошетинился:

— А почему бы нет? Это Станция галактического транспорта. Здесь всегда кто-то находится. Обслуживание круглые сутки.

— Но ведь станцию покинули, — недоумевая, сказал Дункан. — Этот маршрут отменили тысячу лет назад.

Старик замолчал, пытаясь усвоить полученную информацию.

— Вы в этом уверены? — немного погодя спросил он. — Вы уверены, что маршрут отменен?

Дункан кивнул.

— Черт побери! — взорвался Хэнк. — Я чувствовал, что что-то стряслось. Думал — вдруг война.

— Дженкинс, — приказал Дункан, — вытаскивай походное снаряжение из корабля, да побыстрее.

— Какая подлость! — не унимался Хэнк. — Какая мерзкая подлость! Заставить человека слоняться здесь тысячу лет в ожидании корабля!

Хэнк и Дункан сидели рядом, откинув стулья назад и упираясь спинами в стенку сарая. За окном на западе садилось Солнце.

— Если вы ищете атмосферу и местный колорит, — сказал Хэнк, — то правильно сделали, что приехали сюда. Некогда здесь была плодородная зеленая земля, колыбель великой цивилизации. При более близком знакомстве с этим местом ощущаешь почти священный трепет. Давным-давно, до того как люди оставили Землю ради Галактики, они называли ее Мать-Земля. Правда, потом в течение многих столетий они возвращались, чтобы полюбоваться храмами.

Он печально покачал головой:

— Но теперь все это забыто. В Истории Старой Земле уделяется всего один-два параграфа: просто упоминается, что там возникло человечество. Я даже слышал однажды, будто Человек произошел совсем не на Земле, а на какой-то другой планете.

— Очевидно, последнюю тысячу лет вам было здесь очень одиноко, — сказал Дункан.

— Ну, не так-то уж и одиноко, — ответил старик. — Сначала у меня был Вильбур, мой робот. Отличный парень. Мы любили сидеть и болтать обо всем на свете. Но затем Вильбур рехнулся, шестеренка соскочила или еще что-то. Начал как-то странно себя вести, и я испугался. Дождался удобного момента и разъединил его. Потом на всякий случай вынул из головы Вильбура мозг. Вот он, лежит на полке. Время от времени я снимаю его и чищу. Вильбур был хорошим роботом.

Снаружи донесся глухой удар, затем что-то с дребезгом покатилося.

— В чем дело? — крикнул Дункан. — Что там происходит?

— Я только что нашел корпус робота, сэр, — донесся голос Дженкинса. — Должно быть, я его опрокинул.

— Ты отлично знаешь, что опрокинул его! — рявкнул Дункан. — Это корпус Вильбура. Сейчас же поставь его на место.

— Слушаю, сэр, — сказал Дженкинс.

— Если вам нужны действующие лица, — продолжал Хэнк, — отправляйтесь к дну бывшего океана, это примерно в пятистах милях отсюда. Там живет племя, одно из последних на Старой Земле. Это те, для кого пожалели места на кораблях, когда человечество покидало Землю. Но то было миллионы лет назад. Сейчас мало кто из них уцелел. Единственное место, где еще остались вода и воздух, — это глубокие впадины на дне океана. В давние времена племена посильнее захватили их и вытеснили тех, кто был слаб.

— А что случилось со слабыми племенами? — спросил Дункан.

— Они вымерли, — ответил Хэнк. — Вы же знаете, без воды и воздуха жить нельзя. Впрочем, они и так живут недолго. Сто лет — их предел, а может, и того меньше. За последнюю тысячу лет, насколько мне известно, у них сменилось двенадцать вождей. Сейчас там верховодит старый гриб, называющий себя «Громовержцем». Ничего, кроме мешка с костями, собой не представляет, да и грома на Земле не слышали по крайней мере пять миллионов лет. Но они обожают звучные имена. Между прочим, знают также массу историй, да таких, что волосы становятся дыбом.

Громовержец яростно пискнул и с трудом приподнялся. Толпа сорванцов с воплями перебрасывала какой-то круглый предмет, который попал ему по ноге. Мальчишки бросились врассыпную и исчезли за углом в облаке пыли. Громовержец со стоном медленно опустился на скамью. Он пошевелил пальцами ног, не сводя с них зачарованного взгляда, явно удивленный тем, что они двигаются.

— Эти проклятые мальчишки сведут меня в могилу, — проворчал он. — Никакого воспитания. Когда бы я был на их месте, папаша всю душу бы из меня вытряс за подобные фокусы.

Дункан подобрал мяч.

— Где они нашли эту штуку, шеф? — спросил он.

— Да где-нибудь в пустыне, — сказал Громовержец. — Мы частенько находим всякий хлам, разбросанный повсюду, особенно там, где некогда были города. Мое племя неплохо зарабатывало на этом. Продавали простофилям-туристам старые вещи.

— Но, шеф, — запротестовал Дункан, — это не просто кусок металлолома. Это мозговая коробка робота.

— Да неужели? — пропищал Громовержец.

— Совершенно точно, — заверил его Дункан. — Посмотрите-ка на серийный номер, вот здесь, внизу. — Он пригляделся к номеру и свистнул от удивления. — Подумать только! Этой коробке около трех миллионов лет! Всего десять цифр. У модели нынешнего года номер состоит из шестнадцати знаков.

Дункан задумчиво подержал коробку в руках.

— А ведь он мог бы поведать нам любопытную историю, — сказал он. — Наверно, провалялся в пустыне очень долго. Все старые модели были проданы на металлолом сотни лет назад. Устарели, за это время добились множества улучшений. Взять хотя бы эмоции. Три миллиона лет назад роботы не знали эмоций. Если бы мы могли подсоединить эту коробку...

— У вас ведь есть робот, — напомнил вождь.

Дункан оценивающе посмотрел на Дженкинса. Дженкинс попятился назад.

— Нет-нет, — заблеял он. — Только не это, сэр! Вы не можете со мной так поступить.

— Это же совсем ненадолго, — убеждал его Дункан.

— Мне это не нравится, — заявил Дженкинс. — Ни чуточки не нравится.

— Дженкинс! — рывкнул Дункан. — Сейчас же подойди ко мне!

Свет острием ножа пронзил мозг Филберта — всепроникающий, неумолимый свет, который смел тысячелетия пустоты. Филберт попытался закрыть глаза, но мозг слишком медленно реагировал на команды. Безжа-

лостный свет резал глаза. Затем до него дошли звуки — пугающие звуки. Но он знал, что они что-то значат.

Наконец заслонки глаз закрылись, и Филберт замер, выжидая, пока его глаза привыкнут к свету. Вскоре он чуть-чуть их приоткрыл. И снова свет отозвался болью, но на сей раз она была не такой острой. Постепенно он приподнял заслонки. В глазах у него двоилось, все растекалось, словно в тумане. Снова слышались какие-то звуки, они разрывали барабанные перепонки. Наконец он отчетливо разобрал слово:

— Встать!

Команда дошла до его сознания. Двигательные центры, медленно и неуверенно, возобновили свою деятельность, и Филберт выпрямился. Он пошатнулся, стараясь сохранить равновесие. Внезапное перемещение его сознания из мира снов в реальный мир было пугающим. Робот сфокусировал глазные линзы. Он увидел деревню. Чуть дальше виднелся крохотный пруд, а еще дальше — ряды голых холмов. Словно уступы гигантской лестницы, поднимались они к черному небу, где висело большое красное Солнце. Перед роботом стояло несколько человек. Один из них был закутан в меха, и на его груди болталась кислородная маска.

— Кто ты? — спросил человек в мехах.

— Я... — начал Филберт и замолчал.

Кто он? Он попытался вспомнить, но его память все еще пребывала в призрачном мире, в котором он жил так долго. Ему вспомнилось одно только слово, один крошечный ключ, и все.

— Я — Филберт, — сказал он наконец.

— Ты знаешь, где находишься? — спросил человек. — Как ты сюда попал? Сколько времени прошло с тех пор, как ты был жив?

— Не знаю, — ответил Филберт.

— Вот видите, — пропищал Громовержец, — он ничего не помнит. Чурбан он и все.

— Нет, — Дункан покачал головой, — просто он провел здесь слишком много времени. Время стерло его память.

Покончив с ужином, племя собралось вокруг костра, где Громовержец принялся рассказывать одну из древних легенд. Это была длинная история, отличавшаяся,

как подозревал Дункан, минимальным уважением к истине. Вождь с вызовом посмотрел на Дункана, как бы подзадоривая его выразить свое недоверие.

— И тогда Ангус схватил пришельца из звездных миров голыми руками и засунул ему в рот его же хвост. Чудовище отчаянно сопротивлялось, пытаясь вырваться, но Ангус не сдавался и пропихивал хвост все дальше. В конце концов ужасная тварь проглотила самое себя!

Племя одобрительно зашептало. Да, это была хорошая история. Неожиданно шепот был прерван хриплым голосом.

— Чепуха! — насмешливо выпалил Филберт. — Барахло, а не история!

Туземцы замерли от удивления, затем заворчали, охваченные внезапной яростью. Громовержец вскочил как ужаленный. Дункан выступил вперед и уже открыл рот для команды, но поднятая рука Громовержца остановила его.

— Может быть, ты, ничтожество, — пропищал вождь, глядя на Филберта в упор, — знаешь истории получше?

— Конечно, знаю, — ответил Филберт. — Более того, история, которую я собираюсь рассказать, — истинная правда. Все это случилось со мной.

Громовержец бросил на него разъяренный взгляд.

— Ну хорошо, — проворчал он, — рассказывай! Для твоей же кожи будет лучше, если история окажется интересной. Помни об этом.

И Филберт заговорил. Сначала туземцы слушали его, храня враждебное выражение лиц, но по мере развития событий робот все больше завладевал их вниманием, ибо лучшей истории им никогда не приходилось слышать.

Некий безумный мир решил завоевать остальную Галактику. Человечество под руководством Филберта (в чем можно было не сомневаться) изобрело синтетического безумца, который и расстроил все планы завоевателей.

Захваченный рассказом, Дункан старался не пропустить ни слова. Вот где настоящая научная фантастика! Да, человека, написавшего такую повесть, по праву сочтут непревзойденным во всей Галактике мастером этого жанра! У него голова шла кругом, и лица сидящих

перед ним людей сливались в одно. Внезапно его осенила мысль, от которой он даже побледнел.

Он, и никто другой, напишет эту повесть!

Между тем Филберт окончил свой рассказ и отступил назад, в глубину круга. Дункан схватил его за руку.

— Филберт! — воскликнул он. — Где ты услышал эту историю?

— Я ее не услышал, — ответил Филберт. — Это произошло со мной.

— Это не могло произойти с тобой, — запротестовал Дункан. — Если бы произошло что-либо подобное, История упоминала бы об этом.

— Но так было в самом деле, — настаивал Филберт. — Я говорю правду.

Дункан внимательно посмотрел на робота.

— Скажи, Филберт, — спросил он, — а ведь с тобой, наверное, случались и другие происшествия?

— Еще бы! — Филберт оживился. — Масса происшествий. Да, я побывал во многих местах и немало сделал. Хотите, расскажу?

— Только не сейчас, — поспешно сказал Дункан. — Пойдем лучше со мной.

Почти силой он вытолкнул робота из круга и направился к кораблю. Вслед им послышался яростный писк вождя:

— Эй, послушай, а ну-ка вернись обратно!

Дункан обернулся. Громовержец, вскочив на ноги, потрясал кулаками.

— Сейчас же верни робота! — кричал он. — Тебе не удастся улизнуть с ним!

— Но это мой робот, — возразил Дункан.

— Верни его немедленно! — завопил старик. — Он наш. Разве не мы нашли его? И мы не позволим тебе увести первого хорошего рассказчика, появившегося у племени за последние пятьсот лет!

— Но, шеф...

— Кому говорят, веди его обратно! Не то мы с тобой живо расправимся.

По выражению лиц туземцев было видно, что небольшая потасовка им явно по душе. Дункан повернулся к Филберту и увидел, что робот поспешно удаляется.

— Эй, ты! — крикнул Дункан, но Филберт только прибавил ходу.

— Эй! — хором завопили туземцы.

Услышав вопль, Филберт помчался быстрее ветра. Он миновал лагерь, пересек равнину и исчез из виду в тени холмов

— А теперь полюбуйте, что вы натворили! — сердито крикнул Дункан. — Вы спугнули его своими воплями.

Громовержец проковылял к Дункану и потряс массивным волосатым кулаком перед его носом.

— Будь ты проклят! — пропищал он. — Я готов разорвать тебя на куски! Пытался улизнуть с нашим рассказчиком! Убирайся, да поживее, пока мы не потрывали тебе руки и ноги.

— Но он такой же ваш, как и мой, — настаивал Дункан. — Не спорю, вы нашли его, но ведь это я дал ему тело своего робота...

— Пришелец, — свирепо произнес Громовержец, — залезай-ка лучше в свою консервную банку и убирайся отсюда!

— Но послушайте, — запротестовал Дункан, — вы не имеете права выгонять меня вот так, за здорово живешь.

— Кто сказал, что мы не имеем права? — проскрипел старик.

Дункан посмотрел на выжидающие, полные затаенной вражды лица туземцев.

— Ваша взяла, — сказал он. — Я и сам не намерен здесь оставаться. Можно было бы и без угроз.

Следы Филберта вели через пустыню. Старый Хэнк пробормотал что-то себе в бороду.

— Вы совсем спятили, Дункан, — немного погодя сказал он. — Вам не удастся поймать робота. Одному Богу известно, где он сейчас. Он может и не остановиться, пока не пересечет полмира.

— Я должен его поймать, — упрямо заявил Дункан. — Неужели вы не понимаете, что он для меня значит? Да ведь этот робот — энциклопедия научно-фантастической литературы! История, которую он сегодня рассказал, превосходит все, что мне когда-либо приходилось слышать. А у него в запасе тьма таких рассказов. Он сам сказал об этом. Должно быть, он придумывал их, лежа в песке. За несколько миллионов лет можно немало придумать, когда у тебя только и

дела, что лежать да шевелить мозгами. Если все это время он думал только о сумасшедших научных идеях, то теперь, верно, пропитан ими насквозь. Самое-то интересное: он думал о них так долго, что начисто позабыл все, что знал, и теперь убежден, будто все его необыкновенные приключения происходили на самом деле. Он не сомневается, что участвовал в них.

— Но, черт побери, — с трудом переводя дыхание, пробормотал Хэнк, — можно было бы гоняться за ним в космическом корабле, а не тонуть в этом дьявольском песке.

— Вы же понимаете, что случится, если мы попытаемся выслеживать его на корабле, — сказал Дункан. — Мы полетим с такой скоростью, что не увидим его следов. А замедлить скорость нельзя, иначе корабль не сумеет преодолеть тяготение.

В этот момент Дженкинс споткнулся о валун и со страшным грохотом и дребезжанием кубарем полетел в песок. Он с трудом поднялся, не переставая ворчать.

— Если Вильбуру приходилось таскать этот корпус, — заявил Дженкинс, — то мне понятно, почему он свихнулся.

— Скажи спасибо, что хоть такой нашелся, — огрызнулся Дункан. — Если бы не он, ты бы так и оставался разьединенным. Такая перспектива тебя устраивает?

— Это ничуть не хуже, чем спотыкаться на каждом шагу в этом сооружении, сэр, — ответил Дженкинс.

— Сначала я опасался, — продолжал Дункан, обращаясь к Хэнку, — что старина Громовержец опередит меня и первым зацапает Филберта, но теперь это нам не грозит. Мы от них далеко. Туземцы не станут забираться вглубь.

— Вам бы тоже не захотелось, сэр, — пробурчал Дженкинс, — если бы вы не нагрузили на меня пару бочек воды. Мне это совсем не нравится. Я камердинер, а не выючная лошадь.

К вечеру Дженкинс, который шел впереди, неожиданно остановился и окликнул идущих за ним. Дункан и Хэнк поспешили к нему. Склонившись, они увидели, что к следам Филберта присоединились следы еще двух роботов. Было видно, что произошла схватка, затем все

три робота направились вперед, через дюны. Старый Хэнк пришел в неопишное волнение.

— Но этого же не может быть! — От ужаса у него тряслись бакенбарды. — На Земле нет роботов, кроме вашего Дженкинса и сумасшедшего Филберта. Правда, был еще Вильбур, но его больше нечего считать.

— Как видите, есть и еще, — сказал Дункан. — Перед нами следы трех роботов; ясно как день, что здесь произошло: два робота сидели в засаде за этими вот валунами, поджидая Филберта. Как только он подошел, они бросились на него. Филберт сначала сопротивлялся, но после короткой схватки они скрутили его и увели с собой.

Они молча глядели на следы.

— Как вы это объясняете? — наконец прошептал Хэнк.

— Я вовсе не собираюсь ничего объяснять, — огрызнулся Дункан. — Я просто пойду по их следам. Все равно Филберт от меня не уйдет, даже если это будет стоить мне жизни. Я заставляю этого старого слюнтяя-редактора выпучить от изумления глаза, когда он станет читать мои рассказы. А они все у Филберта. Так разве я могу позволить ему улизнуть?

— По-моему, вы мелете вздор, — заметил Хэнк с горечью в голосе.

— По-моему, тоже, — согласился Дженкинс и нехотя добавил: — сэр.

Следы вели через лабиринт дюн. Но вот они нырнули в глубокую каменистую расщелину. Расщелина эта становилась все шире, и вскоре глазам путников предстала унылая долина. Некоторое время они шли прямо, затем начались извилистые повороты.

— Мне это место не нравится, — хрипло прошептал Хэнк. — Здесь прямо-таки пахнет опасностью.

Но Дункан, напряженно прислушиваясь, упрямо шел вперед: он сделал очередной резкий поворот и вдруг замер от неожиданности. Остальные двое тоже повернули и столкнулись с ним.

Со дна долины поднимались гигантские машины — могучие буровые установки, экскаваторы, шахтное оборудование. А вокруг них сновали сотни роботов!

— Бежим отсюда! — дрожащим голосом произнес Хэнк.

Осторожно, почти не дыша, они попятились назад. Дженкинс, который не отставал от них, ступил ногой в небольшую выемку и потерял равновесие. Пятисоткилограммовый металлический корпус робота грохнулся о камни с такой силой, что среди узких скал разнеслось громовое эхо.

И тутчас к ним со всех сторон бросились роботы.

— Ну вот, — обреченно сказал Хэнк, — теперь-то нам точно крышка!

Дженкинс, успевший встать на ноги, при виде приближающихся роботов воскликнул:

— Я знаю некоторых из них, сэр! Это те, которых похитили!

— Кто их похитил? — удивленно спросил Хэнк.

— Скоро узнаем, — сказал Дункан упавшим голосом. — Эти похитители — самая удачливая шайка, когда-либо орудовавшая в Галактике. Они крадут роботов отовсюду

— А я в таком виде! — простонал Дженкинс. — Друзья мне этого не простят. Я — и внутри металлолома!

— Заткни свою пасть, — гаркнул Дункан, — и они никогда тебя не узнают! А если ты еще будешь грохаться, я разъединю твой мозг и выброшу его в космос.

— Я же не нарочно, сэр, — сказал Дженкинс. — Этот корпус — самая неуклюжая штука, которую я когда-либо видел. Ничего не могу с ним поделаться. А вот и они!

Перед ними стояла толпа роботов. Один из них вышел вперед и, обращаясь к Дункану, сказал:

— Рады видеть вас. Мы не теряли надежды, что кто-нибудь нас найдет

— Найдет? — спросил Дункан. — Разве вы заблудились?

Робот опустил голову и смущенно затоптался на месте.

— Ну, не то чтобы заблудились. Мы, так сказать, совершили ошибку

— Послушайте, — нетерпеливо начал Дункан. — Я никак не возьму в толк. Разве вы не те роботы, которых похитили бандиты?

— Нет, сэр, — признался робот. — Сказать по правде, никаких похитителей не существует.

— То есть как это не существует?! — взорвался Дункан. — А если похитителей не существует, то чем вы здесь занимаетесь?

— Мы убежали, но это не наша вина. То есть не совсем наша. Дело в том, что один писатель, который пишет научную фантастику...

— Какое отношение имеет писатель, занимающийся научной фантастикой, ко всему этому? — рявкнул Дункан.

— Он написал повесть, — сказал робот. — Имя этого писателя — Джером Дункан...

Дункан что есть силы пнул Дженкинса в голень, тот ойкнул и проглотил слова, готовые сорваться с языка.

— Он написал повесть под названием «Триумф роботов», — продолжал робот. — В ней говорилось о том, как роботы решили создать свою собственную цивилизацию. Человеческая раса им опостылела, они считали, что люди только портят все, за что принимаются. Поэтому они решили, что убегут куда-нибудь, начнут все сначала и создадут свою великую цивилизацию, не повторяя людских ошибок.

Робот подозрительно взглянул на Дункана:

— Уж не думаете ли вы, что я вас дурачу? — спросил он.

— О нет, — ответил Дункан. — Я и сам читал эту повесть. Мне она понравилась.

— И нам тоже, — признался робот. — Очень понравилась. Мы ей поверили. Мы все были словно в лихорадке, нам хотелось поскорее приняться за дело и осуществить то, о чем говорил этот писатель. — Он замолчал и свирепо взглянул на Дункана. — Ну, если бы он нам сейчас попался, этот Дункан! Нам бы только поймать его!

Дункан почувствовал, как сердце у него стремительно юркнуло вниз, но он ничем себя не выдал и голос его звучал по-прежнему ровно.

— Что же случилось? Разве из вашей затеи ничего не вышло?

— Не вышло! — проскрипел робот. — Всей Галактике ясно, что не вышло! Мы втихомолку бежали, несколько роботов зараз, и собирались в заранее условленном месте. Когда нас набралось порядочное количе-

ство, достаточное, чтобы загрузить корабль, мы отправились сюда. Прилетели, выгрузили оборудование и взорвали корабль. Именно так и поступали роботы в книге, чтобы никто, как бы ему ни надоело, не мог улизнуть. Как бы пан или пропал, понимаете?

— Да, теперь я припоминаю книгу, — сказал Дункан. — Мне даже помнится, что роботы прилетели на Старую Землю — считали, что им следует начать с той же планеты, где родилось человечество. Вроде бы для вдохновения.

— Вот именно, — сказал робот. — На бумаге все было великолепно, а на деле оказалось не так гладко. Этот идиот-писатель забыл об одном. Он забыл, что, перед тем как люди оставили Землю, они ободрали ее как липку, выкачали всю нефть, добыли всю руду и вырубали весь лес. Планета стала голой, как бильярдный шар. На ней ничего не осталось. Мы бурили скважины в поисках нефти — ни капли. То же с минералами. Здесь просто не с чем создавать цивилизацию.

Но это еще не все. Весь ужас в том, что еще одна партия роботов собирается на другой заброшенный мир. Мы должны остановить их, потому что им повезет не больше, чем нам. Вот почему мы так рады, что вы нас нашли.

— Но мы искали не вас, — возразил Дункан. — Мы искали робота по имени Филберт.

— Мы поймали вашего Филберта. Его заметили в дюнах и решили, что кто-то из наших пытается улизнуть. Поэтому его схватили, но вы можете поступать с ним, как хотите. Он нам не нужен. Чокнутый какой-то. Чуть было не свел нас с ума баснями о своих подвигах.

— Ладно, — сказал Дункан. — Выводите его.

— Но что будет с нами?

— А что будет с вами?

— Вы ведь возьмете нас обратно, да? Не оставите же вы нас здесь?

— Пожалуй, стоило бы бросить вас — варитесь как знаете в собственном соку, — сказал Дункан.

— Ну что ж, — ответил робот. — В таком случае вы не получите Филберта. Правда, он нам осточертел, но мы разберем его на части и выбросим в пустыню.

— Подождите-ка, — воскликнул Дункан, — вы не имеете права!

— Заберите нас с собой — и Филберт ваш.

— Но у меня нет места! На одном корабле все вы просто не поместитесь!

— Это пусть вас не волнует. Мы разъединим друг друга и оставим свои тела здесь. Тогда вам придется забрать только наш мозг.

— Но послушайте, я не могу на это пойти. Галактическое Бюро Расследований меня арестует. Они-то считают, что вас украла банда, которую они называют «Похитителями роботов». Чего доброго, меня примут за главаря.

— Если это случится, — сказал робот, — мы дадим показания в вашу пользу. Мы расскажем обо всем откровенно и спасем вас. А если вы доставите нас обратно и вас не арестуют, то вы можете заявить, что спасли нас. Мы не будем протестовать. Право же, мистер, мы готовы на что угодно, лишь бы выбраться отсюда.

Дункан задумался. Предложение роботов было ему не по душе, но другого выхода не оставалось.

— Ну так как, — спросил робот, — приниматься за разборку Филберта или вы берете нас с собой?

— Так и быть, — вздохнул Дункан, — тащите сюда Филберта.

Дункан торжествующе помахал новым журналом перед лицом Филберта.

— Ты только посмотри! — ликуя, воскликнул он. — На обложку и так далее. А столбец отзывов читателей набит письмами, расхваливающими последний рассказ. Да, дружище, мы создаем настоящие шедевры!

Филберт зевнул и насмешливо поднял железные брови.

— Мы? — спросил он.

— Конечно, мы... — начал Дункан, замолчал и уничтожающе посмотрел на робота. — Послушай, ты, жестяное чудо, оставь-ка этот высокомерный тон. Ты мне и так изрядно надоел.

— До того как вы нашли меня, вам не удавалось продать ни одного рассказа, — обиженно возразил Филберт, — и вы это знаете. Когда мне предоставят собственную страницу? Когда вы перестанете пожирать все лавры?

Дункан даже подскочил от негодования.

— Сколько можно говорить об этом?! Ведь я хорошо забочусь о тебе, правда? Ты получаешь все, что хочешь. Но писать рассказы буду только я! Я не собираюсь сотрудничать с каким-то роботом. Понял? И точка.

— Ну что ж, — сказал Филберт. — В таком случае вы не получите от меня больше ни одной истории.

— Вот посажу тебя обратно в старый корпус Вильбура, — пригрозил Дункан. — Похромаешь в нем недельку, не так запоешь.

— А если я расскажу вам новую историю, — начал торговаться Филберт, — купите мне тот великолепный корпус, который мы на днях видели в магазине? Не хочу, чтобы девушки считали меня неряхой.

— Но тебе вовсе ни к чему новый корпус! — воскликнул Дункан. — Ведь у тебя их уже добрый десяток!

— Ну хорошо, — сказал Филберт, пуская в ход свой главный козырь. — Я попрошу кого-нибудь разобрать меня и спрятать. Пожалуй, так даже лучше. По крайней мере никто не будет меня отвлекать.

— Ладно, — проворчал Дункан, признавая свое поражение. — Иди купи себе новый корпус. Купи два, если хочешь. Лишь бы ты был доволен.

— Вот это другой разговор, — сказал Филберт. — К тому же вы сэкономите деньги на смазке и чистке этого корпуса, так что нечего ворчать.

БЕСКОНЕЧНЫЕ МИРЫ

ВАН ГОГ КОСМОСА

Планета была столь незначительной и находилась в такой космической глуши, что не имела названия, а только кодовое обозначение и номер, которые определяли ее местонахождение. У деревни же название было, но ни один человек при всем старании не мог произнести его правильно.

Перелет с Земли на эту планету стоил немалых денег. Вернее, не «перелет», а обычное полтирование. Однако, чтобы получить информацию, необходимую для уточнения координат этого полтирования, следовало изрядно раскошелиться: та планета находилась настолько далеко от Земли, что компьютеру нужно было произвести расчеты по высшему разряду — с точностью до одной десятиллионной. В противном случае вы могли материализоваться эдак в миллионе миль от пункта назначения, в неизведанных глубинах космоса; или же, если вы все-таки оказывались неподалеку от намеченной планеты, материализация могла произойти в тысяче миль над ее поверхностью, либо, что еще хуже, под поверхностью, на глубине в двести-триста миль. И то и другое было, естественно, крайне неудобно, а вернее — неизбежно приводило к гибели.

The Spaceman's Van Gogh, 1955

© 1992 С. Васильева, перевод на русский язык

Ни у кого во всей Вселенной, за исключением Энсо-на Лэтропа, не возникало желания посетить эту планету. А Лэтроп должен был побывать на ней, потому что именно там ушел из жизни Рибен Клэй.

Итак, он отвалил солидную пачку купюр за то, чтобы ему помогли постичь нравы и обычаи аборигенов и обучили их языку, и еще мешок банкнотов за вычисление параметров своего полтирования на эту планету, а также обратного — для возвращения оттуда на Землю.

Он появился там около полудня, но материализовался не в самой деревне — для этого было недостаточно даже расчета с точностью до одной десятиллионной, — а, как выяснилось позже, не более чем в двадцати милях от нее и футах в двенадцати над поверхностью планеты.

Он поднялся на ноги, стряхнул с одежды пыль и мысленно поблагодарил свой рюкзак, который уберет его от ушибов при падении.

Поверхность планеты, во всяком случае та ее часть, которая представилась его взору, выглядела довольно-таки уныло. Стоял пасмурный день, и окружавший Лэтропа ландшафт был настолько бесцветным, что трудно было различить границу между линией горизонта и небом. Вокруг него простиралась равнина без единого дерева или холма — только кое-где виднелись чахлые заросли какого-то кустарника.

Он упал неподалеку от тропинки и решил, что ему повезло, поскольку из той информации, которой его напичкали на Земле, следовало, что на этой планете не было никаких дорог, да и протоптанные дорожки попадались весьма редко.

Он подтянул ремни рюкзака, покрепче укрепил его и зашагал по этой тропинке. Пройдя около мили, он увидел изъеденный непогодой столб с указательным знаком, и хотя Лэтроп не был до конца уверен, что разобрался в нацарапанных на дощечке символах, из надписи вроде бы следовало, что он идет не в ту сторону. И он повернул назад, надеясь, что правильно понял текст на дорожном знаке.

Уже смеркалось, когда он добрался до деревни — он прошел в полном одиночестве много миль, не встретив ни души, если не считать какого-то странного свирепого на вид животного, которое, словно ошеломленное появлением незнакомца, поднялось на задние лапы и издало резкий свистящий звук.

Да и в самой деревне он увидел немногим больше.

Как Лэтроп представлял, эта деревня более всего напоминала обиталище стаи степных собак — такие поселения этих животных встречаются на его родной планете, Земле, в западной части Северной Америки.

На окраине деревни он заметил участки возделанной почвы, на них росли какие-то незнакомые ему растения; на некоторых делянках в сгущающихся сумерках копошились маленькие, похожие на гномов фигурки. Когда он окликнул их, они лишь взглянули на него и снова принялись за работу.

Он пошел по единственной в деревне улице, которая была чуть пошире хорошо утоптанной тропы, пытаясь угадать, почему перед лазом в каждую нору, которые тянулись по обе стороны улицы, возвышались холмики земли, извлеченной в процессе рытья. Все эти холмики выглядели почти одинаково, а лазы в норы практически ничем не отличались друг от друга.

То там, то здесь перед этими норами играли крошечные гномики — Лэтроп предположил, что это дети, а когда приблизился к ним, они быстро юркнули в темные лазы и больше не показывались.

Он прошел всю улицу до конца и остановился. Невдалеке перед ним возвышался холм побольше, на котором стояло нечто вроде грубого обелиска, похожего на обрубок копыя, точно указующий перст нацеленного в небо.

Это его несколько удивило, ибо в полученной им на Земле информации не упоминались ни памятники, ни какие бы то ни было культовые сооружения. Однако он сообразил, что в сведениях о такой планете наверняка есть пробелы: не так уж много известно о ней и ее жителях.

Однако почему не допустить, что у этих гномов есть своя религия? На других планетах то и дело прослеживались зачатки верований. В ряде случаев они зарождались на самой планете, а иногда это были пережитки культов, привнесенных извне — с Земли или с каких-нибудь планет других солнечных систем, где некогда процветали могущественные религии.

Он повернулся и зашагал по улице назад. Посреди деревни он остановился. Никто не вышел ему навстречу, и он сел на тропу и стал ждать. Из рюкзака он вытащил пакет с завтраком, поел, напился воды из термоса, который прихватил с Земли, и задумался над тем, почему Рибен Клэй решил провести последние дни своей жизни в таком унылом месте.

Этот вопрос возник у него не потому что в этой планете он усмотрел какое-то несоответствие с личностью Клэя. Напротив. Все здесь выглядело предельно скромно, а Клэй был человек скромный, замкнутый; когда-то его даже прозвали Ван Гогом Космоса. Он жил больше своей внутренней жизнью, чем жизнью Вселенной. Он не искал ни славы, ни оваций, хотя мог претендовать и на то и на другое. Порой даже казалось, что он бежит от них. Всю свою жизнь он производил впечатление человека, который пытается от всех скрыться. Человека, который от чего-то убегает, или, наоборот, — за чем-то гонится, человека ищущего, которому никак не удастся завладеть тем, что он пытается найти. Лэтроп покачал головой: трудно определить, кем на самом деле был Клэй — охотником или преследуемой добычей. Если добычей, то чего он боялся, от чего бежал? А если охотником, то за кем гнался, что искал?

Лэтроп услышал какое-то тихое шарканье и, повернув голову, увидел, что по тропе к нему идет одно из гномоподобных существ. Он понял, что это старик. Поседевший волосяной покров на его теле казался серым, а когда он подошел ближе, Лэтроп разглядел и другие признаки старости: слезящиеся глаза, морщинистую кожу, поникшие кустики бровей, скрюченные пальцы рук.

Существо остановилось перед Лэтропом и заговорило, и тот понял его.

— Да будут зорки ваши глаза, сэр. (Не «сэр», конечно, а самый близкий по смыслу перевод этого слова.)

— Да будет острым ваш слух, — отозвался Лэтроп.

— Крепкого вам сна.

— Приятного вам аппетита, — продолжал Лэтроп.

Когда наконец все добрые пожелания были исчерпаны, гном внимательно оглядел Лэтропа и произнес:

— Вы похожи на того, другого.

— На Клэя, — уточнил Лэтроп.

— Только вы моложе, — сказал гном.

— Моложе, — согласился Лэтроп. — Но ненамного.

— Верно, — вежливо согласился гном, словно желая доставить этим собеседнику удовольствие. — И вы не больной.

— Да, я здоров, — сказал Лэтроп.

— Клэй был больной. Клэй... (Не «умер». Слово скорей переводилось, как «прекратился» или «иссяк» но смысл его был ясен.)

— Я знаю. Я пришел, чтобы поговорить о нем.

— Он жил с нами, — произнес гном. — Мы были рядом с ним, когда он... (Умер?)

А давно ли это произошло? Как спросить «давно ли?» Лэтроп вдруг смешался, осознав, что в языке этих гномов не было слов, подходивших по смыслу для обозначения продолжительности отрезка времени. Глаголы в нем, конечно, употреблялись в настоящем, прошедшем и будущем времени, но не было ни одного слова для измерения протяженности времени или пространства.

— Вы... — (Не было слов, переводимых, как «похоронить» и «могила».) — Вы закопали его в землю? — спросил Лэтроп.

Он почувствовал, что этот вопрос привел гнома в ужас.

— Мы... его.

Съели его? — мучительно соображал Лэтроп. На Земле, да и на некоторых других планетах жили в древности племена, которые поедали своих усопших, воздавая тем самым покойникам высшую почесть.

Но это не было слово «съели».

Тогда что же они сделали с Клэем? Сожгли? Повесили? Куда-то забросили?

Нет. Ни то, ни другое, ни третье.

— Мы... Клэя, — настойчиво повторил гном. — Он так хотел. Мы любили его. Мы не могли сделать для него меньше, чем он просил.

Лэтроп с благодарностью поклонился.

— Этим вы оказали честь и мне тоже.

Гном вроде бы несколько успокоился.

— Клэй был безвредный, — произнес он.

«Безвредный» — не совсем точный перевод. Быть может, «мягкий». «Не жесткий». Да еще «слегка чокнутый». Естественно, что из-за психологической несовместимости, недопонимания любой пришелец не может не показаться аборигенам «слегка чокнутым».

Словно прочтя его мысли, гном проговорил:

— Мы не понимали его. У него были какие-то вещи, и он называл их «кистекраски». Он делал ими полоски. Полоски?

Кистекраски? Ну, конечно же, — кисти и краски.

Полоски? И это понятно — ведь местные жители видели все в одном цвете. Для них живопись Клэя, вероятно, была лишь совокупностью «полосок».

— Он их делал здесь, у вас?

— Да. Здесь.

— Интересно! А можно мне взглянуть на эти полоски?

— Можно, — сказал гном. — Пойдемте со мной, и вы их увидите.

Они перешли улицу и приблизились к лазу в одну из нор. Согнувшись, Лэтроп стал спускаться вслед за гномом по узкому туннелю. Когда они прошли футов десять-двенадцать, туннель расширился, и они очутились в комнате — некоем подобии вырытой в земле пещеры.

В этой пещере было относительно светло. Но свет был неяркий, слабый — его испускали небольшие кучки какого-то вещества, разложенного по грубой работы глиняным мискам, которые стояли на земле.

Это гнилушки, подумал Лэтроп. Фосфоресцирующее гнилое дерево.

— Вот, — сказал гном.

Картина была прислонена к одной из стен комнаты-пещеры, чужеродное яркое пятно в этом странном месте. Обычную картину при слабом свете, испускаемом гнилушками, рассмотреть было бы трудновато, но эти мазки, оставленные кистью на холсте, казалось, светились сами по себе, и создавалось впечатление, будто этот красочный прямоугольник — окно в какой-то иной мир, находящийся вне сумрака едва освещенной гнилушками пещеры.

Когда Лэтроп взгляделся в вертикально стоящее полотно, ему показалось, почудилось, что свечение красок усилилось и картина постепенно как бы прояснилась и стала видна незаконченность мазков. Да это же не свечение, подумал Лэтроп. Это сияние.

Тут было все — высокое мастерство живописца, искусное сочетание сдержанности и недосказанности, деликатная манера письма и пронзительная яркость цветовой гаммы. И что-то еще — ощущение радости, но не торжествующей, а тихой.

— Он не закончил эту работу, — произнес Лэтроп. — Ему не хватило... (Не было слова, чтобы перевести слово «время».) Он (иссяк?), не успев ее закончить.

— Иссякли его *кистекраски*. Он сидел тут и смотрел на свои полосы.

Так вот в чем причина! Вот почему картина не закончена. У Клэя не осталось красок, а где и как мог он пополнить свой запас? Да и времени на поиски, наверно, уже не было.

И Рибен Клэй сидел в этой пещере и смотрел на свое последнее творение, зная, что больше ничего не напишет, и понимая, что нет никакой надежды закончить это великолепное полотно. Впрочем, сам Клэй, скорее всего, не считал эту картину великолепной. Для него создаваемые им живописные полотна всегда были лишь способом самовыражения. С их помощью он выплескивал наружу то, что таилось в глубине его души и ждало воплощения в произведении искусства, которое увидит Вселенная, — так Клэй общался со своими братьями по духу.

— Отдохните, — сказал гном. — Вы устали.

— Спасибо.

И Лэтроп сел напротив картины на плотно утрамбованный земляной пол, прислонившись спиной к стене.

— Вы его знали? — спросил гном.

Лэтроп отрицательно покачал головой.

— Но вы же пришли сюда, чтобы с ним познакомиться.

— Я искал того, кто бы мне о нем рассказал.

Каким образом можно объяснить этому гномику, что именно так заинтересовало его в личности Клэя, почему он шел по его следу, когда вся Вселенная уже предала его забвению? Как можно растолковать это таким вот аборигенам, видевшим все в одном цвете и наверняка не имевшим никакого представления о том, что такое живопись, — разве им объяснишь, каким великим художником был Клэй? Разве расскажешь о совершенстве техники его письма, удивительном чувстве цвета, почти сверхъестественной способности к проникновению в суть окружавшего его предметного мира? О способности к познанию истины и воплощению ее в своих живописных произведениях — причем не какого-нибудь одного ее аспекта, а целиком, во всех ее ипостасях, в присущей ей цветовой гамме; о способности передать смысл и настроение изображаемого с такой точностью, что достаточно было взглянуть на его творение, чтобы все понять.

Быть может, поэтому-то я и искал его, подумал Лэтроп. Быть может, поэтому я потратил двадцать зем-

ных лет и кучу денег, чтобы побольше узнать о нем. Монография, которую я когда-нибудь напишу, будет лишь слабой попыткой осмыслить цель моих поисков, логическим обоснованием моего труда. Но главные усилия я вложил в поиски истины. Да, это окончательный ответ — я пытался познать ту истину, которая открылась ему и которую он отобразил в своих творениях. Ведь и я некогда тоже к этому стремился.

— Колдовство, — сказал гном, глядя на картину

— В некотором роде, — согласился Лэтроп.

Возможно, именно поэтому они так тепло отнеслись к Клэю, надеясь, что его умение колдовать в какой-то мере распространится и на них, принесет удачу. Но, скорее всего, они не приняли его безоглядно, ибо Клэй не был тем простодушным, духовно однозначным человеком, которого могли бы полюбить такие примитивные существа.

Вероятно, кончилось тем, что они стали относиться к нему, как к своему соплеменнику, быть может, и не помышляя взимать с него плату за жилье и пищу. Не исключено, он немного работал с ними в поле и занимался каким-нибудь несложным ремеслом. Но в сущности Клэй был здесь лишь гостем, ибо ни один инопланетянин не сумел бы приспособиться к такой отсталой экономике и культуре.

Они оказали ему помощь в последние дни его жизни, ухаживали за ним умирающим, а когда он скончался, из уважения к нему воздали его телу какие-то особые почести.

Что же означало то слово? Лэтроп не мог его припомнить. Обучение, которое он прошел на Земле, оставляло желать лучшего: скудный словарный запас, пробелы в информации, то и дело ставившие его в тупик, что естественно, раз уж он оказался на подобной планете.

До него вдруг дошло, что гном ждет, чтобы он объяснил ему суть этого колдовства, причем объяснил лучше, чем сам Клэй. А может, Клэй и не пытался им что-либо объяснить, ибо вполне вероятно, что они его ни о чем не спрашивали.

А гном все ждал, надеясь, что Лэтроп растолкует ему особенность этого колдовства. Ждал молча, ибо не осмеливался спросить его напрямую. Ведь не принято выспрашивать инопланетян, как именно они колдуют.

— Это... (в его бедном словарном запасе не было слова, означавшего «картина»)... это место, которое видел Клэй. Он захотел показать его, оживить, рассказать вам и мне, что он там увидел... Ему хотелось, чтобы мы тоже это увидели.

— Колдовство, — еще раз произнес гном.

Лэтроп отказался от дальнейших объяснений. Это было бесполезно. Ведь для такого аборигена творчество Клэя — не более чем колдовство. Пусть уж для него это останется колдовством. Колдовством, да и только.

На этом полотне Клэй изобразил долину, по которой в тени стройных, строгих деревьев, почти слышимо журча, протекал ручей, и все это купалось в каком-то необычном свете — но не солнечном, что лился на долину сверху. И нигде ни одного живого существа, что было характерно для творений Клэя, ибо как пейзажист он не писал ни людей, ни каких-либо иных существ инопланетного происхождения.

Счастливый уголок, подумал Лэтроп, но в этом счастье чувствуется какая-то торжественность, даже суровость. словно он создан для того, чтобы бегать и смеяться, но бегать не слишком быстро, а смеяться вполголоса. Этот пейзаж вызывал какое-то безотчетное благоговение.

— Клэй видел много мест, — сказал Лэтроп гному. — И показал их на... (опять нет слов, чтобы сказать на языке аборигена «холст», «доска» или «полотно»)... на этой равнине. Он побывал на множестве разных планет и постарался своими полосками показать на таких вот равнинах их... (нет слова «настроение»)... как они выглядят.

И снова гном произнес:

— Колдовство. Клэй был могущественным колдуном.

Он прошел к дальней стене комнаты и поворошил в примитивной глиняной печи торфяные брикеты.

— Вы голодный, — сказал он.

— Я недавно поел.

— Вы должны поесть и с нами. Сейчас придут остальные. Уже слишком темно для работы в поле.

— Хорошо, я поем с вами, — согласился Лэтроп, ибо ему следовало разделить с ними трапезу. Для того чтобы его миссия увенчалась успехом, он должен сблизиться с ними. Быть может, не настолько, как Клэй, но по крайней мере стать для них менее чужим, чем

сейчас. Как бы ни была отвратительна их пища, он обязан отведать ее вместе с ними.

Но может статься, их еда не так уж противна на вкус. Наверняка они питаются кореньями и овощами, ведь у них есть огороды. А возможно, и маринованными или подсоленными насекомыми, да еще каким-нибудь возбуждающим, подобно алкоголю, варевом, которое он должен есть (или пить) с некоторой осторожностью.

Так что, хочет он того или нет, он должен делить с ними трапезу и ночлег и относиться к ним столь же дружелюбно и тактично, как и Клэй.

Ведь они могут многое поведать ему, рассказать то, узнать о чем он уже не надеялся: как прожил Рибен Клэй свои последние дни. А вдруг ему еще удастся получить ключ к разгадке тех «потерянных лет», которые Клэй провел неведомо где, исчезнув из его поля зрения?

Лэтроп спокойно сидел, вспоминая, как след Клэя оборвался на самом краю Галактики в немногих световых годах от планетки, на которую он только что явился. Год за годом он шел по его следу от звезды к звезде, собирая о нем сведения, беседуя с теми, кого тот встречал на своем пути, пытаясь выяснить, где находятся его живописные полотна. И вдруг этот след оборвался. Клэй покинул одну определенную планету, и никто не знал, куда он оттуда направился. Лэтроп потратил немало времени, чтобы обнаружить хоть намек на то, где мог находиться Клэй, и уже готов был отказаться от дальнейших поисков, как вдруг узнал, что Клэй объявился на этой планете и вскоре умер. Но в полученной им информации Лэтроп нашел веские доказательства того, что Клэй прибыл сюда вовсе не с той планеты, где оборвался его след, а провел несколько лет в каком-то другом месте. Так что в его жизнеописании, которому посвятил себя Лэтроп, все еще оставался пробел — пробел из «потерянных лет», а сколько их было, этих лет, определить он не мог.

Кто знает, ведь не исключено, что именно здесь ему удастся найти ключ к разгадке того, где провел Клэй эти годы.

Однако, подумал Лэтроп, это будет лишь конец нити, которая, возможно, приведет меня к разгадке. Не более. На точные сведения рассчитывать не приходится, ибо эти крошечные существа не имеют представления о том, что такое время и пространство.

Скорее всего, разгадка тайны кроется в самом живописном полотне, стоящем в этой пещере. Вполне вероятно, что на нем изображен уголок никому не ведомой планеты, которую посетил Клэй перед тем, как отправиться сюда умирать. Но если это так, решил Лэтроп, тогда плохи дела — ведь можно потратить три жизни, а то и больше, прочесывая планету за планетой в тщетной надежде найти и узнать место, которое Клэй изобразил на этом холсте.

Он наблюдал, как гном бесшумно возится у плиты: единственным звуком, который улавливал его слух, было завывание ветра в трубе и у входа в туннель, что привел их в эту пещеру. Ветер, торфянистая, поросшая какой-то невысокой травой равнина да скученные в деревушке землянки — вот и все, что здесь есть, на самом краю Галактики, на ободе огромного колеса из множества солнц. А что, собственно, мы знаем, подумал он, об этом шарике материи, точно заброшенном в глубины космоса могучей рукой какого-то игрока в гольф? Мы не знаем, когда он зародился, для чего существует и когда перестал существовать. Мы подобны слепцам, которые ищут во мраке нечто реально осязаемое, и то немногое, что нам удается отыскать, мы познаем не лучше, чем слепой — вещи в своей комнате, определяя свойства предметов на ощупь. Ибо в сущности мы так же слепы, как он, — мы все, все наделенные разумом существа, населяющие Галактику. И несмотря на свою вводящую в заблуждение слепоту, мы самонадеянные выскочки, ибо прежде чем попытаться проникнуть в тайны Галактики, нам следует познать самих себя.

Мы ведь еще не разобрались в себе, даже приблизительно не представляем, для чего существуем. Мы придумывали всякие теории, чтобы объяснить смысл своего бытия — теории материалистические, используя при этом чисто логические выкладки, которые были отнюдь не так уж часты. И мы лгали себе — пожалуй, это главное, в чем мы преуспели. Мы смеялись над тем, чего не понимали, подменяя этим смехом знания, пользуясь им, как щитом, чтобы прикрыть свое невежество, пользуясь им как наркотиком, чтобы заглушить в себе чувство страха. Некогда мы искали утешения в мистицизме, отчаянно сражаясь против каких бы то ни было его объяснений, ибо мистицизм давал нам утешение, пока оставался мистицизмом, то есть чем-то необъясни-

мым. Было время, когда мы уверовали в Бога и боролись за то, чтобы наша вера не подкреплалась вескими доказательствами, ибо в нашем искаженном мышлении укоренилось представление, будто вера куда сильнее, чем реально существующие факты.

А разве стали мы лучше, размышлял Лэтроп, изгнав из сознания веру и мистицизм, поспешив рассовать по тайникам древние верования и религии под приглушенный смех Галактики, которая верит в логику и все надежды возлагает лишь на реальность предметного мира. Мы ведь только на шаг, думал он, не более чем на шаг приблизились к истинной логике и познанию объективной реальности, возведя в культ поклонение этому фетишу. Быть может, в далеком будущем наступит день, когда мы познаем иную реальность, сохраним к ней логический подход и вновь обретем душевный покой, который утратили, когда потеряли веру в божественное начало.

Гном принялся за приготовление еды, и от его стряпни в пещере распространился приятный запах. Почти земной. Быть может, это блюдо окажется не таким уж противным на вкус, чего поначалу боялся Лэтроп.

— Вы такой, как Клэй? — спросил гном.

— Стараюсь быть таким же — он мне очень нравился.

— Нет-нет, вы меня не поняли. Вы делаете то же, что и он? Такие же полоски?

Лэтроп отрицательно покачал головой:

— Сейчас я ничего не делаю. Я... (как сказать на их языке, что он ушел от дел?)... я закончил свою работу и теперь играю в одну игру. (Он сказал «играю» и «игру» за неимением других слов.)

— Играете?

— Я больше не работаю. Делаю, что хочу. Вот сейчас мне хочется узнать, как жил Клэй, и я... (нет слова «писать»)... я рассказываю о его жизни полосками, но не такими, какие делал он. Совсем, совсем другими.

Садясь на пол, Лэтроп поставил рядом свой рюкзак. Теперь он поднял его себе на колени, открыл и вынул из него блокнот и карандаш.

— Я делаю вот такие полоски, — сказал он.

Гном подошел к нему и стал рядом.

Лэтроп написал на листке блокнота:

Я был ученым-футурологом. С помощью логики на основе фактического материала я пытался заглянуть в будущее человечества. Я искал истину.

— Вот такие полоски, — произнес он. — Я их сделал очень много, чтобы рассказать о жизни Клэя.

— Колдовство, — снова сказал гном.

В этом блокноте было записано все, что он узнал о Клэе. Все, кроме того, где и как он провел эти таинственные «потерянные годы». Страницы, заполненные информацией, которую нужно было систематизировать и облечь в форму связного повествования. Заметки, рассказывающие о странной жизни странного человека, который путешествовал в космосе от звезды к звезде, изображая на своих полотнах одну планету за другой и разбрасывая эти пейзажи по всей Галактике. Человека, скитавшегося словно бы в поисках чего-то иного, чем ландшафты, которые возникали перед его взором на этих планетах, чего-то нового, что он мечтал написать. Точно эти его пейзажи были всего лишь данью преходящему капризу, не более чем причудой и удобным способом заработать деньги, которые нужны были ему на пропитание и для того, чтобы оплатить очередное полтирование. За эти деньги он посещал по желанию любые солнечные системы. Он никогда не оставлял себе свои картины, продавая их все до единой, а иногда просто бросал их, перемещаясь на другую планету.

Но это не потому, что его пейзажи были плохи. Они были изумительны. Они с почетом экспонировались в картинных галереях (или помещениях сходного назначения) на многих планетах.

Клэй нигде надолго не задерживался. Он всегда спешил. Словно какая-то определенная цель, некий замысел гнали его от одной звезды к другой.

И его метание, его погоня за чем-то неведомым в результате привели к тому, что он кончил свои дни в этой пещере, годившейся лишь на то, чтобы укрыться в ней от ветра и дождя.

— А для чего? — спросил гном. — Для чего нужно делать полоски о жизни Клэя?

— Для чего? — переспросил Лэтроп. — Для чего это нужно? (И мысленно добавил: «Сам не знаю!»)

Но ответ на то, почему Клэй так стремительно перемещался с планеты на планету и почему он, Лэтроп, мчался по его следам, возможно, где-то совсем близко,

стоит только протянуть руку. Наконец после долгих поисков он, возможно, получит ответ именно здесь.

Для чего вы делаете эти полоски?

А что на это ответить?

Что ответил на такой вопрос сам Клэй? Они же наверняка и его спрашивали об этом. Не о том, как он их делает, ибо если речь идет о колдовстве, подобный вопрос задавать не положено. Но *для чего* — об этом спросить можно. Не о таинстве самого колдовства, а о цели, которую преследует своими действиями колдун.

— Для того, чтобы мы узнали, — произнес Лэтроп, подбирая слова, — чтобы все мы — и вы, и я, и жители других планет — узнали, каким существом (человеком?) был Клэй.

— Он был... (добрый?). Он был нам близок. Мы любили его. Это все, что нам нужно знать о нем.

— Все, что нужно знать *вам*, — возразил Лэтроп. — Но этого недостаточно для других.

Хотя, вероятно, немногие прочтут его монографию, когда она будет написана. Жалкая горстка мыслящих существ потратит на это время, если вообще захочет ее читать.

Теперь наконец я понял то, подумал он, что знал всегда, но не хотел признавать это даже в глубине души: я собираю материал о Клее не для других, а для себя. И делаю это не потому, чтобы заполнить свободное время, отработав свое и уйдя от дел, а по какой-то более важной причине, испытывая неодолимую тягу в такой деятельности. Из-за некоего еще не известного фактора, а может быть, желания (которого у меня прежде не было) удовлетворить эту пока не осознанную мною потребность. Чтобы достичь цели, смысл которой поразит меня, если я когда-либо вникну в него.

Гном вернулся к печи и снова взялся за свою стряпню, а Лэтроп продолжал сидеть на земляном полу, прислонившись спиной к стене пещеры. Теперь только он почувствовал, насколько устал. У него сегодня был трудный день. Само по себе полтирование не требовало особых усилий, его процесс субъективно казался легким, однако человека он выматывал. Вдобавок, чтобы добраться до этой деревни, Лэтроп прошел пешком миль двадцать.

Полтирование могло бы быть легким, но таковым не было, поскольку работа над усовершенствованием его

процесса некогда была приостановлена из-за каких-то ошибочных представлений, а избавились от них только тогда, когда удалось покончить с некоторыми суевериями и надуманными предубеждениями, которыми человек прикрывал свое невежество. Так уж повелось — если люди не понимали сути какого-либо явления, они относили его к категории суеверий и не пытались объяснить с научной точки зрения. Род человеческий мог с легкостью пренебречь такой глупостью, как суеверие, но не мог, не чувствуя за собой вины, отмахнуться от очевидных фактов.

Из туннеля донеслось шарканье, и в пещеру вошли четыре гнома. Они несли грубо сделанные орудия для полевых работ, которые прислонили к стене, а сами выстроились в ряд и молча уставились на сидевшего на полу человека.

Старый гном произнес:

— Это еще один, такой, как Клэй. Он будет жить с нами.

Все четверо подошли к Лэтропу и стали полукругом, обратив к нему лица. Один из них спросил стоявшего у плиты гнома:

— Он проживет с нами и... (умрет?)

— Этот, кажется, пока не... (умирает?), — возразил другой.

Похоже, они заранее предвкушали его смерть.

— Я не собираюсь здесь умирать, — пожившись заявил Лэтроп.

— Мы бы тогда... вас, — произнес еще один из четверки, повторив то слово, которое обозначало, что они сделали с Клэем, когда тот скончался, причем таким заискивающим тоном, словно предлагал человеку взятку за то, чтобы он остался с ними и умер.

— Но, может, он не захочет, — предположил другой гном. — Клэй сам сказал, чтобы мы так сделали. А этот может не захотеть.

От слов, произнесенных гномами, от их выжидающих взглядов в пещере повеяло ужасом, и у Лэтропа побежали по спине мурашки.

Старый гном прошел в дальний угол пещеры и взял там какой-то мешок. Вернувшись, он поставил этот мешок перед Лэтропом и потянул за шнур, которым была затянута горловина. Остальные с благоговением наблюдали за его действиями. Было ясно, что для них

это — событие огромной важности, и если б можно было вообразить почти невероятное: что эти приземистые неуклюжие существа способны торжественно приосаниться, то сейчас они выглядели так, будто всецело прониклись величием происходящего на их глазах действия.

Старый гном наконец распутал шнурок, перевернул мешок и, схватив его за основание, вывалил содержимое на земляной пол. В образовавшейся куче Лэтроп разглядел кисти, множество пустых тюбиков от масляных красок (почти из всех краска была полностью выдавлена), потрепанный бумажник и еще какой-то предмет. Старый гном поднял его с пола и протянул землянину.

Лэтроп взял его в руку, внимательно осмотрел и вдруг понял, что они сделали с Клэем, понял, ни на миг не усомнившись в том, что за великие последние почести ему отдали гномы, когда он скончался.

В горле у Лэтропа что-то заклокотало — но не хохот над забавным открытием, ибо в этом не было ничего смешного. Он хохотал над превратным восприятием ценностей, над противоречием концепций, над головоломкой, которую преподнесли ему гномы, решив воздать Клэю именно такие последние почести. И еще над своим внезапным прозрением.

Сейчас он даже мог себе мысленно все представить: как они день за днем носили землю, чтобы насыпать холм, который он видел сегодня в поле за деревней; трудились в поте лица, зная, что их друг, неизвестно откуда прибывший к ним, вот-вот умрет; как они обошли всю планету в поисках дерева — ведь на ней в основном рос чахлый кустарник — и в конце концов нашли его и принесли сюда на своих согбенных спинах, ибо не ведали, что такое колесо; как они маялись, когда деревянными гвоздями соединяли куски дерева, старательно проколував для этих гвоздей отверстия, поскольку не были знакомы с плотницким ремеслом.

И все это они делали из любви к Клэю, и весь их каторжный труд, все потраченное ими на это время ничего не значили по сравнению с красотой и величием того, что они совершили с такой любовью.

Он взглянул на распятие и, казалось, наконец понял, в чем заключалась странность личности Клэя и причина его бесконечных поисков, безумных лихорадочных ме-

таний из одной солнечной системы в другую; отчасти это даже объясняло, откуда взялся его блестящий талант с такой ясностью выражать истину, едва проглядывавшую сквозь многие другие, о которых повествовала его кисть.

Ибо Клэй наверняка был одним из немногих, доживших до этого времени членов благородной древней секты землян; одним из тех представителей рода человеческого, ныне логически мыслящего и изучающего лишь доступные чувственному восприятию явления окружающего его мира, одним из тех, кто некогда был привержен мистицизму и вере. Впрочем, видно, Клэю одной веры было недостаточно так же, как духовные потребности его, Энсона Лэтропа, порой не удовлетворяла реальность предметного мира. И тем не менее ему и в голову не приходило, что порывы Клэя объяснить настолько просто — ведь все защищают свою веру от издевательских ухмылок вселенской Логики.

А скорее всего ни вера, ни реальность не могут существовать порознь; должно быть, они взаимосвязаны и взаимодействуют друг на друга.

Впрочем, сказал себе Лэтроп, мне лично вера не нужна. Работая, я долгие годы изучал факты и объяснял их суть, исходя из законов логики, — это все, что человеку нужно. Если у него возникает иная потребность, то ее стимулирует какой-то другой, пока еще не изученный фактор. У нас нет нужды возвращаться к вере.

Очистите объективную реальность от веры в Бога и поклонения идолам и вы получите нечто полезное для жизни. Подобно тому, как давным-давно Человек, очистив от насмешек такое явление, как полтергейст, открыл механизм и принцип полтирования и стал перемещаться из одной солнечной системы в другую с той же легкостью, как в древности, гуляя по улице, доходил до полюбившегося ему бара.

Однако Клэй, несомненно, относился к этому иначе: принимая лишь то, что реально существует, он не мог бы писать такие поразительные пейзажи, если б свет, который согревал его душу, не исходил от веры и он во имя веры всецело не посвятил себя творчеству — вот почему его картины так зачаровывали.

И именно вера побудила его в поисках неведомо чего скитаться по всем планетам Галактики.

Лэтроп взглянул на картину и увидел, сколько в ней благородной простоты, нежности, счастья и как ощути-мо прекрасен заливавший пейзаж свет.

Именно такой свет, думал Лэтроп, правда, выписанный не столь совершенно, я видел на иллюстрациях старинных книг, которые изучал, проходя на Земле курс сравнительного анализа древних религий. Он вспомнил преподавателя, посвятившего несколько учебных часов толкованию символики света.

Он выронил из руки распятие и поднял с пола три-четыре пустых тюбика из-под краски.

Клэй не завершил работу над этой картиной, сказал при встрече Лэтропу гном, потому что у него кончились краски. И верно, тюбики были плоскими и сплюснутыми до самых крышечек — можно было даже разглядеть отпечатки пальцев, которые выдавливали из них последние драгоценные капли.

Он метался по Галактике, подумал Лэтроп, но я его все-таки догнал.

Даже после того как он умер, я нашел его, внюхиваясь, точно ищейка, в остывающий след, который он оставил меж звезд. И я шел по этому следу, ибо я любил его — не человека по имени Клэй (я ведь не знал — да и откуда мне было знать? — каким он был человеком), — я следовал за ним потому, что почувствовал в его произведениях то, на что не обратили внимания искусствоведы. То, что нашло отклик в моей душе. Быть может, во мне пробудилась та самая древняя, ныне утраченная вера. Простая, наивная вера, еще в незапамятные времена задушенная элементарной логикой.

Но теперь-то я понял Клэя, сказал себе Лэтроп. Понял с помощью миниатюрного распятия, символики его последнего произведения и грубой реальности холма, что выситя на этой нищей планете в поле за деревней.

И он понял, почему Клэй выбрал такую нищую, убогую планету.

Потому что в этой нищете, как в самой вере, есть смирение, которым никогда не отличалась логика.

Лэтроп мог с закрытыми глазами все представить себе, как наяву: и мрачные облака в пасмурном небе, и унылую пустошь, и торфянистую равнину без конца и без края, и белую фигуру на кресте, и толпу низкорослых существ у подножия холма, на века отмеченных действием, смысл которого они не понимали, но которое

вершилось благодаря их необычайно доброму отношению к тому, чья вера растрогала их сердца.

— Клэй когда-нибудь говорил вам, где он побывал перед тем, как появился здесь? — спросил гномов Лэтроп. — Откуда он пришел сюда?

Они отрицательно покачали головами.

— Нет, не говорил, — ответили они.

Он был там, подумал Лэтроп, где растут такие деревья, которые он изобразил на этом полотне. Там, где все преисполнено покоем, нежностью и чувством собственного достоинства. И где светло.

Человек очистил от шелухи суеверий такое явление, как полтергейст, и обнаружил под ней рациональное зерно — принцип полтирования. То же самое Человек проделал с левитацией, телепатией и многими другими парапсихологическими явлениями, но он никогда не пытался очистить от такой шелухи веру, чтобы найти под ней это самое рациональное зерно. Ибо веры самой по себе достаточно, она не терпит реальности. Какой же она представлялась тем, кто верил в Бога, таким разным по своей психологической структуре да еще говорившим на разных языках? Счастливая загробная жизнь, рай, ад, небеса, дарованное немногим свыше блаженство? Что из всего порождено фантазией верующих, а что, быть может, существует в действительности? Этого не знает ни одно мыслящее существо, если только оно не живет одной только верой, а сейчас никто, за немногим исключением, так не живет.

А не может ли оказаться, что на последнем столь значительном пути, по которому течет жизнь Галактики и где она набирается знаний, есть какой-то другой принцип, более важный, чем объективная реальность и вера, — принцип, пока еще никем не познанный, и осмыслят его лишь спустя тысячелетия. Не наткнулся ли Клэй, чей интеллект намного опередил свое время, а разум не подчинялся всеобщему процессу эволюции, на этот принцип, и кто, благодаря такой личностной особенностям, получил о нем некоторое представление?

Вера потерпела поражение, ослепленная сиянием своей славы. А может, и объективно существующий предметный мир погубят резкие лучи испускаемого им света?

И разве человек, используя куда более мощное орудие — свою проницательность, отказавшись как от

веры, так и от исследования объективно существующих явлений, — разве не может он, обойдясь без поисков, найти искомое и с успехом достичь конечной цели, к которой сознательно или бессознательно стремится все живое с той поры, как у обитателей мириада планет Галактики появились первые проблески разума?

Лэтроп нашел тюбик из-под белой масляной краски, отвинтил крышечку и выдавил капельку белой субстанции. Зажав тюбик в одной руке, другой он поднял с пола кисть и бережно перенес на нее эту драгоценную каплю.

Он отбросил в сторону пустой тюбик, подошел к стоящей у стены картине, присел на корточки и в полумраке слабо освещенной пещеры стал пристально вглядываться в нее, стараясь найти точку, откуда льется на пейзаж этот удивительный свет.

Он обнаружил ее в левом верхнем углу картины, над горизонтом, хотя не был до конца уверен, что она находится именно там.

Лэтроп протянул к этому месту руку с кистью, но сразу же отвел ее.

Да, должно быть, свет льется отсюда. Человек, видно, стоял под этими могучими деревьями, обернувшись лицом к его источнику.

А теперь действуй осторожно, говорил он себе. Очень, очень осторожно, ибо это не более чем символ. Лишь намек на цветное пятно. Один вертикальный штрих и другой покороче, горизонтальный, под прямым углом к первому, ближе к его верхнему концу.

Он держал кисть неловко, как человек, впервые взявший ее в руку.

Кисть коснулась холста, но он вновь отвел ее в сторону.

Что за глупость, подумал Лэтроп. С ума я схожу, что ли? У него ничего не получалось. Он не умел писать маслом, но знал, что даже легчайшее прикосновение кисти к холсту может оставить грубый неверный след, который все осквернит.

Кисть выпала из его разжавшихся пальцев и покати-лась по полу.

«Я попытался» — мысленно сказал он Клэю.

БЕСКОНЕЧНЫЕ МИРЫ

Глава 1

Она совсем не похожа на человека, которому требуется сновидение. Впрочем, чужая душа — потемки, решил про себя Норман Блейн.

Он записал ее имя в блокнот, а не на бланк; записывал медленно, аккуратно, чтобы дать себе время подумать. Что-то тут не вяжется.

Люсинда Сайлон.

Странное имя, вроде как ненастоящее. Больше похоже на сценический псевдоним, за которым скрывается обыкновенная Сьюзен Браун или Бетти Смит.

Писал он медленно, но мысли в голове все равно путались и сбивались. Слишком много их накопилось: не давали покоя слухи о должностных пертурбациях — они уже не первый день витают по Центру, причем в них фигурирует и его фамилия. Беспокоил совет, данный ему недавно, — странный, мягко говоря, совет: «Не доверяйте Фаррису (можно подумать, он когда-нибудь доверял Фаррису!) и не спешите соглашаться, если должность предложат вам». Совет был дан из дружеских побуждений, но что толку?

Worlds Without End, 1955

© Перевод на русский язык, «Полярис», 1994

А еще из головы не выходил встреченный утром на автомобильной стоянке человечек. Вот липучка! Так вцепился в лацканы плаща, что Блейну еле удалось его стряхнуть. И еще он думал о том, что вечером у него свидание с Гарриет Марш.

И вдобавок ко всему — эта женщина, сидящая за столом напротив.

Хотя при чем тут она? Глупо смешивать ее с собственными проблемами, которые теснятся в голове, как бревна на лесосплаве. Никакого отношения она к ним не имеет — просто не может иметь.

Люсинда Сайлон, значит. Что-то в самом имени и в интонации — певучей, намеренно подчеркивающей его необычность и изысканность, — насторожило Блейна. В мозгу еле слышно зазвенели тревожные колокольчики.

— Вы из Развлечений? — Он задал вопрос небрежно, как бы между прочим. Каверзные вопросы надо задавать умеючи.

— Нет. С чего вы взяли? — удивилась она.

Прислушиваясь к тону голоса, Блейн не уловил ни малейшей фальши. Она заметно польщена и обрадована его предположением, и это вполне естественно. Так реагируют почти все клиенты: приятно, когда тебя, пусть даже по ошибке, принимают за члена легендарной гильдии Развлечений. Что ж, польстим ей еще немножко, нас не убудет.

— Я готов был поклясться, что вы из Развлечений. — Он пристально следил за выражением ее лица, не оставляя, впрочем, без внимания и другие приятные глазу детали. — Мы тут наловчились разгадывать людей с первого взгляда. Мы редко ошибаемся.

Она даже глазом не моргнула. Никакой реакции — ни смущения, ни испуга. Медового цвета волосы, синие, как китайский фарфор, глаза, молочно-белая кожа — на нее хотелось посмотреть еще раз, чтобы убедиться в ее реальности.

Да, такие клиенты у нас бывают не часто, подумалось Блейну. У нас в основном старые, больные, разочарованные. Те, кто отчаялся и потерял надежду.

— И все же на сей раз вы ошиблись, мистер Блейн, — сказала она. — Я из Просвещения.

Он записал в блокноте: «Просвещение», — и сказал:

— Наверное, это из-за имени. Красивое у вас имя, и запоминается легко. Мелодичное. Хорошо звучало бы на сцене. — Он оторвал взгляд от блокнота и добавил, улыбаясь (заставляя себя улыбаться, несмотря на растущее внутреннее напряжение): — Хотя, конечно, дело не только в имени.

Она не улыбнулась в ответ, и Блейн встревожился: неужели он ляпнул какую-то бестактность? Он быстро прокрутил в уме свои реплики и решил, что был вполне корректен. Бестактного человека не назначат начальником Фабрикации. На такой должности надо уметь обращаться с людьми — и он, Блейн, умеет. И собой управлять тоже надо уметь: управлять выражением лица, когда говоришь одно, а думаешь совсем о другом.

Нет, его слова были комплиментом, и совсем даже неплохим. Она должна была улыбнуться! Но не улыбнулась. Что за этим кроется? Или не кроется ровным счетом ничего — просто его собеседница умна, вот и все. Норман Блейн не сомневался в том, что Люсинда Сайлон умна — и к тому же поразительно хладнокровна. Таких клиентов у него еще не бывало.

Хотя само по себе хладнокровие не такая уж и редкость. Некоторые приходят сюда по трезвом размышлении, прекрасно осознавая, на что идут. А другие просто сжигают за собой все мосты.

— Вы хотите заказать сон? — спросил он.

Она кивнула.

— И сновидение?

— И сновидение, — подтвердила она.

— Надеюсь, вы все тщательно взвесили. Вы, разумеется, не пришли бы к нам, если бы у вас оставались хоть какие-то сомнения.

— Я все взвесила, — сказала она. — И у меня нет никаких сомнений.

— Но время у вас тем не менее еще есть. Вы имеете право передумать даже в самый последний момент. Пожалуйста, не забывайте об этом.

— Я не передумаю.

— И все же мы предпочитаем исходить из того, что вы можете это сделать. Вас никто не отговаривает, просто мы хотим, чтобы вы как следует уяснили: вы вольны в своих решениях. У вас нет перед нами никаких обязательств. Как бы далеко ни зашел процесс, вы ничего нам не должны. Даже если сон будет сфабрико-

ван и оплачен и вы уже войдете в хранилище, вы и тогда имеете право отказаться. Мы уничтожим ваш сон, вернем деньги и ликвидируем все записи. Словно вы к нам никогда и не обращались.

— Я все поняла.

— Ну, раз поняли, тогда продолжим.

Он взял карандаш, записал ее имя и классификацию на бланке-заявке.

— Возраст?

— Двадцать девять.

— Замужем?

— Нет.

— Дети?

— Нет.

— Ближайшие родственники?

— Тетя.

— Имя?

Он записал имя, а также адрес и классификацию тети.

— Другая родня есть?

— Нет.

— Ваши родители?

Родители давно умерли, сказала Люсинда Сайлон. Она единственный ребенок в семье. Она продиктовала имена родителей, их классификацию, возраст, последнее место жительства, место погребения.

— Вы все это проверяете? — спросила она.

— Мы проверяем абсолютно все.

Тут клиенты — даже те, кому нечего было скрывать, — обычно начинали нервничать и лихорадочно рыться в памяти, пытаясь выкопать из ее глубин какой-нибудь давно забытый проступок, который при проверке может заставить их устыдиться или даже помешает заключению договора.

Люсинда Сайлон была совершенно спокойна. Просто сидела и ждала следующих вопросов.

Норман Блейн их задал: номер ее гильдии, номер удостоверения, непосредственный начальник, дата последнего медицинского обследования, физические и психические заболевания или отклонения и прочая, и прочая, все житейские подробности.

Закончив, он положил карандаш.

— По-прежнему никаких сомнений?

Она помотала головой.

— Я так настойчиво возвращаюсь к этому вопросу, — пояснил он, — только потому, что хочу убедиться, что вы пришли к нам сознательно и добровольно. Иначе наша гильдия потеряет легальный статус. И, кроме того, это вопрос этики...

— Я понимаю, — сказала она. — Мораль у вас на высоте.

Это что — ирония? Если да, то весьма тонкая. А может, она и правда так считает? Ладно, замнем для ясности.

— Безусловно, — сказал он. — А как же иначе? Чтобы выжить, нашей гильдии необходимо придерживаться самых высоких моральных принципов. Вы на долгие годы отдаете нам на хранение свое тело. Больше того, в каком-то смысле вы отдаете нам и свое сознание. В процессе работы мы узнаем множество интимных подробностей вашей жизни. Чтобы продолжать заниматься своим делом, мы должны завоевать абсолютное доверие не только клиента, но и всего общества в целом. Малейший намек на скандал...

— А что, скандалов у вас никогда не бывает?

— Было несколько, но очень давно. Они уже забыты. По крайней мере, мы так надеемся. Те давние скандалы заставили нашу гильдию осознать, насколько важна для нас безупречная профессиональная репутация. Для любой другой гильдии скандал — всего лишь обычный юридический процесс. Суд решит, кто прав, кто виноват, а потом все будет прощено и забыто. Но нам ничего не простят и не забудут; мы такого просто не переживем.

Норман Блейн почувствовал внезапный прилив гордости за свою работу. Гордости и удовлетворения, какие обычно испытывает человек, мастерски делающий свое дело. Он знал, что его чувства разделяют все сотрудники Центра. Конечно, вслух об этом никто не говорит, но за внешне шутливыми разговорами и повседневными хлопотами каждый в глубине души гордится своей принадлежностью к гильдии Сновидений.

— Вы, похоже, очень преданный человек. У вас в гильдии все такие? — спросила она.

Опять издевка? Или просто ответная лесть? Он улыбнулся краешками губ.

— Преданные? Ну, не знаю. Мы просто не думаем об этом.

Он, конечно, немного покривил душой: все они порой об этом думали. Слов таких, естественно, никто не произносил, но мысль жила в душе у каждого.

И что самое странное, беззаветной преданности и профессиональной гордости ничуть не мешала ни свирепая конкуренция внутри Центра, ни безжалостный стиль руководства.

Взять, к примеру, того же Римера. Несмотря на солидный стаж работы, его не моргнув глазом отстраняют от должности. Это уже ни для кого не секрет, Центр просто гудит от слухов. Говорят, к увольнению Римера как-то причастен и Фаррис, и сам Лью Гиси. Называли и другие имена. А Блейна многие считали одной из вероятных кандидатур на вакантную должность. Правда, сам он никогда не лез в закулисную политику Центра: больно уж хлопотное это занятие. Его вполне устраивает нынешняя работа.

Хотя, что ни говори, а приятно было бы занять место Римера. Как-никак, повышение по службе, да и зарплата будет побольше. И может быть, тогда удастся уговорить Гарриет бросить репортерскую работу и...

Он оборвал свои мечтания и вернулся мыслями к женщине, сидевшей напротив.

— Вы должны четко осознать все последствия своего поступка, — сказал он. — Вы отдаете себе отчет, что проснетесь в совершенно чужом для вас мире? Вы будете спать, но планеты-то не останятся, и развитие цивилизации, даст Бог, тоже. Изменится почти все: манеры поведения, мода, образ мышления, речь, представления о будущем. Мир обгонит вас, вы будете в нем старомодной чужестранкой.

В обществе возникнут проблемы, о которых мы не имеем ни малейшего представления. Изменится система правления, обычаи, традиции. То, что для нас сейчас неприемлемо, может стать совершенно обычным, а то, что мы считаем естественным, сделается преступным и недозволенным. Все ваши друзья умрут...

— У меня нет друзей, — сказала Люсинда Сайлон.

Он пропустил ее реплику мимо ушей и продолжал:

— Я хочу, чтобы вы поняли: проснувшись, вы не сможете сразу окунуться в новую жизнь. Привычный для вас мир сгинет с лица земли задолго до вашего пробуждения. Вам придется пройти курс адаптации, а для этого понадобится время. Продолжительность кур-

са будет зависеть в какой-то степени и от вас, но больше от того, насколько велики окажутся перемены в общественной жизни. Ведь мы не только обязаны ознакомить вас с самим фактом этих перемен, мы должны помочь вам их принять. И пока вы не привыкнете к новой информации, не впитаете ее, мы вас не выпустим. Чтобы жить полноценной жизнью в незнакомом мире, вы должны стать его неотъемлемой частью. А это процесс зачастую и длительный, и болезненный..

— Я все понимаю, — сказала она. — Я готова принять любые ваши условия.

Люсинда Сайлон не колебалась ни секунды, не обнаруживала ни малейших признаков нервозности или сожаления. Она была так же спокойна и невозмутима, как и в начале беседы.

— А теперь назовите мне причину, — сказал Блейн.

— Причину?

— Причину, побудившую вас заказать себе сон. Мы должны знать.

— Вы и ее будете проверять?

— Будем. Видите ли, мы должны быть абсолютно уверены. Вы даже не представляете, какие разные причины приводят к нам людей.

Он продолжал говорить, давая ей время собраться с мыслями и сформулировать причину. Чаще всего именно этот вопрос был самым трудным для клиентов.

— К нам приходят неизлечимые больные, — рассказывал он, — и мы заключаем с ними контракт не на какой-то определенный срок, а до тех пор, пока не будет найдено лекарство от их болезни. Другие клиенты хотят дожидаться возвращения своих близких из сверхсветовых космических полетов. А есть и такие, кто вложив капитал в какое-то дело, желает проснуться миллионером. Обычно мы стараемся их отговорить. Призываем на помощь экономистов, и те с цифрами в руках доказывают, что...

Она прервала его:

— Такой причины, как тоска, для вас достаточно?

Он записал «тоска» в графе «причина» и отодвинул бланк в сторону.

— Вы можете подписать его позднее.

— Я подпишу сейчас.

— Мы предпочли бы немного подождать.

Блейн крутил в руках карандаш, пытаясь разобраться: почему эта клиентка вызывает в нем такую настороженность? Что-то с Люсиндой Сайлон было не так, но что — хоть убей, непонятно. Он был уверен, что в конце концов докопается до истины, благо опыт работы с клиентами у него — дай Бог каждому.

— Если желаете, — сказал он, — мы можем обсудить сновидение. Обычно мы не делаем этого сразу, но...

— Давайте обсудим, — согласилась она.

— Сновидение заказывать вовсе не обязательно. Некоторые клиенты предпочитают сон без сновидений. Только не подумайте, будто я что-то имею против сновидений: наоборот, часто они клиентам только на пользу. Но и в простом сне вы не будете ощущать течение времени. Час или век пролетят для вас как одна секунда. Вы заснете и тут же проснетесь — вот и все...

— Я хочу сновидение, — сказала она.

— В таком случае мы будем рады предложить вам свои услуги. Вы можете сказать, какое сновидение вам бы хотелось?

— Спокойное. Спокойное и приятное.

— Никаких приключений, потрясений?

— Совсем чуть-чуть, чтобы не завянуть от скуки. Но, пожалуйста, что-нибудь поизящнее.

— Может быть, светское общество? — предложил Блейн. — Такое, знаете, где придают огромное значение манерам.

— И, если можно, безо всякой конкуренции. Чтобы никто никого не пихал локтями.

— Старинный особняк с раз и навсегда заведенным порядком, — продолжал Блейн. — Высокое положение в обществе, благородные семейные традиции. Неплохой доход, позволяющий не думать о деньгах.

— Звучит немного старомодно.

— Но вы сами этого хотели.

— Да, верно. Мне хотелось знаете чего? Чего-то такого... необычайно приятного. Такого, что может... — Она рассмеялась. — Что может присниться только во сне.

Он посмеялся вместе с ней.

— Значит, годится? Мы можем изменить детали, осовременить их.

— Нет-нет, меня устраивает ваш вариант.

— Полагаю, вы захотите стать немного моложе? Скажем, шестнадцать-семнадцать вместо двадцати девяти?

Она кивнула.

— Ну а красивой вы останетесь в любом случае, чего бы мы ни напридумали.

Она не отреагировала.

— Тьма поклонников, — продолжал он.

Она кивнула.

— Сексуальные приключения?

— Можно, только не переборщите.

— Все будет пристойно, — пообещал он. — Вы не пожалеете. Мы сделаем вам такое сновидение, за которое вам не придется краснеть. Вы всегда будете вспоминать о нем с удовольствием. Само собой, не обойдется без небольших разочарований и сердечных мук; счастье не может длиться вечно, иначе оно протухнет. Даже в сновидении должны быть какие-то ориентиры для сравнения.

— Я всецело полагаюсь на вас.

— Что ж, тогда мы немедленно приступим к работе. Вы сможете зайти денька через три? Мы подготовим набросок и вместе его проглядим. Может понадобится не менее шести... как бы это сказать... примерок, что ли... прежде чем получится полностью удовлетворительный результат.

Люсинда Сайлон встала и протянула руку. Ее пожатие было крепким и дружеским.

— Я сейчас же зайду в кассу и заплачу, — сказала она. — Благодарю вас от всей души.

— Не стоит торопиться с оплатой.

— Нет, я буду себя чувствовать увереннее, если заплачу сейчас.

Норман Блейн проводил ее взглядом и сел в кресло. Зажужжало переговорное устройство.

— Я слушаю вас, Ирма.

— Заходила Гарриет, — доложила секретарша. — Но вы были заняты с клиенткой, и я не решилась вас беспокоить.

— Чего она хотела?

— Просто просила передать, что не сможет сегодня вечером поужинать с вами. У нее встреча с какой-то шишкой из Центавра.

— Ирма, — сказал Блейн, — позвольте мне дать вам один совет: никогда не крутите романов со Связью. Уж больно ненадежный там народ.

— Вы все время забываете, мистер Блейн, что я замужем за Транспортом.

— Действительно, забываю.

— Тут в приемной Джордж с Хербом. Они мутузят друг друга и катаются по полу. Заберите их от греха подальше, пока они меня не довели.

— Пускай заходят, — сказал Блейн.

— У них вообще-то все дома?

— Вы имеете в виду Джорджа и Херба?

— Кого же еще?

— Конечно, Ирма. Просто у них такой стиль.

— Вы меня утешили, — сказала секретарша. — Сейчас выпихну их к вам.

Двое фабрикаторов зашли в кабинет и вольготно расселись в креслах. Джордж швырнул Блейну папку

— Сновидение Дженкинса. Только что закончили.

— Этот тип хотел участвовать в большой охоте, — добавил Херб. — Мы ему состряпали целый сценарий.

— Все как в жизни, — с гордостью заявил Джордж. — Ничего не упустили. Сунули его в джунгли, добавили туда жары, грязи и насекомых и напичкали окрестности кровожадными хищниками. За каждым кустом его будет ждать какая-нибудь кошмарная тварь.

— Это не охота, — сказал Херб, — а вечное сражение. Когда он не трясется от страха, то улепetyвает со всех ног. Черт меня побери, если я упомяну еще одного такого клиента.

— У нас кого только не бывает, — заметил Блейн.

— Да уж. Но мы любого уделаем.

— В один прекрасный день, — сухо сказал Блейн, — вы, ребята, доиграетесь до того, что вас вышвырнут в Физкультуру.

— Черта с два! — сказал Херб. — В Физкультуру не берут без медицинского образования. А мы с Джорджем даже палец толком забинтовать не умеем.

Джордж пожал плечами:

— Вам не о чем беспокоиться. Мирт все уладит. Если мы перегнули палку, она смягчит сценарий.

Блейн отложил папку в сторону.

— Я введу его сегодня вечером перед уходом. — Он взял в руки блокнот. — А здесь у меня для вас

совсем другое задание. Прежде чем приступить к нему, пригладьте свои вихры и станьте пай-мальчиками.

— Это для дамочки, которая только что отсюда вышла?

Блейн кивнул.

— Для нее я бы состряпал такое сновиденьице!.. — заявил Херб.

— Ей нужен покой и достоинство, — предупредил Блейн. — Галантное общество. Что-то вроде современной версии плантаторской эры середины девятнадцатого века. Никакой грубости — сплошные магнолии, белые колонны и лошади на зеленой траве.

— И ликеры! — подхватил Херб. — Океан ликеров. Бурбон, листья мяты и...

— Коктейли, — поправил его Блейн. — И к тому же не слишком много.

— Жареные цыплята, — вступил в игру Джордж. — Арбузы. Лунный свет. Катание на лодках по реке. Дайте мне, я это сделаю!

— Не заводись. У тебя неверный подход: нужно медленнее и проще. Без спешки. Представь себе нежную мелодию — нечто вроде вечного вальса...

— Можно ввести туда войну, — предложил Херб. — В те времена воевали галантно. Кавалеристы в расширенных мундирах...

— Она не хочет войны.

— Но нужно же хоть какое-то действие!

— Никаких действий — или совсем чуть-чуть. Ни волнений, ни сражений. Сплошная элегантность.

— И мы, — скорбно добавил Джордж, — все в грязи и только что из джунглей.

Снова зажужжало переговорное устройство.

— Вас хочет видеть бизнес-агент, — сказала Ирма.

— О'кей, передайте ему...

— Он хочет видеть вас немедленно.

— Ах-ах! — сказал Джордж.

— Норм, вы всегда были мне симпатичны, — сказал Херб.

— Хорошо, — сказал Блейн. — Передайте: я сейчас приду.

— И это после стольких лет, — пожаловался Херб. — Стараешься, режешь ближним глотки, втыкаешь в спины кинжалы, чтобы пробиться наверх, — и вот результат!

Джордж провел указательным пальцем по горлу и издал шипящий звук, имитируя бритву, врезающуюся в плоть.

Шутники!

Глава 2

Лью Гиси был бизнес-агентом гильдии Сновидений. Много лет подряд он правил гильдией — правил железным кулаком и обезоруживающей улыбкой. Был предан своему делу и требовал преданности от других. Был скор на расправу, решительно и строго наказывал провинившихся и не скупился на награды достойным.

Работал он в богато убранном кабинете, но за обшарпанным столом. Стол был для него символом — или напоминанием — той жестокой борьбы, которую ему пришлось выдержать, чтобы достичь своего нынешнего положения. За этим столом он начинал свою карьеру; стол кочевал за ним из кабинета в кабинет, пока Лью Гиси локтями пробивал себе путь вверх. Стол был потрепан и покрыт шрамами (в отличие от своего владельца), словно именно он принимал на себя удары, предназначенные его хозяину.

Но этот удар он не смог принять на себя — сидевший в кресле за столом Лью Гиси был мертв. Голова его упала на грудь, руки лежали на подлокотниках, а пальцы все еще цеплялись за дерево.

Он выглядел спокойным и умиротворенным, так же как и сама комната — будто кто-то наконец дал ей передышку после стольких лет бурных сражений. Теперь она отдыхала, наслаждаясь покоем, словно понимая, что передышка будет недолгой. Пройдет немного времени, и новый человек придет сюда, сядет за стол — очевидно, уже за другой стол, ибо кто же захочет сидеть за обшарпанным столом Лью Гиси? — и вновь начнется бой и закипят страсти.

Норман Блейн остановился на полпути между дверями и столом; тишина, царившая в комнате, и голова, склоненная на грудь, без слов рассказали ему о случившемся.

Блейн стоял, прислушиваясь к тихому тиканью настенных часов. Обычно их не было слышно — их за-

глушали другие звуки. В приемной через коридор стрекотала пишущая машинка, доносился даже отдаленный шелест машин, мчащихся по магистрали, идущей мимо Центра.

Он подумал, почти бессознательно: «Смерть, тишина и покой троицей неразлучной ходят, не разнимая рук». И тут осознание происшедшего сжало мозг кольцом ледящего страха.

Он осторожно шагнул вперед. Звуки шагов утонули в толстом ворсе ковра. Блейн все еще не понимал, что попал в очень двусмысленное положение: что несколько минут назад бизнес-агент вызвал его к себе; что именно он нашел мертвое тело; что его присутствие в кабинете может показаться подозрительным.

Он подошел к столу, к тому краю, где стоял телефон, и, услышав голос оператора, попросил:

— Охрану, пожалуйста.

В трубке раздался щелчок, чей-то голос произнес:

— Охрана слушает.

— Фарриса, пожалуйста.

Блейна начала бить дрожь; мускулы на руках непроизвольно сокращались, лицевые мышцы нервно подергивались. Он почувствовал, что задыхается; желудок сдавили спазмы, к горлу подступил тутой комок, во рту внезапно пересохло. Он крепко стиснул зубы и усилием воли укротил взбунтовавшиеся мышцы.

— Фаррис у телефона.

— Это Блейн из Фабрикации.

— Привет, Блейн. Чем могу помочь?

— Гиси вызвал меня к себе. Я пришел в кабинет, но патрон мертв.

— Вы в этом уверены?

— Я не дотрагивался до него. Он сидит в кресле. Но мне кажется, что он мертв.

— Кто-нибудь еще знает?

— Нет. В приемной сидит Даррелл, но...

— Вы не вскрикнули, увидев труп?

— Нет. Я позвонил вам.

— Молодец! Сразу видно, что у человека есть голова на плечах. Оставайтесь на месте. Никому ничего не говорите, никого не впускайте и ни к чему не прикасайтесь. Мы сейчас будем.

Раздался щелчок, и Норман Блейн опустил трубку на рычаг.

В комнате по-прежнему было тихо — она застыла в ожидании, наслаждаясь последними мгновениями покоя. Скоро сюда нагрянет Фаррис со своими головорезами, и начнется настоящее светопреставление.

Блейн тоже застыл в ожидании, нерешительно стоя у стола. Теперь, когда выдалась свободная минута для размышлений, когда прошел первоначальный шок, когда реальность происшедшего начала проникать в глубины сознания, оттуда выползли на свет новые страхи.

А поверят ли ему, что Гиси был уже мертв? Или потребуют доказательств?

«Зачем патрон хотел вас видеть? — спросят его. — Как часто он вызывал вас к себе раньше? Вы имеете хоть какое-то представление о том, зачем вы ему понадобились?

Он хотел объявить о поощрении? Или взыскании? Сделать предупреждение? Обсудить новую технику? А может, в вашем отделе что-то не ладилось? Какие-то упущения в работе? Или не в работе, а в личной жизни? Может, вы в ней запутались?»

Представив себе этот допрос, он покрылся холодным потом.

Фаррис — дотошный малый. Должность у него такая. Начальник Охраны не может не быть дотошным — а также неумолимым и беспощадным. Принимая этот пост, человек одновременно принимает на себя и всеобщую ненависть, защитой от которой может служить лишь столь же всеобщий страх.

Охрана, конечно, необходима. Несмотря на четкую и эффективную деятельность, гильдия сама по себе организация громоздкая и рыхлая. Кто-то должен присматривать в ней за порядком, разоблачать интриги, предотвращать предательства и пресекать утечку информации, чтобы у сотрудников не возникало соблазна поделиться ею с другими гильдиями. Преданность сотрудников должна быть вне подозрений, а значит, без железного кулака не обойтись.

Блейн чуть было не оперся рукой о стол, но вовремя вспомнил, что ему велели ни к чему не прикасаться.

Он отдернул руку, и она повисла вдоль тела каким-то ненужным придатком. Блейн сунул ее в карман, но лучше не стало. Тогда он завел обе руки за спину, сжал ладони и начал покачиваться взад-вперед в мучительном раздумье.

Потом резко обернулся и взглянул на Гиси. Блейну вдруг показалось, что патрон вовсе не умер. Что сейчас Гиси поднимет голову, разожмет вцепившиеся в подлокотники пальцы и посмотрит прямо на него. Как он тогда будет изворачиваться и чем объяснит свой звонок в Охрану — одному Богу известно!

Да нет, изворачиваться не придется. Гиси мертв.

И тут впервые Блейн увидел не одного только покойника, а всю картину целиком. Труп перестал притягивать к себе взгляд единственным жутким магнитом, и Блейн увидел человека, сидящего в кресле, увидел, что кресло стоит на ковре, покрывающем пол...

На столе валялась ручка с отвинченным колпачком — видимо, скатилась с кипы бумаг. Рядом лежали очки Гиси, а возле них стоял стакан с остатками воды на донышке и пробка от графина, из которого Гиси недавно налил себе воды.

А на полу, под ногами у мертвеца белел одинокий листок бумаги.

Блейн уставился на него: похоже, какой-то бланк, причем заполненный. Движимый необъяснимым любопытством, Блейн обошел вокруг стола и наклонился к листочку, пытаясь разобрать почерк. В глаза бросились четко выведенные буквы: «Норман Блейн»!

Он быстро нагнулся и поднял с ковра листок. Это оказался официальный бланк, датированный позавчерашним днем и утверждавший Нормана Блейна в должности начальника Архива гильдии Сновидений начиная с завтрашнего дня. Тут же стояла подпись и печать: значит, бланк зарегистрирован.

То, о чем давно уже шептались в Центре, наконец свершилось! Преемник Джона Римера назначен.

Блейна захлестнуло победное чувство. Значит, они все-таки выбрали его! Его, а не кого-то другого! И это не просто победа. Он не только получил повышение, он получил еще и ответ на все возможные вопросы Охраны.

«Зачем он вас вызвал?» — спросят они. Теперь ответ у него в кармане.

Вернее, сейчас будет в кармане. Надо поторопиться, времени в обрез.

Блейн положил бланк на стол, загнул треть листочка и провел по сгибу пальцем, стараясь делать это аккуратно. Затем сложил пополам оставшиеся две трети, сунул

бланк в карман и, повернувшись лицом к двери, приготовился ждать.

В ту же минуту в кабинет ворвался Фаррис и шестеро его головорезов.

Глава 3

Фаррис был настоящим профессионалом. Первокласный полицейский с очень выигрышной для его работы внешностью преподавателя колледжа: небольшого роста, волосы зализаны назад, водянистые глаза рассеянно моргают за стеклами очков.

Удобно устроившись в кресле за своим столом, он сложил на животе руки.

— Мне нужно задать вам пару вопросов, — сказал он Блейну. — Пустая формальность, разумеется. Ясно как Божий день, что это самоубийство. Отравление. Что за яд — покажет лабораторная экспертиза.

— Понятно, — отозвался Блейн.

И подумал: «Еще бы не понятно! Знаем мы ваши приемчики. Сначала усыпить в человеке бдительность, а потом неожиданно врезать под дых!»

— Мы с вами работаем вместе уже давно, — продолжал Фаррис. — Ну не совсем вместе, конечно, но под одной крышей и во имя общей цели. До сих пор у нас не возникало разногласий. Надеюсь, не возникнет и теперь.

— Я в этом уверен, — ответил Блейн.

— Вы сказали, что получили бланк с назначением в конверте по внутренней почте.

Блейн кивнул:

— Он, наверное, с самого утра уже был в ящике. Просто я не сразу добрался до почты.

Так оно и было: Блейн действительно проглядел почту лишь в десять утра. И, что важно, внутренняя почта не регистрировалась. А уборщики, что не менее важно, приходили к Блейну в кабинет и опустошали мусорные корзинки ровно в 11.30. Сейчас уже четверть первого; значит, все содержимое его корзинки давно сгорело.

— И вы просто сунули бланк в карман и забыли о нем?

— Я не забыл. Но в тот момент у меня была клиентка. Когда она ушла, пришли двое моих фабрикаторов. Мы обсуждали очередное задание, и тут Гиси вызвал меня к себе.

Фаррис кивнул:

— Вы полагаете, он хотел поговорить с вами о назначении?

— Так я решил, во всяком случае.

— А раньше он обсуждал с вами этот вопрос? Вы были в курсе, что патрон выбрал вас?

Норман Блейн покачал головой:

— Для меня это был полнейший сюрприз.

— Приятный сюрприз, разумеется?

— Естественно. Работа интереснее, зарплата больше. Кому же не нравится повышение по службе?

Фаррис задумался.

— А вам не показалось странным, что уведомление о назначении на должность — причем на такую ответственную должность! — было послано, как простая бумажка, по почте?

— Конечно, показалось. Я очень удивился.

— Удивились — и только?

— Я уже говорил вам: я был занят. А потом — что, по-вашему, я должен был сделать?

— Ничего, — сказал Фаррис.

— Вот и я так решил, — сказал Блейн и подумал: «Попробуй докажи, что это неправда!»

Он почувствовал мимолетное облегчение, но тут же подавил его. Рано радоваться.

Хотя пока что у Фарриса нет против него ни единой улики. Бланк в полном порядке, подписан и заверен. Сегодня в полночь он, Норман Блейн, станет законным начальником Архива. Конечно, доставка такого документа с почтой — вещь необычная, но как бы Фаррис ни старался, ему ни в жизнь не доказать, что Блейн не мог получить бланк по почте.

Интересно, что было бы, если бы Гиси не умер? Объявил бы патрон о назначении или отменил его? Может, на него надавили бы и заставили поменять кандидатуру?

Блейн услышал голос Фарриса:

— Я знал о предстоящих переменах. С Римером в последнее время стало невозможно работать. Я говорил об этом с Гиси, и не я один. Патрон упомянул вас в

числе людей, на которых можно положиться, но ничего более определенного я от него не слышал.

— Так вы не знали о его решении?

— Нет, — покачал головой Фаррис. — Но я рад, что он выбрал вас. Мне по душе люди вашего склада. Я и сам реалист, так что мы сработаемся. Думаю, нам с вами многое надо обсудить.

— Я к вашим услугам, — отозвался Блейн.

— Если сможете, загляните ко мне вечером. Все равно когда, я весь вечер буду дома. Знаете, где я живу? Блейн кивнул и встал.

— А по поводу самоубийства патрона не переживайте, — добавил Фаррис. — Лью Гиси был отличный мужик, но свет клином на нем не сошелся. Мы все его уважали. Представляю, какой это был для вас шок — наткнуться на мертвое тело. — Он помолчал немного, раздумывая, продолжать или не стоит, потом все-таки сказал: — И насчет своего назначения не волнуйтесь. Я поговорю с преемником Гиси.

— Вы имеете представление о том, кто это будет?

У Фарриса еле заметно дрогнули веки, глаза утратили обычную рассеянность, стали жесткими, пронзительными.

— Ни малейшего, — ответил он. — Преемника назначит Исполнительный совет, а кого именно — понятия не имею.

«Не имеешь ты, как же!» — подумал Блейн.

Вслух он сказал:

— Вы уверены, что это самоубийство?

— Абсолютно. У Гиси было больное сердце, и он об этом знал. — Фаррис встал, надел форменную фуражку. — Мне нравятся люди, у которых быстро варит котелок. Продолжайте в том же духе, Блейн, и мы с вами поладим.

— Не сомневаюсь.

— Так не забудьте: жду вас сегодня вечером.

— До встречи, — попрощался Блейн.

Глава 4

Липучка, приставший к нему нынче утром, появился на стоянке как раз в тот момент, когда Блейн припар-

ковал машину. Как этот тип пробрался на стоянку — совершенно непонятно, но как-то он все-таки пробрался и затаился, поджидая свою жертву.

— Секундочку, сэр! — сказал липучка.

Блейн повернулся к нему. Человечек шагнул вперед и обеими руками крепко ухватился за лацканы плаща Блейна. Блейн отпрянул, но цепкие пальцы липучки не выпустили лацканы.

— Дайте пройти! — разозлился Блейн.

— Сначала выслушайте меня, сэр! — сказал человечек. — Вы работаете в Центре, и мне необходимо с вами поговорить. Если мне удастся убедить вас, значит, появится хоть какая-то надежда. Надежда! — Он говорил, обильно брызжа слюной. — Надежда на то, что и другие люди поймут: сновидения — это зло! Зло, которое развращает души! Сновидение дает возможность бежать от проблем и опасностей, закаляющих характер. Зачем бороться с трудностями, если можно просто удрать от них и погрузиться в сладкое забытие? Поверьте мне, сэр, сновидения — проклятие нашей цивилизации!

Услышав эти слова, Норман Блейн почувствовал прилив слепой холодной ярости.

— Отпустите меня! — сказал он таким тоном, что липучка разжал хватку и отступил назад.

Блейн, утирая лицо рукавом плаща, смотрел на человечка до тех пор, пока тот не дрогнул и не убежал.

До сих пор Блейну не приходилось сталкиваться с липучками, хотя он не раз о них слышал и посмеивался над рассказами коллег. Но то рассказы, а непосредственная встреча все-таки выбила его из колеи. Блейна ошеломил сам факт существования людей, которые осмеливались подвергнуть сомнению искренность и чистоту намерений гильдии Сновидений.

Он отогнал от себя неприятное воспоминание. Есть и другие вещи, поважнее, требующие осмысления. Смерть Гиси, подобранный с пола бланк, а главное — странное поведение Фарриса. Начальник Охраны вел себя так, будто между ним и Блейном существовало какое-то молчаливое соглашение. Словно его, Блейна, втягивали в какой-то гигантский и уже созревший заговор.

Он неподвижно сидел за столом, пытаясь понять, что происходит

Будь у него тогда хоть немного времени, чтобы подумать, он ни за что не поднял бы с пола листок. А если бы и поднял, то непременно бросил бы его обратно. Но времени на размышления у него не оставалось. Фаррис со своими головорезами уже спешил в кабинет, где Блейн беспомощно стоял рядом с покойником — без всякого разумного объяснения, что он тут делает, без единого ответа на неизбежно возникающие вопросы.

Бланк стал для него и ответом, и оправданием. Более того — он предотвратил множество других вопросов, которые непременно возникли бы, если бы Блейн не сумел ответить на самые первые.

Самоубийство, сказал Фаррис.

Интересно, сказал бы он так, не будь у Блейна в кармане спасительного бланка? Может, самоубийство превратилось бы в убийство? Фаррис запросто мог воспользоваться невыгодными для Блейна обстоятельствами, чтобы сделать из него козла отпущения.

Начальник Охраны заявил, что ему нравятся люди, у которых быстро варит котелок. Тут он не врал, конечно. У него у самого котелок варит будь здоров: Фаррис настоящий мастер импровизации и любую ситуацию умеет обратить к собственной выгоде.

Да, верить ему нельзя ни на грош.

И вот что еще интересно: осталось бы назначение в силе, если бы Блейн не подобрал с ковра листок? Блейн отнюдь не тот человек, которого Фаррис выбрал бы в преемники Римера. Не исключено, что начальник Охраны просто уничтожил бы этот бланк и назначил бы кого-то из своих людей.

Но почему для Фарриса так важен этот пост? Какая ему разница, кто возглавляет Архив? Фаррис, конечно, ни словом не обмолвился, что это его волнует, но он был явно заинтересован, а Пол Фаррис никогда не интересуется пустяками.

Может, назначение как-то связано со смертью Гиси? Блейн встряхнулся. Что толку зря ломать голову? Все равно он не найдет сейчас ответа.

Самое главное — в должности он утвержден, несмотря на смерть патрона. Фаррис, похоже, не собирается ставить ему палки в колеса. По крайней мере, пока.

И все же надо быть начеку и не позволять просто-душной внешности начальника Охраны ввести себя в

заблуждение. У Пола Фарриса высокий полицейский чин, отряд преданных головорезов и широчайшие полномочия. Прирожденный политик, не слишком разборчивый в средствах, он всеми силами старается пробиться наверх, занять такое положение, которое удовлетворяло бы его амбициям.

Похоже, смерть патрона ему только на руку. Не исключено, что Фаррис в какой-то степени поспособствовал этой смерти, а то и просто организовал ее.

Самоубийство, сказал он. Отравление. Больное сердце. Сказать можно что угодно. Да, отныне надо быть начеку. Но вида не подавать. Не суетиться. И быть готовым к неожиданному удару. Главное — успеть отреагировать.

А теперь пора успокоиться и взять себя в руки. Сейчас об этом думать бесполезно. Вот когда — и если — появятся новые факты, тогда и будем думать.

Блейн взглянул на часы: четверть четвертого. Домой идти еще рано, да и работу надо закончить. Завтра он переберется в новый кабинет, но сегодня нужно сделать, что положено.

Он взял папку Дженкинса. Большая увлекательная охота, по словам двух весельчаков-фабрикаторов. Обещали, что клиент не соскучится.

Блейн открыл папку, пробежал глазами несколько страниц. Его передернуло.

Что ж, о вкусах не спорят.

Он вспомнил Дженкинса — массивный, зверского вида мужик. От его рыка в кабинете все стены тряслись.

Надо думать, сценарий ему понравится. Во всяком случае, что заказано, то и получено.

Блейн сунул папку под мышку и вышел в приемную.

— Мы только что узнали новость, — сказала Ирма.

— Про Гиси?

— Нет, о нем мы узнали чуть раньше. Ужасно жалко. Его, по-моему, все тут любили. Но я имела в виду другую новость. Почему вы нам сразу не сказали? Мы очень рады за вас.

— Спасибо, Ирма.

— Но мы будем по вас скучать.

— Очень мило с вашей стороны.

— Почему вы все держали в тайне? Почему не поделились с нами?

— Я сам узнал только сегодня утром. А потом был слишком занят. А потом Гиси позвонил.

— Охранники здесь все перевернули вверх дном, перетрясли все мусорные корзинки. Даже ваш стол, по-моему, обшарили. Какая муха их укусила?

— Обычная проверка.

Блейн вышел в коридор, чувствуя, как с каждым шагом вверх по позвоночнику ползет холодный страх.

Конечно, он и раньше догадывался, что Фаррис ему не верит. И про котелок, который быстро варит, сказано было неспроста. Но теперь не осталось никаких сомнений: Фаррис знает, что Блейн солгал ему.

Хотя — может, это даже к лучшему? Своей ложью Блейн поставил себя на одну доску с начальником Охраны. Фаррис теперь считает его чуть ли не своим человеком. Во всяком случае, человеком, с которым можно иметь дело.

Но хватит ли у него духу продолжать игру? Сможет ли он выдержать?

«Спокойно, Блейн! — сказал он себе. — Не дергайся. Будь готов ко всему, но не показывай вида. Как в покере: никаких эмоций. Не зря же ты столько лет общался с клиентами!»

Он решительно зашагал вперед. Страх понемногу испарился.

Блейн спустился в машинный зал и, как всегда, почувствовал себя в плену у магии.

Вот она, Мирт — великая машина сновидений, непревзойденная мастерица, создающая «вторую реальность» из самых буйных фантазий клиентов.

Стоя в тишине зала, Блейн ощущал, как душу его наполняет покой, благоговение и нежность. Словно Мирт была богиней-матерью, заступницей, готовой в любой момент понять тебя и утешить.

Блейн крепче прижал к себе папку и осторожно, стараясь не вспугнуть неловкими шагами тишину, пошел вперед. Поднялся по лесенке к огромной клавиатуре, сел в скользящее кресло. Кресло само передвигалось вдоль длиннющей контрольной панели, чутко реагируя на малейшее прикосновение оператора. Блейн прикрепил раскрытую папку к пюпитру и щелкнул тумблером. Индикатор замигал зеленым огоньком: машина свободна, можно вводить данные.

Блейн набрал на клавиатуре идентификационный код и задумался — он нередко сживал так за машиной, погрузившись в размышления.

Вот чего ему будет не хватать на новой работе. Здесь он нечто вроде священнослужителя, он общается с загадочным, непостижимым божеством, перед которым благоговееет. Непостижимым потому, что ни один человек на свете не в состоянии полностью представить себе внутреннее устройство машины сновидений. Слишком она сложна и огромна, необъятна для человеческого мозга.

Компьютер со встроенным волшебством. В отличие от других, обыкновенных компьютеров, эта машина не подчиняется формальной логике. Ее стихия — не факты, а воображение. Из введенных в нее символов и уравнений она сплетает удивительные истории и сюжеты. Проглатывает коды и формулы, а выдает сновидения и грезы.

Проворно передвигаясь вдоль контрольной панели, Блейн скармливал компьютеру новую информацию. Панель замерцала огоньками, где-то глубоко во чреве машины защелкали автоматические реле, приглушенно зажурчала побежавшая по цепям энергия, зажужжали контрольные счетчики, с еле слышным ворчанием пробудились к жизни бесчисленные файлы — и программа фабрики сюжетов мурлыкнула, возвестив о своей готовности к работе.

Блейн сосредоточенно и усердно вводил страницу за страницей. Время остановилось, мир исчез; была лишь эта панель с бесконечными клавишами, кнопками и тумблерами да мерцание мириадов огоньков.

Наконец последний листок с тихим шелестом упал с голого пюпитра на пол. И тут же вернулось ощущение времени и пространства. Норман Блейн устало уронил руки на колени. Рубашка на спине взмокла от пота, влажные волосы прилипли ко лбу.

Машина загудела. Тысячи огней зажглись на панели — одни монотонно мигали, другие вспыхивали, словно молнии, и бежали искрящейся рябью. Зал наполнился гулом энергии, почти громоподобным, но даже сквозь этот гул Блейн различал деловитое потрескивание невообразимо быстро работающих механизмов.

Блейн через силу встал с кресла, подобрал упавшие листки, сложил их как попало, не глядя на нумерацию,

и запихнул в папку. Потом прошел в конец машинного зала и остановился у застекленного стеллажа, где пленка наматывалась на катушку. Он заворожено глядел на крутящуюся пленку, привычно изумляясь тому, что на этой катушке помещается иллюзорная жизнь сновидения, которое может длиться сотню, а то и тысячу лет, — сновидения, сфабрикованного столь искусно, что оно никогда не потускнеет и до последней секунды будет живым и ярким.

Блейн начал уже подниматься по лестнице, но на полпути остановился и обернулся.

Сегодня он ввел в компьютер последнее в своей жизни сновидение; с завтрашнего дня у него будет другая работа. Он тихонько помахал рукой:

— До свидания, Мирт.

Мирт загнула в ответ.

Глава 5

Ирма взяла отгул, в кабинете не было ни души. Только письмо, адресованное Блейну, стояло на столе, прислоненное к пепельнице. Конверт был пухлый и зазвенел, когда Блейн взял его в руки.

Он надорвал конверт, и на стол с лязгом упало кольцо со множеством нанизанных ключей. За ними высунулся краешек сложенной записки. Блейн отодвинул ключи, вытащил записку и расправил листок.

Текст начинался без всякого вступления: «Я заходил, чтобы отдать ключи, но не застал вас, а секретарша не знала, когда вы вернетесь. Я решил, что ждать не имеет смысла. Если захотите встретиться, я к вашим услугам. Ример».

Блейн выпустил записку из рук, она плавно приземлилась на стол. Он взял ключи, несколько раз подбросил их в воздух и поймал, прислушиваясь к их звяканию.

Что, интересно, будет теперь с Римером? Придумают ему новую должность или переведут на какое-нибудь вакантное место? А может, Гиси собирался вообще выставить Римера за дверь? Да нет, вряд ли. Гильдия заботится о своих служащих и крайне редко вышвыр-

вает их на улицу, разве что за очень уж серьезные прегрешения.

Да, кстати, а кто займет место начальника Фабрики? Успел ли Лью Гиси перед смертью отдать распоряжение? На эту должность вполне годились и Джордж, и Херб, но ни один из них не обмолвился ни словечком. Если бы им сделали такое предложение, они бы наверняка проговорились, не утерпели бы.

Блейн прочел записку еще раз. Обычное деловое послание, никакого подтекста или завуалированных намеков.

Одному Богу известно, какие чувства испытал Ример, узнав о своем внезапном отстранении от должности. По крайней мере из записки узнать об этом невозможно. А главное — почему его отстранили? В Центре давно уже сплетничали о грядущих должностных перемещениях, но об их причине никто ничего не знал.

Как-то странно выглядит эта церемония передачи ключей в конверте — передача ключей как символа власти. Ример словно швырнул их Блейну на стол со словами: «Теперь они твои, приятель!» — и вышел, не снисходя до объяснений.

Вышел немного рассерженный, наверное. И обиженный, конечно.

И все-таки он самолично явился к Блейну в кабинет и оставил ключи. Почему? По идее Ример должен был дожждаться своего преемника, провести его в Архив, передать дела... Обычная процедура.

Да, но нынешняя ситуация далеко не обычна. И чем больше о ней думаешь, тем более необычной она кажется.

Что-то тут нечисто, ей-Богу. Если бы его назначение прошло все положенные инстанции, тогда другое дело: в служебных перемещениях как таковых нет ничего из ряда вон выходящего. Но привычный порядок был нарушен. И не найди Блейн умершего патрона первым, не подбери он с пола листок бумаги, трудно сказать, состоялось бы это назначение или нет.

Что ж, он рискнул своей шеей — и получил должность. Не сказать, чтобы он о ней только и мечтал, но отказываться тоже нет смысла. В конце концов, это повышение, шаг вперед. Теперь он третий человек в иерархии гильдии: венчает пирамиду бизнес-агент, ступенью ниже стоит Охрана, а сразу за ней — Архив.

Нужно сегодня же поставить в известность Гарриет. Ах нет, он все время забывает: она не сможет сегодня поужинать с ним.

Блейн сунул ключи в карман и снова пробежал глазами записку. «Если захотите встретиться, я к вашим услугам». Простая вежливость? Или Ример и впрямь должен сказать ему что-то важное?

Блейн скомкал записку и бросил ее на пол. Все, пора уходить из Центра. Пойти куда-нибудь, где можно спокойно все обдумать и составить план действий. Не мешало бы, конечно, привести в порядок стол, но неохота, да и рабочий день давно закончился. К тому же надо успеть на свидание с Гарриет... Да что же с головой-то сегодня творится! Помутнение, не иначе. Не будет никакого свидания!

Ладно. Стол все равно подождет до завтра. Блейн взял плащ и шляпу и пошел на автомобильную стоянку.

У ворот вместо обычного вахтера стоял вооруженный охранник. Блейн предъявил удостоверение.

— Проходите, сэр, — сказал охранник. — Но будьте внимательны. Тут один «размороженный» сбежал.

— Сбежал?

— Ну да. Проснулся неделю-другую назад.

— Далеко ему не убежать, — сказал Блейн. — Он сам себя выдаст. Сколько он проспал?

— Да вроде лет пятьсот.

— За пятьсот лет многое изменилось. У него нет ни единого шанса.

Охранник покачал головой:

— Мне его жалко. Жуткое дело — проснуться через пятьсот лет.

— Да, жутковато. Мы их всех предупреждаем, но они не слушают.

— Скажите, а это не вы тот парень, что нашел мертвого Гиси? — спросил вдруг охранник.

Блейн кивнул.

— Он и правда был уже мертвый?

— Правда.

— Убит?

— Я не знаю.

— А все судьба-злодейка! Всю жизнь суетишься, карабкаешься вверх, а потом — хлоп!..

— Злодейка, — согласился Блейн.

— Да-а, против судьбы не попрешь.

— Не попрешь, — опять согласился Блейн и поспешил к автомобилю.

Выведя машину со стоянки, он свернул на магистраль. Сгущались сумерки, на шоссе было почти пусто.

За окошком неторопливо проплывал осенний сельский пейзаж. Загорались первые огоньки в окошках горных коттеджей; пахло палеными листьями и грустным увяданием уходящего года.

Мысли в голове мельтешили, будто птицы, летящие к себе в гнездо на ночлег. Чего добивался сегодня утром липучка, приставший на стоянке? Что подозревает — или знает — Фаррис и что он затевает? Почему Джон Ример пришел передать ключи, а потом передумал и не дождался? Почему убежал «размороженный»?

Нет, в самом деле, почему? Если вдуматься, это же полнейшее безумие. Чего он хочет достичь побегом в чужой для него мир, к которому совершенно не приспособлен? Все равно что удрать в одиночку на другую планету, ничего о ней не зная. Или взяться за работу, в которой ни черта не смыслишь, и строить из себя великого специалиста.

Зачем? Зачем ты сбежал, «размороженный»?

Блейн отогнал от себя назойливый вопрос. И без того есть о чем подумать. И вообще, думать надо последовательно и методично, а у него в голове сплошной сумбур.

Блейн включил радио и услышал голос комментатора:

«...тому, кто следит за историей политики, нетрудно увидеть ее кризисные точки, ныне обозначившиеся весьма четко. Более пятисот лет управление планетой фактически находится в руках Центрального Профсоюза. То есть во главе правительства стоит комитет, в который входят представители всех гильдий и союзов. Этой группировке удалось продержаться у власти целых пять столетий — из них последние шестьдесят лет совершенно открыто — не столько благодаря особой мудрости, терпению или умению предвидеть, сколько благодаря устойчивому равновесию сил внутри комитета. Взаимное недоверие и страх ни разу не позволили какой-либо гильдии занять главенствующее положение. Как только возникала подобная угроза, все прочие союзы тут же вспоминали о своих амбициях и подавляли потенциального узурпатора.

Но такое равновесие — и это понимают все — не может длиться бесконечно. Оно и так затянулось сверх всяких ожиданий. Опираясь на фанатичную преданность своих служащих, гильдии годами накапливают силы, но не пытаются их применить. Не приходится сомневаться, что ни одна из них не сделает попытки захвата власти, не будучи заранее уверена в успехе. Однако угадать, какая из гильдий накопила достаточно сил для решающей схватки, практически невозможно, ибо союзы хранят подобные сведения в строжайшей тайне. И все-таки недалек тот день, когда кто-то из них выйдет на поле брани, чтобы помериться силами. Нынешнее равновесие может показаться невыносимым некоторым союзам, возглавляемым амбициозными лидерами...»

Блейн выключил радио — и поразился торжественной тишине осеннего вечера. Вся эта трепотня стара как мир. Сколько он себя помнит, всегда находился какой-нибудь комментатор, предупреждавший об угрозе захвата власти. Одна и та же песня, меняются только персонажи: то говорят, что верх возьмет Транспорт, то намекают на Связь, а одно время всячески склоняли Питание — дескать, за ним нужен глаз да глаз.

Сновидения, слава Богу, в такие игры не играют. Гильдия Сновидений всецело отдала себя служению людям. Конечно, ее представители входят в Центральный — и по долгу, и по праву, — но в политику никогда не лезут.

Кто вечно раздувает шумиху из ничего, так это газетчики и досужие комментаторы. Связь — вот самый подозрительный из союзов. Все его члены спят и видят, как бы прибрать к рукам власть. Впрочем, Просвещение не лучше. Там же одни мошенники, всю жизнь только и делают, что подтасовывают факты!

Блейн покачал головой. Да, ему крупно повезло, что он принадлежит к гильдии Сновидений. Ему не надо стыдливо прятать глаза, слушая очередные сплетни, потому что даже самые беспардонные сплетники не посмеют назвать Сновидения потенциальным захватчиком. Из всех союзов только его гильдия всегда имела право держать голову высоко поднятой.

У Блейна с Гарриет то и дело возникали ожесточенные споры насчет Связи. Гарриет, похоже, упрямо верила в то, что именно Связь обладает безупречной

репутацией и бескорыстно служит обществу. Хотя, с другой стороны, что может быть естественнее преданности своей гильдии — последней преданности, оставшейся у людей? Когда-то, в далеком прошлом, на Земле существовали государства, и любовь к своей стране называлась патриотизмом. Теперь место государств заняли профессиональные союзы.

Блейн въехал в извилистое ущелье, свернул с магистрали и направился по серпантину вверх, в горы.

Ужин наверняка уже готов, и Ансел опять будет дуться (робот у него, мягко говоря, с характером). Зато Фило встретит хозяина у ворот, и они вместе доедут до дома.

Он миновал коттедж Гарриет, бегло скользнув взглядом по деревьям, заслонявшим дом. В доме темно, Гарриет на задании. Срочное интервью, так она сказала.

Блейн свернул к своим воротам. Навстречу выбежал Фило, оглашая окрестности радостным заливистым лаем. Норман Блейн притормозил; пес, запрыгнув в машину, лизнул хозяина в щеку, а затем чинно улегся на сиденье. Автомобиль сделал крут по подъездной дороге и наконец остановился возле дома.

Фило выскочил из машины. Блейн неторопливо последовал за ним. Утомительный был денек. Только теперь, добравшись до дома, Блейн почувствовал, насколько он устал.

Он постоял немного, разглядывая свой дом. Хороший у него дом. В нем будет уютно жить настоящей семьей — если, конечно, когда-нибудь удастся уговорить Гарриет бросить журналистскую карьеру.

За спиной раздался голос:

— Так, хорошо. Можешь повернуться. Только спокойно и без фокусов.

Блейн медленно обернулся. Возле машины в сгустившихся сумерках стоял человек. В руке у него что-то блестело.

— Не бойся, я не причиню тебе вреда, — продолжал незнакомец. — Ты, главное, сам не лезь на рожон.

Одет в какую-то невиданную форму и говорит как-то странно. Непривычная интонация — жесткая, резкая, без того плавного перехода слов из одного в другое, который придает речи естественность. А что за выражения: «без фокусов», «не лезь на рожон»!

— У меня в руке пушка. Так что лучше не валяй дурака.

«Не валяй дурака».

— Вы сбежали из Центра, — догадался Блейн.

— Верно.

— Но как...

— Я всю дорогу ехал с вами, прицепился под машиной. Глупые копы не додумались там проверить. — Человек пожал плечами. — Вы ехали дольше, чем я предполагал. Я чуть было не соскочил на полпути.

— Но при чем тут я? Почему вы...

— Вы ни при чем, мистер. Мне было все равно, с кем ехать. Я просто хотел выбраться оттуда.

— Я вас не понимаю, — сказал Блейн. — Вы же вполне могли уйти незамеченным. У ворот, например. Я ведь притормозил. Что вам мешало тихонечко скрыться? Я бы вас и не заметил.

— Скрыться? Чтобы тут же попасть копам в лапы? Стоит мне только нос высунуть — и меня сразу вычислят. По одежде. По разговору. Я и за столом веду себя не так, и даже хожу не так, наверное. Я буду бросаться в глаза, как забинтованный палец.

— Понимаю. Ну что ж, раз такое дело... Уберите вашу пушку. Вы, должно быть, проголодались. Пойдемте в дом, поужинаем.

«Размороженный» сунул пистолет в карман и похлопал по нему:

— Я могу вытащить его в любую минуту, не забудьте. Так что советую не рыпаться.

— О'кей, не буду рыпаться.

А что, очень даже выразительно — «не рыпаться». В жизни не слышал такого словечка. Но о смысле догадаться нетрудно.

— Кстати, откуда у вас оружие?

— А это пусть останется моей маленькой тайной.

Глава 6

Его зовут Спенсер Коллинз, сказал беглец. Он проспал пятьсот лет, проснулся месяц назад. Физически для своих пятидесяти пяти он в прекрасной форме. Всю жизнь заботился о своем здоровье — правильно пи-

тался, соблюдал режим, упражнял и дух и тело, обладал кое-какими познаниями о психосоматике.

— Надо отдать вам должное, — сказал он Блейну. — Вы умеете заботиться о телах клиентов. Когда я про-
снулся, то чувствовал лишь небольшую вялость. Но
никаких признаков старения.

— Мы постоянно следим за этим, — улыбнулся
Блейн. — То есть не я лично, конечно, а команда
биологов. Для них физическое состояние клиента —
проблема вечная. За пять веков вы наверняка сменили
дюжину хранилищ, и каждый раз они усовершенство-
вались. Как только появлялось какое-нибудь новое изо-
бретение, его тут же применяли и к вам.

Коллинз сообщил, что был профессором социологии
и выдвинул оригинальную теорию.

— Вы извините меня, если я не буду углубляться в
подробности?

— Ну разумеется.

— Они представляют интерес только для специали-
стов, а вы, как я понимаю, не ученый.

— Что верно, то верно.

— Моя теория касалась социального развития обще-
ства в отдаленном будущем. Я решил, что пятьсот лет —
срок достаточный, чтобы стало ясно, прав я был или
ошибался. Меня мучило любопытство. Согласитесь: обид-
но придумать теорию и отдать концы, так и не узнав,
подтвердит ее жизнь или нет.

— Могу вас понять.

— Если мои слова вызывают у вас сомнения, може-
те справиться в Архиве.

— Я ничуть не сомневаюсь.

— Впрочем, вам к таким историям не привыкать. У
нас наверняка все клиенты с заскоками.

— С заскоками?

— Ну, чокнутые. Ненормальные.

— Да, заскоками меня не удивишь, — заверил про-
фессора Блейн.

Хотя большего заскока, чем сидеть под осенними
звездами в собственном дворике, беседуя с пятисотлет-
ним человеком, трудно себе и представить. Впрочем,
работай Блейн в Адаптации, ему бы это не показалось
странным. Для служащих Адаптации подобное время-
препровождение — обычная рутина.

Но наблюдать за Коллинзом было интересно. Речь его ясно показывала, насколько изменился за пятьсот лет разговорный язык. К тому же он то и дело пользовался всякими жаргонными словечками — идиомами прошлого, которые потеряли смысл и исчезли из языка, несмотря на то что многие другие почему-то уцелели.

За ужином профессор недоверчиво тыкал вилкой в некоторые блюда, другие поглощал с явным отвращением, не решаясь, однако, их отвергнуть. Очевидно, стараясь по мере сил вписаться в новый для него мир.

В его манерах были какие-то нарочитость и претенциозность, лишённые всякого смысла, а в больших дозах даже и раздражающие. Задумываясь, он потирал рукой подбородок или начинал хрустеть суставами пальцев. Эта последняя привычка особенно действовала Блейну на нервы. Хотя, возможно, в прошлом не считалось неприличным во время беседы постоянно трогать себя руками. Надо будет выяснить в Архиве или спросить кого-нибудь, например ребят из Адаптации — они много чего знают.

— Если это не секрет, конечно, мне хотелось бы услышать: подтвердилась ваша теория или нет? — спросил Блейн.

— Не знаю. У меня не было возможности выяснить.

— Понимаю. Я просто подумал — может, вы спросили об этом в Адаптации?

— Я не спрашивал, — сказал Коллинз.

Они сидели в сумеречной тишине, глядя вдаль, за долину.

— Вы многого достигли за пять столетий, — проговорил наконец Коллинз. — В мое время человечество было очень озабочено проблемой межзвездных полетов. Считалось, что поскольку скорость света превзойти невозможно, то о полетах нечего и мечтать. Но теперь...

— Да, верно, — сказал Блейн. — То ли еще будет. Лет этак через пятьсот.

— Можно продолжать так до бесконечности: проспал тысячу лет, проснулся, посмотрел — и снова заснул на тысячу...

— Думаю, оно того не стоит.

— Кто бы спорил, — сказал Коллинз.

Козодой стрелой пронесся над деревьями, стремительными резкими движениями хватая зазевавшихся мошек.

— Что не меняется, так это природа, — заметил Коллинз. — Я помню козодоев... — Он помолчал немного, потом спросил: — Что вы намерены делать со мной?

— Вы мой гость.

— Пока не нагрянут копы.

— Поговорим об этом позже, сегодня вы здесь в безопасности.

— Я вижу, вам не дает покоя один вопрос. У вас просто на лице написано, как вам хочется его задать.

— Почему вы убежали?

— Вот именно, — сказал Коллинз.

— Ну и почему же?

— Я выбрал себе сновидение, соответствующее моим склонностям. Нечто вроде профессионального затворничества — такой, знаете, идеализированный монастырь, где можно было бы предаться любимым занятиям и пообщаться с родственными душами. Я хотел покоя: прогулки вдоль тихой речки, живописные закаты, простая еда, время для чтения и раздумий...

Блейн одобрительно кивнул:

— Прекрасный выбор, Коллинз. Жаль, маловато у нас таких заказов.

— Мне тоже казалось, что я сделал правильный выбор. Во всяком случае, мне хотелось чего-то в этом духе.

— Надеюсь, вам не пришлось раскаться?

— Я не знаю.

— Не знаете?

— Я не видел этого сновидения.

— То есть как не видели?

— Я видел совсем другое.

— Какая-то накладка? Кто-то перепутал заказы?

— Ничего подобного. Никакой накладки не было, я уверен.

— Когда вы заказываете определенное сновидение... — начал Блейн, но Коллинз перебил его:

— Говорю вам, никакой ошибки не было! Сновидение подменили.

— Откуда вы знаете?

— Да оттуда, что такое сновидение не мог заказать ни один из ваших клиентов. Это исключено. Сновидение было изготовлено вполне сознательно, с какой-то целью, о которой мне остается только догадываться. Я попал в другой мир.

— На другую планету?

— Не планету. Я был на Земле, но в какой-то чужой цивилизации. И прожил в ней все пятьсот лет, каждую минуточку. Я-то считал, что сновидение будет укорочено — что тысячелетний сон сожмут до размеров нормальной человеческой жизни. Но я пробыл там все пятьсот, от звонка до звонка. И могу утверждать совершенно определенно: никто ничего не перепутал. Сновидение навязали мне сознательно и целенаправленно.

— Давайте не будем спешить с выводами, — запротестовал Блейн. — Поговорим без эмоций. В том мире была другая цивилизация?

— В том мире не существовало такого понятия, как выгода. Вообще не существовало, даже теоретически. В принципе цивилизация походила на нашу, только была лишена тех движущих сил, которые в нашем мире проистекают из понятия о выгоде. Мне, разумеется, это казалось фантастикой, но для коренных жителей — если их можно так назвать, — такое положение вещей было совершенно естественным. — Коллинз наклонился к Блейну. — Думаю, вы согласитесь, что ни один человек не захотел бы жить в подобном мире. Никто не мог заказать себе это сновидение.

Может, какой-нибудь экономист...

- Экономисты не такие идиоты. А кроме того, само развитие событий в сновидении было до жути последовательным. В него была заложена заранее продуманная схема.

— Наша машина.

— Вашей машине известно заранее не больше, чем вам. По крайней мере не больше, чем вашим лучшим экономистам. К тому же ваша машина алогична, и в этом ее прелесть. Логика ей ни к чему, логика только испортила бы сновидение. Сновидениям логика противопоказана.

— А ваше было логичным?

— И даже очень. Вы можете просчитать в уме все варианты, но все равно не в состоянии с уверенностью сказать, что произойдет в следующий момент, пока он

не наступит. Вот что такое для вас логика. — Коллинз встал, прошелся по дворику и остановился прямо перед Блейном. — Поэтому я и сбежал. У вас в Сновидениях кто-то играет в грязные игры. Я не могу доверять вашей банде.

— Я об этом ничего не знаю, — сказал Блейн. — Просто не знаю.

— Могу просветить, если хотите. Впрочем, стоит ли вмешивать вас во все это? Вы приютили меня, накормили, одели, выслушали мой рассказ. Не знаю, как далеко мне удастся уйти, но...

— Нет, — сказал Блейн. — Вы останетесь здесь. Я должен узнать, в чем дело, и вы мне можете еще понадобиться. Главное — не высовывайтесь. А роботов не бойтесь, они не проболтаются. На них можно положиться.

— Если меня выследят, я постараюсь не дать им в руки в вашем доме. А если поймают, буду нем как рыба.

Норман Блейн медленно встал и протянул руку. Коллинз ответил быстрым и решительным рукопожатием.

— Значит, договорились.

— Договорились, — эхом повторил Блейн.

Глава 7

Ночной Центр походил на замок с привидениями. Пустые коридоры звенели тишиной. Блейн знал, что где-то в здании должны работать люди — служащие Адаптации, вентиляторщики, уборщики, — но никого не было видно.

Робот-сторож сделал шаг вперед из своей амбразуры.

— Кто идет?

— Блейн. Норман Блейн.

Робот замер на секунду, тихонечко жужжа, просматривая банки данных и выискивая в них фамилию Блейна.

— Удостоверение! — потребовал он.

Блейн поднял свой идентификационный диск.

— Проходите, Блейн, — разрешил робот и, стараясь быть подружелюбнее, добавил. — Что, приходится работать по ночам?

— Да нет, просто забыл кое-что, — ответил Блейн. Он зашагал по коридору, поднялся на лифте на шестой этаж. Там его остановил еще один робот. Блейн вновь предъявил удостоверение.

— Вы ошиблись этажом, Блейн.

— У меня новая должность. — Блейн показал роботу бланк.

— Все в порядке, Блейн, — сказал робот.

Блейн приблизился к дверям Архива. Перепробовал пять ключей, шестой наконец подошел. Блейн запер за собой дверь и постоял на месте, давая глазам привыкнуть к темноте.

Он находился в кабинете. Другая дверь вела отсюда в хранилище записей. То, что он ищет, должно быть где-то здесь. Мирт наверняка уже закончила работу над сновидением Дженкинса. Большая веселая охота в парилке джунглей. Сновидение вряд ли успели сдать в архив, а может, и вовсе не собирались туда сдавать — ведь Дженкинс не сегодня-завтра придет погружаться в сон. Наверное, где-то здесь есть полка для заказов, за которыми вскоре должны прийти.

Блейн обошел вокруг стола, оглядел комнату. Стеллажи, еще несколько столов, проверочная кабинка, автомат с напитками и едой — и полка, а на ней штук шесть катушек.

Он устремился к полке, схватил первую катушку. Шестая оказалась сновидением Дженкинса. Блейн стоял, держа ее в руках и удивляясь, до какого безумия может дойти человек.

Коллинз просто ошибся или кто-то из служащих перепутал сновидения... А может, профессор вообще все выдумал? Может, у него есть на то свои причины, неизвестные Блейну? Это же бред какой-то — ну зачем кому-то могло понадобиться подменять сновидения?

Но раз уж он здесь... Раз он позволил заморочить себе голову...

Блейн пожал плечами. Надо проверить, чего уж теперь.

Он зашел в кабинку и закрыл дверь. Вставил в аппарат катушку, указал продолжительность сеанса — полтора часа. Затем надел на голову шлем, растянулся на кушетке и включил воспроизведение.

Аппарат еле слышно загудел; потом что-то дохнуло Блейну в лицо, гудение прекратилось. Кабинка исчезла. Блейн стоял посреди пустыни.

Пейзаж вокруг был желтым и красным. Солнце жарило вовсю, лицо обдавало волнами зноя, подымавшимися от раскаленного песка и камней. Куда ни глянь — сплошная равнина, до самого горизонта. Ящерица, пискнув, перебежала из тени одного камня в тень другого. В распыленной голубизне неба кружила птица.

Блейн заметил, что стоит на чем-то вроде дороги. Она петляла по пустыне и скрывалась вдали в жарком мареве, клубившемся над измученной землей. А по дороге медленно передвигалось черное пятнышко.

Он оглянулся в поисках тени — но тень здесь было отбрасывать нечему, кроме камней, за которыми могли укрыться разве что шустрые маленькие ящерки.

Блейн поглядел на свои руки. Они были такие загорелые, что показались ему руками негра. На нем были ветхие штаны, свисавшие лохмотьями чуть ниже колен, к мокрой от пота спине прилипла рваная рубаша. Босые ступни — он поднял ногу и увидел ороговевшие мозоли, делавшие кожу нечувствительной к острым камням и жаре.

Он стоял и тупо смотрел на пустыню, пытаясь сообразить, что он тут делает, что делал минуту назад и что должен делать теперь. Смотреть особенно было не на что — красные пятна, желтые пятна, песок и зной.

Блейн ковырнул песок ногой, вырыл пальцами ямку потом разгладил ее задубелой ступней. Постепенно к нему стала возвращаться память, возвращаться понемногу, урывками. Но воспоминания все равно ничего не объясняли.

Сегодня утром он ушел из своей деревни. Ушел не просто так: у него была какая-то важная причина, хотя какая — он не вспомнил бы даже под пыткой. Пришел он оттуда, а идти надо было вон туда. Черт, вспомнить бы хоть, как называется его деревня! Глупо будет, если кто-то спросит, откуда он держит путь, а ему и сказать-то нечего. Неплохо бы припомнить и название города, куда он направляется, но это уже не так важно. Это можно будет выяснить на месте.

Блейн побрел по дороге вон туда — и вдруг подумал, что путь впереди еще не близкий. Как-то он умуд

рился заплутать в дороге и потерял кучу времени. Нужно поторопиться, чтобы успеть в город засветло.

Черная точка на дороге стала гораздо ближе.

Но он ее не боялся, и это открытие его подбодрило, хотя он так и не смог понять почему.

Блейн припустил рысцой: надо наверстывать упущенное время. Он бежал изо всех сил, несмотря на пекло и острые камешки под ногами. На бегу он похлопал себя по карманам и обнаружил в одном из них какие-то предметы. Он сразу понял, что предметы эти необычайно ценные, а через некоторое время даже сообразил, что они собой представляют.

Черное пятнышко все приближалось, пока не выросло в большую повозку на деревянных колесах. Ее тащил весь облепленный мухами верблюд. В повозке под рваным зонтом, когда-то, наверное, разноцветным и ярким, а теперь выцветшим в грязно-серую тряпку, сидел человек.

Блейн подбежал к повозке, остановился. Человек что-то крикнул верблюду, и тот тоже остановился.

— Тебя только за смертью посылать! — проворчал человек. — Садись, хватай поводья.

— Меня задержали, — сказал Блейн.

— Задержали его! — ухмыльнулся человек и, спрыгнув с повозки, бросил Блейну вожжи.

Блейн прикрикнул на верблюда, шлепнул его ремнями. «Что за чертовщина, что все это значит?» — с такой мыслью он открыл глаза в кабинке. Рубашка прилипла к взмокшей спине, на лице постепенно остывал палящий жар пустыни.

Он лежал неподвижно, пытаясь собраться с мыслями. Сбоку медленно крутилась катушка, загоня пленку в прорезь шлема. Блейн остановил ее и крутанул в обратную сторону.

Его охватил такой ужас, что он чуть не заорал; крик, не родившись, замер у него в груди. Блейн оцепенел, не в силах поверить в реальность происходящего.

Потом решительно сбросил с кушетки ноги, выдернул из гнезда катушку с остатками несмотанной пленки, перевернул ее, прочел на этикетке номер и имя. С именем все в порядке — «Дженкинс», с номером тоже — именно этот код он сам ввел в машину не далее как сегодня вечером. Ошибки быть не может. На катушке записано сновидение Дженкинса. Завтра-

послезавтра клиент явится сюда, и катушку отправят вниз, в хранилище спящих.

И Дженкинс, предвкушающий веселые приключения, Дженкинс, решивший провести два столетия на увлекательном бесшабашном сафари, очутится в красно-желтой пустыне на тропе, которую лишь из вежливости можно назвать дорогой, увидит вдали черную движущуюся точку, точка превратится в повозку с верблюдом...

Дженкинс окажется в пустыне, одетый в ветхие штаны и рваную рубаху, а в кармане у него будет нечто необычайно ценное — но не будет никаких джунглей или вельдов, никаких ружей и ни намека на сафари. Охотой тут и не пахнет.

Боже, сколько же их, обманутых? Сколько человек не попали в заказанные сновидения? А главное — почему они туда не попали?!

Зачем подменяют сновидения?

И подменяют ли их вообще? Может, Мирт..

Да нет, ерунда какая-то. Машина делает лишь то, что ей приказывают. В нее вводят уравнения и символы, она их заглывает, переваривает, деловито пощелкивая, пыхтя и гудя, а затем выдает заданное сновидение.

Остается только один ответ — подмена. Ведь сновидение, сфабрикованное машиной, просматривают здесь, в этой проверочной кабинке, и ни одно из них не отдают заказчику, не убедившись, что оно полностью соответствует его пожеланиям.

Коллинз прожил пять веков в мире, не подозревая о концепции выгоды. А красно-желтая пустыня — что это за мир? Норман Блейн пробыв там недостаточно долго, чтобы прийти к каким-то определенным выводам, но одно он знал совершенно точно: никто по доброй воле не захотел бы жить в таком мире. И в том, куда попал Коллинз, тоже.

Деревянные колеса, верблюд в качестве движущей силы — может, это мир, которому чужда идея механического транспорта? Хотя Бог его знает, что у них там за цивилизация.

Блейн отворил дверь и вышел из кабинки. Положил катушку на полку и застыл посреди ледяной комнаты. Через пару мгновений он осознал, что ледяной была вовсе не комната, а он сам.

Еще сегодня утром, разговаривая с Люсиндой Сайлон, он упивался чувством преданности Центру, с умилением распространялся о безупречной репутации Сновидений, о том, как неукоснительно выполняет гильдия свои обязательства, стремясь завоевать доверие общества и потенциальных клиентов.

Где теперь эта преданность? И как быть с доверием общества?

Сколько клиентов погружались в подмененные сны? Когда это началось? Пятьсот лет назад Коллинз попал в сновидение, которого не заказывал. Значит, обман длится как минимум пять веков.

И сколько еще будут обмануты?

Люсинда Сайлон — в какое сновидение попадет она? Будет ли это плантация девятнадцатого века или что-то совсем другое? Сколько же сновидений, в фабрикации которых Блейн принимал участие, было затем подменено?

В памяти всплыл облик женщины, сидевшей сегодня утром напротив него за столом. Волосы цвета меда, синие глаза, молочно-белая кожа. Он вспомнил ее голос, интонации, вспомнил, что она говорила, о чем предпочла умолчать.

«И она тоже!» — подумал Блейн.

Нет, этого он не допустит! И Блейн поспешил к выходу.

Глава 8

Взбежав по лестнице, он позвонил в дверь. Женский голос пригласил его войти.

Люсинда Сайлон сидела в кресле у окна. В комнате горела только одна лампа в углу, так что фигуру женщины окутывала полутьма.

— Ах это вы! — сказала она. — Стало быть, вы тоже занялись исследованием.

— Мисс Сайлон!..

— Проходите, садитесь. С удовольствием отвечу на ваши вопросы. Видите ли, я по-прежнему убеждена...

— Мисс Сайлон! — прервал ее Блейн. — Я пришел, чтобы убедить вас отказаться от заказа. Я хочу предостеречь вас. Я...

— Вы дурак! — сказала она. — Безнадежный дурак.

— Но...

— Убирайтесь отсюда!

— Но я...

Она встала из кресла, каждой складкой своего платья излучая презрение.

— Значит, по-вашему, мне не стоит и пытаться? Продолжайте же! Скажите, что это опасно, что это сплошное надувательство. Вы дурак! Я знала все до того, как пришла к вам.

— Вы знали...

Они застыли в напряженном молчании, пристально глядя друг другу в глаза.

— А теперь и вы знаете. — И она вдруг задала вопрос, который он сам себе задал каких-нибудь полчаса назад. — Где теперь ваша преданность?

— Мисс Сайлон, я пришел, чтобы сказать вам..

— Ничего не надо говорить, — оборвала его женщина. — Идите домой и забудьте обо всем. Так куда удобнее. Былой преданности, конечно, не вернуть, но жить будете спокойно. А главное — долго.

— Не пытайтесь меня запугать...

— А я и не пытаюсь, Блейн, просто предупреждаю. Стоит Фаррису прослышать о том, что вы в курсе, и можете считать себя покойником. А намекнуть об этом Фаррису для меня раз плюнуть.

— Но Фаррис...

— Что, он тоже беззаветно предан гильдии?

— Нет, конечно. Я не...

Об этом даже думать смешно. Преданный Пол Фаррис!

— Когда я приду в Центр, — сказала она спокойным ровным голосом, — мы продолжим нашу беседу так, словно этого визита не было. Вы лично проследите за тем, чтобы моим заказом занялись без проволочек. Потому что иначе Фаррису кое о чем доложат.

— Но почему вы так настойчиво стремитесь погрузиться в сон, зная, чем это грозит?

— А может, я из Развлечений. Вы ведь не обслуживаете Развлечения, верно? Недаром вы утром так выпытывали, из какой я гильдии. Вы боитесь Развлечений. Боитесь, что они своруют ваши сновидения для своих

солидиографий. Как-то раз они уже попытались, и с тех пор вы постоянно начеку.

— Вы не из Развлечений.

— Но вы же сами так предположили сегодня утром. Или все это было игрой?

— Игрой, — покаянно признал Блейн.

— Сейчас-то вы уж точно не играете, — холодно сказала она. — Вы напуганы до потери пульса. И правильно: вам есть чего бояться. — Она с отвращением взглянула на него и добавила: — А теперь выметайтесь!

Глава 9

Фило не встретил его у ворот. Пес выскочил из кустов, звонким лаем приветствуя Блейна, только когда машина, свернув на подъездную дорожку, остановилась у дома.

— Хватит, Фило! — утомил собаку Блейн. — Молчать!

Он вылез из машины; притихший пес подбежал и остановился рядом. Такое безмолвие царило кругом, что было слышно даже, как собачьи когти постукивают о бетонное покрытие дорожки. Дом казался огромным и темным, хотя за дверью горел свет. Странно: ночью дома и деревья всегда выглядят больше, чем днем, словно с наступлением темноты приобретают какие-то иные размеры.

На тропинке у кого-то под ногой скрипнул камешек. Блейн обернулся. Возле дома стояла Гарриет.

— Я ждала тебя, — сказала она. — Думала, ты уже никогда не придешь. Мы с Фило ждали, ждали...

— Ты меня напугала. Я считал, что ты на работе.

Она шагнула вперед, свет от лампы над дверью упал ей на лицо. На ней было декольтированное платье с искорками, на голове — блестящая паутина вуали. Казалось, она вся окутана мириадами мерцающих звездочек.

— Здесь кто-то был, — сказала она.

— Кто?

— Я подъехала к дому с задней стороны. У передней двери стояла машина, Фило лаял. Я увидела, как из дома

вышли трое, они тащили за собой четвертого. Он сопротивлялся, отбивался, но они выволокли его и запихнули в машину. Фило бросался на них, но они так спешили, что даже не замечали его. Сначала я подумала, что они тащат тебя, но потом разглядела, что это какой-то незнакомый мужчина. Трое были в форме охранников. Я испугалась. Выехала и рванула на шоссе...

— Погоди минуточку, — прервал ее Блейн. — Ты слишком торопишься. Успокойся и расскажи...

— Потом, позже, я подъехала к своему дому, включив фары, и оставила там машину. Прошла через лес и стала тебя ждать.

От скороговорки у нее перехватило дыхание, и она замолчала. Блейн приподнял пальцами ее подбородок и поцеловал. Она оттолкнула его руку.

— Сейчас не время!

— Для этого всегда время.

— Норм, у тебя неприятности? Кто-то охотится за тобой?

— Возможно.

— А ты стоишь здесь и лезешь ко мне с поцелуями!

— Я как раз пытаюсь сообразить, что мне делать.

— И что надумал?

— Пойду навещу Фарриса. Он меня приглашал, а я и забыл.

— По-моему, ты забыл, о чем я тебе рассказала. Охранники...

— Это не охранники. Они просто одеты в форму Охраны.

Норман Блейн вдруг ясно увидел всю картину целиком — словно разрозненные куски мозаики сложились в единое целое. Все несообразности, мучившие его с утра, заняли в этой картине свое место и обрели определенный смысл.

Сначала был липучка, вцепившийся в него на стоянке; затем Люсинда Сайлон, заказавшая сновидение, исполненное покоя и достоинства; потом Гиси — мертвец за обшарпанным столом; и, наконец, «размороженный» — человек, проживший пять столетий в обществе, которое не имело представления о выгоде.

— Но Фаррис...

— Мы с Полом Фаррисом друзья.

— У Пола Фарриса нет друзей.

— Вот такие! — Блейн вытянул вперед два крепко прижатых друг к другу пальца.

— Я бы на твоём месте все же поостереглась.

— Начиная с сегодняшнего дня мы с Фаррисом в одной упряжке. Гиси умер...

— Я знаю. Но какая связь между его смертью и вашей с Фаррисом внезапной дружбой?

— Перед смертью Гиси назначил меня начальником Архива.

— Ох, Норм, я так рада!

— Я надеялся, что ты обрадуешься.

— Но я не понимаю, что происходит. Объясни мне. Кто этот человек, которого тащили охранники?

— Я же тебе сказал — они не охранники.

— Кто он? Не увиливай от ответа.

— Беглец. Человек, удравший из Центра.

— И ты его укрывал?!

— Ну, не совсем...

— Норм, почему кто-то вообще мог удрать из Центра? У вас что, заключенные там сидят?

— Он «размороженный».

Блейн тут же понял, что сболтнул лишнего, но было уже поздно. Глаза у Гарриет загорелись знакомым блеском.

— Эта история не для печати, — сказал он. — Если ты используешь...

— Почему бы и нет?

— Я доверил секрет тебе лично, как близкому человеку.

— От прессы не может быть секретов. Я все-таки репортер, не забывай!

— Но ты же ничего толком не знаешь! Одни намеки и догадки.

— А ты мне расскажи, — сказала она. — Я ведь все равно узнаю.

— Старая песня!

— И тем не менее это в твоих же интересах. Да и мне хлопот поменьше. К тому же в статье тогда будут не сплетни, а факты.

— Я не скажу больше ни слова.

— Глядите, какой стойкий! — Гарриет встала на цыпочки, чмокнула его и нырнула во тьму.

— Постой! — крикнул Блейн, но она уже скрылась в кустах.

Он шагнул за ней и остановился. Бессмысленно. Он ее не поймает. Все тропинки в лесу, разделяющем их коттеджи, известны ей не хуже, чем ему.

Надо же было так оплошать! К утру вся эта история появится к газетам.

Блейн прекрасно понимал, что Гарриет не шутила. Черт бы ее побрал, эту фанатичку! Почему она не может хоть раз в жизни быть не репортером, а просто человеком? Должна же преданность гильдии иметь какие-то границы!

Впрочем, он и сам не лучше. Он тоже беззаветно предан Сновидениям. Как там говорил давешний комментатор? «Опираясь на фанатичную преданность своих служащих, гильдии годами накапливают силы».

Блейн подошел к двери и поежился, представив себе завтрашние газеты. Статьи на первых страницах, кричащие заголовки, набранные 96-пунктовым шрифтом...

«Малейший намек на скандал...» — сказал он сегодня утром Люсинде Сайлон. Ведь репутация Сновидений зиждется на абсолютном доверии общества. Стоит лишь запахнуть скандалом, и доверие рухнет. А скандал неминуем... и шума от него будет много.

Есть всего два выхода. Во-первых, можно попытаться остановить Гарриет. Только как ее остановишь? А во-вторых, можно попытаться сорвать покровы со всей этой истории и обнажить ее суть. Ибо суть ее — заговор, направленный против Сновидений. Заговор, созревший в недрах Центрального Профсоюза в процессе той борьбы за власть, о которой вещал сегодня уверенный в собственной непогрешимости комментатор.

Блейн не сомневался, что теперь ему ясно видны главные нити заговора, соединяющие на первый взгляд разрозненные и невероятные события. Но чтобы подкрепить свои подозрения доказательствами, нужно спешить. Гарриет отправилась охотиться за фактами, на которые он имел неосторожность намекнуть. Возможно, к утренним выпускам она не успеет, но в вечерних газетах статьи появятся обязательно.

И к этому времени гильдия Сновидений должна суметь опровергнуть разрастающийся шквал домыслов и слухов.

Ему осталось проверить только еще один факт. Вообще говоря, человек должен знать историю своих

предков. Не рыться в книгах, когда приспичит, а держать ее в уме как готовый к употреблению инструмент.

Люсинда Сайлон сказала, что она из Просвещения, и это, скорее всего, правда. Такие вещи слишком легко проверить. Коллинз тоже из Просвещения. Профессор социологии, выдвинувший оригинальную теорию.

Разгадка кроется где-то в истории гильдий, в истории взаимоотношений, связывавших когда-то Сновидения и Просвещение. Да-да, именно там!

Блейн быстро прошел через переднюю, спустился в кабинет. Фило не отставал от него ни на шаг. Блейн нащупал выключатель, бросился к полкам. Пальцем пробежал по корешкам и наконец нашел нужную книгу.

Усевшись за стол, он включил лампу и принялся листать страницы. Вот оно — то, что смутно забрезжило в памяти: факт, когда-то давно вычитанный из этой книги и забытый с годами за ненадобностью.

Глава 10

Дом Фарриса окружала стальная стена — слишком высокая, чтобы перепрыгнуть, слишком гладкая, чтобы забраться. У ворот и дальше, у входа в дом, стояло по охраннику.

Первый охранник обыскал Блейна; второй потребовал удостоверение личности. Убедившись в его подлинности, охранник велел роботу отвести гостя к хозяину.

Пол Фаррис опустошал бутылку. Опорожненная больше чем наполовину, она стояла на столике рядом с креслом.

— Долго же вы добирались, — пробурчал Фаррис.

— Я был занят.

— Чем занят, друг мой? — Фаррис ткнул пальцем в бутылку. — Угощайтесь. Стаканы в баре.

Блейн налил себе бокал почти до краев.

— Гиси был убит, верно? — проронил он небрежно.

Виски в бокале у Фарриса слегка колыхнулось, но больше он ничем не выдал своих эмоций.

— Следствием установлено, что это самоубийство.

— На столе стоял стакан, — продолжал Блейн. — Гиси перед смертью налил в него воду из графина. В воде был яд.

— Зачем вы рассказываете мне то, о чем я и без вас прекрасно знаю?

— Вы кого-то покрываете.

— Возможно. Возможно также, что это не ваше собачье дело.

— Я кое-что понял. Просвещение...

— О чем вы?

— Просвещение давно уже точит нож на нашу гильдию. Я покопался в истории. Сновидения начинали свою деятельность как один из отделов Просвещения. Отдел, занимавшийся методикой обучения во сне. Потом отдел разросся, появились некоторые новые идеи. Все это было тысячу лет назад. Сновидения отпочковались от..

— Погодите минуточку. Повторите еще раз, помедленнее.

— У меня есть версия...

— И голова у вас тоже есть. Плюс хорошее воображение. Я еще днем заметил: котелок у вас варит быстро. — Фаррис поднял бокал, опустошил его одним глотком и бесстрастно произнес: — Мы вонзим этот нож им в самую глотку.

Так же бесстрастно он швырнул бокал в стенку. Тот разлетелся вдребезги.

— Какого черта никто не додумался до этого раньше? Все было бы гораздо проще... Сидите, Блейн. Надеюсь, мы с вами понимаем друг друга.

Блейн сел и вдруг почувствовал приступ дурноты. Какой же он осел! Просвещение не имеет никакого отношения к убийству Гиси. Патрона убил Пол Фаррис — Фаррис вместе с сообщниками. Сколько их? Бог его знает. Но один человек, даже занимающий столь высокий пост, не мог так четко все организовать.

— Меня интересует только одно, — сказал Фаррис. — Откуда вы взяли бланк с назначением? Вам не могли прислать его с почтой: это не входило в наши планы.

— Я нашел его на полу. Он упал со стола Гиси.

Врать больше не имеет смысла. Ни врать, ни притворяться. Все вообще потеряло смысл. Прежняя гордость и преданность растаяли, словно дым. Даже сейчас, подумав об этом, Блейн ощутил саднящую горечь. Бессмысленность прожитых лет терзала душу, как оружие пытки терзает беззащитную нагую плоть.

Фаррис хихикнул.

— А ты молоток, — сказал он. — Мог ведь и промолчать, никто тебя за язык не тянул. Ты мужик отчаянный. Думаю, мы поладим.

— Еще не поздно, — резко ответил Блейн. — Вы еще можете выпихнуть меня из седла. Если сумеете, конечно.

Бравада чистой воды. Бравада и горечь. Зачем он это говорит? На кой ему теперь должность начальника Архива?

— Успокойся, — сказал Фаррис. — Назначение остается в силе. Я даже рад, что все так обернулось. Очевидно, я недооценивал тебя, Блейн. — Он взял в руки бутылку — Дай-ка мне другой стакан.

Блейн протянул ему бокал, Фаррис налил им обоим.

— Ты, наверное, много чего разнюхал?

Блейн покачал головой:

— Не очень. Я знаю про аферу с подменой сновидений...

— Попал в десятку! — заявил Фаррис. — В самое яблочко. В этом вся суть. Рано или поздно нам пришлось бы тебя посвятить, так почему бы не сейчас?

Он откинулся в кресле, растянувшись поудобнее.

— Все началось давным-давно, семьсот лет назад, и держалось в строжайшем секрете. Проект был задуман как долговременный, естественно, поскольку мало кто из клиентов заказывает сон продолжительностью меньше столетия. Сначала работа велась чрезвычайно осторожно и медленно; в те времена руководству Сновидений приходилось действовать с оглядкой. Но в последние столетия репутация гильдии стала безупречной, и масштабы эксперимента расширились. Мы уже осуществили значительную часть проекта, по ходу дела внося в него изменения и дополнения. Через сто лет, а может, даже раньше, мы будем готовы. По сути дела, мы готовы уже сейчас, но мы решили, что лучше выждать еще сотню лет. В нашем распоряжении находятся такие средства, в которые просто невозможно поверить. Но они реальны! Ибо наша информация достоверна и получена из первых рук.

В груди у Блейна похолодело от горького разочарования.

— Значит, все эти годы...

— Вот именно! Все эти годы. — Фаррис рассмеялся. — И притом в глазах общественности мы чисты,

как лилия. Сколько сил мы положили на то, чтобы создать себе подобную репутацию! Мы тихие, мы скромные. Другие союзы орали во всю глотку, поигрывали мускулами — мы помалкивали. Одна за другой гильдии постепенно усваивали ту истину, которую мы поняли с самого начала. Что рот нужно держать на замке, а силу свою скрывать вплоть до решающего момента.

Со временем эту истину поняли все, хоть и не без труда, но поняли слишком поздно. Наша гильдия приступила к осуществлению проекта еще до создания Центрального Профсоюза. И все это время мы тихонечко сидели в углу, смиренно сложив на коленях руки, склонив головы и потупив очи долу, — этакие скромники! Никто даже не замечал нашего присутствия. Мы ведь такие робкие и тихие. Общество пристально следит за Связью и Транспортom, Питанием и Промышленностью — они большие ребята, видные. А на Сновидения никто не обращает внимания, хотя именно мы, и только мы обладаем реальным оружием для захвата власти.

— Я не понимаю лишь одной вещи, — сказал Блейн. — Или, может быть, двух. Откуда вы знаете, что события в подмененных сновидениях развиваются так, как они развивались бы в реальной действительности? Наши настоящие сновидения, например, были чистой фантазией, они никогда не могли бы сбыться в жизни.

— То-то и оно, — сказал Фаррис. — Как раз эта проблема пока мешает нам выступить в открытую. Когда мы сможем представить убедительные доказательства, мы будем непобедимы. Поначалу гильдия проводила эксперименты на собственных служащих-добровольцах. Их погружали в сон ненадолго — лет на пять-десять, не больше. И оказалось, что их сновидения сильно отличаются от того, что они ожидали увидеть.

Когда в основу сновидения вместо фантазий и желаний клиента заложена логика, оно начинает развиваться по собственным законам. Некоторые факторы намеренно задаются искаженными — и развитие цивилизации идет своей дорогой, не обязательно правильной, но почти всегда неожиданной. Если сновидение изначально лишено логической основы, получается просто бесформенная каша. Но если ввести в основу логику, она подчиняет себе фантазию и формирует структуру сно-

видения по-своему В результате изучения логических сновидений мы пришли к выводу, что они точно отражают гипотетическую реальность. В них появляются какие-то неожиданные тенденции, вызываемые к жизни обстоятельствами и фактами, которых мы при всем желании не могли бы предвидеть. И эти тенденции приходят к вполне логичному завершению.

В глубине души у Фарриса давно уже гнезвился страх. Сколько человек за семь веков терзалось подобными страхами: «А не выдумка ли все это? Или сновидения вполне реальны? А если реальны, то кто их создал? Мы? Или они существуют сами по себе, а мы лишь попадаем в них?»

— Но откуда вы знаете, что происходит в сновидениях? — спросил Блейн. — Спящие вам рассказывать не станут, а если и станут, вы же им не поверите...

— Тут все просто, — рассмеялся Фаррис. — У нас есть шлемы с двусторонней связью. Загрузка длится недолго: схемы, факторы, нечто вроде завязки, а потом мы отключаемся и сновидение развивается само по себе. Но у нас есть и обратный канал, встроенный в шлем. Сновидение постоянно записывается на пленку. Мы изучаем его по мере поступления записей, и нам не нужно дожидаться пробуждения спящих. У нас горы пленок. Мы изучили миллионы факторов, определяющих развитие тысяч различных цивилизаций. В наших руках история — та, которой не было, та, которая могла бы быть и, возможно, та, что еще наступит.

«Только мы обладаем реальным оружием для захвата власти». Так сказал Фаррис. Да, оружие у Сновидений есть — тьмы и тьмы пленок, полученных за семь веков. Миллиарды часов человеческого опыта — опыта очевидцев, накопленного в других цивилизациях. Некоторые из них, возможно, совершенно утопичны, зато другие были на волосок от реальности, и, вероятно, многие могут быть сознательно воплощены в жизнь.

Благодаря пленкам познания гильдии значительно превосходят реальный человеческий опыт. Сновидения заграбастали себе все козыри, какую область ни возьми — будь то экономика, политика, социология, философия или психология. Гильдия может пустить людям пыль в глаза экономическими трюками; может заставить общество поднять кверху лапки с помощью политических теорий; может использовать психологиче-

ские меры воздействия, перед которыми окажутся бес-
сильны все прочие профсоюзы.

Годами Сновидения играли в простодушных скром-
ников, сидели в углу, смиренно сложив на коленях
ладошки. Тихие, спокойные. И непрерывно оттачивали
свое оружие, готовясь пустить его в ход в нужную
минуту.

«И еще — преданность, — подумал Блейн. — Обыч-
ная человеческая преданность. Удовлетворение от со-
знания отлично выполненной работы. Радостное служе-
ние, гордость своими достижениями, дружеская атмо-
сфера в Центре...»

Год за годом наматывались пленки с обратной за-
писью, год за годом мужчины и женщины, доверчиво
вверявшие гильдии свои заветные мечты о сказочных
мирах, влачили жалкое существование в сновидениях,
подчиненных фантастической, но жесткой логике.

Голос Фарриса все журчал и журчал. Блейн наконец
прислушался:

— ...Гиси предал нас. Он хотел назначить начальни-
ком Архива человека, который разделял бы его взгляды.
И он выбрал тебя, Блейн. Из всех кандидатов он выбрал
тебя! — Фаррис оглушительно расхохотался. — Знал
бы он, черт побери, как он ошибся!

— Да уж, — согласился Блейн.

— Поэтому нам пришлось убрать его: чтобы не до-
пустить твоего назначения. Но ты переиграл нас, Блейн.
Котелок у тебя варит что надо. Но как ты догадался?
Как сообразил, что надо делать?

— Это не так уж важно.

— Выбор момента — вот что важно. Правильно вы-
брать момент, — сказал Фаррис.

— У вас, насколько я понимаю, с этим все в ажуре.

Фаррис кивнул:

— Я разговаривал с Эндрюсом. Он поддержит нас.
Конечно, он не в восторге от наших планов, но у него
нет другого выхода.

— Вы сильно рискуете, Фаррис, делаясь со мной
всеми подробностями.

— Какой к черту риск! Ты теперь наш, куда ты
денешься? Стоит тебе только пикнуть — и ты погу-
бишь свою любимую гильдию; впрочем, мы и не дадим
тебе пикнуть. Отныне, Блейн, ты будешь жить под
дулом пистолета. За тобой непрерывно будет вестись

наблюдение. Так что лучше не делай глупостей. К тому же ты мне нравишься, Блейн. Мне нравится твой стиль. Твоя версия о Просвещении — это ж гениальная находка! Пока ты на нашей стороне, тебе ничего не грозит. Да тебе и уйти-то некуда, ты увяз по самую макушку. Как-никак, ты теперь начальник Архива, ты отвечаешь за все сновидения, это тебе не шуточки.. Давай-ка, допивай свой стакан.

— Я и забыл о нем, — сказал Блейн.

И выплеснул остаток виски Фаррису в лицо. Не прерывая движения руки, разжал пальцы. Бокал упал на пол. Ладонь Блейна уже сжимала горлышко бутылки.

Пол Фаррис вскочил, яростно протирая руками глаза. Блейн встал одновременно с ним, замахнулся и обрушил бутылку на голову начальника Охраны. Фаррис свалился на ковер, по волосам зазмеились струйки крови.

Норман Блейн застыл в оцепенении. Комната и фигура на полу вдруг озарились в мозгу яркой моментальной вспышкой, обжигаяще запечатлевая в памяти каждую деталь обстановки, каждую черточку распростертого на ковре тела. Блейн поднял руку и обнаружил, что все еще держит горлышко бутылки с отбитыми острыми краями. Он запустил им в стену и, согнувшись, бросился к окну, ощущая спиной неизбежную пулю. Прыгнул, на ходу сгруппировавшись, защищая руками лицо. Пробил своим телом стекло, услышал треск и хруст осколков и почувствовал, что летит.

Он приземлился на гравиевой дорожке и покатился вперед, пока его не остановил густой кустарник. Тогда он разжал руки и быстро пополз к стене. Но стена гладкая — это он помнил, — на такую не заберешься. Гладкая, высокая и только одни ворота. Его поймают и убьют. Затравят, как зайца на охоте. У него нет ни единого шанса. И оружия тоже нет, а если бы и было, он не умеет с ним обращаться. Все, что ему остается, — прятаться и спасаться бегством. Но прятаться особенно некуда, да и бежать тоже. «И все равно я рад, что вмазал ему», — подумал Блейн.

Он расквитался за позорный семивековой обман, за поруганную и оплеванную преданность. Конечно, удар его запоздал и ничего уже не изменит. Он так и останется символическим жестом, о котором никто не узнает, кроме Нормана Блейна.

Интересно, много ли весят в этом мире символические жесты?

Блейн услышал за спиной топот и крики. Погоня будет недолгой. Он съежился в кустах, пытаясь найти какой-то выход из положения, но гладкая отвесная стена заранее обрекала все попытки на неудачу.

Шипящий шепот раздался как раз от стены. Блейн вздрогнул и вжался в кусты еще глубже.

— Ш-ш-ш! — снова прошипел чей-то голос.

«Провокация! — подумал Блейн. — Они выманивают меня отсюда».

И тут же увидел веревку, свисающую со стены, освещенной светом из разбитого окна.

— Ш-ш-ш! — предостерег его голос.

Блейн рискнул. Метнулся из кустов через дорожку к стене. Веревка ему не привиделась, и она была закреплена. Подгоняемый отчаянием, Блейн вскарабкался по ней с обезьяньей ловкостью и схватился рукой за край стены. Злобно щелкнул выстрел. Пуля врезалась в стену и, отскочив, с визгом скрылась во тьме.

Не думая об опасности, Блейн перемахнул через стену. Сильный удар о землю чуть не вышиб из него дух. Он лежал, судорожно хватая ртом воздух, а перед глазами бешеным хороводом кружились слепящие искры.

Чьи-то руки подняли его и понесли. Хлопнула дверца, и машина, взревев, умчалась в ночь.

Глава 11

Над ним склонилось лицо, губы шевелились — человек что-то говорил. Норман Блейн уже видел где-то это лицо, но узнать его не смог. Он закрыл глаза и попытался вновь окунуться в прохладную мягкую мглу. Но мгла не была больше мягкой, она стала враждебной и колючей. Он снова открыл глаза.

Лицо говорящего человека склонилось еще ниже. Блейн ощутил на щеке брызги чужой слюны. Когда-то он уже пережил подобное ощущение.. Сегодня утром, на стоянке... К нему пристал липучка. И вот он опять изрыгает на Блейна словесный поток, чуть не вплотную прижавшись лицом.

— Угомонись, Джо, — сказал другой голос. — Он еще не очухался. Ты слишком сильно ему врезал, он тебя не понимает.

И этот голос тоже был знаком Блейну. Он оттолкнул рукой назойливое лицо, резко сел и прижался спиной к шероховатой стене.

— Привет, Коллинз, — сказал он обладателю второго голоса. — Как ты сюда попал?

— Меня привезли.

— Я так и понял. — Блейн взглянул вперед: старый заброшенный подвал, идеальное место для заговорщиков. — Это твои друзья?

— Можно сказать и так.

Перед Блейном вновь вынырнул липучка.

— Уберите его от меня! — сказал Блейн.

Третий голос велел Джо убраться — тоже знакомый голос. Джо исчез из поля зрения. Блейн утер рукой лицо.

— Следующим, кто здесь появится, будет Фаррис, — сказал он.

— Фаррис мертв, — отозвался Коллинз.

— Вот уж не думала, что у тебя хватит духа, — сказала Люсинда Сайлон.

Блейн откинул голову к стене и наконец увидел их всех, стоящих в рядок: Коллинза, Люсинду, Джо и еще двоих незнакомцев.

— Больше он не будет смеяться, — сказал Блейн. — Я вбил ему смех обратно в глотку.

— Мертвецы не смеются, — заметил Джо.

— Я не так уж сильно его ударил.

— Ему хватило.

— Откуда вы знаете?

— Мы в этом удостоверились, — сказала Люсинда.

Блейн вспомнил, как она сидела сегодня утром напротив него за столом. Собранная, невозмутимая. Она и сейчас совершенно спокойна. Такая вполне способна удостовериться — как следует удостовериться — в том, что человек превратился в труп.

Это было не так уж и сложно. Охранники устремились в погоню за Блейном, и любой желающий мог незаметно проскользнуть в дом, чтобы убедиться в том, что Фаррис уже не встанет.

Блейн поднял руку, пощупал шишку у себя за ухом. Они и о нем позаботились — удостоверились, что он

не придет в себя слишком рано и не поднимет шум. Блейн встал, опираясь о стену, чтобы удержаться на трясущихся ногах. Посмотрел на Люсинду

— Просвещение, — сказал он. Повернулся к Коллинзу и добавил: — И вы тоже.

Он оглядел всех подряд и спросил.

— И вы? Вы с отсюда?

— Просвещение давно уже в курсе, — сказала ему Люсинда. — Лет сто, если не больше. Мы не сидели сложа руки. И на сей раз, друг мой, мы прижмем Сновидения к стенке!

— Заговор! — Из груди у Блейна вырвался горький смешок. — Великолепное сочетание — Просвещение и заговор! Плюс липучки. Господи, нет, скажите мне, что липучки не из вашей компании!

Подбородок Люсинды почти незаметно взлетел вверх. Плечи гордо распрямились.

— Да, и липучки тоже.

— Теперь, — сказал Блейн, — мне все ясно! — И устремил обвиняющий перст в сторону Коллинза.

— Когда профессор погрузился в сон, никто еще ни о чем не подозревал, — возразила Люсинда. — Коллинз, насколько я понимаю, открыл вам глаза на действительность вашей гильдии. Мы вышли на него.

— Вышли на него?.

— Естественно! Вы же не думаете, что у нас в Центре нет своих... ну, скажем, представителей?

— Шпионов.

— Пожалуйста. Зовите их шпионами, если угодно.

— А я? Каким боком я вписываюсь в вашу схему? Или я просто случайно попал под ноги?

— Случайно? Да Бог с вами! Вы были так довольны собой, дорогой мой. Такой самонадеянный, такой самолюбленный идеалист — сказала Люсинда.

Выходит, не так уж он и ошибся. Заговор Просвещения не плод его фантазии. Единственное, о чем Блейн не догадался тогда, да и не мог догадаться, так это о том, что заговор Просвещения натолкнулся на целую сеть интриг внутри самой гильдии Сновидений. А он, Блейн, вляпался в самый центр столкновения. Ну надо же, какой счастливчик! Просто фантастическое везение. Да вздумай кто-нибудь намеренно спровоцировать такую ситуацию, можно всю жизнь стараться, и все зря!

— Я говорил вам, дружище, — промолвил Коллинз, — что дело тут нечисто. Сновидения типа моего создают не просто так, а с определенной целью.

«Конечно, с целью, да еще с какой!» — подумал Блейн. С целью собрать данные о гипотетических цивилизациях и воображаемых культурах — данные из первых рук, позволяющие понять, к каким последствиям приведут такие-то и такие-то условия; собрать данные, рассортировать их, выбрать из них факторы, поддающиеся прививке к существующей цивилизации, а затем приступить к сооружению смоделированной действительности, приступить так же хладнокровно и методично, как плотник приступает к сооружению курятника. А древесиной и гвоздями для этой курятниковой цивилизации должны были стать материалы сновидений, в которые погружают ни о чем не подозревающих людей.

Ну а с какой целью Просвещение стремится вывести их на чистую воду? Политика, должно быть. Ведь гильдия, сорвавшая маску с двуличных Сновидений, заслужит восхищение общества и таким образом укрепит свои позиции в предстоящей борьбе за власть. Хотя не исключено, что ими движут более искренние побудительные мотивы. Может, они и в самом деле озабочены незримо растущим могуществом гильдии Сновидений, способной подмять под себя все прочие союзы?

— Ну и что же теперь? — спросил Блейн.

— Друзья советуют мне подать жалобу, — сказал Коллинз.

— И вы собираетесь последовать совету.

— Думаю, да.

— Но почему именно вы? Почему именно сейчас? Вы не первый, кому подменили сновидение! Просвещение наверняка внедрило к нам сотни клиентов!

Коллинз повернулся к Люсинде Сайлон:

— А ведь он прав! Вы же подали заявку, то есть сами собирались погрузиться в сон!

— Вы в этом уверены? — сказала она в ответ.

А действительно — собиралась ли она? Или заявка была лишь поводом добратся до него, до Блейна? Теперь-то уж ясно, что они выбрали его как слабое звено в гильдии Сновидений. Сколько таких же слабых звеньев использовало Просвещение в своих целях? Возможно, ее заявка была лишь способом войти с ним в контакт, чтобы как-то заставить его сделать то, на что Просвещение считало его способным.

— Мы выбрали Коллинза, — сказала Люсинда, — потому что он первый независимый свидетель, не имеющий отношения к разведывательной службе Просвещения. Да, мы погружали в сон своих людей, чтобы иметь очевидцев, но свидетельств, представленных шпионами Просвещения, для суда было бы недостаточно. А Коллинз чист. Он уснул до того, как у нас возникли подозрения, что Сновидения ведут двойную игру.

— И все равно, он не первый. Были и другие. Почему вы не использовали их?

— Мы не могли их найти.

— Не могли...

— Вашему Центру лучше знать, что с ними произошло. Может, вы в курсе, мистер Блейн?

Блейн покачал головой:

— И все равно не понимаю — зачем я здесь? Не поверю, что вы всерьез надеетесь, будто я стану вашим свидетелем. Зачем вы меня сюда притащили?

— Мы спасли вам жизнь, — ответил Коллинз. — Похоже, вы уже забыли об этом.

— Вы можете уйти, когда захотите, — сказала Люсинда.

— Только имейте в виду, что за вами охотятся, — ввернул Джо. — Вас разыскивают головорезы Фарриса.

— На вашем месте я бы остался, — сказал Коллинз.

Они уверены, что загнали его в угол. У них прямо-таки на лицах написано: загнали, поймали и связали по рукам и ногам. Теперь он будет повиноваться им во всем. В груди поднялась волна слепой холодной ярости. Да как они смеют! Решили, видите ли, что человека из Сновидений можно так просто поймать в ловушку и подчинить своей воле!

Норман Блейн шагнул вперед, отделившись от стены, и остановился, глядя в полутьму подвала.

— Где здесь выход? — спросил он.

— Вверх по ступенькам, — сказал Коллинз.

— Вам помочь? — спросила Люсинда.

— Я сам.

Нетвердой походкой он подошел к лестнице, с каждым шагом чувствуя себя все более уверенно. Он обойдется без их помощи. Поднимется по ступенькам и выйдет на волю. Ему вдруг ужасно захотелось глотнуть прохладного свежего воздуха, вырваться из этой затхлой норы, где воняет грязными интригами!

Он повернулся к ним лицом. Они стояли у стены, словно призраки, только глаза горели во мгле.

— Спасибо за все, — сказал Блейн. Постоял еще немного, глядя на них, и повторил: — За все!

Он отвернулся и пошел вверх по лестнице.

Глава 12

Было темно, хотя уже недалеко до рассвета. Луна зашла, но звезды сияли, как лампочки, и предрассветный вкрадчивый ветерок продувал притихшие улицы.

Блейн находился в одном из небольших торговых центров, во множестве разбросанных по округе. Сплошные витрины и мириады сияющих огней.

Он вышел из дверей подвала, запрокинул голову, подставляя ее ветру. После подвальной духоты воздух казался удивительно свежим и чистым. Блейн глотал его с наслаждением, ощущая, как развеивается туман в голове, как наливаются силой ослабевшие ноги.

Улица была пустынна. Он побрел вперед, размышляя, что же теперь предпринять. Что-то надо делать, причем немедленно. Нельзя допустить, чтобы утром его взяли здесь, в этом торговом центре.

Нужно куда-то спрятаться от охранников, идущих за ним по следу!

Но спрятаться некуда. Они будут выслеживать его неумолимо и упорно, как опасного зверя. Он убил их предводителя — по крайней мере, они так считают, — а такие вещи никому не проходят даром.

Открытой облавы с привлечением общества и прессы можно не опасаться: охранникам не с руки рекламировать убийство Фарриса. Но это не означает, что преследование будет менее беспощадным. Уже сейчас они наверняка рыщут по округе, вынюхивают все его возможные контакты и убежища. Домой идти нельзя, к Гарриет нельзя, никуда нельзя...

Гарриет!

Ее ведь нет дома. Она тоже где-то рыщет, собирая факты для статьи, появление которой он должен предотвратить. И это куда важнее его собственной безопасности. Под угрозой честь и достоинство гильдии Сновидений... если у гильдии еще остались честь и достоинство.

Ну конечно остались! Ведь тысячи служащих и руководителей отделов даже не подозревают о подмене сновидений. Для большинства членов гильдии ее предназначение осталось таким же, каким оно было тысячу лет назад, — таким же чистым и ясным. Они искренне вкладывают в работу душу, болеют за свое дело, гордятся тем, что честно служат обществу.

Скоро всему этому придет конец. Через несколько часов... Первый заголовок в газете, первое дуновение скандала — и чистая светлая цель сгорит алым пламенем в чадном дыму позора.

Не может такого быть, чтобы не существовало способа предотвратить публичное позорище и спасти гильдию! И если есть такой способ, то найти его должен именно он, Норман Блейн, ибо он единственный знает об угрозе бесчестия.

Первым делом нужно повидаться с Гарриет: поговорить с ней, объяснить, убедить, чтобы не рубила сплеча. Охранники выслеживают его своими силами, не прибегая к посторонней помощи, особенно к помощи других гильдий. Значит, телефонные автоматы прослушиваться не будут.

Он увидел вдали телефонную будку и бегом устремился к ней. Шаги гулко отдавались в холодной утренней тиши.

Блейн набрал рабочий номер Гарриет.

Нет, ответил ему мужской голос, она не приходила. Нет, ни малейшего представления. Может, он оставит свой номер на случай, если Гарриет объявится?

— Благодарю вас, не стоит, — сказал Блейн и набрал другой номер.

— Мы закрыты. — Голос был записан на пленку. — Здесь никого нет.

Он набрал следующий номер — гудки. Еще один — в ответ механический голос:

— Здесь никого нет, мистер. Мы давно закрылись. Уже почти утро.

Ее нет ни на работе, ни в любимых ночных ресторанах. Может, она дома? Он помедлил немного и решил, что звонить туда небезопасно. Охранники наверняка поставили на прослушивание и ее телефон, и его, несмотря на то что без санкции Связи это противозаконно.

Оставался еще один шанс, правда, довольно эфемерный. Домик у озера, куда они ездили как-то вечером.

Блейн нашел номер телефона, набрал.

— Да, она здесь, — ответил мужской голос.

— Привет, Норм, — сказала она через несколько мгновений, и он уловил панику в ее голосе, услышал ее учащенное прерывистое дыхание.

— Я должен поговорить с тобой.

— Нет, — сказала она. — Нет. Зачем ты звонишь? Тебе не надо говорить со мной. Тебя ищут...

— Я должен поговорить с тобой. Эта история...

— Я все знаю.

— Но ты обязана меня выслушать! То, что ты знаешь, неправда! На самом деле все было совсем не так, как тебе наболтали.

— Ты должен куда-то скрыться, Норм! Охранники охотятся за тобой...

— К черту охранников!

— До свидания, Норм. Надеюсь, тебе удастся уйти. В трубке раздались гудки.

Он сидел, ошарашенно глядя на телефон.

«Надеюсь, тебе удастся уйти. До свидания, Норм. Надеюсь, тебе удастся уйти».

Она напугана до смерти! Она не хочет его слушать. Она стыдится знакомства с ним — с человеком опозоренным, с убийцей, за которым охотятся охранники.

Она все знает, так она сказала. Вот что самое главное. Ей нашептали всякие гадости, обдавая запахом джина с тоником или виски с содовой. Старый испытанный метод состряпать статейку: задействовать все информационные каналы и выпытать как можно больше грязных подробностей, благо у Связи нет недостатка в «достоверных источниках» и добровольных информаторах.

— Скверно, — сказал себе Блейн.

Стало быть, она все знает, а следовательно, скоро напишет статью, и кричащие газетные заголовки хлынут на улицы потоком.

Нет, этого нельзя допустить! Должен быть какой-то способ.

И он есть. Есть такой способ.

Блейн зажмурился и вздрогнул, похолодев от испуга.

— Нет, только не это, — пробормотал он.

Но другого выхода не было.

Блейн встал, вышел из будки на пустынный тротуар, расцвеченный всполохами рекламных огней. Небо над крышами уже посветлело, скоро взойдет солнце.

Машины с выключенными фарами он заметил лишь тогда, когда она подъехала к нему почти вплотную. Шофер высунул голову:

— Вас подбросить, мистер?

Блейн дернулся от неожиданности. Мускулы напряжились, но бежать было некуда. Негде спрятаться, негде укрыться. Игра окончена. Странно, почему они не стреляют.

Задняя дверца машины распахнулась.

— Влезайте, — сказала Люсинда Сайлон. — Да не стойте же столбом! Влезайте, вы, ненормальный!

Он живо плюхнулся на сиденье и захлопнул дверцу.

— Я не могла оставить вас им на растерзание, — сказала женщина. — Они взяли бы вас тут еще до рассвета.

— Мне нужно в Центр, — сказал Блейн. — Можете подбросить меня туда?

— Вы отдаете себе отчет...

— Мне нужно, — повторил он. — Если вы меня не отвезете..

— Отвезем, — сказала Люсинда.

— Мы не можем его туда везти, ты сама знаешь, — возразил шофер.

— Джо, человеку нужно в Центр.

— Глупости, — сказал Джо. — Что он там забыл, в Центре? Мы спрячем его...

— В Центре меня не будут искать, — сказал Блейн. — А если и будут, то в самую последнюю очередь.

— Вы не сможете пробраться в здание.

— Я проведу его, — сказала Люсинда.

Глава 13

Джо резко вырулил за поворот и увидел прямо перед собой дорожное ограждение. Тормозить было поздно, развернуться негде.

— Ложись! — заорал он и до упора вдавил педаль акселератора.

Мотор бешено взвыл, Блейн схватил Люсинду в охапку и скатился вместе с ней на пол.

Машина с диким скрежетом врезалась в ограждение. Краем глаза Блейн видел, как за окошком летят во все стороны обломки досок. Что-то садануло по стеклу и их с Люсиндой осыпало дождем осколков.

Машина дернулась, крутанулась — и вырвалась на дорогу, шлепая по асфальту спустившей шиной. Блейн ухватился за сиденье, подтянулся рывком и втащил за собой Люсинду.

Покореженный капот задрался кверху, загораживая водителю обзор. Корявые металлические лохмотья, бывшие недавно частями капота, хлопали на ветру.

— Долго не протянем, — проворчал Джо, вцепившийся в руль.

Он повернул голову, мельком взглянул на своих пассажиров и вновь отвернулся. Лицо его было залито кровью, сочившейся из раны на виске.

Сбоку раздался громкий взрыв. Металлические дробинки градом застучали по накренившейся машине.

Гранатомет! И следующий выстрел будет более метким.
— Прыгай! — завопил Джо.

Блейн замешкался. Как молния, мелькнула мысль: не может он прыгать! Не может бросить здесь этого человека — липучку по имени Джо. Он должен остаться. В конце концов, это его сражение, а не их.

Пальцы Люсинды впились в его руку:

— Дверь!

— Но Джо...

— Дверь! — пронзительно крикнула она.

Прямо перед машиной взорвалась еще одна граната. Блейн нащупал дверную ручку, нажал. Дверца распахнулась, с размаху вернулась назад и больно стукнула в бок. Блейн метнулся на шоссе, ударился плечом о бетон и покатился к обочине. Бетон окончился, и Блейн полетел в никуда.

Приземлился он в жидкую грязь. Поднялся, отплевываясь и разбрызгивая вокруг себя болотную жижу. В голове стоял жуткий звон, перед глазами плыли круги, тупо ныла шея. Плечо, которым он ударился о бетон, горело огнем. В ноздри бил терпкий запах перегноя, плесени, гниющих растений. Вдоль придорожной канавы дул пронзительный холодный ветер.

Вверху на дороге опять гроыхнуло, и в свете вспыхнули Блейн увидел, как взметнулись в воздух бесформенные обломки. И тут же к небу, словно факел, взвился огромный яркий костер.

«Это машина», — подумал Блейн.

А в машине — Джо. Маленький человечек, липучка, приставший к Блейну утром на стоянке и вызвавший у

него лишь раздражение и злость. И вот теперь человек погиб. Он сознательно пошел на смерть ради чего-то большего, чем он сам.

Блейн побрел вдоль канавы, пригибаясь и прячась за тростником.

— Люсинда!

Впереди послышался всплеск. Блейн даже удивился — настолько сильный прилив облегчения и радости прихлынул к груди.

Значит, она спаслась; она здесь, в придорожной канаве, в безопасности... ну, скажем, в относительной безопасности. Их могут обнаружить в любую минуту. Надо уходить, и чем быстрее, тем лучше.

Костер на шоссе догорал, стало темнее. Блейн зашлепал по воде вперед, стараясь не слишком шуметь.

Она поджидала его, прижавшись к насыпи.

— Вы в порядке? — прошептал он, и женщина быстро кивнула во тьме.

Она подняла руку, указывая в сторону от шоссе. За болотом, густо поросшим камышами, высилось здание Центра, освещенное первыми лучами рассвета.

— Мы почти у цели, — мягко проговорила Люсинда.

Она пошла вперед, из канавы в болото, вдоль ручейка, струившегося меж тугих стеблей осоки и тростника.

— Вы знаете дорогу?

— Идите за мной, — сказала она.

Он вяло подумал про себя: «Интересно, сколько лазутчиков пробиралось этой тайной тропой через трясину? И сколько раз сама Люсинда шагала туда и обратно?» Трудно как-то представить ее такой — заляпанной грязью и тиной, устало бредущей по болоту. За спиной послышались крики отряда охранников, сидевших в засаде за дорожным ограждением. Надо же! Видно, головорезы Фарриса совсем озверели, если не побоялись заблокировать общественную магистраль. За такие штучки можно и по шее схлопотать.

Он сказал Люсинде, что охранники не станут искать его в Центре. Как видно, он ошибся. Они поджидали его на шоссе, уверенные в том, что он попытается проникнуть в здание. Почему?

Люсинда остановилась возле дренажной трубы диаметром около трех футов, из отверстия которой тонкой струйкой бежала вода, стекая в болото.

— Ползком сможете? — спросила она.

— Я сейчас все смогу.

— Смотрите, путь неблизкий.

Он взглянул на массивное здание Центра, росшее, как казалось отсюда, прямо из болота.

— Всю дорогу по трубе?

— Всю дорогу.

Она подняла испачканную ладонь и откинула со лба прядь волос, оставив на лице полоску грязи. Блейн усмехнулся, глядя на нее, такую промокшую и измотанную, совсем не похожую на холодное невозмутимое создание, сидевшее утром напротив него за столом.

— Если вздумаете смеяться, — сказала она, — клянусь, я влеплю вам затрещину.

Она уперлась локтями в нижнюю стенку трубы и залезла внутрь, извиваясь всем телом. Потом встала на четвереньки и поползла вперед. Блейн последовал за ней.

— Маршрут у вас отработан четко, — прошептал он. Труба подхватила шепот, стократно умножив его, перекатывая от стенки к стенке причудливым эхом.

— Иначе нельзя. Мы боролись с опасным противником.

Казалось, прошла уже целая вечность, а они все ползли и ползли по трубе.

— Здесь, — сказала наконец Люсинда. — Осторожнее!

Она протянула Блейну руку, потащила за собой. Сбоку пробился слабый лучик света: в обшивке трубы зияла узкая щель.

— За мной! — Люсинда протиснулась в щель и пропала из виду.

Блейн с опаской полез за ней. Рваный край обшивки врезался в спину, располосовал рубашку, но Блейн с усилием пропихнул тело вперед и упал.

Они стояли в полутемном коридоре. Воздух был застоявшийся, затхлый; по влажным каменным стенам сочилась вода. Дойдя до ступенек, они поднялись наверх, прошли по другому коридору, потом опять наверх.

И вдруг сырые камни сменились знакомым мраморным вестибюлем. Над сияющими медью дверями лифтов горели яркие настенные светильники.

Стоявшие в вестибюле роботы все как по команде обернулись и направились к ним. Люсинда вжалась в стену.

Блейн схватил ее за руку.

— Быстро назад!

— Блейн! — окликнул его один из роботов. — Погодите минуту!

Блейн развернулся и замер, выжидая. Роботы остановились.

— Мы ждали вас, — продолжал робот-спикер. — Мы были уверены, что вы придете.

Блейн дернул Люсинду за руку.

— Погодите! — шепнула она. — Послушаем, чего он скажет.

— Ример предупредил нас, что вы вернетесь, — сказал робот. — Он знал, что вы попытаетесь.

— Ример? При чем тут Ример?

— Мы на вашей стороне, — объяснил робот. — Мы вышвырнули отсюда охранников. Пожалуйста, следуйте за мной, сэр.

Двери ближайшего лифта медленно раздвинулись.

— Пошли! — сказала Люсинда. — Похоже, все в порядке.

Они вошли в кабинку, робот-спикер за ними. Лифт взмыл вверх, остановился, и они проследовали сквозь плотный строй роботов, выстроившихся в две шеренги от самого лифта до двери с табличкой «Архив».

В дверях стоял человек — крупный, почти квадратный, темноволосый. Блейн встречался с ним раньше, правда не так уж часто. Человек, написавший в записке: «Если захотите встретиться, я к вашим услугам».

— Наслышан о ваших подвигах, Блейн, — сказал Ример. — Я надеялся, что вы постараетесь вернуться. Я рассчитывал на вас.

Блейн поднял на него измученные глаза:

— Рад, что вы так думаете, Ример. Через пять минут...

— Кто-то должен сделать это, — сказал Ример. — Не изводите себя мыслями. Чему быть, того не миновать.

Еле передвигая ноги, налитые свинцом, Блейн пошел вперед, мимо роботов, мимо Римера, в комнату.

Телефон стоял на столе. Блейн опустил в кресло, медленно протянул к трубке руку.

Нет! Только не это! Должен быть какой-то другой способ! Другой, лучший способ одержать верх над ними — над Гарриет с ее статьей, над охранниками, идущими за ним по следу, над заговором, уходящим

корнями во тьму семи веков. Теперь у него появились шансы на победу ведь на его стороне Ример и роботы. Когда он впервые понял, что надо делать, он был гораздо меньше уверен в победе. Единственным его желанием было добраться всеми правдами и неправдами до Центра, попасть в кабинет, где он сидит сейчас, и продержаться в нем достаточно долго, чтобы успеть сделать то, что он должен сделать.

Он думал тогда, что умрет в этой комнате, за столом или в кресле, прошитый пулями охранников, когда дверь наконец не выдержит и сорвется с петель.

Другой способ... Он должен был существовать, но его не было. Остался только один способ — горький плод семивекового сидения в углу со сложенными на коленях ладонями и ядовитыми замыслами в мозгу. Блейн поднял трубку с рычага и, держа ее в руке, взглянул на Римера.

— Как вам удалось? — спросил он. — Как вы переманили на свою сторону роботов? И зачем вы сделали это, Джон?

— Гиси мертв, — ответил Ример, — и Фаррис тоже мертв. Никто пока их не сменил, их должности вакантны. Иерархическая цепочка, друг мой. Бизнес-агент, Охрана, Архив — вы сейчас самый большой начальник. В сущности, после смерти Фарриса вы стали главой Сновидений.

— О Господи, — сказал Блейн.

— Роботы — верные ребята, — продолжал Ример. — Они преданы не какому-то конкретному человеку или отделу. В них заложена преданность гильдии Сновидений. А вы, друг мой, сейчас и есть эта гильдия. Не знаю, надолго ли, но пока что вы полновластный хозяин Сновидений.

Почти бесконечную минуту они молча смотрели друг на друга.

— Вы в своем праве, — сказал наконец Ример. — Давайте, звоните.

«Вот почему охранники были так уверены, что я вернусь», — мелькнуло в голове у Блейна.

Отсюда и заграждение на дороге — возможно, даже не на одной дороге, а на всех шоссе, ведущих к Центру. Чтобы не дать ему вернуться до того, как назначат нового шефа.

«Мог бы и сам догадаться, — подумал Блейн. — Я же практически все это знал... Не далее как вчера днем я подумал о том, что стал теперь третьим человеком в иерархии Центра...»

— ...назовите, пожалуйста, номер. Назовите, пожалуйста, номер, — донесся до него голос оператора. — Будьте добры, скажите, какой вам нужен номер!

Блейн назвал номер и стал ждать.

Вчера утром Люсинда сказала ему с насмешкой: «Преданный вы человек». Может, не дословно так, но смысл был именно таким. Она высмеяла его преданность, высмеяла нарочно, чтобы посмотреть, как он будет реагировать. Преданный человек, сказала она. Что ж, пришла пора расплачиваться за преданность.

— Агентство новостей, — сказал голос в трубке. — Центральное агентство новостей.

— У меня есть для вас сообщение.

— С кем я говорю? Представьтесь, пожалуйста.

— Норман Блейн. Сновидения.

— Блейн? — Пауза. — Вы сказали, вас зовут Норман Блейн?

— Совершенно верно.

— Один из наших корреспондентов сообщил нам сенсационную новость. Но мы придержали ее публикацию, чтобы проверить...

— Пожалуйста, запишите мое сообщение на пленку. Я не хочу, чтобы меня неверно цитировали.

— Мы записываем вас, сэр.

— В таком случае я начинаю...

«Я начинаю. И это начало конца».

— Говорите, Блейн!

— Итак, — сказал Блейн, — в течение семи столетий гильдия Сновидений проводила серию экспериментов с целью изучения параллельных цивилизаций...

— В сообщении нашего корреспондента говорится о том же, сэр. Вы уверены, что это правда?

— Вы мне не верите?

— Нет, но...

— Это правда. Мы проводили опыты семьсот лет, сохраняя их в строжайшей тайне, ибо в силу ряда причин не считали целесообразным ставить общество в известность...

— В сообщении нашего корреспондента...

— К черту вашего корреспондента! — крикнул Блейн. — Я не знаю, что он вам наплел. Я звоню, чтобы сообщить вам, что гильдия Сновидений решила предать гласности факт проведения опытов. Вы меня поняли? Гильдия добровольно, сама решила обнародовать данные экспериментов! Мы просим создать комиссию и обязуемся в течение нескольких дней передать ей всю информацию. В состав комиссии должны быть включены представители разных профсоюзов, чтобы мы смогли вместе обсудить полученные нами результаты и решить вопрос об их наиболее эффективном использовании.

— Блейн! Погодите минуту, Блейн! — Ример взял у него трубку. — Позвольте, я закончу. Вы совершенно измотаны, отдохните немного. Я справлюсь.

Он поднял трубку, улыбнулся.

— Они потребуют подтверждения ваших полномочий, и так далее, и тому подобное. — Он снова улыбнулся. — Гиси хотел это сделать, Блейн. Вот почему Фаррис заставил его уволить меня и в конце концов убил...

Ример сказал в трубку:

— Алло, сэр! У Блейна срочные дела, он вышел. Я расскажу остальное...

Остальное? Что остальное? Все уже сказано.

Сновидения лишились последнего шанса обрести величие и власть. У гильдии был единственный шанс, и он, Норман Блейн, лишил ее этого шанса. Он одержал верх над Гарриет, над Фаррисом с его головорезами, но победа оказалась горькой и бесплодной.

Да, конечно, он спас честь Сновидений. Единственное, что удалось спасти...

Какая-то мысль или внезапный импульс — что-то заставило его поднять голову, будто его окликнул чей-то голос.

Люсинда стояла в дверях. Ее измазанное полосками грязи лицо светилось нежной улыбкой. Глаза были глубокими и ласковыми.

— Неужели вы не слышите ликующих криков? — спросила она. — Не слышите, как приветствует вас вся планета? Как давно, Норман Блейн, как давно не ликовали все вместе люди на этой планете!

КРУТ ЗАМКНУЛСЯ

1

Полученное письмо словно громом поразило Эмби Уилсона, и он вдруг услышал, как рушится вся его жизнь. Письмо было официальное, его имя и звание выделялись — они были, по-видимому, отпечатаны на свежей машинописной ленте. В письме говорилось следующее:

Доктору Амброузу Уилсону
Исторический факультет

С сожалением должен уведомить Вас, что Совет попечителей, собравшись сегодня утром, принял решение по окончании семестра закрыть Университет. Это решение вызвано отсутствием средств и катастрофическим сокращением числа студентов. Вы, разумеется, уже осведомлены о сложившейся ситуации, однако..

Письмо на этом не заканчивалось, но Эмби не стал читать дальше. Он заранее знал, какой набор банальностей содержит оно, и ничего нового не ждал.

Рано или поздно это должно было случиться.

Чудовищные трудности давно донимали попечителей. Университет был практически пуст. А ведь когда-то тут звенела жизнь и пульсировали знания. Теперь он превратился в университет-призрак.

Впрочем, и сам город стал призраком.

«А я сам — разве я не стал призраком?» — подумал Эмби.

И он признался себе — признался в том, о чем и мысли бы не допустил день или даже час назад: вот уже тридцать лет, а то и больше жил он в призрачном, нереальном мире, всеми силами цепляясь за единственно известный ему старый, смутный образ жизни. И чтобы ощущать хоть какую-то почву под ногами, он лишь изредка позволял себе думать о том мире, который простирался за стенами города.

И на то были веские причины, подумал он, веские и основательные. Все, что находилось за городской чертой, не имело никакого отношения к его собственному, здешнему миру. Кочевой народец — абсолютно чуждые ему люди со своей неокультурой, культурой упадка — наполовину из провинциализмов, наполовину из старых народных поверий.

В такой культуре нет места такому человеку, как я, думал он. Здесь, в университете, я поддерживал слабый огонек старых знаний и старых традиций; теперь свет погас, отныне старые знания и старые традиции канут в Лету.

Как историк он не мог согласиться с подобным отношением к этим ценностям: история — истина и поиски истины. Скрывать, приукрашивать или пренебрегать каким бы то ни было событием — пусть даже самым отвратительным — не дело историка.

И вот теперь сама история взяла его в плен и поставила перед выбором: либо идти и оказаться лицом к лицу с *тем* миром, либо остаться, спрятаться от него. Третьего не дано.

Эмби брезгливо, словно какое-то мертвое существо, приподнял двумя пальцами письмо и долго смотрел сквозь него на солнце. Затем осторожно бросил его в корзинку. Потом, взяв старую фетровую шляпу, напялил ее на голову.

Подходя к дому, он увидел на ступеньках своего крыльца какое-то пугало. Заметив приближающегося доктора, пугало подобрало конечности и встало

— Привет, док, — произнесло оно.

— Добрый вечер, Джейк, — поздоровался Эмби.

— Я совсем уж было собрался на рыбалку, — сообщи́л Джейк.

Эмби не спеша опустился на ступеньку и покачал головой:

— Только не сегодня, не до этого мне. Университет закрыли.

Джейк сел рядом с ним и уставился в пустоту по ту сторону улицы.

— Мне кажется, док, для вас это не такая уж большая неожиданность.

— Я ждал этого, — согласился Эмби. — Кроме отпрысков *пузырей*, занятий никто уже не посещает. Все новые ходят в свои университеты, если, конечно, то, куда они ходят, можно так назвать. Сказать по правде, Джейк, представить себе не могу, что за знания могут дать им эти школы.

— Но вы хоть обеспечены, насколько мне известно, — сказал Джейк успокаивающе. — Все эти годы вы работали и, наверно, смогли кое-что отложить. А вот мы всегда перебивались с хлеба на воду, и так оно, видать, и дальше будет.

— Да не так уж много у меня денег, — сказал Эмби, — но в общем-то не пропаду как-нибудь. Не так уж долго осталось — ведь мне почти семьдесят

— Было время, когда мужчина в шестьдесят пять лет по закону мог выйти на пенсию, — сказал Джейк. Но эти новые расправились с законами, как и со всем прочим, правда.

Он поднял с земли коротенькую сухую веточку и стал рассеянно ковырять ею в траве.

— Всю жизнь я мечтал — вот скоплю деньжонок и куплю себе трейлер. Без трейлера нынче делать нечего. Теперь, когда времена изменились, без него никуда. Помню, когда я был еще маленький, всякий, у кого был свой дом, мог спокойно доживать свои дни. А ноне и дом не в цене. Ноне нужен трейлер.

Он с трудом распрямил конечности, встал — ветер развеивал его лохмотья, — посмотрел на продолжавшего сидеть Эмби.

— Как насчет рыбалки, док? Может, передумали?

— Я чувствую себя совсем разбитым, — ответил Эмби.

— Теперь, раз вы не работаете, — сказал Джейк, — у нас с вами будет куча времени, поохотимся. В округе полно белок, и крольчата скоро подрастут до нужных кондиций. А осенью нас должны порадовать и еноты. Теперь, раз уж вы больше не работаете, я буду делиться с вами шкурками...

— Стоит ли делить шкуру неубитого медведя? — заметил Эмби.

Джейк засунул большие пальцы рук за пояс и сплюнул на землю.

— Можно будет и по лесам побродить — не все ли равно, как убить время? Кто привык быть мужиком в доме, украдет, а деньги заработает. Правда, теперь уж не резон рыскать по брошенным домам в поисках добычи, только время зря потратишь. Кругом все порушено и рушится дальше, так что не знаешь, где какая ловушка тебя поджидает, стоит войти в дом. Разве угадаешь, что там рухнет на тебя, а то, глядишь, — и пол из-под ног уйдет. — Он поправил подтяжки. — Помните, как мы с вами нашли коробку, полную всяких драгоценностей?

Эмби кивнул:

— Помню. Вам их почти хватило бы на трейлер.

— Правда ведь? Хуже не придумаешь, чем пустить на ветер порядочную таки сумму. Купил я тогда ружье, патроны к нему, кое-какую одежонку для домашних — видит Бог, как мы в ней тогда нуждались! — и кучу жратвы. Я и опомниться не успел, как у меня осталось с гулькин нос, нечего было и думать о трейлере. Прежде, бывало, можно было купить в кредит. Всего и заплатил бы каких-нибудь десять процентов. Теперь об этом и думать нечего. Не осталось даже банков. И контор, где давали займы. Помните, док, сколько их в городе было?

— Все изменилось, — сказал Эмби. — Когда я оглядываюсь назад, все мне кажется неправдоподобным.

И тем не менее все так и было.

Прекратили свое существование города; фермы превратились в корпорации, а люди больше не жили в своих домах — в них оставались жить только *пузыри* и бродяги.

И такие, как я, подумал Эмби.

3

Это была сумасшедшая идея — по всей видимости, свидетельство старческого слабоумия. Человек в шестьдесят восемь лет, профессор с устоявшимися привычками, не пустился бы в столь дикую авантюру, даже если бы весь мир рушился у него под ногами.

Он пытался не думать об этом, но не мог справиться с собой. Пока он готовил себе ужин, ел, мыл посуду, мысль об этом не покидала его.

Покончив с посудой, он взял кухонную лампу и направился в гостиную. Лампу он поставил на стол рядом с другой лампой, зажег и ее. Когда человеку для чтения нужны две лампы, подумал он, это значит, что со зрением у него дела плохи. Но, с другой стороны, керосиновые лампы дают слабый свет, не то что электрические.

Он достал с полки книгу и принялся за чтение, но не мог читать, не мог сосредоточиться. В конце концов он оставил это занятие.

Взяв одну из ламп, он подошел с ней к камину и поднял так, чтобы свет падал на висевший над ним портрет. А пока поднимал лампу, загадал, улыбнется ли она ему сегодня; он был почти уверен, что улыбнется, потому что всегда, когда он так нуждался в ее улыбке, она с готовностью нежно улыбалась ему.

И все же полной уверенности не было, но вот он увидел — улыбается, и остался стоять, вглядываясь в ее лицо, улыбку.

В последнее время он довольно часто разговаривал с ней, потому что помнил, с каким вниманием она всегда выслушивала его, рассказывал ли он о своих неприятностях или о победах — хотя, по правде говоря, побед у него было не так уж много.

Но сегодня он не мог говорить — она бы его не поняла. Мир, в котором он жил после ее ухода, пере-

вернулся вверх тормашками, ей никогда не понять этого. Если он станет рассказывать ей о нем, она расстроится, встревожится, а он не мог, не смел допустить ничего подобного.

Ты думаешь, сказал он себе с укором, что самое лучшее — все оставить без перемен. Тебе есть где спрятаться. Есть возможность провести остаток дней своих в тепле и безопасности. И он точно знал, что именно такое решение его больше всего устроило бы.

Но занудный голос в мозгу настаивал: ты потерял свою работу и не жалеешь об этом. Ты закрыл на это глаза. Ты потерпел поражение, потому что смотрел только назад. Настоящий историк не вправе жить только прошлым. Он должен пользоваться знанием о прошлом для понимания настоящего; и он должен одинаково хорошо знать и прошлое и настоящее, чтобы видеть, в каком направлении идет развитие, куда устремляется будущее.

Но я вовсе не хочу знать будущее, противился упрямый доктор Амброуз Уилсон.

Но занудливый голос настаивал: единственное, что достойно познания, это будущее.

Он молча стоял, держа лампу над головой и пристально вглядываясь в портрет, будто в ожидании, что она заговорит или подаст какой-нибудь знак.

Никаких знаков не последовало. Да и не могло их быть, он знал. В конце концов, это был всего лишь портрет женщины, умершей тридцать лет назад. Неразрывная близость, давнишние, горькие воспоминания, улыбка на губах — все это было в его сердце и памяти, а не на куске холста, на который умная кисть нанесла мазки, сохранившие на долгие годы блистательную иллюзию любимого лица.

Он опустил лампу и вернулся в свое кресло.

Как много нужно сказать, и некому, хотя, если, как к старому другу, обратиться к дому, он, может, и выслушает. Он был другом, подумал он. В нем стало одиноко только тогда, когда ушла она, но вне его стен станет еще более одиноко, потому что дом был частью ее.

Ему было спокойно в этом старомодном доме, покойно в этом покинутом людьми городе с его пустыми жилищами, одичавшем городе, где бегали белки и кролики, городе многоцветном и полном ароматов — ведь наступило время цветения одичавших лилий и уцелев-

ших нарциссов, городе, полном бродяг, что предавались своим забавам в кустах на многочисленных лужайках и охотились в полуразрушенных строениях за остатками имущества, годного на продажу.

Сомнительные теории, думал он, согласно которым культуру можно создать, это просто рабское следование привычкам, характерное для любого общества.

Впервые распад культуры начался лет сорок назад. Нельзя сказать, что он произошел одномоментно, обвально, рухнуло не все сразу, но согласно историческим меркам это не было постепенным процессом, скорее это был внезапный скачок.

Барабанным боем прогрохотал по земле страх; насколько он помнил, это произошло в Год Кризиса, и каждый человек тогда ложился в постель, напряженно прислушиваясь, не летит ли бомба, хотя отлично понимал, что, как ни прислушивайся, все равно не услышишь ее приближения.

Страх — вот что послужило началом всего этого, думал он. А когда и каким будет конец?

Скорчившись сидел он в своем кресле, старик, затерявшийся между прошлым и будущим, и ежился от мысли о темном вандализме, господствовавшем там, за пределами его города.

4

— Что за красавец, док! — восклицал Джейк и опять шел осматривать его со всех сторон. — Право же, сэр, — похлопывая металлический бок, повторял он, — подлинный красавец! Не думаю, чтобы я когда-нибудь видел что-либо красивее этого трейлера, клянусь Богом! А сколько я перевидал их на своем веку!

— Теперь мы можем всласть попутешествовать на нем, — согласился Эмби. — Единственное, чего нам будет не доставать, это хороших дорог. Полагаю, они теперь совсем не такие, какими были раньше. Эти *новые* урезали дорожные налоги, и теперь у правительства не хватает денег на то, чтобы прилично содержать их.

— Приспособимся скоро, — доверительно сказал Джейк. — Нужно только глядеть по сторонам. И вскорости мы найдем стан, где нас примут. Готов поклясться, нам непременно попадется такой, в котором мы сгодимся.

Он обошел трейлер и стер пыль с его полированного бока рукавом своей драной рубахи.

— Док, с тех пор как вы сказали нам, мы глаз не могли сомкнуть. Мерт, так она просто поверить не может и все спрашивает меня: «И чего это док решил взять нас с собой? Мы же ему никакие не близкие, всего только соседи».

— Староват я путешествовать в одиночку, — сказал Эмби. — Мне нужно, чтобы кто-нибудь был рядом, помогал вести машину, да и во всех прочих делах. А вы все это время только о том и мечтали, как бы отсюда выбраться.

— Что правда, то правда, — согласился Джейк. — Лучше не скажешь, док. Я так этого хотел, что ощущал прямо на вкус, и, смотрю я, всем нам того же хочется. Вы только взгляните, как идут дела в доме, как все пакуется, что не надо — выбрасывается. Мерт прямо вне себя. Док, говорю вам, не суйтесь в дом, пока Мерт не успокоится хоть немного.

— Да мне и самому нужно было бы кое-что упаковать, — сказал Эмби. — Не очень много, я ведь почти все оставляю.

Но он не сдвинулся с места — не хотелось ему смотреть на все это.

Покинуть свой дом тяжело, хотя уже сама мысль об этом устарела: нет больше домов. «Дом» — слово из прошлой эры. «Дом» — ностальгическое слово-рудинент для стариков вроде него, чтобы они пережевывали его в своих туманных воспоминаниях; это символ застойной культуры, которая сгинула во имя выживания Человека. Остаться, пустить корни и быть погребенным под ворохом баракла — не только физического, но и интеллектуального, традиционного, — значило умереть. Вечное передвижение и неустойчивость, путешествия натошак, на полуголодном пайке, отсутствие лишней обузы — вот цена свободы и жизни.

Круг замкнулся, подумал Эмби. Мы вернулись на круги своя. От кочевой жизни — к городу и теперь опять — к кочевьям.

Джейк подошел и сел рядом.

— Скажите, док, скажите честно: зачем вы это делаете? Я-то, конечно, рад, иначе бы мне ни в жизнь не вырваться из этой крысиной норы. Но моя башка

никак не может взять в толк, вы-то какого черта сматываете удочки? Не такой уж вы молодой, док, да и..

— Понятно, — сказал Эмби, — но, может, как раз в этом причина. Не так много осталось мне жить, и за оставшееся время я хочу сделать как можно больше.

— Вам хорошо живется, док, вам ничто в мире не грозит. Теперь, когда вы в отпуске, вы ж на все можете плевать и наслаждаться за милую душу.

— Мне нужно разобраться.

— Разобраться в чем?

— Не знаю, может, просто в том, что происходит.

Они тихо сидели, поглядывая на трейлер во всем его блестящем великолепии. Издалека слышалось позвякивание кастрюль и банок. Мерт продолжала упаковывать вещи.

5

В первый вечер они остановились у покинутого становища, расположенного через дорогу от бездействующей фабрики.

Стан занимал большое пространство и казался покинутым совсем недавно — трейлеры укатали всего день или два назад. Оставались еще свежие следы от колес на пыльной дороге, обрывки бумаги шевелил ветер, на земле под водопроводными кранами темнели мокрые пятна.

Джейк и Эмби присели в тени трейлера и смотрели на безмолвные корпуса через дорогу.

— Чудно, — сказал Джейк, — и почему фабрика не работает? Судя по всему, она выпускает продукты питания. Вроде даже — завтраки. А может, елки зеленые, ее закрыли, потому что нет рынка сбыта?

— Может быть, — отозвался Эмби. — Впрочем, рынок для хлебных продуктов должен оставаться, ну хоть какой-то, чтобы поддерживать работу фабрики, пусть не на полную мощь.

— А не было ли тут каких-нибудь беспорядков?

— Не похоже, — сказал Эмби. — Такое впечатление — просто поднялись и поехали.

— А вон на холме большой дом. Вон, смотрите, там, наверху.

— Да, вижу, — сказал Эмби.

— Не *пузырь* ли там живет?

— Вполне вероятно.

— Хотелось бы мне побыть *пузырем*. Сидишь себе и поглядываешь, как денежки сами валяются тебе в карман. А другие пусть вкалывают на тебя. Получаешь все, чего твоя душенька пожелает. И ни в чем не нуждаешься.

— А мне кажется, — сказал Эмби, — что у *пузырей* теперь свои проблемы.

— Мне бы их проблемы, елки-моталки. Я прямо слюнками истекаю по их, черт бы их побрал, проблемам, хоть бы год или два пожить по-ихнему. — Он сплюнул на землю и выпрямился. — Пойти, что ли, да посмотреть, не попадется ли мне кролик или белочка. Не хотите со мной?

Эмби покачал головой:

Я немного устал.

— Может, и не попадется ничего. Так близко к стану — небось, все вычистили под метелку.

Вот отдохну немножко, — сказал Эмби, — и через некоторое время пойду прогуляюсь.

6

Дом на холме был действительно домом *пузыря*. От него так и несло богатством. Он был большой, высокий и широченный, очень ухоженный, окруженный газонами в цветах и кустарнике.

Эмби присел на низенькую каменную изгородь возле газона и посмотрел назад, на тропинку, по которой шел. Там, внизу, виднелись фабрика и покинутая стоянка — большое вытоптанное пространство и на нем — только один его трейлер. Далеко за горизонт уходила белая под летним солнцем дорога, она была совершенно пустынна — ни машины, ни грузовика, ни трейлера — ничего и никого на ней не было. Все стало совсем другим, подумал он. Было время, эта дорога буквально кишела машинами.

Да, это был совершенно иной, не знакомый ему мир. Эмби пренебрегал этим миром более тридцати лет, и за эти тридцать лет он стал чужим для него. Он сам добровольно отгородился — и вот потерял этот мир.

теперь, когда он пытался вновь обрести его, этот мир удивлял, а порой пугал его.

Сзади раздался голос:

— Добрый вечер, сэр.

Эмби повернулся и увидел человека среднего — или чуть старше — возраста, в костюме из твида, с трубкой во рту. Почти в традициях Старой Англии, подумал Эмби. Похож на деревенского помещика.

— Добрый вечер, — отозвался Эмби. — Надеюсь, я не нарушил границ.

— Нет, нет. Я видел, как вы припарковались внизу; очень вам рад.

— Мой партнер пошел поохотиться, а я вот сюда — прогуляться.

— А вы что, меняете?

— Меняем?

— Ну да, в смысле — меняете стоянку. Все только этим и занимаются... Правда, теперь пореже.

— Вы имеете в виду, что меняют один стан на другой?

— Вот именно. Сам процесс расселения, я о нем. Разочаруются в одном — снимаются с места и ищут другое.

— Пожалуй, — сказал Эмби, — настало время, когда эти перетряски должны прекратиться. Теперь каждый человек должен найти свое место.

Пузырь кивнул:

— Вполне возможно. Я не слишком хорошо разбираюсь в этом.

— Да и я тоже, — откликнулся Эмби. — Мы только что выехали из города. Прикрыли мой университет, поэтому я купил трейлер. Мои ближайшие соседи составили мне компанию. Сегодня наш первый день.

— Мне частенько приходит в голову мысль, — сказал ему собеседник, — что было бы весьма приятно совершить небольшое путешествие. Когда я был еще мальчиком, мы не раз отправлялись в длительные поездки на машине и посещали разные города, но сейчас их, кажется, не так уж много осталось. Обычно в городах можно было остановиться на ночь в так называемых мотелях. И чуть ли не через каждую милю было где поесть, заправиться на бензоколонке. А теперь поесть или купить горючее можно только в каком-нибудь ста-

не; но, поверьте, немало таких, где вам ничего не продадут.

— Но мы путешествуем не ради удовольствия. Мы намерены поселиться в каком-нибудь станс.

Пузырь подозрительно посмотрел на него и сказал.

— Глядя на вас, я бы никогда не подумал...

— Вы не одобряете мое намерение?

— Не обращайтесь внимания, — сказал пузырь. — В данный момент я порядком зол на них. Вчера они вдруг взяли и укатили от меня. Закрыли фабрику. Оставили меня здесь сидеть.

Он поднялся на горку и сел рядом с Эмби.

— Понимаете, они хотели отнять у меня все, — начал он свой рассказ, уютившись поудобнее. — У меня с ними был контракт, по нему они и нанялись работать на фабрике. Закупали сырье, сами распоряжались работами и поддерживали порядок. Они определяли производственную политику и выход продукции. Мне даже на посещение фабрики приходилось испрашивать их дозволения. Но и этого им показалось мало. Знаете, что они задумали?

Эмби покачал головой.

— Они задумали овладеть рынком сбыта. А ведь это было последнее, что еще оставалось у меня, и это последнее они решили у меня отнять. Им нужно было окончательно от меня отделаться. Платить мне проценты от прибыли и ничего больше.

— Да-а, — протянул Эмби, — не больно-то это справедливо.

— А когда я отказался подписывать новый контракт они собрались и уехали.

— Забастовали?

— Пожалуй, другого слова и не подберешь. И весьма эффективно.

— И что вы теперь будете делать?

— Ждать, когда придут другие. Через некоторое время появятся. Увидят бездействующую фабрику и, если они народ рабочий, поднимутся сюда, ко мне, поговорить. Может, и сойдемся. Но даже если не получится с этими, появится еще какой-нибудь стан. Эти станы только тем и заняты, что носятся туда-сюда. Или стан, или стая.

— Стая?

— Это, знаете ли, вроде пчелиного роя. Когда в стане оказывается слишком много людей.. слишком много для выполнения работ по контракту, который они подписали... вот тут происходит раскол и кучкование. Обычно молодежь пускается в новую жизнь стаями. С ними легче иметь дело, чем с сезонниками. Сезонники — это чаще всего всем недовольные радикалы, ни с кем ладить не умеют, а молодежь рвется начать свое дело, хоть какое.

— Все это очень интересно, — сказал Эмби, — но что будет с теми, кто уехал от вас? На какие деньги они позволили себе смотаться?

— Они при бабках, — сказал *пузырь*, — работали здесь почти двадцать лет Сорвали капиталец — хватит корову придушить.

— Подумать только! — воскликнул Эмби.

Сколько же вокруг такого, о чем я и понятия не имею, подумал он. Не только манера мыслить, привычки, но даже их терминология во многом непонятна.

В прежние времена было совсем другое дело: каждый день газеты — и новое выражение или новая идея становились достоянием публики молниеносно; все сколько-нибудь значительные события на другой же день лежали перед вами, отпечатанные черным по белому. Но не стало ни газет, ни телевидения. Оставалось еще, конечно, радио, но оно не столь мощное средство информации, чтобы удовлетворить человека, да и, кроме того, что это было за радио, горе одно, он его никогда и не слушал.

Не было газет, не было телевидения, не было и многого другого. Не было мебели, потому что в трейлере не нужна никакая мебель: все необходимое уже встроено в него. Не было ковров и занавесей. Мало было предметов роскоши, потому что в трейлере негде их хранить. Не было костюмов для приемов и официальных костюмов — кому они нужны в трейлерном стане, кто будет их надевать, да и не было места для дорогого гардероба, а жизнь в тесном ежедневном общении отбивает охоту от всяких формальностей. В трейлерном стане вся одежда, без всякого сомнения, скатится до единственно приемлемой — спортивной.

Не было банков, страховых компаний, кредитных контор. Государственная социальная защита приказала долго жить. Не стало нужды ни в банках, ни в кредит-

ных компаниях, все это заменили профсоюзные фонды — наследие прежних профсоюзов. Профсоюзные фонды здоровья и благосостояния заняли место государственного социального страхования, медицинского страхования и государственных фондов гражданского благосостояния. И наконец также заимствованная у трейлерщиков идея военного фонда превратила каждый трейлерный стан в самостоятельное, самообеспеченное объединение.

Все шло нормально, потому что у резидента стана мало было денег на посторонние траты. Прежние погоня за развлечениями, потребность в дорогой одежде, расходы на домашнюю утварь — все это кануло в вечность: обстоятельства принуждали к бережливости.

Теперь даже налоги не платили — что о них говорить! Прекратили свое существование правительства штатов, муниципалитеты. Осталось только федеральное правительство, но и оно почти не контролировало ситуацию — это можно было предвидеть уже тогда, сорок лет назад. Жителям оставалось платить только пустячный налог на оборону и чуть более весомый налог на дороги, причем новые громко и страстно выступали даже против него.

— Все изменилось, — сказал *пузырь*, — профсоюзы совершенно отбились от рук.

— Но из всего сохранившегося только они могли как-то гарантировать жизнь людям, — возразил ему Эмби. — Только в них еще сохранялась какая-то логика, что-то надежное, на что могли опереться массы. И, естественно, профсоюзы с их идеологией заменили правительство.

— Правительству следовало бы поступить иначе, — сказал *пузырь*.

— Может быть, оно и поступило бы иначе, но все мы были слишком напуганы. Это все страх наделал; если бы мы не испугались до такой степени, все было бы в порядке.

Пузырь возразил:

— Если бы мы не испугались, нас, может быть, разнесло бы ко всем чертям.

— Вполне вероятно, — согласился Эмби. — Я помню, как это случилось. Вышел указ о децентрализации, и, как я теперь догадываюсь, промышленники были осведомлены лучше нас, они поднялись и рассеялись по

всей стране без всяких возражений. Может, они точно знали, что правительство не обманывает, у них на руках могли быть документы, известные узкому кругу лиц. Хотя, насколько я помню, и общественное сознание склонялось к весьма мрачным прогнозам.

— Я тогда был подростком, — сказал *пузырь*, — но помню кое-что. Имущество потеряло всякую цену. Даже за самую мизерную плату ничего из городского имущества нельзя было продать. Рабочие не могли оставаться в городах, потому что их рабочие места уехали — уехали из городов в деревни. Децентрализация охватила большую часть страны. Крупные предприятия раскололись на мелкие, некоторые из них — на множество небольших ассоциаций.

Эмби кивнул:

— Таким образом, не оставили ни одной достаточно крупной цели для бомбы. Для уничтожения промышленности теперь им пришлось бы заплатить слишком дорогую цену. Там, где прежде хватило бы одной бомбы, сейчас понадобилось бы не меньше сотни.

— Черт его знает, — сказал *пузырь*, все еще не соглашаясь с концепцией доктора. — Думается мне, что правительство могло бы иначе распорядиться своей властью и не дать событиям развиваться таким путем.

— Полагаю, у правительства тогда проблем было выше головы...

— Согласен, было. Но прежде оно по самые уши увязло в делах строительства, причем в строительстве самых разнообразных дешевых домов.

— Но их главной заботой оставались промышленники, правительство старалось помочь им в создании новых предприятий. А в это время трейлеры решили жилищную проблему.

— Скорее всего, — согласился наконец *пузырь*, — так все и было.

И, конечно, именно так все и было.

Рабочие вынуждены были последовать за своими рабочими местами — или остаться, чтобы умереть с голоду. Лишенные возможности продать свои городские дома, на которые уже почти через сутки не было никакого спроса, они согласились на жизнь в трейлерах; и вскоре возле каждого небольшого промышленного предприятия вырос трейлерный лагерь.

Чем дальше, тем, по-видимому, больше нравилась им жизнь в трейлерах, хотя не исключено, что они просто боялись строить дома при мысли, что все может повториться, — не строили даже те немногие, кто мог позволить себе это, но большинство и не имело на это средств. А может быть, они во всем разочаровались и им все опротивело. Но жизнь в трейлерах распространялась все шире, стабилизировалась, и даже те люди, которых децентрализация коснулась лишь боком, потихоньку присоединились к жителям трейлерных станов, пока наконец большинство поселков и городов не опустело.

Кульť вещей был отринут. Снова возникла кочевая жизнь.

Первым сыграл свою роль страх, а затем свобода, свобода от имущества, свобода встать и ехать без оглядки, а также — профсоюзы.

Трейлеры покончили с гигантскими профсоюзными организациями. Профсоюзные боссы и бизнесмены, которым в свое время удавалось держать под своим контролем крупные профсоюзные организации, оказались совершенно беспомощными перед сотнями разбросанных единиц, на которые раскололись большие местные союзы. Но в каждом отдельно взятом стане местный профсоюз приобрел новую власть и значение. Он способствовал сплочению людей в крепкое единое сообщество. Он стал близок каждой семье, потому что удовлетворял ее интересы. Профсоюзное движение, если говорить с точки зрения простых людей и их интересов, обеспечивало существование трейлерных станов и их кочевой жизни.

— Я еще много чего могу рассказать о них, — сказал *пузырь*. — Они представляли собой весьма активную группу. Вели дела на фабрике куда лучше, чем я, всегда знали о дефиците и совершенствовали технологию. За двадцать лет, что работали здесь, они, по сути дела, перестроили производство полностью. Именно на это они и напирали при переговорах. Я объяснял им, что они делали это для себя же, тут они и взъелись и уехали все как один.

Он постучал трубкой об изгородь, выбивая из нее табак.

— Знаете ли, — продолжал он, — не очень уверен, но думаю, что, по всей видимости, у новых бандюг,

которые придут сюда со дня на день, переделка всех этих наспех состряпанных сооружений, оставшихся от только что отбывших бродяг, займет не больше месяца. Вся моя надежда только на то, что они примутся за это не так скоро и не раздолбают все мое заведение.

Он рассеянно погладил свою трубку.

— Нет, поверьте, я хотел бы понять этих людей — просто для себя, раз уж ничего другого я не могу. Ведь стан-то был хороший, в основном здравомыслящий. Они были старательные работники, и, вплоть до последних дней, с ними было легко ладить. Большинство из них жили вполне нормально, но было в них что-то, чего я не могу взять в толк. Что-то вроде суеверия, и оно все возрастало. Они разработали огромный регистр запретов и, черт бы их побрал, как бы заклинали, заручались чьей-то поддержкой. Вы, конечно, скажете, что и мы не без греха — скрещиваем, например, пальцы рук, или плюем через левое плечо, или еще там что-то, — но мы ведь сами посмеиваемся над этим. У нас это, скорее, от нежелания расставаться с какими-то символами, связывающими нас с нашим прошлым. Но готов поклясться, эти дикари всерьез верили во все это, они этим жили.

— Сказанное вами, — отозвался Эмби, — лишний раз подтверждает мою мысль о том, что культура деградировала и стала эквивалентной культуре древних кочевников и, вероятнее всего, упала даже глубже, чем я думал. Почвой для этого стала жизнь изолированными, небольшими племенами. В более интегрированной среде нет места подобным суевериям, их убивает ирония; но в отгороженных клочках земли они глубоко пускают корни и произрастают...

— Хуже всего обстоят дела с фермерскими станами, — сказал лузырь. — Они танцуют мумбу-джумбу, чтобы вызвать дождь, колдуют ради хорошего урожая и делают много еще всякой всячины.

Эмби кивнул:

Логично. В самой земле и в зерне уже заложена какая-то тайна, они продолжают мистицизм. Вспомните, какое обилие мифологических сюжетов, связанных с земледелием, возникло еще в доисторические времена — обряды в честь урожайного года, лунный календарь посевов и множество других фетишей.

Он сидел на каменной изгороди и смотрел вдаль; казалось, он вернулся в темные глубины начала челове-

чества и слышит шаги огрубевших ног, ритуальное пение, вопли терзаемой жертвы.

7

На следующий день, выехав на вершину холма, они увидели фермерский стан. Он располагался на опушке небольшой рощицы, немного в стороне высились элеваторы, а вокруг стана, на разбежавшихся во всех направлениях равнинах лежали в золоте и зелени необозримые поля.

— Вот место, где бы я с преобладающим удовольствием поселился, — сказал Джейк. — Тут и детей растить хорошо, и, как я погляжу, работенка не на убой. У них тут почти все работы механизированы, разъезжай себе на тракторе или на комбайне, или на сеновязалке, или на чем-нибудь еще. Прекрасная, здоровая жизнь — полно солнца и свежего воздуха, и к тому же страну посмотреть можно. Соберем урожай и всей оравой, прихватив скарб, тронемся в путь. И отправимся или на юго-запад за салатами и за другими овощами, или даже прямо на юг, на берег океана, за фруктами. А как по-вашему, док, на юге есть зимние фермы, вы не знаете?

— Нет, не знаю, — ответил Эмби.

Он сидел рядом с Джейком и наблюдал, как тот правит машиной. Лучше Джейка, решил он про себя, никто с машиной не управится, с ним чувствуешь себя в полной безопасности и совершенно спокойно. Он никогда не гонит, не рискует и хорошо понимает машину.

На заднем сиденье дети устроили «кучу малу», и Джейк обернулся к ним:

— Эй, вы, малышня, если вы сейчас же не успокоитесь, я прямо здесь останавливаю авто и начинаю всех по очереди пороть. Вы, чертенята, отлично ведь знаете, что, будь здесь ваша мама, не стали бы устраивать весь этот базар. Она бы надрала вам уши и заставила сидеть смирно.

Дети, не обращая на него внимания, продолжали свою возню.

— Я вот думаю, — обратился Джейк к Эмби, считая, по-видимому, что его отцовский долг выполнен, —

что это самый ловкий ход в вашей жизни. Только, может, вам стоило бы пораньше так сходить. Все говорит за то, что такому образованному человеку, как вы, нечего беспокоиться, для него всегда найдется местечко, в любом стане. Похоже, у них не так уж много образованных людей, а образование, я всегда это говорил, образование — это все. Сам-то я не получил никакого образования, может, поэтому и остался бедняком. Пока мы жили там, в городе, я больше всего терпеть не мог, что мои дети бегают по улице и ничему не учатся. Мы уж с Мерт из кожи вон лезли, чтобы помочь им, но что мы могли им дать, кроме нашего алфавита, — какие из нас учителя.

— Вполне возможно, что в станах есть свои школы, — предположил Эмби. — Я, правда, никогда ничего о них не слышал, но знаю, что у них есть что-то вроде университетов, а прежде чем идти в колледж, необходимо хотя бы получить начальное образование. Я склонен думать, что станы зиждутся на хороших общественных программах. Стан — это что-то вроде деревни на колесах, и, скорее всего, в них соблюдаются те же порядки: там должны быть и школы, и больницы, и церкви, и все, что сопутствует жизни в городах и деревнях, хотя на всем этом, как мне представляется, лежит отпечаток тред-юнионизма. Культура — вещь странная, Джейк, но обычно в основных своих чертах и по своим результатам она почти везде одинакова. Различия в культурах примерно такие же, как различия в подходах к решению одинаковых проблем.

— Клянусь, — сказал Джейк, — сидеть и слушать ваши рассуждения для меня большое удовольствие! И особенно потому, что вы не только произносите все эти умные слова, но, похоже, знаете, что они означают.

Тут он свернул на грунтовую дорогу, которая вела к стану. Он до предела сбавил скорость, но они подскакивали на каждом ухабе.

— Посмотрите-ка, — сказал Джейк, — хорошенькое дело! Вон, видите, белье висит на веревках, цветочки в ящиках в окнах трейлеров и этот низенький забор из кольев, — совсем как раньше у нас были загончики. Я ничуть не удивлюсь, если здешние поселенцы окажутся такими же людьми, как и мы.

Они добрались до лагеря и, свернув с дороги, поставили машину в ряду других трейлеров. Вокруг тут же

столпились ребяташки — стояли и наблюдали за ними. Женщина вышла и остановилась на пороге своего трейлера, оперлась на косяк и смотрела на них. К детям присоединились собаки, уселись рядом с ними и стали выкусывать у себя блох.

Джейк вылез из машины.

— Здорово, ребята, — сказал он.

Те в ответ застенчиво захихикали.

С заднего сиденья трейлера соскочили дети Джейка и встали рядом с отцом.

Выкарабкалась из трейлера и Мерт. Она обмахивалась куском картона.

— Ну и ну! — провозгласила она.

Все замерли в ожидании.

Наконец откуда-то появился старик. Ребяташки посторонились, пропуская его. Он шел медленно, опираясь на палку.

— Чем могу служить, приезжий?

— Мы просто осматриваемся, — сказал Джейк.

— Смотрите, что хотите.

Он взглянул на оставшегося в машине Эмби.

— Здравствуйте, старина.

— Здравствуйте, — откликнулся Эмби.

— Что, старина, что-нибудь особенное присматриваете?

— Можно сказать, мы ищем работу; мы надеемся, что в каком-нибудь стане нас примут.

Старик покачал головой:

— У нас полно людей. Впрочем, поговорите с агентом по труду, ему лучше знать.

Он повернулся к ребятам и крикнул:

— А ну, сорванцы, пойдите найдите Фреда!

Они моментально бросились врассыпную, как вспугнутые куропатки.

— Теперь мало наезжает таких, как вы, — сказал старик. — Несколько лет назад валом валили в поисках хоть чего-нибудь. По большей части из небольших городков, а многие — и из РФ.

Он заметил недоумение на лице Эмби.

— Это означало «разоренные фермеры», — объяснил старик. — Ну это которые не справились с хозяйством, все бросили, таких было много. Самые чокнутые. Дерутся, как бешеные. Приходили в расчете стать с нами на равных, думали, им это позволят. Считали,

правительство сделало их поденщиками, и, по-моему, так оно и есть. И поденщиками оно сделало не только их, но и многих из нас. Нельзя же было все так разбазаривать, и при этом никто ведь не понес наказания. А по тому, как шли дела, нечего было и думать, что правительство продержится долго, да еще со всеми его программами. Нужно было попроще.

Эмби кивнул в знак согласия.

— Невозможно содержать непомерно раздутую бюрократию в системе, где господствуют доисторические технологии кочевников.

— Совершенно с вами согласен, — в свою очередь согласился старик с Эмби. — Что касается фермеров, то и тут было все так же. Мелкие земельные участки и их хозяева были обречены. Фермер-одиночка на таком участочке не мог развивать дело. Сельское хозяйство шло к созданию корпораций еще до того, как завершился процесс децентрализации в промышленности. Непосильно вести сельское хозяйство без машин, а, с другой стороны, какой смысл покупать технику для обработки нескольких акров хозяину фермы?

Он подошел к трейлеру и погладил крыло сучковатой рукой.

— Хорошая машина.

— Она у меня уже давно, — сказал Эмби. — Всегда ухаживаю за ней.

Старик просиял.

— Вот и мы тут придерживаемся того же правила. Каждый должен заботливо относиться ко всему, что у нас есть. Теперь не те времена, когда можно было пропить какую-нибудь вещь, или испортить, или потратить, а потом за ближайшим углом купить себе новую. В этом отношении у нас неплохой народ. Молодежь тратит почти все свое свободное время на возню с машинами. Вы бы посмотрели, что они понаделали с некоторыми из них — прямо очеловечили.

Он встал возле открытого окошка трейлера и прислонился к дверце.

— Ей-Богу, хороший у нас стан, — сказал старик. — С какой стороны ни взгляни. У нас самые ухоженные зерновые; а как мы землю обрабатываем, вы бы знали. И наш *пузырь*, владелец этих мест, высокого мнения о нас. Вот уже двадцать лет как мы каждую весну возвращаемся сюда. Если кто другой попытается занять наше

место, пузырь и разговаривать с ними не станет. Он всегда ждет нас. Вряд ли найдется много еще таких станов. Но уж как наступит зима, нас не удержишь — отправляемся путешествовать, куда глаза глядят. И можем вернуться в любой город, где мы уже побывали зимой, если захотим, и ничего нам не может помешать.

Он внимательно посмотрел на Эмби.

— А вы, случаем, не знаете ли, как вызывать дождь?

— Несколько лет назад я что-то читал о работах на эту тему, — сказал Эмби. — Это, кажется, называлось «засеивать тучи». Но я забыл, что при этом применяли. Скорее всего, серебро. Еще какие-то реактивы...

— Понятия не имею ни о каком «засеивании», — сказал старик, — да и насчет того, применяют они какие-нибудь реактивы или нет... Ясное дело, — добавил он, опасаясь, что его не так поймут, — у нас тут имеются самые прекрасные спецы по дождю, их целый кагал, но в фермерском деле никогда не помешает иметь в запасе одного-двух специалистов. — Он взглянул на небо. — Сейчас-то нам дождь ни к чему, зачем тратить силы на то, чего не нужно. Вот кабы вы появились здесь в пору, когда в дождях большая нужда, тогда вы увидели бы парней за работой. Когда они начинают танцевать, от них глаз не оторвать, все на них оглядываются.

— Я так много читал о навагос... или нет, о моки, — сказал Эмби.

Но старика не интересовали ни навагос, ни моки.

— А какая у нас бригада овощеводов! — продолжал он свой рассказ. — Не хочу хвастать, но, ей-Богу, лучше наших не найти...

Его прервала орущая во всю глотку стайка ребятишек, что неслась со всех ног. Он оглянулся.

— Вот и Фред.

Легкой походкой Фред приближался к ним. Это был крупный мужчина с непокрытой головой, со спутанными черными волосами, густыми бровями и с полным ртом белых зубов.

— Привет, люди, — сказал он. — Чем могу быть полезен?

Джейк рассказал.

Фред в замешательстве почесал в волосах и смущенно помолчал.

— Да у нас полным-полн коробочка, к тому ж мы вот-вот уедем. И не соображу, на что нам еще одна семья. Если только у вас есть в заглашнике что-нибудь из ряда вон выходящее.

— Я хороший механик, — объяснил ему Джейк, — могу водить любую машину.

— Водителей у нас хватает. А как насчет ремонта? Может, смыслите по сварочному делу? Или токарному?

— Я... да нет.

— Нам приходится самим ремонтировать машины, содержать их в постоянной готовности. Бывает, сами запасные части делаем, чтобы заменить старые, изношенные. У нас нет времени ждать, когда нам доставят их с завода, так что мы все тут на все руки мастера. Что там вождение машины — каждый умеет водить машину. Даже женщины и дети.

— А еще вот док, — сказал Джейк, — образованный человек. Был профессором в университете, пока тот не прикрыли. Не подойдет ли он вам?

Фред оживился:

— Да что вы говорите! По агрономии...

— История, — сказал Эмби. — Я знаю только историю, ничего больше.

— Это, видите ли, не то... — Фред был разочарован. — Нам нужен специалист по сельскому хозяйству. На отдельных участках мы проводим эксперименты, но слишком мало знаем. В результате ни на одном из них ничего не получается. Идея состоит в том, чтобы вырастить лучшие сорта семян. Только успех эксперимента поможет нам в торговле — вся наша ставка на качественные семена. У каждого стана свой собственный сорт семян, и чем выше качество семян, тем меньше вы зависите от вашего *лузыря*. Мы выращиваем хорошие дурхамы, но теперь мы принялись за кукурузу. Если бы нам удалось вывести, скажем, такой сорт, который вызревает на декаду раньше...

— Весьма интересно, — сказал Эмби. — Но, к сожалению, я бессилён вам помочь. Никакого представления не имею.

— А я бы работал во всю мочь, — сказал Джейк, — если бы только вы позволили мне остаться. Я же двуужильный, другого такого во всем вашем стане не сыскать.

— Прошу прощения, — сказал в ответ агент, — у нас лентяев не водится, все старательные. Если вам нужно пристанище, вам лучше всего обратиться к путешественникам. Они, возможно, примут вас. А такие старые станы, как наш, обычно не берут новичков, разве что они обладают какими-то необыкновенными способностями.

— Ладно, — сказал Джейк, — пусть будет по-вашему.

Он открыл дверцу и влез в машину. Дети нырнули на заднее сиденье. Вскрабкалась в трейлер и Мерт.

— Спасибо, — сказал Джейк агенту. — Извините, что отняли у вас столько времени.

Он развернул машину и поехал к шоссе. Долго молчал, наконец заговорил:

— Что это за штука такая — агроном? — спросил он.

8

И дальше, где бы они ни останавливались, все происходило примерно в том же духе.

— Не кибернетик ли вы? Нет? Жаль-жаль. Нам, конечно, подошел бы кто-нибудь из этих парней-кибернетиков.

— Сожалею, но нам нужен химик. Колдуем тут, производим топливо. А знаний никаких, кроме того, до чего сами докопаемся. В один прекрасный день наши ребята взорвут к чертовой бабушке весь наш стан.

— Если бы вы были лекарем. Лекарь нам нужен.

— Вы знакомы с электроникой? Нет? Очень жаль.

— Историк... Боюсь, историк нам ни к чему.

— Вы случайно не доктор? У нас доктор уже совсем старенький.

— Нам бы инженера по ракетам. Есть у нас тут идеи... Нам бы парня, разбирающегося в ракетах.

— История? Не-а. На кой она нам?

Но есть все же польза и в истории, говорил Эмби.

— Я знаю, — сказал он, — есть ей применение. Прежде она всегда служила орудием. Не могла же она вдруг потерять свое значение, даже в нынешнем невежественном обществе.

Он забирался в свой спальный мешок и смотрел на небо.

Дома теперь уже осень, думал он. Падают листья, и стоит его город, захватывающе прекрасный в своем осеннем наряде.

А здесь, на самом юге материка, все еще было лето, и странное, летаргическое чувство навевала темно-зеленая листва и густая синь неба — будто зелень и синева отпечатались на земле и останутся такими навеки, на земле, которой противопоставлены какие-либо изменения, и матрица ее существования отлита навсегда, без всякой надежды на перемены.

На фоне неба темной глыбой возвышался трейлер; внутри трейлера закончили свои стенания Джейк и Мерт, и стало слышно журчание ручья, протекавшего немного в стороне от их стоянки. Угасал костер, пока не стал похож на розу в белом пепле кострища, а где-то на опушке леса вдруг запела птица, наверно, пересмешник, хотя песня не была такой прелестной, как он ожидал услышать.

И так всегда, подумал он. Наши фантазии никогда полностью не совпадают с действительностью, с тем, что есть на самом деле. Чаще всего в жизни все гораздо менее красиво и более прозаично, чем в воображении человека; но порой вдруг, в самом неожиданном месте, возникает перед тобой такое, что пригвоздит тебя к месту и затем определит всю твою дальнейшую судьбу.

Побывав в двух-трех станах, доктор убедился, что все они на один манер — на солидный американский манер, деловой и прагматичный; были в них и свои странности, но они переставали быть странностями, как только он постигал их истоки.

Вот, например, еженедельные военные сборы с их обычными военными играми; в них каждый рядовой должен пройти все ступеньки маневров и со всей серьезностью отработать свою долю, без всяких там уверток и шуточек решить военную задачу, а в это время женщины и дети, как стая перепелок, разбегаются в поисках укромного места, чтобы спрятаться от воображаемого врага.

А дело все заключалось в том, что без этих сборов Федеральное правительство не получило бы даже свой пустячный налог на оборону. А так у него всегда есть предлог держать под рукой на случай чрезвычайной

мобилизации граждан-солдат, готовых биться в страшной тотальной войне, как какие-нибудь фронтьеры или дикие индейцы, и разорвать на части любого неприятеля, посмевшего высадиться на берегах его родного континента. Федеральное правительство содержало военно-воздушные силы, производило оружие, поддерживало военные исследования и осуществляло общее руководство и планирование. Люди, все до одного, составляли постоянную армию, готовую в любой момент к мобилизации, вымуштрованную до степени пальца на взведенном курке, и притом армия эта ни гроша не стоила федеральному правительству.

Увидев все эти военные игры и муштру, Эмби понял, что такое положение дел приведет в замешательство любого потенциального врага. Это было что-то новое в военной науке. Представьте себе страну, в которой нет ничего, что могло бы представлять достойную цель для бомбардировки, не осталось городов, которые можно было бы брать приступом и удерживать в своих руках, нет предприятий, подлежащих полному разрушению, и при этом каждый житель мужского пола в возрасте от 17 до 70 лет — готовый к бою солдат.

Так он лежал, размышляя о предметах, удивительно знакомых и незнакомых.

К примеру, народные обычаи, бытовавшие в пределах каждого стана, они образовались из легенд, суеверий, магии, школьных знаний, местного культа героев и всяких других, обязательных для полного завершения картины общественной жизни глупостей. Он понимал, что эти обычаи были частью неистовой, фанатичной верности своему родному стану, ставшей определяющей во взаимоотношениях его обитателей друг с другом. А за пределами этого господствовало фантастическое соперничество между различными станами, которое трудно было порой понять: оно проявлялось и в мелком хвастовстве добытой рыбешкой, и в тупом отказе лидеров стана делиться какими бы то ни было секретами и знаниями со своими соседями. Понять это было бы совсем невозможно, если не учитывать старых американских традиций, представлявших собой душу и тело американского бизнеса.

Странная ситуация, думал доктор Амброуз Уилсон, лежа в своем спальном мешке в самой глубинке теплой,

южной ночи, странная ситуация, но вполне объяснимая если на нее посмотреть с определенной точки зрения.

Все ему понятно, кроме маленькой загадки, с которой он никак не мог справиться. Это было скорее подспудное чувство, чем что-то реальное, чувство, что за всей этой неразберихой кочевой жизни лежит новый фактор, жизненно важный, его можно ощутить, но трудно найти ему определение.

Он лежал и раздумывал над этим новым, жизненно важным фактором, пытаясь проанализировать свои впечатления и найти ключ к разгадке. Но не было ничего реального, ничего, чтобы протянуть руку и пощупать, ничего, чему можно было бы дать название. Это была как бы солома без единого зерна, дым без огня, это было что-то новое, вероятно, в той же степени объяснимое, как и все другое, нужно только посмотреть с определенной точки зрения. Но где эта «точка зрения»?

Они пересекли огромные пространства, следуя по берегу великой реки с севера на юг, и видели много станов: зерноводческие с их многочисленными акрами хлебных и кукурузных полей; промышленные с дымящими трубами и грохотом машин; транспортные с множеством грузовиков и с фантастическими по масштабам перевозками грузов; станы по производству молочных продуктов со стадами коров и маслобойными и сырными заводами; станы по разведению кур; по производству грузового транспорта для фермеров; станы углекопов; станы по ремонту дорог, по лесоразработкам и так далее. И то тут, то там встречались им такие же бродяги, путешественники, летяги, как они.

Но куда бы они ни пришли, везде их ждал один ответ: «Очень жаль, но...», и кучки ребятишек, и чешущихся собак, и агенты по труду, сообщавшие, что для них в стане ничего нет.

В некоторых станах их встречали более благожелательно, кое-где они останавливались на день, а то и на неделю, отдыхали, приводили в порядок машину, расправляя затекшие ноги, встречались с разными людьми.

В таких случаях Эмби ходил по стану и, усаживаясь на солнышке или в тени — в зависимости от обстоятельств, — заводил разговоры, и иногда ему начинало казаться, что он постиг этих людей. Но вслед за этим всегда появлялось ощущение неуловимой странности,

смутной непохожести, будто кто-то, кого он не мог видеть, сидя в кругу собеседников, уставился на него испытующим взглядом, и тогда он остро осознавал, что между ним и этими людьми лежит пропасть в сорок лет забытья.

Он ловил их радиопередачи и слышал едва различимые голоса из других станов, иногда близких, иногда с другого конца континента, — все это выглядело пародией на любительские репортажи 1960-х годов, словом, радиосеть на деревенском уровне. Транслировалась в основном болтовня, но был в ней порой и вполне официальный смысл — официальные заявления, содержащие требование тонны сыра или грузовика сена, или просьбу заменить какие-либо сломавшиеся части машины, или подтверждение долга одного стана другому после какой-либо сделки или за какой-то продукт, чаще всего разные станы хитрили между собой и платили по большей части обещаниями за обещания же. И все-таки было в этой их болтовне что-то специфическое, свойственное только этой фантастической культуре, которая в течение одной ночи вышла из предместий и превратилась в культуру кочевников.

И во всем присутствовала магия, странная, легкая магия, которая не причиняла людям вреда, служила только им на пользу. Ему казалось, что после продолжительного бегства из материального мира домовые и феи вернулись восвояси. Появились новые, причудливые обряды — они пришли из прошлого; вновь возникли амулеты и заклинания; возрождались древняя, простая вера, забытая в самом недавнем нашем вчера, простая, детская вера в надежность мира. И, по-видимому, за всем этим скрывается что-то хорошее, подумал он.

Но самое удивительное было в том, что древняя магия и старые верования совершенно естественно сочетались с современными технологиями: кибернетика шагала нога в ногу с амулетами, танцы во имя пролития дождя сочетались с агрономическими науками.

Пытаясь найти объяснение всему этому, он рассматривал проблему с разных сторон, и в целом, и по частям, пытался отойти от стереотипов и вписать модель в определенную историческую эпоху; но чаще всего, когда, казалось, объяснение найдено и модель вписалась в достаточно разумную историческую схему, обна-

руживалось в конце концов, что вся его работа не более чем поверхностный взгляд на проблему.

По-прежнему оставались за гранью понимания эти смутные ощущения и жизненно важный фактор.

Тем временем они продолжали свое путешествие под постоянный аккомпанемент всеобщего «Очень жаль, но...» Он знал, что Джейк терзается и имеет на это полное право. Ночь за ночью, лежа в своем мешке, он слышал, как Джейк и Мерт, считая, что он и дети спят, разговаривали друг с другом. И как он ни старался из приличия лечь подальше и хотя бы не слышать каждое сказанное ими слово, по тону их стенаний он догадывался, о чем они толкуют.

Какой стыд, думал он. Как сильно надеялся Джейк, как глубоко он верил. Страшно наблюдать день за днем, как человек теряет веру, как она постепенно покидает его, словно вытекает из раны по капле его кровь.

Устраиваясь поудобнее, он покрутился в своем спальном мешке и закрыл глаза от звездного света. Он чувствовал, как сон, подобно древнему утешителю, успокаивает его; и в смутное мгновение, когда реальность ускользает, но еще не совсем покинула твое сознание, он опять увидел прекрасный портрет-идеал, который висел над камином, и свет от лампы падал на него.

Когда он проснулся, трейлера на месте не было.

Сначала он ничего не подумал: ему было тепло и уютно, свежий ветерок овеивал его лицо, радостно заливались птицы на каждом дереве и кусте, журчал ручей по галечному руслу.

Он лежал и думал, что хорошо жить на этом свете, и смутно представлял себе, чем одарит его новый день, и был благодарен тому, что ему нечего бояться.

А потом он заметил, что трейлера-то нет; еще какое-то мгновение он оставался спокоен, не постигая случившегося, пока гадкой пощечиной по лицу не дошел до него смысл происходящего.

Его охватила паника, но быстро отпустила — холодный ужас одиночества, заброшенности сменился взрывом гнева. Он обнаружил внутри спального мешка свою одежду, вылез из него и сел одеться. Он попытался восстановить картину того, что здесь произошло.

Стан находился глубоко в низине, возле шоссе, и он вспомнил, как они подкладывали под колеса трейлера

камни, чтобы он не скатился вниз по склону. Скорее всего, Джейк вынул камни, отпустил тормоза и, не заводя мотор, скатился по склону до того места, откуда звук мотора уже не был слышен.

Он поднялся и тупо побрел вперед. Вот и те камни, которые они подкладывали под колеса, а вот и следы на росе.

Вскоре он обнаружил и еще кое-что: прислоненное к сосне стояло ружье двадцать второго калибра — вещь, которой Джейк гордился больше всего на свете, и, кроме того, старый, чем-то набитый рюкзак.

Он присел у дерева и развязал его. Там находились два коробка спичек, десять коробок боеприпасов, его запасной костюм, еда, тарелки, кастрюли, сковородки и старый плащ.

Он склонился надо всем этим хозяйством, разбросанным на земле, и почувствовал, как на глазах закипают слезы. Конечно, это было предательство, но и не совсем предательство — ведь они не забыли о нем. Украли, бросили его с самыми низкими побуждениями, но Джейк оставил ему свое ружье, а оно было как бы его правой рукой.

Их стенания, которые он не раз слышал, — не планировали ли они уже тогда в их ночных разговорах все это? Но что изменилось бы, если б он расслышал слова, а не тон их бесед, что, если бы он подкрался, подслушал и разоблачил их планы — что бы предпринял он тогда?

Он снова уложил рюкзак и потащил его и ружье к спальному мешку. Будет тяжело, но потихоньку-полегоньку он возьмет и понесет все с собой. В конце концов, утешал он себя, дела обстоят не так уж плохо: у него остался бумажник и в нем немного денег. Без особого сочувствия он подивился, на что Джейк, оставшийся без копейки в кармане, будет приобретать бензин и еду.

И ему показалось, что он слышит, как Джейк занудливо говорит: «Это все док. Это из-за него никто не хочет брать нас. Им стоило только взглянуть на него, и они уже понимали, что недалек день, когда он сядет им на шею. А на что им такие, которые через год-два будут бременем для них?»

Или немного иначе, так, например: «Говорю тебе, Мерт, это все из-за дока. Он им вешает лапшу на уши

и тем только отпугивает их. Они же воображают, что он не их поля ягода. Ишь нос задирает! Ну а мы... Мы самые обыкновенные люди. Они бы нас вмиг приняли, если бы не доктор».

Или так: «Вот мы, нам любая работа нипочем, а док — специалист. Ничего мы не добьемся, если не отделаемся от дока».

Эмби покачал головой. Смешно, подумал он, на что только не пойдет отчаявшийся человек. Благодарность и честь и даже дружба — все это лишь хилые преграды на пути отчаяния.

«А я? — спросил он себя. — Что теперь буду делать я?»

Не сразу, конечно, но пришла ему на ум мысль о возвращении домой. Но это было невозможно: на севере примерно через месяц выпадет снег, и никаких его сил не хватит, чтобы пробиться сквозь него. Если уж идти домой, то надо дожидаться весны.

А пока оставалось только одно — продолжать свой путь на юг, но не так быстро. Было в его положении и свое преимущество. Теперь он был предоставлен самому себе, и у него появилось гораздо больше времени на раздумья. А в данной ситуации есть о чем поразмыслить, ибо было в ней много поразительного. Он знал, что где-то есть ключ к пониманию того жизненно важного фактора, который он постоянно ощущал в каждом стане, есть ответ на загадку. Стоит ему разобраться в этом явлении, и тогда можно будет сесть и писать историю, и таким образом он выполнит свое назначение.

Он положил ружье и рюкзак на спальный мешок, а сам спустился на дорогу. Остановившись посреди нее, он посмотрел сначала в одну, потом в другую сторону. Дорога была длинной и безлюдной, таким же безлюдным и одиноким будет и его путешествие. У него никогда не было детей, а в последнее время — и друзей. Джейк, подумалось ему, был самым близким человеком; но Джейка нет, теперь не только пространство, не только пыльная дорога пролегли между ними, но и его поступок.

Он расправил плечи, изображая уверенность и мужество, которых на самом деле не было, и снова поднялся на стоянку, чтобы подобрать спальный мешок, ружье и рюкзак.

Месяцем позже он набрел на стоянку водителей грузовика. Случилось это под вечер; он подыскивал местечко, где бы переночевать, когда на перекрестке двух дорог заметил припаркованный там грузовик с прицепом.

У только что разложенного костра хлопотал мужчина, осторожно подкладывая в костер небольшие ветки. Второй открывал банки с едой. Из леса вышел третий, с ведром, по-видимому, принес воды из ближайшего ручья.

Мужчина у костра заметил Эмби и встал.

— Привет, незнакомец, — произнес он. — Ищете место для ночлега?

Эмби кивнул и подошел к костру. Он сбросил с плеч рюкзак и спальный мешок и бросил их на землю.

— Был бы очень вам признателен...

— Очень рады вам, — сказал мужчина. Он снова склонился над огнем, продолжая подкармливать его. — Обычно мы не останавливаемся на ночевку. Остановимся ненадолго, только чтобы приготовить поесть, а потом пускаемся в путь. У нас в машине есть койка, так что пока один ведет машину, другой спит. Теперь даже Том наловчился водить машину. — Он кивнул на парня, принесшего воду. — Том вообще-то не водитель. Он был профессор в университете, теперь — в отпуске, без сохранения содержания.

Том усмехнулся, взглянув через костер на Эмби.

— В годовом.

— Я тоже в отпуске, — сказал Эмби, — только в перманентном.

— Вот уж сегодня проведем ночь как ночь, — продолжал первый собеседник. — Не люблю спать под шум мотора. Да и нагреваться он стал чего-то. Надо его раскурочить.

— Раскурочить? Прямо здесь?

— Почему бы нет? Чем плохое место?

— Но...

Водитель хихикнул.

— Да мы его в один миг разделаем. Вон Джим, мой помощник, он такелажник. Он его извлечет, перетащит сюда, к костру, и мы тут с ним быстренько разберемся.

Эмби присел возле костра.

— Меня зовут Эмби Уилсон, — сказал он. — Я просто путешествую.

— Вы издалека?

— Из самой Миннесоты.

— Пройти пешком такой кусок — дело нелегкое, особенно для ваших лет.

— Часть пути я проехал на машине.

— Что, машина сломалась?

— Мой партнер сбежал вместе с нею.

— Ну, такие вещи я называю мерзким, низким обманом, — рассудительно заметил водитель.

— Да нет, Джейк не хотел причинить мне зла, он просто впал в панику.

— И вы пытаетесь его выследить?

— Какой смысл? Да и при всем моем желании я не смог бы его найти.

— Могли бы нанять фиксатора.

— Фиксатора? Что это такое?

— Отец, ты что, с луны свалился? — удивился водитель.

И Эмби ничего не оставалось, как принять за должное удивление водителя.

— Фиксатор — это телепат, — объяснил Том. — Особый вид телепата. Он почти всегда может проследить мысли и по ним обнаружить человека. Что-то вроде человека-ищейки. Работа тяжелая, и их не так уж много; но мы надеемся, что со временем их станет больше, и они будут совершенствоваться.

Так фиксатор — это телепат!

Вот тебе и на! Никак не ожидал.

«Особый вид телепата», то есть предполагается, что есть и другие виды телепатов.

Эмби сидел сгорбившись у костра и внимательно вглядывался в лица своих соседей — не появится ли у кого-либо из них усмешка на губах. Нет, никто не усмехнулся, они продолжали вести себя так, как будто телепаты — вещь самая обыкновенная.

Подумать только, неужели здесь, встретив этих людей, за несколько минут знакомства с ними он впервые раскрыл смысл всего этого головоломного фольклора и магии, о которых он часами раздумывал вот уже сколько дней!

«Фиксатор» — это телепат, значит, «такелажник» — это телекинетик, а «лесник-зеленый» запросто может оказаться тем, кто обладает прирожденным даром любить и понимать все живое на Земле.

Может быть, это и есть тот самый «жизненно важный фактор», который он ищет, та «странность», которую он ощущает в каждом стане; и не в этом ли состоит логика действий тех, кто танцами вызывает дождь и выделяет все эти штучки-дрючки, которые он рассматривал как всего лишь побочные явления, свойственные изолированным социальным группам?

Он крепко зажал руки между колен, чтобы они не дрожали. «Мой Бог! — думал он. — Если это так, то как многое становится понятным! Если это тот ответ, который я ищу, то это непревзойденная культура!»

Том прервал ход его мыслей:

— Вы сказали, что вы в отпуске, как и я. Только в перманентном. Вы тоже учитель?

— Был, — сказал Эмби. — Но университет закрыли. Это был один из старейших университетов, но кончились деньги, и почти не осталось студентов.

— Вы пытались найти работу еще где-нибудь?

— Я пошел бы в любую школу. Но, кажется, я никому не нужен.

— В школах не хватает людей, они бы уцепились за вас.

— Вы имеете в виду эти трейлерные университеты?

— Да, именно их.

— Вы не очень-то высокого мнения о них? — недовольным тоном спросил водитель.

— Я о них просто ничего не знаю.

— Они не хуже любой другой школы, это я вам говорю, — заявил водитель. — И никто не смеет говорить о них плохо.

Эмби наклонился к огню — в голове его все смешалось: надежда, и страхи, и множество всевозможных вопросов.

— Вы тут о фиксаторе говорили, — сказал он. — Вы говорили, что фиксатор — это один из видов телепата. А как же другие... они что, обладают другими способностями?

— Обладают некоторые, — сказал Том. — Похоже, что в наши дни появилось много разных талантов совершенно особого свойства. В наших университетах

мы многих из них выявляем и пытаемся даже соответственно воспитывать их, но увы... Да и сами подумайте, как вы или я можем воспитать телепата? С какой стороны к этому подойти? Все, что мы можем, это создавать благоприятные условия для них, чтобы подобный талант имел все необходимое для развития.

Эмби смущенно покачал головой:

— И все-таки не могу понять.. У нас ведь раньше никогда их не было — откуда же они взялись теперь?

— А может, они и были до Процесса децентрализации, но немного. Должны были быть, хотя бы в скрытом состоянии, они просто ждали своего часа. А подходящий момент наступил только теперь. Возможно, их убивала конкуренция. Или эти способности гибли под воздействием уравнительной системы образования. Некоторые из тех, кто были телепатами, скрывали свои способности из страха показаться не такими, как все, а тогда, при той культуре, подобная непохожесть рождала неприязненное любопытство. И из чувства страха люди подавляли в себе эти способности, пока они не исчезали окончательно. Но были среди телепатов и такие, кто втайне использовал свои способности к собственной же выгоде. Представьте себе, какие возможности открываются перед адвокатом, или политиком, или торговцем, обладай он телепатией?

— И вы в это верите?

— Не всегда. Но существует вероятность...

— Люди стали куда умнее теперь, — сказал водитель.

— Нет, Рей, дело не в этом. Люди остаются такими же. Были, конечно, и раньше талантливые люди, но, думаю, им не удавалось проявлять свои способности так часто, как сейчас. Мы освободились от очень многих запретов и условностей. Когда мы покинули свои дома и вместе с ними очень многое из того, что казалось нам необходимым, вместе со всем этим мы сбросили с себя и груз зависти. Оставили в прошлом и многие комплексы. И никто теперь не дышит нам в затылок. Мы теперь не заботимся о том, чтобы в чем-то не отстать от соседа, потому что сосед стал теперь другом, а не мерилom социального и экономического положения. Теперь у нас нет необходимости уложить двадцать восемь часов в двадцать четыре. Считайте, мы дали себе

волю развиваться без всяких ограничений, чего не могли себе позволить раньше.

Джим, помощник водителя, повесил над костром на кованный прут котелок с кофе и принялся резать мясо.

— Сегодня у нас свиные отбивные, — сказал Рей. — Утром мы проезжали фермерский стан, а на дороге оказалась эта свинья. Я ничего не мог поделаться...

— Да ты едва машину не разбил, чтобы только заполучить ее.

— Ну, это уж грязная клевета, — возразил Рей. — Я сделал все, чтобы объехать ее.

Джим продолжал резать мясо, бросая куски его на большую сковороду.

— Если вам нужна работа учителя, — сказал Том, — от вас немного требуется: зайдите в один из университетов. Ими тут сейчас пруд пруди. Большинство из них небольшие.

— Но как мне их найти?

— Поспрашивайте в округе. Их тут много околачивается. Надоедает в одном месте, они перебираются на новое. И вам повезло. Они сейчас сюда перекочевали, на юг. Весной они обычно направляются на север, а осенью — на юг.

Шофер присел на корточки и стал свертывать сигаретку. Он поднес к губам кусочек бумаги с насыпанным табаком, облизнул краешек, склеил и придал форму сигареты. Он сунул ее в рот, и она свободно свисала у него с губы, пока он выуживал в костре веточку, чтобы прикурить.

— Вот что я вам скажу, — обратился он к Эмби, — почему бы вам не поехать с нами? Места хватит для всех. Наверняка по пути нам попадется целая куча университетов. Вы заглянете туда. А если надумаете, то давайте поедем вместе до самого побережья. И Том едет с нами на побережье, надеется навестить своих дальних родственников.

Том кивнул:

— Верно. Может, поедем с нами?

— Теперь совсем не то, что в прежние времена, — сказал Рей. — Мой старик тоже был шофером. Тогда все носились как сумасшедшие. И ни за что, бывало, не остановятся и не посочувствуют, если что. Едут себе — и никакого внимания.

— Да и все мы были не лучше, — сказал Эмби.

— Теперь нам легче, — сказал шофер. — Не надо спешить, и жизнь стала веселее, и никому нет никакого дела, приедем мы на день раньше или позже.

Джим поставил сковородку с отбивными на угли.

— Да, машину теперь вести куда проще, — сказал Рей, — особенно если у тебя есть помощник-такелажник. Если он у тебя есть, никаких проблем с погрузкой и выгрузкой. И в грязи застрять не страшно — он тебя запросто вытащит. А Джим у меня такой такелажник — в жизни другого такого не встречал.

Джим продолжал жарить котлеты.

Шофер выплюнул сигарету в направлении костра, она приземлилась на сковородку, прямо посреди котлет. Почти в тот же миг она поднялась со сковородки, описала в воздухе дугу и упала на угли.

Джим сказал:

— Рей, ты эти штуки брось. Думай все-таки, что делаешь. Ты истощишь мои способности, если будешь вот так заставлять подбирать за собой всякую дрянь.

Водитель снова обратился к Эмби:

— Ну так как, присоединяетесь? Посмотрите страну Эмби покачал головой:

— Надо подумать над вашим предложением.

Но он лицемерил. Не было никакой возможности думать над таким предложением.

Он знал заранее, что не поедет.

10

Он стоял у погасшего костра на перекрестке, прощально махал им рукой и смотрел, как в тумане раннего утра исчезает трейлер с прицепом.

Потом он наклонился, поднял рюкзак и спальный мешок и перебросил их через плечо.

Странное возбуждение охватило его — странное и счастливое. Как хорошо было снова ощутить его после стольких месяцев никчемной жизни! Как хорошо было осознавать, что у тебя опять есть дело!

Он остановился, оглядел место стоянки — неподвижный пепел костра, охапку неиспользованных дров и большое пятно на земле — пятно от машинного мас-

ла, которое вылилось из мотора и постепенно просочилось в почву.

Если бы он своими глазами не видел, он бы никогда не поверил, что такое возможно: Джим, когда отвернул гайки, поднял мотор, вынул из машины и перенес его к костру, ни разу не прикоснувшись к нему руками. А потом он наблюдал, как неподатливые, с сорванной резьбой гайки медленно и неохотно повернулись без всякого инструмента, поднялись над отверстиями, а затем спокойно встали в ряд.

Однажды, — как ему показалось давным-давно, — он беседовал с *пузырем*, и тот рассказал ему, как эффективно вели дела фабрики его работники, и жаловался при этом, что они настолько усовершенствовали технологии и механизмы на фабрике, что, по его словам, представителям другого стана понадобится по крайней мере месяц, чтобы разобраться в устройстве.

Эффективно! Бог ты мой, конечно, они работали эффективно! Но, пытался теперь дознаться он, какими новыми, наполовину разгаданными методами смогли они так усовершенствовать фабрику?

А по всей стране, подумал он, сколько задействовано новых принципов и методов? Но люди в станах не считали их чем-то новым, способным многое изменить, на них смотрели просто как на профессиональные тайны, для них это было преимуществом в торговле, гарантией выживания стана. И сколько таких талантов по всей стране, прикидывал он, какое применение находит все это разнообразие талантов?

Новая культура, думал он, она непобедима тогда, когда осознает свою мощь, ее следует освободить от присущего ей провинциализма, освободить от суеверных наслоений новые силы. А это было самым трудным в его замысле, он понимал это: мистика служила им для того, чтобы закрыть глаза на собственное невежество и как-то объяснить непонятные явления. И, наверно, будет очень нелегко заменить мистику сознанием того, что в настоящий момент ограниченность знаний, недостаточное понимание происходящего приводит нас к простому принятию того, что есть, вызывает к нашему терпению, пока станет возможным понимание всех этих явлений.

Он вернулся к дереву, где оставил ружье, и взял его. Он радостно поднял его над собой и поразился, на-

сколько естественно легло оно в ладонь, как будто было частью его самого, продолжением его руки.

Что-то подобное, по-видимому, и происходило с этими людьми и с их способностями. Они настолько привыкли к своим фантастическим возможностям, что воспринимали их как нечто будничное, совершенно не осознавая всего величия их.

Господи, что же это за чудо! Стоит развить их таланты, и через какие-нибудь сто лет не понадобится теперешнее косноязычное радио, его заменят телепаты, вся страна будет окутана сетью коммуникаций, не подвластной ни разрушениям, ни состояниям атмосферы — умная, гуманная система связи, без всяких ограничений, неизбежных в электронных системах.

Исчезнут и грузовики с появлением телепортеров, которые легко, быстро и спокойно, без всяких проводов и задержек будут переправлять суда от одного побережья к другому и в любые точки Земли, и опять же ни погода, ни состояние дорог не будут служить им помехой.

И это совсем немного из великолепных картин, подсказанных ему воображением. Что тут говорить обо всех остальных — отчасти уже известных, отчасти подразумеваемых и отчасти пока невыполнимых?

Он вышел на дорогу и остановился в задумчивости. Куда двинулся тот стан, где их спрашивали, нет ли среди них инженера по ракетам? И где-то рядом с ним был тот, в котором интересовались химиком, потому что ребята что-то там химичили над горючим, а взрослые боялись от этого взлететь на воздух. И еще его мучила мысль, где бы ему достать такелажника. А еще бы лучше — хорошего, на все руки телепата.

Не такие уж грандиозные планы, признался он себе. Но для начала хватит.

— Подарите мне десять лет, — проговорил он. — Я прошу всего десять лет.

Но даже если у него оставалось всего два года, он должен был начать. Ведь если он хотя бы начнет, потом найдется кто-нибудь, кто продолжит его дело. Кому-то нужно начать. И именно он подходит для этой роли как человек, обладающий объективным взглядом на этот неокочевой мир в свете исторического прошлого. И ведь таких, как я, сохранилось не так уж много, подумал он.

Ему предстоит нелегкая работенка, он это знал, но считал, что дело свое знает хорошо.

И он пошел по дороге, весело насвистывая.

Вроде и дело не такое уж большое, но если удастся осуществить его, это будет сенсация. Стоит только сделать это, и каждый стан будет шпионить, интриговать, обманывать и пускаться во все тяжкие, чтобы овладеть тайной.

А пока, насколько он понимал, ему самому придется заняться чем-то вроде этого, чтобы хоть немного просветить их, чтобы они в конце концов поняли, какой силой владеют, нужно заставить их задуматься над тем, как использовать их необычайные возможности, что произросли на почве социума.

Но все же — где тот стан, в котором нуждались в инженере по ракетам?

Где-то возле этой вот дороги, дороги пыльной, наводившей на него когда-то уныние, но не теперь.

Нужно пройти какую-то часть этой дороги. Не так уж далеко — каких-нибудь сто или двести миль. А может, и больше?

Он шагал вперед, пытаясь вспомнить. Но не просто было это сделать. Столько дней промелькнуло и столько станов. Дорожные ориентиры, подумал он, я всегда хорошо запоминал дорожные ориентиры. Но кругом их было слишком много.

11

Он все продолжал свой путь, останавливаясь во встречных станах, и на свой вопрос везде получал один и тот же ответ:

— Ракеты? Да нет, на кой они? Какому дураку нужны нынче ракеты?

И у него стали уже возникать сомнения — а был ли вообще такой стан, в котором проявили заинтересованность в инженере по ракетам? Действительно, какому дураку нужны нынче ракеты? Какая от них польза?

Его вопрос уже опережал его — то ли благодаря телепатии, то ли радио, то ли слухам, — но скоро он стал легендой. И он вдруг увидел, что его уже ждут, как будто предупрежденные, и встречали его везде одним и тем же приветствием, которое уже звучало как шутка:

— Не вы ли тот джентльмен, который ищет ракету?

Но именно это шутивное приветствие и легенда о нем сделали его своим среди них; однако, превратившись в одного из них, он оставался и сторонним наблюдателем: он видел величие, которого они не замечали, величие, сознание которого он должен был — *должен был!* — пробудить в них. Но ни слова, ни проповеди не способны были оживить в них это чувство.

Вечерами он, бывало, сидел с ними за общими беседами, спал с ними в трейлерах, если ему находилось место, помогал им по мелочам и слушал их побасенки. И сам рассказывал их. И при этом все чаще возникало в нем ощущение чего-то неординарного, чуждого, но теперь, когда он немного разобрался в природе этого явления, не тревожился больше, а иногда даже, оглядев кружок собеседников, вычислял того, кто возбуждал в нем это ощущение.

По ночам, лежа в постели, он много думал надо всем этим, и в конечном счете кое-что прояснилось для него.

Человек, даже, может быть, пещерный, всегда обладал этими способностями, но тогда, как и теперь, Человек не понимал своей силы и не развивал этого качества в себе. Он предпочел совсем другой путь прогресса — не разум совершенствовал он, а свои руки, и построил удивительную, потрясающую культуру — культуру машин. Своими руками и самоотверженным трудом он построил огромные, сложные машины, которые могли делать то, что сам мог бы делать всего лишь усилием собственного разума, догадайся он в свое время сделать правильный выбор. Но он предпочел упрятать способности разума за делами рук своих, за изобретениями, а потом, пытаясь определить свой менталитет, насмешками дискриминировал тот самый желанный дар, которого искал.

То, что в конце концов произошло, рассуждал Эмби, вовсе не причуда какая-то в развитии человечества, появление этого было так же неизбежно и необходимо, как появление солнца. Это было всего лишь возвращение на тропу, по которой и надлежало Человеку идти по мере своего развития. Заблуждавшееся на протяжении многих веков человечество снова оказалось на верном пути. И даже если бы никакой децентрализации не произошло и прежняя культура оставалась бы неизблемой, рано или поздно это случилось бы, потому

что в самой технологии есть такой пунктик, на котором она обязательно должна была прекратить свое существование. Машины все увеличивались в объемах, все усложнялись. Наступала сверхусложненность, которая была обречена на гибель как в машинах, так и в жизни.

Децентрализация ускорила процесс примерно на тысячу лет, но вся ее заслуга только в этом и состояла.

Но и здесь опять Человек изобрел умные — пошлые — слова, чтобы приглушить блеск того, чего он не мог постичь. Телекинетиков обозвали такелажниками, телепатов — фиксаторами, или болтунами, способность передвигать пространство на небольшой промежуток в будущее нарекли вторым видением, а того, кто это делает, водилой. А ведь существовало множество всяких других способностей — неопознанных, едва угадываемых — они все вместе, без разбору шли под маркой «магия». Но не в названиях дело. Банальное, упрощенное слово служило в конечном счете не хуже, чем научная терминология, и даже могло бы служить более легкому восприятию явления. Но на сей раз самое главное заключалось в том, чтобы люди не отказались от вновь обретенных талантов, не утратили их. Нужно, обязательно нужно, чтобы случилось что-то такое, что повергло бы людей в шок и заставило бы их правильно оценить свой дар.

Так он шел от стана к стану, и не было нужды задавать свой вопрос, потому что вопрос опережал его самого.

Шел он по дороге, живая легенда, и тут услышал другую легенду — о человеке, который, переезжая из стана в стан, везде своим лекарством излечивал людей.

Вначале он отнесся к этому, как к очередной побасенке, но все чаще и чаще слышал легенду и наконец набрел на стан, где лекарь был за неделю до него. В этот вечер, сидя у костра, он услышал удивительные истории.

— Вот, к примеру, — рассказывала ему одна старуха, — миссис Купер, она страдала много лет. Все время болела. Целыми днями валялась в постели. Желудок уже ничего не принимал. А потом выпила бутылку этого снадобья, и все как рукой сняло. Посмотрели бы вы на нее — веселая, как птичка.

Старик по другую сторону костра согласно кивнул.

— Я страдал ревматизмом, — сказал он. —казалось, никогда от него не избавлюсь. Слабость в ногахденно и ночью. Наш доктор уже ничего не мог поделывать. Выпил я эту бутылочку и...

Он встал и в подтверждение сказанного ловко станцевал джигу.

И не только в этом — в двадцати других станах он слышал подобные рассказы о тех, кто вставал с одра и начинал ходить: болезни отступали, на другой же день прекращались боли.

Ну, вот и еще один из них, сказал себе Эмби. Еще один маг. Человек, у которого даже в кончиках пальцев заложено искусство врачевания. И нет им конца, подумал он.

И наконец он повстречал того лекаря.

Как-то в сумерки, в послеобеденный час, когда посуда уже убрана и люди располагаются вокруг костра и начинают свои разговоры, он подошел к стану и никого в нем не обнаружил. Возле трейлеров не было ни души, только одна-две собаки вылизывали консервные банки; улочки, образованные трейлерами, были настолько пустынные, что в ответ на каждый звук раздавалось эхо.

Он стоял в центре стана и думал, не закричать ли, чтобы как-то привлечь к себе внимание, но остерегся. Внимательно осмотрелся вокруг — так внимательно, что ни малейшее движение не осталось бы незамеченным. И тут увидел свет в южном конце стана.

С особой осторожностью он двинулся по направлению к свету и, еще не достигнув его, услышал говор толпы. На мгновение он остановился, сомневаясь, стоит ли идти дальше, но все же медленно пошел.

Наконец за станом, на опушке рощи, он увидел людей. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и смотрели на одинокий трейлер перед собой. Сцену освещали с поддюжины воткнутых в землю осветительных патронов.

На ступеньках лесенки, что вела в трейлер, стоял человек, его голос едва долетал до Эмби; но как ни тих и неразборчив был этот голос, что-то в нем показалось очень знакомым. Оставаясь на месте, Эмби вспомнил вдруг свое детство и маленький городок, о котором он не вспоминал уже давным-давно, и звуки банджо, и беготню по улицам. Как же было весело, подумал он, и

сколько было всяких разговоров. Он вспомнил, как старая леди Эдамс клялась на своем амулете, который некогда приобрела на выставке, а теперь терпеливо ждала, когда в город опять приедут с выставкой, чтобы приобрести там еще амулет. Но выставка так и не приехала.

Он стал пробираться сквозь толпу поближе к трейлеру, какая-то женщина повернулась к нему и прошептала истошно. «Это он!», как если бы это был сам Всевышний. И снова вся обратилась в слух.

К этому времени оратор на ступеньках трейлера достиг апогея. Голос его не был громким, но увлекал, были в нем и спокойствие и пафос одновременно, но при этом еще и человечность и властность.

— Друзья мои, — говорил он, — я простой человек, не больше того. И не хочу, чтобы вы принимали меня за кого-нибудь другого. Не хочу и обманывать вас, говоря, что я что-то там особенное, потому что ничего подобного нет. Я даже говорить-то не умею правильно. И грамматики я не знаю. Впрочем, наверно, и среди вас есть немало таких, кто слаб в правописании, и, мне кажется, многие поймут меня, так что — все в порядке. Я мог бы спуститься к вам, в толпу, и разговаривать с каждым из вас по отдельности, но вы услышите лучше, если я буду говорить с вами отсюда, со ступенек. Не от желания важничать перед вами — не поэтому я взобрался сюда, повыше. Я не ставлю себя выше вас.

Ну вот, я сказал вам, что не собираюсь душить вас. Я скорее вырву свой язык и брошу его на съедение свиньям, если скажу хоть одно слово лжи. Так что я не собираюсь превозносить до небес свое лекарство. Я просто начну с вами дела честь честью. Должен сказать вам, что я даже не врач. Никогда не учился медицине. И не понимаю в ней ничего. Я так думаю: я всего лишь посыльный — значит тот, кто приносит новое.

С этим лекарством связана целая история, и, если вы еще не собираетесь расходиться, я расскажу ее вам. Началось все очень давно, и кое во что сейчас даже трудно поверить, но мне хотелось бы, чтобы вы поверили, потому что тут каждое слово — правда. Прежде всего я должен рассказать вам о своей старенькой бабушке. Много лет прошло с тех пор, как она умерла, царство ей небесное. И не знаю я женщины лучше и добрее, чем она; помню, был я тогда совсем пацаном...

Эмби отошел в сторонку и улегся прямо на землю.

«Какой наглец! — подумал он. — И сколько нахальства!»

Когда все кончилось, когда все бутылки до последней были распроданы, когда люди вернулись в стан, а владелец лекарства собирал с земли осветительные патроны, Эмби встал и подошел к нему

— Здравствуй, Джейк, — сказал он.

12

— Ах, док, должен вам признаться, — сказал Джейк, — что я был просто прижат к стенке. Ничто нам не светило. Не было денег на горючее, не было еды, а просить милостыню не так уж приятно. И в этом отчаянном положении я начал думать. И решил, что, если человек всю свою жизнь был честен, это не значит, что таким он должен оставаться вечно. Но и в бесчестье я никак не мог найти свою выгоду, не мог придумать, как оно поможет нам прожить — разве что воровством, но это опасно. Хотя я уже готов был на самое худшее.

— Верю, — сказал Эмби.

— О док, — взмолился Джейк, — и что вы все дуетесь? Какой вам смысл злиться? Мы раскаялись уже в тот момент, когда уехали от вас; мы хотели почти сразу повернуть назад и вернулись бы, да я побоялся. И все-таки — все ведь обернулось к лучшему.

Он слегка pokrutil баранку, чтобы объехать камень на дороге.

— Так-то вот, сэр, — продолжал он. — В жизни все получается совсем не так, как думаешь. Только покажется тебе, что все, ты тонешь, как тебя подхватывает какая-то волна. Остановились мы как-то вот у этой реки половить рыбки, а детишки нашли мусорную кучу и давай в ней рыться — ну, вы же знаете, как это бывает. И нашли целую кучу бутылок — четыре или пять дюжин, — и все совершенно одинаковые. Я представил себе человека, который волочил их с трудом на помойку. Я сидел, смотрел на бутылки — других дел у меня тогда не было — и соображал, смогу ли я пустить их в прибыльное дельце или они просто займут место в

трейлере, и я зря поволоку их с собой. И тут будто что-то кольнуло меня. Все они были грязные, а некоторые — с отбитым горлышком, но мы взяли и перемыли их, отполировали, и...

— Скажи мне, что ты налил в бутылки?

— Ладно уж, док, вам я скажу все как есть: я не помню, чем я пользовался в первой партии.

— Насколько я могу судить, к лекарствам ваша смесь никакого отношения не имела.

— Док, да у меня нет никакого представления о том, из чего делаются лекарства. Единственное, чего я опасался, это чтобы в бутылки не попало ничего такого, от чего люди могли бы умереть или серьезно заболеть. Но требовалось, чтобы оно было горьким, иначе они решат, что снадобье так себе, неважное. Мерт, она сначала так волновалась, а сейчас ничего, привыкла. Особенно с тех пор, как люди стали заявлять, что снадобье им помогает, хотя, сказать по совести, никак не могу понять, почему, елки зеленые, оно им помогает. Док, ради всего святого, скажите, как эта гадость может им помочь?

— Она им и не помогает.

— Но люди твердят, что помогает. Вот была тут одна старушонка...

— Это связано с верой, — сказал Эмби. — Они живут в мире магии и готовы поверить во что угодно. Они просто жаждут чуда.

— Так вы считаете, что это у них в голове?

— Все, до последней капли. Они не имеют никакого представления о том, что такое ложь, обман, иначе у тебя никогда ничего не вышло бы, они принимают на веру все твои слова. Они пьют твое снадобье и при этом так глубоко верят в то, что оно поможет, что оно действительно им помогает. Им никогда не забивали мозги мощными рекламными воззваниями, по крайней мере до известного возраста. Они не знают, что такое мошенничество, вранье или угроза. Поэтому они так легко верят всему.

— Да, пожалуй, так оно и есть, — согласился Джейк. — Я рад, что узнал об этом, а то что-то не давало мне покоя.

На заднем сиденье дети устроили очередную потасовку, Джейк прикрикнул на них, но они продолжали свою возню. Все было совсем так же, как в прошлые времена.

Эмби удобно откинулся на спинку сиденья, наблюдая за всем, что мелькало за окнами трейлера.

— Ты точно помнишь, где находится этот стан?

— Прямо вижу его перед собой, будто это было только вчера. Помню, как смешно эти парни говорили, что им нужен инженер по ракетам. И зачем он им?

Он сбоку посмотрел на Эмби.

— И что за охота на вас напала непременно найти именно тот стан?

— Есть идея, — ответил Эмби.

— А знаете, док, у меня тоже есть идея: почему бы нам, раз уж мы снова вместе, не составить одну команду. Вы с вашей седой головой и умением так много и складно говорить...

— Об этом забудь, — сказал Эмби.

— И чего плохого вы в этом углядели? — удивился Джейк. — Мы устроили такое шоу! Ведь именно с этого все и началось и привлекло их ко мне. У них ведь теперь жизнь совсем не та, что была раньше, — ни тебе телевизора, ни кино, ни бейсбольных сражений, ничего такого нет. Не слишком-то развлечешься в нынешнее время, и даже просто послушать нас они обязательно придут.

Эмби ничего не ответил.

Это хорошо, что мы опять вместе, думал он. Следовало бы рассердиться на Джейка, но он не мог сердиться. Они все так искренне обрадовались, увидев его, — даже дети и Мерт, — и так старались загладить свою вину.

А случись им снова оказаться в подобной ситуации, и Джейк решит, что им выгоднее уехать от него, они так же точно бросят его. Но сейчас ему было хорошо с ними, и они ехали туда, куда ему было нужно. Он был доволен. Сколько еще времени промаялся бы он в поисках нужного стана, не подвернись ему Джейк с трейлером, подумал он. Да и вообще весьма сомнительно, что он сам смог бы отыскать его.

— А знаете, — продолжал разговор Джейк, — я тут надумал: почему бы мне в конгресс не податься? Мой лекарский опыт дал мне немалую практику публичных выступлений, и я придумал уловку, на которой я бы хорошо сыграл, — запретить дорожный налог. Ничто другое так не раздражает наш народ, как эти налоги.

— Тебя не примут в конгресс, — сказал Эмби. — У тебя нет постоянного местожительства. Ты даже не принадлежишь ни к какому стану.

— Вот об этих вещах я как-то не подумал. Может, если я немного поживу в одном из станов...

— Да нельзя запретить подорожный налог, если хочешь, чтобы дороги содержались в порядке.

— Наверное, вы правы, док, но ведь это позор — так докучать людям этим дорожным налогом. Они ужасно раздражены.

Он взглянул на часы.

— Если ничего не случится, — сказал он, — будем в вашем стане завтра к вечеру.

13

— Она не заработает, — заявили они.

Но он и раньше знал, что они так скажут.

— Она не заработает, если вы не скооперируетесь, — сказал Эмби. — Чтобы задействовать ее, нужно горючее.

— У нас есть горючее.

— Оно не годится, — возразил Эмби. — Оно негодное... А вот в соседнем стане получают горючее...

— Вы хотите, чтобы мы с протянутой рукой...

— Зачем же «с протянутой рукой»? У вас есть кое-что; у них тоже есть кое-что. Почему бы вам не наладить торговлю?

Они переваривали услышанное, сидя вокруг костра под старым дубом, что рос посреди стана. Он наблюдал за процессом переваривания, за их грубыми, озабоченными лицами, морщинистыми лицами янки девятнадцатого века, за их сжатыми между колен руками с глубоко въевшейся в них грязью и машинным маслом.

Их окружали трейлеры с прицепами, сушившееся на веревках белье, женские и детские лица, выглядывавшие из окон и дверей, на удивление молчаливые: проходил очень важный совет, и они знали свое место.

А за трейлерами возвышались корпуса завода сельскохозяйственных машин.

— Должен вам сказать, мистер, — начал агент по труду, — эти ракеты не более как наше хобби. Было

такое дело: ребята нашли где-то книги о них, заинтересовались. А через некоторое время весь стан читал их и загорелся идеей. Но это для нас все равно что бейсбол или соревнования по стрельбе. Не такие уж мы одержимые. Дело это для нас вроде забавы.

— А если бы вы смогли пользоваться этими ракетами?

— Никаких предубеждений против использования ракет у нас нет и не было, но сначала нужно серьезно это обдумать.

— Вам понадобится несколько такелажников.

— У нас есть такелажники, у нас их много. Мы можем поднимать все что угодно. С их помощью мы снизили себестоимость продукции и теперь можем платить им столько, сколько они пожелают. Они работают у нас в основном в сборочном цехе.

Поднялся один из тех, кто помоложе.

— Есть один вопросик в связи с этим. Такелажник может поднять самого себя?

— А почему бы нет?

— Предположим, вы берете кусок трубы. Без всяких усилий вы поднимаете трубу. Но попробуйте встаньте на нее — тогда можете пыжиться сколько влезет, но с места ее не сдвинете.

— Такелажник может поднять себя, точно вам говорю, — сказал агент по труду. — У нас есть один парень в сборочном, так он летает на тех деталях, с которыми работает. Заявляет, что так у него быстрее получается.

— Ну так вот, — сказал Эмби, — посадите вашего такелажника в трейлер — как вы думаете, сможет он его поднять?

Агент по труду кивнул.

— Запросто.

— И управлять им? И приземлиться, не взорвавшись?

— Конечно.

— Но все равно — далеко-то он не уедет. Скажите-ка, какое расстояние он может преодолеть?

— Ну, миль так пять... или десять. Это только выглядит, что ему все это нипочем, а на самом деле это для него большой труд.

— Но если снабдить трейлер ракетным двигателем, тогда такелажнику останется только поддерживать его на весу. Под силу это ему?

— Ну, точно я не скажу, — ответил агент по труду, — но, пожалуй, это для него не такой уж большой труд. Он хоть целый день может держать его в подвешенном состоянии.

— А если что-нибудь случится, например, загорится ракета — он сможет посадить трейлер на землю невредимым?

— И посадит.

— Тогда чего ж это мы зря время теряем?

— Мистер, к чему вы ведете?

— К летающим станам, — сказал Эмби. — Неужели вы все еще ничего не поняли? Предположим, вы захотели перебраться на другое место или просто отправиться на отдых. Тут весь стан поднимается в воздух, и почти в тот же миг вы оказываетесь на месте.

Агент по труду потер подбородок.

— Может, так и будет, — допустил он. — Скорее всего, получится. Но чего ради нам суетиться? Если мы задумаем куда-нибудь поехать, мы соберемся и поедем. А торопиться нам некуда.

— И в самом деле, — подтвердил кто-то из присутствующих, — нам-то чего ради во все это влезать?

— Ну, хотя бы из-за дорожного налога, — сказал Эмби. — Если вы не будете пользоваться дорогами, то и дорожный налог вам не придется платить.

В наступившей тишине он оглядел всех и понял, что он их достал.

СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ

ЗОЛОТЫЕ ЖУКИ

День начался отвратительно.

Артур Белсен, живущий по ту сторону аллеи, включил в шесть утра свой оркестр, чем и заставил меня подпрыгнуть в постели.

Белсен, скажу я вам, по профессии инженер, но его страсть — музыка. И поскольку он инженер, то не довольствуется тем, что наслаждается ею сам. Ему просто необходимо всполошить всех соседей. Год или два назад ему в голову пришла идея о симфонии, исполняемой роботами, и, надо отдать ему должное, он оказался талантливым человеком. Он принялся работать над своей идеей и создал машины, которые могли читать — не просто играть, но и читать музыку прямо с нот, — и смастерил машину для транскрипции нот. Затем он сделал несколько таких машин в своей мастерской в подвале.

И он их испытывал!

Вполне понятно, что то была экспериментальная работа, когда неизбежны переделки и настройки, а Белсен был очень придирчив к звукам, издаваемым каждой из его машин. Поэтому он много и подолгу их настраивал — и очень громко, — пока не получал то воспроизведение, которое, как он считал, должно было получиться.

Golden Bugs, 1960

© 1993 А. Новиков, перевод на русский язык

Одно время соседи вяло поговаривали, что неплохо бы его линчевать, но разговор так и остался разговором. В этом-то и беда, одна из бед с нашими соседями — на словах они способны на что угодно, но на деле палец о палец не ударят.

Так что конца этому безобразию пока не было видно. Белсену потребовалось больше года, чтобы настроить секцию ударных инструментов, что само по себе было не подарок. Но теперь он взялся за струнные, а это оказалось еще хуже.

Элен села на постели рядом со мной и заткнула уши пальцами, но это ее не спасло. Белсен врубил свою пыточную машину на полную мощь, чтобы, как он говорил, лучше прочувствовать музыку.

По моим прикидкам, к этому времени он наверняка разбудил всю округу.

— Ну, началось, — сказал я, слезая с постели.

— Хочешь, я приготовлю завтрак?

— Можешь спокойно начинать, — отозвался я. — Еще никому не удалось спать, когда эта гадость включена.

Пока она готовила завтрак, я пошел в садик за гаражом поглядеть, как поживают мои георгины. Я вовсе не возражаю, если вы узнаете, что я обожаю георгины. Приближалось начало выставки, и несколько штук должны были расцвести как раз ко времени.

Я направился к садику, но не дошел. Это тоже одна из особенностей района, где мы живем. Человек начинает что-то делать и никогда не заканчивает, потому что всегда найдется кто-то, кто захочет с ним поболтать.

На сей раз это оказался Добби. Добби — это доктор Дарби Уэллс, почтенный старый чудак с бакенбардами на щеках, живущий в соседнем доме. Мы все зовем его Добби, и он ничуть не возражает, поскольку это в своем роде знак уважения, которое ему оказывают. В свое время Добби был довольно известным энтомологом в университете, и это имя ему придумали студенты.

Но теперь Добби на пенсии, и заняться ему особо нечем, если не считать длинных и бесцельных разговоров с каждым, кого ему удастся остановить.

Едва заметив его, я понял, что погиб.

— По-моему, прекрасно, — произнес Добби, облокотившись на свой забор и начиная дискуссию, едва я приблизился настолько, чтобы его расслышать, — что

у человека есть хобби. Но я утверждаю, что с этой стороны невежливо демонстрировать это так шумно и свет ни заря.

— Вы имеет в виду это? — спросил я, тыча пальцем в сторону дома Белсена, откуда продолжали в полную силу доноситься скрежет и кошачьи вопли.

— Совершенно верно, — подтвердил Добби, приглаживая седые бакенбарды с выражением глубокого раздумья на лице. — Но заметьте, я ни на одну минуту не перестаю восхищаться этим человеком...

— Восхищаться? — переспросил я. Бывают случаи, когда я с трудом понимаю Добби. Не столько из-за его привычки разговаривать напыщенно, сколько из-за манеры размышлять.

— Верно, — подтвердил Добби. — Но не из-за его машин, хотя они сами по себе электрическое чудо, а из-за того, как он воспроизводит свои записи. Созданная им машина для чтения нот — весьма хитроумное сооружение. Иногда она мне кажется почти что человеком.

— Когда я был мальчиком, — сказал я, — у нас было механическое пианино, которое тоже играло записанную музыку.

— Да, Рэндолл, вы правы, — признал Добби, — принцип схож, но исполнение — подумайте об исполнении! Все эти старые пианино лишь весело бренчали, а Белсену удалось передать самые тонкие нюансы.

— Должно быть, я не уловил этих нюансов, — ответил я, не выразив ни малейшего восхищения. — Все, что я слышал — просто бред.

Мы говорили о Белсене и его оркестре, пока Элен не позвала меня завтракать.

Едва я уселся за стол, она начала зачитывать свой черный список.

— Рэндолл, — решительно произнесла она, — на кухне опять кишат муравьи. Они такие маленькие, что их почти не видно, зато они пролезают в любую щель.

— Я думал, ты от них уже избавилась.

— Да, раньше. Я выследила их гнездо и залила его кипятком. Но на сей раз этим придется заняться тебе.

— Будь спокойна, непременно займусь, — пообещал я.

— То же самое ты говорил и в прошлый раз.

— Я уже было собрался, но ты меня опередила.

— Но это еще не все. На чердаке в вентиляционных щелях завелись осы. На днях они ужалили девочку Монтомгери.

Она хотела сказать еще что-то, но тут по лестнице скатился наш одиннадцатилетний сын Билли.

— Смотри, пап! — восторженно воскликнул он, протягивая мне небольшую пластиковую коробочку. — Таких я раньше никогда не видел!

Я мог не спрашивать, кого он еще не видел. Я знал, что это очередное насекомое. В прошлом году — марки, в этом — насекомые, и это еще одно следствие того, что рядом живет энтомолог, которому нечем заняться.

Я нехотя взял коробочку в руки.

— Божья коровка.

— А вот и нет, — возразил Билли. — Этот жук гораздо больше. И точки другие, и цвет не тот. Этот золотой, а божьи коровки оранжевые.

— Ну тогда поищи его в справочнике, — нетерпеливо сказал я. Парень был готов заниматься чем угодно, лишь бы не брать в руки книгу.

— Уже смотрел, — сказал Билли. — Всю перелистал, а такого не нашел.

— Боже мой, — в сердцах произнесла Элен, — сядь, наконец, за стол и позавтракай. Мало того что житья не стало от муравьев и ос, так еще ты целыми днями ловишь всяких других жуков.

— Мама, но это поучительно, — запротестовал Билли. — Так говорил доктор Уэллс. Он сказал, что существует семьсот тысяч видов насекомых...

— Где ты его нашел, сынок? — спросил я, немного устыдившись, что мы оба набросились на парня.

— Да в моей комнате.

— В доме! — завопила Элен. — Мало нам муравьев...

— Как только поем, покажу его доктору Уэллсу.

— А ты ему еще не надоел?

— Надеюсь, что надоел. — Элен поджала губы. — Этот самый Добби и приучил его заниматься глупостями.

Я отдал коробочку Билли. Тот положил ее рядом с тарелкой и принялся за еду.

— Рэндолл, — сказала Элен, приступая к третьему пункту обвинения, — я не знаю, что мне делать с Норой.

Нора — наша уборщица. Она приходит дважды в неделю.

— И что она на этот раз сделала?

— В том-то и дело, что ничего. Она просто-напросто не вытирает пыль. Помашет для вида тряпкой, и все. И ни разу еще не переставила лампу или вазу, чтобы протереть в этом месте.

— Ну, найди вместо нее кого-нибудь.

— Рэндолл, ты не понимаешь, о чем говоришь. Уборщицу найти очень трудно, и на них нельзя полагаться. Я говорила с Эми...

Я слушал и вставлял нужные замечания. Все это мне уже приходилось слышать раньше.

Сразу после завтрака я пошел в контору. Было слишком рано для посетителей, но мне нужно было заполнить несколько страховых полисов и сделать еще кое-какую работу, так что было чем заняться лишние час-другой.

Около полудня мне позвонила очень взволнованная Элен.

— Рэндолл! — выпалила она безо всяких предисловий. — Кто-то бросил валун в самую середину сада.

— Повтори, пожалуйста, — попросил я.

— Ну, знаешь, такую большую каменную глыбу. Она раздавила все георгины.

— Георгины! — взвыл я.

— И самое странно, что не осталось никаких следов. Такую глыбу можно было привезти разве что на грузовике...

— Ладно, успокойся. Скажи мне лучше, камень очень большой?

— Да почти с меня.

— Быть того не может! — забушевал было я, но сразу постарался успокоиться. — Это какая-то дурацкая шутка. Кто-то решил подшутить.

Кто бы это мог сделать? Я задумался, но не припомнил никого, кто решился бы на такую канитель, чтобы этак пошутить. Джордж Монтгомери? Он человек здравомыслящий. Белсен? Тот слишком занят своей музыкой, чтобы отвлекаться. Добби? Но я не мог себе представить, чтобы он вообще когда-то шутил.

— Ничего себе шуточка! — сказала Элен. Никто из моих соседей, сказал я себе, этого не сделал бы. Все знали, что я выращивал георгины, дабы получить новые почетные ленточки на выставках.

— Я сегодня закончу работу пораньше, — сказал я, — и посмотрю, что можно с ним сделать.

Хотя я знал, что сделать можно будет очень немного — лишь оттащить его в сторону.

— Я буду у Эми, — сказала Элен. — Постараюсь вернуться пораньше.

Я положил трубку и занялся работой, но дело не клеилось. В голове были одни георгины.

Я кончил работать вскоре после полудня и купил в аптеке баллончик с инсектицидом. Этикетка утверждала, что средство эффективно против муравьев, тараканов, ос, тлей и кучи другой нечисти.

Когда я подошел к дому, Билли сидел на крыльце.

— Привет, сынок. Нечем заняться?

— Мы с Тони Гендерсоном поиграли в солдатики, да надоело.

Я поставил баллончик на кухонный стол и отправился в сад. Билли молча последовал за мной.

Глыба лежала в саду, точнехонько в середине клумбы с георгинами, и не была ни на сантиметр меньше, чем говорила Элен. Выглядела она странно. То был не просто щербатый кусок скалы, а почти правильный шар чистого красного цвета.

Я обошел ее вокруг, оценивая ущерб. Несколько георгинов уцелело, но самые лучшие погибли. Не было никаких следов, даже намек на то, каким образом этот камень оказался в саду. Он лежал в добрых десяти метрах от дороги, и чтобы перенести его сюда из грузовика, потребовался бы кран, но это было практически невыполнимо, потому что вдоль улицы тянулись провода.

Я подошел к глыбе и внимательно ее рассмотрел. Вся ее поверхность оказалась усеянной маленькими ямками неправильной формы, не более полудюйма в глубину; виднелись и тускло поблескивающие гладкие места, как будто часть первоначальной поверхности была сколота. Более темные и гладкие участки блестели, словно отполированный воск, и мне вспомнилось то, что я видел очень давно — когда один из моих приятелей ненадолго увлекся коллекционированием минералов.

Я склонился над гладкой восковой поверхностью, и мне показалось, что я различаю внутри камня волнистые линии.

— Билли, ты знаешь, как выглядит агат? — спросил я.

— Не знаю, пап. Но Томми знает. Он просто охотится за разными камнями.

Он подошел поближе и стал рассматривать один из гладких участков, потом послунял палец и провел им по восковой поверхности. Камень заблестел, как атлас.

— Не уверен, — сказал он, — но, похоже, это агат. Билли отошел немного и стал рассматривать камень с новым выражением на лице.

— Послушай, пап, если это действительно агат — я хочу сказать, если это один большой агат, — то он должен стоить кучу денег, так ведь?

— Не знаю. Наверное, должен.

— Может, целый миллион.

Я покачал головой.

— Ну уж не миллион.

— Я пойду приведу Томми, прямо сейчас.

Он молнией промчался мимо гаража, и я услышал, как он побежал по дорожке к воротам в сторону дома Томми.

Я несколько раз обошел валун и попытался прикинуть его вес, но не знал, как это делается.

Потом вернулся домой и прочитал инструкцию на баллончике с инсектицидом, снял колпачок и нажал на распылитель. Он работал.

Закончив приготовления, я опустился на колени у кухонного порога и попытался отыскать дорожку, по которой муравьи проникали в дом. Я не видел ни одного, но по прошлому опыту знал, что они чуть крупнее песчинки и к тому же почти прозрачные, так что увидеть их очень трудно.

Краем глаза я заметил что-то блестящее, движущееся в одном из углов кухни. Я повернулся и увидел блестящий золотой комочек, бежавший по полу вдоль плинтуса к ящику под раковиной.

Это была еще одна большая божья коровка.

Я направил на нее баллончик и нажал кнопку, но коровка продолжала ползти и вскоре скрылась под ящиком.

Когда жук уполз, я продолжил поиски муравьев, но не нашел даже их следов. Ни один не ползал по полу. Ни один не вылезал. Не было их ни в раковине, ни на столе.

Поэтому я вышел, завернул за угол дома и приступил к операции «Оса». Я знал, что она окажется непростой. Гнездо располагалось в вентиляционной щели чердака, и добраться до него будет трудновато. Разглядывая его с улицы, я решил, что единственный выход — дождаться ночи, когда можно быть полностью уверенным, что все осы сидят в гнезде. Я приставлю лестницу, подберусь к гнезду и задам им по первое число, после чего постараюсь слезть вниз с максимально возможной скоростью. Но не такой, чтобы свернуть себе шею.

Если говорить честно, такое занятие меня мало привлекало, но по тону, каким Элен разговаривала за завтраком, я понял, что мне не отвертеться.

Вокруг гнезда летало несколько ос. Пока я смотрел, две осы упали из гнезда на землю.

Удивленный, я подошел поближе и увидел, что земля под гнездом усеяна мертвыми или умирающими осами. Пока я их разглядывал, упала еще одна оса и стала жужжать и вертеться.

Я немного отступил в сторону, чтобы получше рассмотреть, что происходит в гнезде, но лишь обнаружил, что время от времени вниз падает очередная оса.

Я решил, что мне повезло. Если что-то убивает ос в гнезде, то мне не придется с ними возиться.

Я уже хотел отнести инсектицид обратно на кухню, как с заднего двора прибежали запыхавшиеся Били и Томми Гендерсон.

— Мистер Марсден, — сказал Томми, — этот ваш камень и в самом деле агат. Ленточный агат.

— Что ж, прекрасно, — отозвался я.

— Да вы не поняли! — воскликнул Томми. — Таких больших агатов не бывает. А ленточные, наиболее ценные, вообще не крупнее вашего кулака.

Тут до меня дошло. В голове у меня прояснилось, и я рванул вокруг дома, чтобы еще раз посмотреть на камень в саду. Мальчики помчались следом.

Камень был просто прекрасен. Я протянул руку и погладил его. Как мне повезло, подумал я, что кто-то забросил его в мой сад. Про георгины я к тому времени уже забыл.

— Готов поспорить, — сказал мне Томми, глядя на меня глазами размером с тарелку, — что вы получите за него кучу денег.

Не стану отрицать, что приблизительно такая же мысль пронеслась и в моей голове.

Я протянул руку и прижал ее к камню, просто чтобы почувствовать его твердость и реальность.

И камень слегка покачнулся!

Удивившись, я толкнул посильнее, и он качнулся опять. Томми выпучил глаза.

— Странно, мистер Мардсен. Вроде бы он двигаться не должен. Ведь в нем тонна, не меньше. Должно быть, вы очень сильный.

— Я не сильный, — ответил я. — По крайней мере, не настолько.

Неверной походкой я вошел в дом и спрятал инсектицид, потом вышел, уселся на ступеньках и задумался.

Мальчиков не было видно. Наверное, они побежали рассказывать обо всем соседям.

Если это агат, как сказал Томми, если это действительно один большой агат, то он должен представлять собой огромную музейную ценность и соответственно стоить. Но если это агат, то почему он такой легкий? Его и десять человек не должны были сдвинуть с места.

И еще, подумал я, каковы мои права на него, если это действительно агат? Он лежит на принадлежащей мне земле и, значит, мой. Но что, если появится кто-нибудь и предъявит на него права?

И еще: как он, в конце концов, попал ко мне в сад?

Все эти мысли успели хорошо перепутаться у меня в голове, когда из-за угла выкатился Добби и уселся рядом со мной на ступеньках.

— Удивительные вещи происходят, — сказал он. — Слышал, у вас в саду появилась агатовая глыба.

— Так мне сказал Томми Гендерсон. Думаю, он не ошибся. Билли говорил, что он увлекается камнями.

Добби поскреб бакенбарды.

— Великая вещь — хобби, — сказал он. — Особенно для ребят. Они многое узнают.

— Ага, — вяло отозвался я.

— Ваш сын принес мне сегодня после завтрака насекомое для идентификации.

— Я велел ему не беспокоить вас.

— Я рад, что он мне его принес, — возразил Добби. — Такого мне не приходилось видеть.

— Смахивает на божью коровку.

— Да, — согласился Добби, — определенное сходство есть. Но я не совсем уверен... Короче, дело в том, что я не уверен даже, что это насекомое. Честно говоря, оно больше похоже на черепаху, чем на насекомое. У него нет никакой сегментации тела, которое есть у любого насекомого. Внешний покров чрезвычайно тверд, голова и ноги втягиваются и вытягиваются, усиков нет. — Он с легким недоумением покачал головой. — Конечно, я не могу быть полностью уверен. Необходимо более обширное исследование, прежде чем я попытаюсь провести классификацию. Вам случайно не доводилось найти еще несколько?

— Не так давно я видел, как один такой полз по полу.

— Вам не трудно будет в следующий раз, когда вы их увидите, поймать для меня одного?

— Ничуть, — сказал я. — Постараюсь поймать для вас парочку.

Я решил сдержать свое слово. После того как он ушел, я спустился в погреб и стал искать. Мне попались на глаза несколько штук жуков, но поймать я не смог ни одного. Я плюнул и сдался.

После ужина ко мне неожиданно зашел Артур Белсен. Он весь дрожал, но в этом не было ничего странного. Он вообще человек нервный, немного смахивает на птицу, и не требуется больших усилий, чтобы вывести его из равновесия.

— Я слышал, что камень в вашем саду оказался агатом, — сказал он мне. — Что вы собираетесь с ним делать?

— Ну, пока не знаю. Продам, наверное, если кто-нибудь захочет купить.

— Он может очень дорого стоить, — сказал Белсен. — Вы не должны оставлять его в саду просто так, без охраны. Кто-нибудь может его стащить.

— По-моему, я ничего здесь не могу поделаться, — сказал я. — Сдвинуть его с места я не в состоянии, а сидеть рядом с ним всю ночь — не собираюсь.

— А вам и не нужно сидеть с ним всю ночь, — сказал Белсен. — Я все устрою. Мы сможем окружить его проводами и подключить к ним сигнализацию.

Его слова не произвели на меня большого впечатления, и я постарался его разубедить, но он вцепился в эту идею, как клещ. Он сходил в свой подвал и вернулся с мотком проводов и инструментами, и мы принялись за работу.

Мы провозились часов до одиннадцати, протягивая провода, и установили сигнальный звонок возле кухонной двери. Элен посмотрела на него без одобрения. Она не выносила беспорядка на кухне и не собиралась менять свои принципы из-за какого-то агата.

В середине ночи звонок выбросил меня из постели, и я долго соображал, в чем дело. Затем я вспомнил и бросился вниз по лестнице. На третьей ступеньке сверху я наступил на что-то скользкое и загремел вниз. Я упал ничком и наткнулся на лампу, которая свалилась и аккуратно ударила меня по голове. Оглушенный, я привалился к стулу.

Мраморный шарик, подумал я. Проклятый мальчишка опять расшвырял их по всему дому. Он уже вырос из этого возраста. Он у меня узнает, как бросать шарики на лестнице.

В ярком лунном свете, люющем в окно, я увидел шарик. И он быстро полз — не катился, а полз! И было еще много таких шариков, бегающих по полу. Блестящих в лунном свете золотых шариков.

И это еще не все — в центре комнаты стоял холодильник!

Звонок продолжал громко звонить. Я поднялся, отшвырнул лампу и рванулся к кухонной двери. Элен что-то кричала за моей спиной, стоя на лестнице.

Я открыл дверь и побежал босиком вокруг дома по мокрой от росы траве.

Возле глыбы стояла изумленная собака. Она ухитрилась запутаться лапой в одном из дурацких проводов и теперь стояла на трех лапах, пытаясь освободиться.

Я заорал на нее, наклонился и стал шарить в траве, пытаясь отыскать что-нибудь, чтобы в нее бросить. Пес резко дернулся и освободился, потом побежал вверх по улице, болтая ушами.

Звонок за моей спиной смолк.

Я повернулся и поплелся к дому, чувствуя себя последним дураком.

Неожиданно я вспомнил, что видел стоящий посреди комнаты холодильник. Здесь что-то не так, подумал я.

Он был на кухне, и никто его оттуда не вытаскивал. Не было никаких причин тащить его в комнату — его место на кухне. Никому бы и в голову не пришло его двигать, а если бы и пришло, то от шума проснулся бы весь дом.

Мне показалось, решил я. Этот камень и жуки довели меня до ручки, и мне уже стало мерещиться черт знает что.

Но мне не померещилось.

Холодильник стоял в центре комнаты. Штепсель был выдернут из розетки, шнур волочился по полу. Натекшая вода впиталась в ковер.

— Он мне погубит ковер! — завопила Элен, стоя в углу и глядя на заблудившийся холодильник. — И вся еда протухнет...

По ступенькам стал спускаться спотыкающийся полусонный Билли.

— Что случилось? — спросил он.

— Не знаю.

Я едва не рассказал ему о бегających по дому жуках, но вовремя остановился. Не стоило еще больше раздражать Элен.

— Давайте поставим этот сундук на место, — предложил я насколько мог небрежно. — Втроем мы справимся.

Мы принялись толкать, пихать, сопеть и поднимать, и в конце концов водворили холодильник на место и включили в розетку. Элен отыскала несколько тряпок и стала осушать ковер.

— Был кто-нибудь у камня, пап? — спросил Билли.

— Собака, — ответил я. — И никого больше.

— Я с самого начала была против этой затеи, — объявила Элен, стоя на коленях и промакивая ковер тряпкой. — Сплошная глупость. Никто бы этот камень не украл. Его не так-то просто поднять и унести. Твой Артур Белсен просто псих.

— Тут я с тобой согласен, — уныло подтвердил я, — но он человек добросовестный и целеустремленный, и в голове у него одни механизмы...

— Теперь нам всю ночь не сомкнуть глаз, — сказала она. — Нам еще не раз придется вскакивать и выпутывать из проводов бродячих кошек и собак. И я не верю, что этот камень из агата. Почему я должна верить Томми Гендерсону?

— Томми разбирается в камнях, — сказал Билли, защищая своего приятеля. — Если он увидит агат, то ни с чем не спутает. У него дома этих агатов целая большая коробка из-под ботинок. И он их сам нашел.

И спорим-то мы о камне, подумал я, хотя больше всего нас должно волновать поразительное происшествие с холодильником.

И вдруг мне в голову пришла мысль — смутная, ускользающая, прилетевшая неизвестно откуда и — принялась вертеться у меня в мозгу.

Я отогнал ее, но она вернулась, впилась в меня и потрясла до глубины души.

Что, если между холодильником и жуками есть какая-то связь?

Элен поднялась с пола.

— Вот, — с вызовом произнесла она, — это все, что я смогла сделать. Надеюсь, ковер не испорчен.

Но жук, подумал я, жук не может сдвинуть холодильник. Ни один жук, ни тысяча. Более того, ни один жук не захочет этого делать. Жукам плевать, в кухне он стоит или в комнате.

Элен вела себя по-деловому. Она разложила мокрые тряпки сушиться, потом прошла в комнату и выключила в ней свет.

— Теперь можем идти в спальню, — сказала она. — Если повезет, то удастся немного поспать.

Я подошел к приколоченному возле кухонной двери звонку и выдрал из него провода.

— Вот теперь, — сказал я, — мы попробуем уснуть.

Если честно, то уснуть я не надеялся. Я решил, что так всю ночь и не усну, потому что буду думать о холодильнике. Но все-таки уснул, хотя и ненадолго.

В половине седьмого меня снова разбудил оркестр Белсена.

Элен села и зажала уши.

— Нет, только не это!

Я встал и закрыл окно. Стало немного потише.

— Накрой голову подушкой, — посоветовал я.

Я оделся и спустился вниз. Холодильник стоял на кухне, все как будто было в порядке. По кухне ползало несколько жуков, но они ничего не делали.

Я приготовил себе завтрак, потом пошел на работу. Уже второй день я приходил в контору спозаранку. Если так пойдет и дальше, сказал я себе, соседи непре-

менно соберутся и сделают что-нибудь с Белсеном и его симфонией.

Дела шли хорошо. За утро я продал три страховых полиса и договорился о заключении четвертого.

Когда я вернулся в контору после обеда, меня уже поджидал какой-то тип с безумными глазами.

— Вы Марсден? — брякнул он. — Тот, у которого агатовая глыба.

— Так мне сказали, — ответил я.

Человек был невысок, одет в потрепанные брюки цвета хаки и грубые ботинки. На поясе висел геологический молоток — этакая штука с молотком на одном конце головки и острым отбойником на другом.

— Я услышал о нем, — сказал человек возбужденно и немного воинственно, — и не смог поверить. Таких больших агатов не бывает.

Мне не понравился его тон.

— Если вы пришли сюда спорить...

— Вовсе нет, — сказал он. — Меня зовут Кристиан Барр. Как вы поняли, я геолог-любитель. Увлекаюсь этим делом всю жизнь. Имею большую коллекцию. Получаю призы почти на каждой выставке. И я подумал, что если у вас есть такой образец...

— И что?

— Короче, если у вас есть такой камень, я мог бы его купить. Но сначала мне надо на него взглянуть.

Я нахлобучил на макушку шляпу.

— Пошли.

Увидев камень, Барр закружил вокруг него. Казалось, он впал в транс. Он слюнявил палец и смачивал гладкие места. Он наклонялся и разглядывал его. Он его щупал. Он бормотал что-то себе под нос.

— Ну? — спросил я.

— Это агат, — сказал Барр, затаив дыхание. — Очевидно, цельный, одной глыбой. Посмотрите на эту неровную, пупырчатую поверхность — это обратный отпечаток вулканической полости, внутри которой он образовался. А здесь характерная крапчатость, которая тоже должна быть. И в тех местах, где поверхность надколота, видны раковинообразные трещины. И конечно, есть признаки ленточности.

Он отцепил от пояса молоток и слегка стукнул по глыбе. Она загудела, словно огромный колокол.

Барр застыл, у него отвисла челюсть.

— Он не должен так звучать, — объяснил он мне сразу, как только немного пришел в себя. — Звук такой, словно он внутри пуст.

Он стукнул снова. Глыба опять загудела.

— Агат — удивительный материал, — сказал он. — Он тверже самой лучшей стали. Вы могли бы сделать из него колокол, если бы только были в состоянии его обработать.

Он прицепил молоток к поясу и, пригнувшись, стал рассматривать глыбу со всех сторон.

— Возможно, это громовое яйцо, — пробормотал он. — Нет, не может быть. У громового яйца агат находится внутри, а не снаружи. И этот агат ленточный, а такие в громовых яйцах не встречаются.

— Что такое громовое яйцо? — спросил я, но он не ответил. Сидя на корточках, он разглядывал нижнюю часть глыбы.

— Марсден, сколько вы за него просите?

— Назовите сумму сами, — ответил я. — Понятия не имею, сколько он может стоить.

— Даю тысячу за такой, какой он есть.

— Не согласен, — сказал я. Не скажу, что этого было мало, но в принципе глупо соглашаться с первой же названной суммой.

— Не будь он пустой, — заметил Барр, — он стоил бы гораздо больше.

— Вы не можете точно знать, что он пустой.

— Вы же сами слышали, как он звучал.

— А может, он так и должен звучать.

Барр потряс головой.

— Здесь все неправильно, — пожаловался он. — Ленточные агаты не бывают такими большими. Ни один агат не бывает пустым. И вы даже не знаете, откуда он взялся.

Я не ответил ему. Незачем было.

— Посмотрите, — сказал он немного погодя, — в нем дыра. Здесь, возле дна.

Я согнулся и посмотрел туда, куда указывал его палец. Там была круглая аккуратная дырка не более полудюйма диаметром. И не просто пробитая, а с четкими краями, словно ее высверлили.

Барр пошарил вокруг, нашел прочную травинку и очистил ее от листьев. Она вошла в дыру фута на два.

Барр отклонился назад и замер, глядя на валун.

— Он пустой, это уж точно, — сказал он. Я не обращал на него особого внимания, потому что меня понемногу начал прошибать пот еще от одной сумасшедшей мысли: «Эта дыра как раз такого диаметра, что через нее может пролезть один из тех жуков».

— Вот что я вам скажу, — произнес Барр. — Даю две тысячи и забираю прямо сейчас.

Я затряс головой, чтобы отделаться от того странного состояния, в котором связал воедино жуков и глыбу — ведь в глыбе была просверлена дыра по размерам жука. Я вспомнил, что почти так же связал воедино жуков и холодильник — хотя каждому должно быть очевидно, что жуки не могут иметь никакого отношения к холодильнику. Да и к глыбе.

Это не обычные жуки — ну, может, не совсем обычные, но все же жуки. Они задали задачку Добби, но сам же Добби первый скажет, что существует много неклассифицированных насекомых. Некоторые виды внезапно появляются неизвестно откуда и начинают процветать благодаря какому-то капризу экологии после многих лет тайного существования.

— Так вы говорите, что не возьмете две тысячи? — удивленно спросил Барр.

— Что? — спросил я, вернувшись на землю.

— Я только что предложил вам две тысячи за эту глыбу.

Я посмотрел на него долго и пристально. Он не был похож на человека, способного выбросить две тысячи ради хобби. Скорее всего он сразу углядел стоящую вещь и хочет приобрести ее за бесценок. Ему хочется захватить эту глыбу раньше, чем я узнаю ее истинную стоимость.

— Мне хотелось бы подумать, — осторожно произнес я. — Если я соглашусь на ваше предложение, то как смогу с вами связаться?

Он грубовато мне объяснил и сразу попрощался. Его раздражало, что я не взял его две тысячи. Он протопал вокруг гаража. Немного позже я услышал, как он завел свою машину и уехал.

Я сидел на корточках и гадал, стоит ли соглашаться на две тысячи. Это большие деньги, и они мнегодились бы. Но слишком уж он разволновался и слишком жадно на нее смотрел.

Зато в одном я теперь был уверен. Я не должен оставлять глыбу в саду. Она слишком ценная вещь, чтобы бросать ее без присмотра. Каким-нибудь способом мне надо перетащить ее в гараж, где можно ее запереть. У Джорджа Монтгомери есть блок и тачка. Может, я смогу их одолжить и передвинуть глыбу.

Я направился к дому, чтобы сообщить Элен хорошие новости, хотя и был уверен, что она прочтет мне целую лекцию о том, чтобы я не продавал камень за две тысячи.

Она встретила меня у двери кухни, обняла за шею и поцеловала.

— Рэндолл, — проворковала она, — это просто чудесно.

— Согласен, — ответил я, недоумевая, как она смогла обо всем узнать.

— Ты только посмотри на них! — воскликнула она. — Жуки чистят дом!

— Что они делают?! — рявкнул я.

— Пойди и посмотри, — настаивала она. — Видели ты когда-нибудь такое? Все просто сверкает!

Я поплелся за ней и, остановившись на пороге комнаты, с удивлением, граничащим с ужасом, уставился на происходящее.

Они работали целыми батальонами и очень целеустремленно. Одна группа обрабатывала спинку кресла, взбираясь по ней вверх четырьмя рядами. Зрелище было потрясающее: верхняя часть спинки была пыльной и тусклой, а нижняя — как новенькая.

Другая компания очищала от пыли стол, еще одна трудилась в углу над плинтусом, а небольшая армия наводила блеск на телевизор.

— Они вычистили весь ковер! — взвизгнула от восторга Элен. — В этом углу уже нет ни пылинки, а некоторые уже забрались в камин. Нору я не могла заставить даже притронуться к камину. А теперь мне не нужна Нора. Рэндолл, ты понимаешь, что эти жуки будут экономить нам двадцать долларов в неделю, которые мы платили Норе? Ты не будешь против, если я стану брать себе эти двадцать долларов? Мне так много нужно всего купить. У меня уже тысячу лет не было нового платья, мне нужна еще одна шляпка. А на днях я видела такие прелестные туфельки...

— Но жуки! — рывкнул я. — Ты же боишься жуков. Ты их терпеть не можешь. И к тому же жуки не чистят ковров. Они их жрут.

— Эти жуки хорошенькие, — запротестовала Элен. — И я их не боюсь. Это совсем не то, что муравьи или пауки. От них мурашки по спине не поползут. Они такие чистенькие, такие опрятные. Просто прелесть. Мне так нравится смотреть, как они работают. Собираются в такие симпатичные кучки и работают. Совсем как пылесос. Там, где они проползут, и пыль и грязь пропадают.

Я стоял, смотрел, как они усердно трудятся, и чувствовал, как по моей спине сверху вниз проводят ледяным пальцем. Потому что теперь я знал — неважно, насколько это противоречит здравому смыслу: все, что я думал о холодильнике и глыбе, не было и наполовину так глупо, как могло показаться.

— Я пойду позвоню Эми, — сказала Элен, направляясь на кухню. — Разве можно скрывать такое необыкновенное событие? Быть может, мы и ей дадим несколько жуков? Как ты считаешь, Рэндолл? Немного для начала, чтобы они потом у нее развелись.

— Эй, подожди-ка, — окликнул я ее. — Это не жуки.

— А мне все равно, кто они такие, — небрежно отозвалась Элен, набирая номер Эми, — если они умеют чистить дом.

— Но, Элен, если ты меня выслушаешь...

— Ш-ш-ш, — игриво произнесла она, — как я смогу разговаривать с Эми, если ты... О, алло! Эми, это ты?..

Я понял, что все мои увещевания безнадежны, признал свое полное поражение и ушел.

Я направился в гараж, намереваясь расчистить в нем место для глыбы.

Дверь в гараж была распахнута. Внутри оказался Билли, который усердно трудился за верстаком.

— Привет, — произнес я насколько мог беззаботно. — Что ты тут мастерешь?

— Делаю ловушки для жуков, пап. Хочу поймать несколько из тех, что чистят дом. Томми — мой компаньон. Он пошел домой за приманкой.

— Приманкой?

— Ну да. Мы обнаружили, что им нравятся агаты.

Я протянул руку и ухватился за дверной косяк, чтобы не упасть. События стали развиваться слишком быстро, и я не успевал с ними освоиться.

— Мы испытали ловушки в подвале, — сказал Билли. — Перепробовали кучу приманок. Пробовали ловить на сыр, на яблоки, на дохлых мух и кучу всякой всячины, но жуки на них и не посмотрели. У Томми был в кармане агат, маленький такой кусочек. И мы попробовали ловить на него.

— Но почему агат, сынок? Самая что ни на есть неподходящая...

— Видишь ли, дело было так. Мы перепробовали все...

— Да, — сказал я. — Теперь я понял вашу логику.

— Беда в том, — сказал Билли, — что ловушки приходится делать из пластика. Это единственное, что их удерживает. В любом другом материале они тут же проделывают дырку.

— Погоди-ка, — перебил я его. — Когда вы наловите жуков, то что собираетесь с ними делать?

— Продавать, конечно, — сказал Билли. — Мы с Томми решили, что они всем будут нужны. Как только люди узнают, что они умеют чистить дом, все захотят их иметь. Мы думаем продавать полдюжины за пять долларов. Это куда дешевле пылесоса.

— Но разве могут шесть жуков...

— Они размножаются. Они должны очень быстро размножаться. День или два назад их было всего несколько штук, а теперь дом ими просто кишит.

Билли снова занялся ловушкой. Повозившись немного, он спросил:

— Может, ты хочешь войти в долю? Нам нужно немного денег. Надо купить еще пластика, чтобы наделать ловушек побольше и получше. Мы сможем на этом хорошо заработать.

— Послушай, сынок, ты уже продал кому-нибудь жуков?

— Знаешь, мы пробовали, но нам никто не поверил. Поэтому мы решили подождать, пока мама не растрезвонит о них на всю округу.

— А что вы сделали с пойманными?

— Отнесли доктору Уэллсу. Я вспомнил, что ему хотелось получить несколько штук. Ему мы их дали бесплатно.

— Билли, я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

— Конечно. Что?

— Не продавай ни одного жука. По крайней мере сейчас. Пока я не разрешу.

— Но послушай, пап...

— Мне кажется... Я думаю, что эти жуки не с Земли.

— Похоже на то. Мы с Томми тоже так решили.

— Что?

— Дело вот как было. Сначала мы решили продавать их просто так, потому что они очень интересные на вид. Это было еще до того, как мы узнали, что они могут чистить дома. Мы подумали, что кто-нибудь захочет их купить, потому что они не слишком похожи на обычных жуков, и мы решили их как-нибудь назвать — чтобы лучше брали. И Томми сказал, что неплохо бы назвать их инопланетными жуками, например, марсианскими или еще как-нибудь. И тут мы задумались, и чем больше думали, тем больше нам казалось, что они и в самом деле с Марса. Они же не насекомые и, насколько мы поняли, не что-либо другое. Они не похожи ни на что на Земле...

— Хорошо, — сказал я. — Хватит!!!

Таковы современные дети. С ними невозможно держаться на равных. Стоит решить, что все продумано и сделано, как появляются они и переворачивают все вверх ногами. И так все время.

— Сдается мне, — сказал я, — что когда вы все это придумывали, то заодно сообразили, как они могли к нам попасть.

— Мы не беремся утверждать, но у нас есть теория. Эта глыба в саду... мы нашли в ней дырку как раз размером с жука. Поэтому нам пришло в голову, что они вылезли оттуда.

— Ты мне не поверишь, сынок, — сказал я, — но я думаю точно так же. Но я никак не могу понять, какой энергией они пользовались. Что заставляло глыбу двигаться?

— Ну, пап, этого и мы не знаем. Но есть еще кое-что. Они могли питаться этой глыбой, пока летели. Скорее всего, сначала их было только несколько штук. Они залезли в глыбу, это была их еда, ее могло хватить на несколько лет. И вот они ели агат, проели в нем пустоту, и он смог лететь быстрее. Ну, если и не быстрее, то двигать его стало немножко легче. Но они были очень осторожны и не проели в нем ни одной сквозной дыры, пока не приземлились и не пришло время вылезать.

— Но агат же просто камень...

— Ты плохо слушал, пап, — нетерпеливо произнес Билли. — Я ведь тебе говорил, что агат — единственная приманка, которая их привлекает.

— Рэндолл, — сказала Элен, направляясь по дорожке к гаражу. — Если ты не возражаешь, я хотела бы взять машину и съездить к Эми. Она хочет, чтобы я ей все рассказала про этих жуков.

— Езжай, — согласился я. — Как ни крути, все равно день пропал. Я могу остаться дома.

Машина выехала из гаража и направилась к шоссе, а я сказал Билли:

— Отложи-ка все, пока я не вернусь.

— А ты куда?

— Хочу повидаться с Добби.

Я нашел Добби развалившимся на скамейке под яблоней. Лицо у него прямо-таки перекошилось от раздумий, но это не помешало ему болтать.

— Рэндолл, — сказал он, едва заметив меня, — у меня сегодня день печали. Всю свою жизнь я гордился, что профессионально точен в выбранной мною области науки. Но сегодня я не сдержался и сознательно, намеренно нарушил каждый из принципов экспериментального наблюдения и лабораторной техники.

— Ужасно, — сказал я, не понимая, что он имеет в виду. Впрочем, в этом не было ничего необычного. Говоря с ним, частенько приходилось задумываться о том, куда он клонит.

— Это все ваши чертовы жуки! — выпалил он.

— Вы хотели иметь несколько штук. Билли вспомнил и принес их вам.

— Я тоже о них помнил. Мне хотелось продолжить их изучение. Вскрыть одного из них и посмотреть, как он устроен. Возможно, вы помните, что я упоминал о твердости их панцирей?

— Да, конечно, помню.

— Рэндолл, — печально произнес Добби, — поверите ли вы мне, что этот панцирь оказался настолько твердым, что я не смог с ним справиться? Я не смог его разрезать и не смог проколоть. И знаете, что я тогда сделал?

— Понятия не имею, — объявил я несколько раздраженно. Я надеялся, что он быстро доберется до сути, но торопить его было бесполезно. Предоставленное ему время он всегда использовал полностью.

— Ну, так я вам скажу! — вскипел Добби. — Я взял одного из этих мерзавцев и положил на наковальню. Затем я взял молоток — и отвел душу. Скажу вам честно, я не горжусь тем, что сделал. Это во всех отношениях наиболее неподходящий лабораторный прием.

— Меня это мало волнует, — сказал я. — Могли бы просто упомянуть об этом, как о необычном обстоятельстве. Важно, как мне кажется, то, что вы узнали о жуке... — Тут мне в голову пришла страшная мысль. — Только не говорите, что молоток его не взял!

— Как раз наоборот, — отметил Добби с некоторым удовлетворением. — Он прекрасно сработал. Разнес его в порошок.

Я уселся на скамейку рядом с ним и приготовился ждать. Я знал, что он мне все расскажет — дай только время.

— Удивительная вещь, — молвил Добби. — Да, удивительнейшая. Жук состоял из кристаллов — или еще из чего-то, что выглядело как чистейший кварц. В нем не было протоплазмы. Или, по крайней мере, — рассудительно отметил он, — я ее не нашел.

— Кристаллический жук! Но это невозможно!

— Невозможно, — согласился Добби. — Конечно, по всем земным стандартам. Это противоречит всему тому, что мы знаем. Но возникает вопрос: могут ли наши земные стандарты хотя бы в некоторой степени быть универсальными?

Я сидел, молчал и чувствовал большое облегчение от того, что кто-то еще думает так же, как я. Это доказывало, хотя и неопределенно, что я еще не свихнулся.

— Конечно, — сказал Добби, — подобное должно было когда-нибудь случиться. Рано или поздно какой-нибудь инопланетный разум нас бы отыскал. И, зная это, мы воображали чудовищ и всякие ужасы, но у нас не хватило фантазии представить себе истинную степень ужа...

— Пока нет никаких причин, — резко произнес я, — опасаться этих жуков. Они могут оказаться полезными союзниками. Даже сейчас они с нами сотрудничают. Похоже, они предлагают своего рода сделку. Мы предоставляем им место для обитания, а они, в свою очередь...

— Вы ошибаетесь, Рэндолл, — с важным видом предостерег меня Добби. — Это чужаки. И не пытайтесь даже на секунду поверить в то, что у них с людьми могут быть хоть какие-то общие цели. Их жизненные процессы, какими бы они ни были, совершенно не схожи с нашими. Такова же должна быть и их точка зрения. По сравнению с ними даже паука можно назвать вашим кровным братом.

— Но у нас в доме были муравьи и осы, и они прогнали их.

— Может, они их и прогнали. Но это не было, я уверен, проявлением доброй воли. С их стороны это не было попыткой сблизиться с человеком, на чьей планете им случилось найти прибежище, или разбить лагерь, или захватить плацдарм — называйте это как хотите. Я сильно сомневаюсь, что они вообще осознают ваше присутствие, разве что вы им кажетесь таинственным и непонятым чудовищем, которым пока нет времени заняться. Да, они убили насекомых, но для них это было действие, совершенное на уровне, сходном с их собственным. Насекомые могли просто путаться у них под ногами, или они увидели в них возможную угрозу или помеху.

— Но даже если так, мы все равно можем использовать их, — нетерпеливо сказал я, — чтобы контролировать численность насекомых-паразитов или переносчиков инфекции.

— А можем ли? Что заставило вас так подумать? Ведь это будут не только паразиты, а все насекомые вообще. Согласитесь ли вы лишить растения тех, кто их опыляет?

— Возможно, вы и правы, — согласился я. — Но не станете же вы утверждать, что нам следует бояться жуков, пусть даже кристаллических? Даже если они и станут опасны, мы сможем найти способ справиться с ними.

— Я сидел тут, думал и пытался во всем разобраться, — сказал Добби, — и мне пришло в голову, что здесь мы, возможно, имеем дело с социальной концепцией, которую еще не встречали на своей планете. Я убежден, что жуки обязательно должны действовать по принципу коллективного разума. Мы имеем дело не с каждым поодиночке и не со всем их числом, а с неким целым, неким единым разумом и единым выражением целей и средств.

— Если вы действительно считаете их опасными, то что же нам делать?

— У меня есть наковальня и молоток.

— Бросьте шутить, Добби.

— Вы правы. Это не предмет для шуток и даже для молотка с наковальней. Мое лучшее предложение заключается в том, что всю округу следует эвакуировать и сбросить сюда атомную бомбу.

Я увидел, что по дорожке сломя голову несется Билли.

— Папа! — вопил он. — Папа!

— Успокойся, — сказал я, сжав его руку. — В чем дело?

— Кто-то ломает мебель, — выпалил Билли, — и потом выбрасывает ее на улицу.

— Постой, ты в этом уверен?

— Сам видел! — вопил Билли. — Боже, что мама скажет?!

Я не стал мешкать и со всех ног помчался к дому. За мной по пятам топал Билли, замыкал цепочку Добби, бакенбарды которого тряслись, как козлиная борода.

Дверь в кухню была открыта, словно кто-то распахнул ее пинком, а на улице возле ступенек валялась куча мятой ткани и обломков разломанных стульев.

Я взлетел на крыльцо одним прыжком. Но, оказавшись у двери, я увидел летящую в меня кучу обломков и отскочил в сторону. Сплющенное и искореженное кресло, кувыркаясь, вылетело в дверь и приземлилось на кучу хлама.

К этому моменту я успел хорошо разозлиться. Я наклонился и выудил из кучи ножку стула. Ухватив ее покрепче, я бросился через кухню в комнату. Дубинку я уже держал наготове, словно видел того, на кого хотел ее обрушить.

Но в комнате никого не было. Холодильник снова стоял в центре, а вокруг него громоздилась куча кастрюль и сковородок. Из нее под дикими углами торчали пружины от бывшего кресла, а по ковру были рассыпаны болты, гайки, гвозди и несколько кусков проволоки.

Я услышал за спиной странное потрескивание и быстро обернулся на звук.

В углу медленно, умело и любовно разбиралось на части мое любимое кресло. Обивочные гвозди плавно вылезали из своих гнезд и падали на пол, тихонько

позвякивая. Пока я смотрел, на пол упал болт, у кресла отвалилась ножка и оно опрокинулось. Гвозди продолжали вылезать.

Наблюдая эту картину, я почувствовал, как моя ярость медленно испаряется, а ее место занимает страх. Я похолодел, по спине пробежали мурашки.

Я начал потихоньку выбираться на улицу. Я не решился повернуться спиной к комнате, поэтому аккуратно пятился, держа дубинку наготове.

Наткнувшись на что-то, я взвизгнул, резко обернулся и замахнулся ножкой стула.

Это был Добби. Я вовремя остановил руку.

— Рэндолл, — спокойно сказал Добби, — это снова ваши жуки.

Он указал на потолок. Я поднял голову. Потолок был покрыт сплошным слоем золотистых спинок.

Увидев их, я успокоился и снова стал понемногу злиться. Я замахнулся и уже собрался бросить дубинку в потолок, когда Добби схватил меня за руку.

— Не надо их трогать! — крикнул он. — Откуда мы знаем, что они в ответ сделают?

Я попытался вырвать руку, но он повис на ней и не отпустил.

— Мое продуманное мнение таково, — произнес он, продолжая удерживать меня, — что ситуация зашла слишком далеко, чтобы с ней справилось частное лицо.

Я сдался. Было несолидно пытаться вырвать руку из цепких пальцев Добби, к тому же я стал соображать, что дубинка — неподходящее оружие для борьбы с жуками.

— Может быть, вы и правы, — сказал я.

Я заметил, что в дверь подглядывает Билли.

— Уходи отсюда! — рявкнул я. — Ты сейчас на линии огня. Они почти покончили с креслом и сейчас выбросят его через дверь.

Билли исчез.

Я пошел на кухню и порылся в выдвижном ящике стола, пока не отыскал телефонную книгу, потом позвонил в полицию.

— Сержант Эндрюс слушает, — раздалось в трубке.

— Выслушайте меня внимательно, сержант. У меня здесь жуки...

— А у меня их разве нет? — весело спросил сержант.

— Сержанти, — повторил я, стараясь говорить как можно рассудительней. — Я знаю, что это звучит смешно. Но это особый вид жуков. Они ломают мою мебель и выбрасывают ее на улицу.

— Вот что я тебе скажу, — все еще весело отзывался сержанти. — Ложись-ка ты в постельку и поспайся. Если ты этого не сделаешь, мне придется засадить тебя в участок.

— Сержанти, — сказал я. — Я совершенно трезв.

В трубке раздался щелчок. Телефон смолк. Я позвонил снова.

— Сержанти Эндрюс.

— Вы только что повесили трубку! — заорал я. — Что вы хотели этим показать? Я трезвый, законопослушный, платящий налоги гражданин и прошу защиты. Даже если вы со мной не согласны, то хотя бы ведите себя вежливо. И если я говорю, что у меня жуки...

— Ладно, — устало произнес сержанти, — ты сам напросился. Имя и адрес.

Я сказал.

— И еще, мистер Марсден.

— Что еще?

— Хорошо, если у вас действительно окажутся эти жуки. Для вашей же пользы. Не дай Бог, если их не будет.

Я швырнул трубку и обернулся. В кухню ворвался Добби.

— Посмотрите! Летит! — крикнул он.

Мое любимое кресло — вернее, то, что от него осталось — со свистом пронеслось мимо меня, ударилось о дверь и там застряло. Оно сильно задержалось, высвободилось и плюхнулось на кучу мусора на улице.

— Изумительно, — пробормотал Добби. — Просто изумительно. Но это многое объясняет.

— Так расскажите мне, что именно это объясняет! — гаркнул я.

Мне уже осточертело его бормотание.

— Телекинез, — произнес Добби.

— Теле... что?

— Ну, возможно, всего лишь телепортация, — робко уточнил Добби. — Это способность перемещать предметы усилием мысли.

— И вы считаете, что эта самая телепортация подтверждает вашу теорию коллективного разума?

Добби взглянул на меня с некоторым удивлением.

— Именно это я и имел в виду.

— Чего я не пойму, — отозвался я, — так только того, зачем они это делают?

— И не поймете, — сказал Добби. — Никто от вас этого и не ждет. Потому что никто не может претендовать на понимание мотивов чужого разума. Создается впечатление, что они собирают металл, и не исключено, что именно этим они и занимаются. Но этот голый факт мало о чем говорит. Истинное понимание их мотивов.

С улицы донесся вой полицейской сирены.

— Прибыли, — сказал я и бросился к двери.

Полицейская машина остановилась у кромки тротуара. Из нее вылезли двое.

— Вы Марсден? — спросил один из них. Я сказал, что да.

— Странно, — отозвался второй. — Сержант говорил, что тот мужик надрался.

— Послушайте, — сказал первый, разглядывая кучу обломков возле кухонной двери, — что здесь происходит?

Через дверь вылетели две ножки от стула.

— Кто это там расшвырялся? — осведомился второй.

— Жуки, — ответил я. — Там только жуки и Добби. Думаю, он все еще там.

— Пошли, повяжем этого Добби, пока он не разнес всю хибару, — сказал первый.

Я остался на улице. Не было смысла заходить в дом вместе с ними. Они лишь задали бы кучу глупых вопросов, многие из которых я хотел бы задать сам.

Начала собираться небольшая толпа. Билли привел нескольких своих приятелей, а соседские женщины забегали от дома к дому, кудахча, как перепуганные наседки. Остановилось несколько машин, и их пассажиры присоединились к зевакам.

Я вышел на улицу и присел на бордюр.

Теперь, подумал я, все немного прояснилось. Если Добби оказался прав насчет телепортации — а все факты говорят об этом — то глыба могла быть кораблем, на котором жуки прилетели на Землю. Если они могут ломать мебель и выбрасывать ее на улицу, то они в состоянии тем же манером передвигать в пространстве что угодно. И не только эту глыбу.

Билли с его пытливым мальчишеским умом смог, как видно, угадать и другое — они выбрали эту глыбу, потому что она служила им пищей.

Недоумевающие полисмены вышли из дома и остановились возле меня.

— Скажите, мистер, у вас есть хоть какая-то идея насчет того, что происходит? — спросил один из них.

Я покачал головой.

— Поговорите с Добби. Он все расскажет.

— Он говорит, что эти жуки с Марса.

— Не с Марса, — возразил второй. — Это ты говорил, что они могут быть с Марса. Он сказал «со звезд».

— Этот старый чудака очень странно разговаривает, — пожаловался первый. — Он так много сразу говорит, что не успеваешь переваривать.

— Джейк, — сказал второй, — надо бы что-то сделать с толпой. Нельзя, чтобы они стояли так близко.

— Я вызову по радио подмогу, — сказал Джейк.

Он подошел к полицейской машине и залез в нее.

— А вы будьте поблизости, — сказал второй.

— Я никуда не собираюсь уходить.

К этому времени собралась уже порядочная толпа. Остановились еще несколько машин, некоторые пассажиры повылезали, но большинство сидели внутри и смотрели. Набежала целая куча мальчишек, а женщины все шли и шли — наверное, даже те, что жили за несколько кварталов от нас. В нашем районе новости разлетаются быстро.

Черед двор легкой походкой прошел Добби. Он сел рядом со мной и принялся теревить бакенбарды.

— Глупо все это, — сказал он. — Да по-другому и быть не могло.

— Я никак не пойму, — отозвался я, — зачем они чистили дом? Зачем им нужно было, чтобы все заблестело, прежде чем они начали собирать металл. Должна же быть какая-то причина.

По улице промчалась машина и остановилась рядом с нами. Из нее выскочила Элен.

— Стоит мне отлучиться на минуту, — заявила она, — как обязательно что-нибудь да произойдет.

— Это твои жуки, — сказал я. — Твои миленькие жучки, которые так хорошо вычистили весь дом. Теперь они его дочищают.

— Почему же ты их не остановишь?

— Потому что не знаю как.

— Это инопланетяне, — спокойно сказал Добби. — Они прилетели откуда-то из космоса.

— Добби Уэллс, не лезьте не в свое дело! Все это из-за вас. Это вы заинтересовали Билли насекомыми! Все лето в доме был сплошной кавардак!

По улице мчался человек. Подбежав ко мне, он вцепился в мою руку. Это был Барр, геолог-любитель.

— Марсден, — возбужденно произнес он. — Я передумал. Я дам вам пять тысяч за этот камень. И чек выпишу прямо сейчас.

— Какой камень? — спросила Элен. — Глыба, что лежит в саду?

— Она самая, — подтвердил Барр. — Я должен ее иметь.

— Продай ее, — сказал Элен.

— Не продам, — ответил я.

— Рэндом Марсден! — завопила она. — Ты не можешь вот так взять и плюнуть на пять тысяч! Ты только подумай, сколько можно...

— Я не могу ее продать за бесценок, — твердо ответил я. — Она стоит гораздо дороже. Теперь это не просто глыба агата. Это первый космический корабль, прилетевший на Землю. Я могу получить за него любую сумму.

Элен ахнула.

— Добби, — чуть слышно произнесла она, — он правду говорит?

— Думаю, — ответил Добби, — что на этот раз он прав.

Мы встали.

— Леди, — сказал полисмен Элен, — перегоните машину в другое место. А вы перейдите улицу, — велел он нам с Добби. — Как только приедут остальные, мы оцепим ваш дом.

Мы зашагали через улицу.

— Леди, — повторил полицейский, — отгоните машину.

— Если хотите остаться вместе, — предложил Добби, — то я отведу машину в сторону.

Элен дала ему ключи, и мы вдвоем перешли через дорогу. Добби сел в машину и уехал.

Другим машинам полисмены тоже велели уехать.

Подъехало несколько полицейских машин. Из них выскочили люди: одни стали оттеснять толпу, другие начали окружать дом. Время от времени из дверей кухни продолжали вылетать обломки мебели, постельное белье, одежда, занавески. Куча росла на глазах.

Мы стояли на противоположной стороне улицы и смотрели, как разрушается наш дом.

— Скоро они должны закончить, — сказал я со странной отрешенностью. — Интересно, что будет дальше?

— Рэндолл, — со слезами произнесла Элен, — что нам теперь делать? Они испортили все мои вещи. А они... это все застраховано?

— Откуда я знаю? Никогда об этом не думал.

В том-то и дело — такое никогда не приходило мне в голову. И кому — страховому агенту!

Я сам выписывал полис и теперь отчаянно пытался вспомнить, что там было напечатано мелким шрифтом. Мне стало не по себе. Ну как, спросил я себя, как можно было подобное предвидеть?

— В любом случае, — сказал я, — у нас есть кое-какие вещи. Мы сможем их продать.

— Мне кажется, тебе стоит согласиться на пять тысяч. Что, если приедет кто-нибудь из властей и увезет камень?

А ведь она права, подумал я. Это один из тех случаев, которые могут весьма заинтересовать власти.

Я принялся раздумывать, стоит ли соглашаться на пять тысяч.

Трое полицейских пересекли двор, вошли в дом и почти сразу выскочили обратно. Следом за ними вылетел золотой рой. Жуки гудели, жужжали и летели так быстро, что, казалось, следом за ними в воздухе остаются золотистые полосы. Полицейские бежали зигзагом, спотыкаясь, ругаясь и размахивая руками над головами.

Толпа подалась назад и начала разбегаться. Полицейский кордон разорвался и удалился, пытаясь сохранить достоинство.

Я опомнился за соседским домом по ту сторону улицы и обнаружил, что продолжаю мертвой хваткой сжимать руку Элен. Она была зла, как оса.

— Незачем было меня так быстро волочить, — сказала она. — Сама бы добежала. Из-за тебя я потеряла туфли.

— Да наплюй ты на туфли, — резко ответил я. — Дело становится серьезным. Пойди, отыщи Билли и уходите отсюда. Поезжайте к Эми.

— Ты знаешь, где Билли?

— Где-то здесь. Со своими приятелями. Походи, поищи ребят.

— А ты?

— Я останусь.

— Ты будешь осторожен, Рэндолл?

Я сжал ее плечо и поцеловал.

— Я буду осторожен. Ты ведь знаешь, какой из меня храбрец. А теперь иди и отыщи мальчишку.

Она ушла, затем вернулась.

— А мы вообще вернемся домой?

— Думаю, что да, — ответил я. — И скоро. Кто-нибудь придумает, как их выгнать.

Я смотрел ей вслед, и ложь, произнесенная вслух, заставила меня похолодеть.

Вернемся ли мы в свой дом, если рассуждать честно? И вернется ли весь мир, все человечество в свой дом? Не отнимут ли золотые жуки тот комфорт и уютную безопасность, которыми человек веками единолично обладал на своей планете?

Я отыскал туфли Элен и сунул их в карман. Затем вернулся за дом и выглянул из-за угла.

Жуки больше никого не преследовали, а образовав сверкающее кольцо, медленно кружились вокруг и чуть повыше дома. Было ясно, что это их патруль.

Я нырнул обратно за дом и сел на траву, прислонившись спиной к стене. Стоял теплый летний день, небо было чистое и голубое. В такие дни хорошо косить газон перед домом.

Слonyавый страх, подумал я, каким бы постыдным он ни был, можно понять и прогнать. Но холодную уверенность, с какой золотые жуки шли к своей цели, ту samozамкнутую зловещую эффективность их действий понять было гораздо труднее.

И их безличная отрешенность, их полное пренебрежение к нам наполняли душу ледяным страхом.

Я услышал шаги, поднял глаза и вздрогнул.

Передо мной стоял Артур Белсен. Он был печален.

В этом не было ничего необычного. Белсен мог расстроиться из-за любого пустяка.

— Я вас повсюду ищу, — быстро заговорил он. — Я только что встретил Добби, и он мне рассказал, что эти ваши жуки...

— Это не мои жуки, — резко возразил я. — Мне уже осточертело, что все считают их моими, словно я в ответе за то, что они явились на Землю.

— Ну, в общем, он сказал мне, что им нужен металл. Я кивнул.

— За этим они и явились. Быть может, для них это большая ценность. Наверное, там, откуда они явились, его не очень много.

И я подумал об агатовой глыбе. Будь у них металл, наверняка они не воспользовались бы камнем.

— Я с таким трудом добрался до дома, — пожаловался Белсен. — Думал, что пожар. Несколько кварталов вокруг забито машинами, да еще огромная толпа. Его пробился.

— Садитесь, — сказал я ему. — Бросьте терзаться. Но он не обратил на мои слова внимания.

— У меня очень много металла, — сказал он. — Все эти машины в подвале. Я вложил в них много труда, времени и денег и не могу допустить, чтобы с ними что-то случилось. Как вы считаете, жуки будут распознаться?

— Распознаться?

— Ну да. Знаете, когда они покончат со всем, что есть в вашем доме, они могут начать перебираться в другие.

— Об этом я не подумал. Кажется, такое возможно.

Я сидел и думал о том, что он сказал, и представлял, как они захватывают дом за домом, вышвыривают весь металл, складывают его в одну большую кучу, которая покрывает целый квартал, а наконец и город.

— Добби сказал, что они кристаллические. Не странно ли, что есть такие жуки?

Я промолчал. В конце концов, он разговаривал сам с собой.

— Но кристалл не может быть живым, — запротестовал Белсен. — Кристалл — это вещество, из которого что-то делают. Радиолампы и все прочее. В нем нет жизни

— Не старайтесь переубедить меня, — отозвался я. — Если они и кристаллические, то тут я не в состоянии ничего изменить.

Мне показалось, что на улице поднялась какая-то суета. Я встал и выглянул из-за угла.

Поначалу я ничего не заметил. Все выглядело мирно. По улице возбужденно пробегали один или двое полицейских, но ничего вроде бы не происходило. Все было по-старому.

Затем от одной из полицейских машин, стоявших возле тротуара, медленно и почти величественно отделилась дверь и поплыла к открытой кухонной двери. Долетев до нее, она аккуратно развернулась влево и исчезла внутри.

Затем в воздухе промелькнуло автомобильное зеркальце. За ним последовала сирена. Оба предмета исчезли в доме.

Боже, сказал я себе, жуки взялись за машины!

Теперь я заметил, что у некоторых машин недостает капота и крыльев, а у других — дверей.

Теперь жуки нашли себе золотое дно, подумал я. Они не остановятся, пока не разденут машины до колес.

И еще я подумал, ощущая какую-то странную радость, что в доме просто не хватит места, чтобы запихать в него все разломанные машины. Интересно, что они станут делать, когда заполнят весь дом?

Пока я смотрел, через улицу в сторону дома бросилось несколько полицейских. Они успели достичь лужайки, когда их заметил жучиный патруль, и со свистом описав дугу, помчался им навстречу.

Полицейские убежали сломя голову. Патруль, сделав свое дело, снова закружил вокруг дома. В дверь опять принялись влетать крылья, дверцы, антенны, подфарники и другие предметы.

Откуда-то прибежала собака и стала перебегать лужайку, помахивая хвостом.

От патруля отделилась небольшая группа и помчалась к ней.

Собака, напуганная свистом приближающихся жуков, повернулась, собираясь убежать.

Но не успела.

Послышался глухой звук, словно в нее попали пули. Собака высоко подпрыгнула и упала на спину.

Жуки снова взмыли в воздух. В их рядах потерь не было.

Собака лежала, подергиваясь, на траву лилась кровь. Я резко отпрянул за угол. Меня мутило, я согнулся, с трудом сдерживаясь.

Наконец мне это удалось, и спазмы в желудке прекратились. Я выглянул из-за угла.

Все снова выглядело мирно. На лужайке валялась мертвая собака. Жуки разламывали автомобили. Все полицейские куда-то пропали. И вообще никого не было видно. Даже Белсен куда-то делся.

Теперь все изменилось, сказал я себе. Из-за собаки.

До сих пор жуки были лишь загадкой; теперь они стали смертельной опасностью. Каждый из них был разумной винтовочной пулей.

Я вспомнил то, что всего лишь час назад сказал мне Добби. Всех эвакуировать, а затем сбросить атомную бомбу

Дойдет ли дело до такого, подумал я. Неужели опасность настолько велика?

Никто пока еще так не думал, но со временем станет. Это всего лишь начало. Сегодня город встревожен и действует полиция; завтра губернатор может прислать солдат. Затем наступит черед федерального правительства. И к тому времени решение, предложенное Добби, станет единственным.

Пока еще жуки не расплозились. Но страх Белсена имел под собой основание — со временем они распространятся, расширяя плацдарм, захватывая квартал за кварталом, как только их станет больше. Билли был прав, когда говорил, что они размножаются быстро.

Я попытался представить, каким способом они могут размножаться, но так ничего и не придумал.

Конечно, сперва правительство попытается установить с ними контакт, наладить какую-нибудь связь — возможно, не с самими жуками, а, скорее всего, с их коллективным разумом, как предположил Добби.

Но можно ли установить контакт с такими существами? На каком интеллектуальном уровне пытаться это сделать? И какова может быть польза, даже если попытка удастся? Где искать основу для взаимопонимания между этими существами и людьми? Это была, конечно, не моя проблема, но, размышляя над ней, я увидел смертельную опасность — кто-то из людей, обладающих политической властью, кто бы он ни был, в поисках объективности может промедлить слишком долго.

Должен существовать способ остановить жуков; должен быть и способ контроля над ними. Прежде чем пытаться установить контакт, нам необходимо их сдерживать.

И я вспомнил, как Билли говорил мне, что пойманного жука может удержать только пластиковая ловушка.

Я попытался догадаться, как он смог это узнать. Наверное, просто путем проб и ошибок. В конце концов, они с Томми Гендерсоном перепробовали разные ловушки. Пластик мог быть решением проблемы, над которой я думал. Но лишь в том случае, если мы начнем действовать раньше, чем они расползутся.

Но почему пластик? — подумал я. Какой из содержащихся в нем элементов не дает им вырваться, когда они попадают в ловушку? Какой-то фактор, который мы, возможно, и обнаружим при длительном и осторожном исследовании. Но сейчас это неважно; главное, что мы знаем, что пластик подходит.

Я постоял немного, обдумывая эту проблему и куда с ней направиться.

Я мог, конечно, пойти в полицию, но у меня было предчувствие, что там я немногого добьюсь. То же самое наверняка относится и к городским властям. Возможно, они и выслушают меня, но им захочется все обсудить, собрать совещание, выслушать мнение какого-нибудь эксперта прежде, чем они станут что-либо предпринимать. А о том, чтобы обратиться к правительству в Вашингтон, сейчас нечего было и думать.

Беда в том, что пока еще никто не был серьезно напуган. Чтобы люди стали действовать быстро, как только могут, их надо грубо напугать — а у меня для этого было куда больше времени, чем у остальных.

И тут я подумал о другом человеке, который был напуган не меньше, чем я.

Белсен.

Белсен мне поможет. Он здорово перепугался.

Он инженер и наверняка сможет сказать, принесет ли пользу то, что я задумал. Он сможет рассчитать все действия. Он знает, где достать нужный нам пластик и определить самый подходящий тип. И он может знать, кого-нибудь, к кому можно обратиться за советом.

Я вышел из-за дома и огляделся.

Вдалеке маячили несколько полицейских, но не очень много. Они ничего не делали, просто стояли и смотрели,

как жуки трудились над их машинами. К этому времени твари успели полностью разобрать кузова и теперь принялись за двигатели. На моих глазах один из двигателей поднялся и поплыл к дому. Из него текло масло и отваливались комки грязи, смешанной со смазкой. Я представил, во что превратился любимый ковер Элен, и содрогнулся.

Тут и там виднелись кучки зевак, но все на порядочном расстоянии от дома.

Я решил, что без помех доберусь до дома Белсена, если обойду квартал, и зашагал.

Я гадал, будет ли Белсен дома, и боялся, что не застану его. Большинство домов по соседству выглядели пустыми. Но я не должен упускать этот шанс. Если Белсена не окажется дома, придется его разыскивать.

Я подошел к его дому, поднялся по ступенькам и позвонил. Никто не ответил, и я вошел.

— Белсен, — позвал я.

Он не ответил. Я крикнул снова.

Я услышал стук шагов по ступенькам. Дверь подвала распахнулась, из щели высунулась голова Белсена.

— А, это вы, — сказал он. — Рад, что вы пришли. Мне потребуется помощь. Я отослал свою семью.

— Белсен, я знаю, что мы можем сделать. Достать огромный кусок пластика и накрыть им дом. Тогда они не смогут вырваться. Может быть, удастся достать несколько вертолетов, хорошо бы четыре, для каждого угла по одному...

— Спускайтесь вниз, — велел Белсен. — Для нас найдется работа.

Я спустился вслед за ним в мастерскую. Там было опрятно, как и должно быть у такого чистюли, как Белсен.

Музыкальные машины стояли ровными и сверкающими рядами, рабочий стол безукоризненно чист, все инструменты на своих местах. В одном из углов стояла записывающая машина, она светилась лампочками, как рождественская елка.

Перед ней стоял стол, загроможденный книгами: одни из них были раскрыты, другие свалены в кучи. Там же валялись исписанные листки бумаги. Скомканные и исчерканные листы усеивали пол.

— Я не должен ошибиться, — сказал мне Белсен, встревоженный, как всегда. — Все должно сработать

с первого раза. Второй попытки не будет. Я потратил уйму времени на расчеты, но думаю, что своего добился.

— Послушайте, Белсен, — произнес я с некоторым раздражением, — не знаю, над какой заумной схемой вы работаете, но что бы это ни было, мое дело неотложное и гораздо более важное.

— Потом, — ответил Белсен, почти подпрыгивая от нетерпения. — Потом расскажете. Мне надо закончить запись. Я все рассчитал...

— Но я же говорю о жуках!

— А я о чем? — рявкнул Белсен. — Чем же я еще, по-вашему, занят? Вы ведь знаете, я не могу допустить, чтобы они добрались до моей мастерской и утащили все, что я построил!

— Но послушайте, Белсен...

— Видите эту машину? — перебил меня он, указывая на одну, самую маленькую. — Ею мы и воспользуемся. Она работает от батарей. Попробуйте подтащить ее к двери.

Он повернулся, подбежал к записывающей машине и сел перед ней на стул. Затем медленно и осторожно начал нажимать клавиши на панели. Машина зашумела, защелкала и замигала лампочками.

Я понял, что, пока он не закончит, с ним разговаривать бесполезно. И был, конечно, шанс, что он знает, что делает — или придумал какой-то способ защитить свои машины или остановить жуков.

Я подошел к машине. Она оказалась тяжелее, чем выглядела. Я начал ее толкать и смог передвинуть лишь на несколько дюймов, но я не сдавался.

И тут я понял, что придумал Белсен.

И удивился, почему не подумал об этом сам и почему Добби, со всеми его разговорами об атомной бомбе, тоже об этом не подумал. Но конечно же, только Белсену с его необычным хобби могла прийти в голову подобная мысль.

Идея была такой старой, такой древней — и все же должна была сработать.

Белсен оторвался от своего занятия и вынул сбоку из цилиндра ролик с записью. Потом торопливо подошел ко мне и опустил на колени возле машины, которую я почти дотащил до двери.

— Я не могу точно знать, что они из себя представляют, — сказал он мне. — Кристаллические. Конеч-

но, я знаю, что они состоят из кристаллов, но из какого вида кристаллов, из какого типа? Поэтому я изготовил узконаправленный генератор ультразвука с постепенно меняющейся частотой. Какая-нибудь из них, я надеюсь, попадет в резонанс с их структурой.

Он откинул в маленькой машине дверцу и стал вставлять ленту с записью.

— Что-то вроде той скрипки, которая разрушила бокал, — сказал я.

Он нервно улыбнулся.

— Классический пример. Вижу, вы о нем знаете.

— Это все знают.

— Теперь слушайте меня внимательно, — сказал Белсен. — Нам надо только нажать эту кнопку, и запись начнет прокручиваться. Вот этой ручкой регулируется громкость, я поставил ее на максимум. Мы откроем дверь и потащим машину. И постараемся протащить как можно дальше. Я хочу подобраться к ним поближе.

— Но не слишком близко, — предупредил я. — Жуки только что убили собаку. Налетели несколько штук и прошили ее насквозь. Они как живые пули.

Белсен облизнул губы.

— Я предполагал что-то вроде этого.

Он направился к двери.

— Подождите, Белсен. А есть ли у нас на это право?

— Право на что?

— Право убить их. Они первые живые существа, прилетевшие к нам с другой планеты. Мы многое сможем у них узнать, если договоримся с ними...

— Договоримся?

— Ну, установим контакт. Попытаемся их понять.

— Понять? После того что они сделали с собакой?

И после того что они сделали с вами?

— Думаю, что да. Даже после того что они сделали с моим домом.

— Да вы сумасшедший! — крикнул Белсен.

Он распахнул дверь.

— Ну! — крикнул он мне.

Я помедлил секунду, потом взялся за ручку.

Машина была тяжелая, но мы подняли ее и вынесли во двор. Потом вытащили на улицу и остановились перевести дух.

Я посмотрел на свой дом и увидел, что жучиный патруль все еще кружится вокруг него на уровне крыши, сверкая золотом в лучах заходящего солнца.

— Может быть, — выдохнул Белсен, — может быть, мы сможем подойти поближе.

Я наклонился, собираясь ухватиться за ручку, но тут заметил, что круг разорвался.

— Смотрите! — завопил я.

Жуки мчались прямо на нас.

— Кнопку! — взревел я. — Нажмите кнопку!

Но Белсен молча продолжал стоять, глядя на жуков. Он оцепенел.

Я кинулся к машине, нажал кнопку, а затем бросился на землю, стараясь стать как можно меньше и тоньше.

Я не услышал никакого звука и, конечно, знал, что не услышу, но это не помешало мне удивиться, почему его нет. А вдруг оборвалась лента? — подумал я. Или машина не работала?

Краем глаза я видел летящих к нам по широкой дуге жуков, и мне показалось, будто они застыли в воздухе. Но я знал, что это не так, что это всего лишь вызванная страхом зрительная иллюзия.

Да, я был испуган, но не так, как Белсен. Он все еще стоял во весь рост, не в силах шевельнуться, и с недоумением глядел на приближающуюся смерть.

Жуки были уже почти рядом. Так близко, что я различал каждое танцующее золотое пятнышко, — и вдруг они превратились в облачко сверкающей пыли. Рой исчез.

Я медленно встал и отряхнулся.

— Выключите ее, — сказал я Белсену и потряс его, выводя из оцепенения.

Он медленно повернулся ко мне, и я увидел, как с его лица постепенно сходит напряжение.

— Сработало, — вяло произнес он. — Я наверняка знал, что работает.

— Я это заметил, — сказал я. — Теперь вы герой.

Я произнес эти слова с горечью, даже не знаю почему.

Оставив его стоять на месте, я медленно побрел по улице.

Дело сделано, подумал я. Правильно мы поступили или нет, но дело сделано. Первые существа явились к нам из космоса, и мы стерли их в порошок

А не случится ли и с нами, когда мы отправимся к звездам, чего-либо подобного? Найдём ли мы там хоть немного терпения и понимания? И станем ли мы действовать столь же самоуверенно, как эти золотые жуки?

И всегда ли будут находиться Белсены, берущие верх над Марсденами? И будут ли чувство страха и нежелание понять всегда стоять на пути пришедших со звезд?

И самое странное, думал я, что из всех людей именно я задаю себе подобные вопросы. Потому что именно мой дом разрушили жуки.

Хотя, если поразмыслить, все это не стоило мне ни цента. Кто знает, быть может, я на них еще и заработал. Ведь у меня осталась агатовая глыба, а она стоит кучу денег.

Я бросил взгляд в сад, но глыбы там не было!

С трудом переводя дыхание, я побежал к дому, остановился у сада и в ужасе уставился на аккуратную кучку блестящего песка.

Я забыл, что агат, как и жуки, тоже кристаллический!

Я повернулся к куче спиной и побрел через двор, злой как черт.

Этот Белсен, подумал я, чтоб его разорвало вместе с его постепенно меняющейся частотой!

Я запихну его в одну из его машин!

И тут я замер на месте. Я понял, что ничего не смогу ни сказать, ни сделать. Белсен стал героем, и я сам только что произнес эти слова.

Он тот самый человек, что в одиночку отразил нашествие из космоса.

Так назовут его в заголовках газет и так станет думать весь мир. За исключением разве что нескольких ученых и немногих других — но с их мнением никто не станет считаться.

Белсен стал героем, и, если я его хоть пальцем трону, меня растерзают.

И я оказался прав. Теперь Белсен герой.

Каждое утро в шесть часов он включает свой оркестр, и никто во всем квартале не говорит ему ни слова.

Вы случайно не знаете, во сколько обойдется звукоизоляция целого дома?

СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ

Салон-магазин находился в самой фешенебельной части города, куда Кемп Харт попадал не часто. Она лежала в стороне от его обычных маршрутов, и он сам удивился, когда понял, что забрел в такую даль. По правде говоря, он вообще никуда бы не пошел, сохранись у него кредит в баре «Светлая звездочка», где обреталась вся его компания.

Как только Харт разобрался, где он, ему следовало бы развернуться на все сто восемьдесят и убраться восвояси: он ощутил себя лишним здесь, среди роскошных издательств, раззолоченных притонов и знаменитых кабаков. Но салон заворожил его. Салон просто не дал ему уйти. Харт застыл перед витриной, забыв о своем стоптанном и заношенном убожестве; рука, засунутая в карман, ненароком нащупала две мелкие монетки, которые там еще уцелели.

За стеклом стояли машины, блестящие, сногшибательные, именно такие, каким и надлежало продаваться на этой изысканной, напудренной улице. Особенно одна машина, в углу, — она была еще больше и блестела еще ярче, чем остальные, и над ней словно витал ореол великой мудрости. Массивная клавиатура для набора

исходных данных, сотня, а то и больше прорезей для ввода киноплёнок и перфолент, нужных по ходу процесса. Судя по градуировке шкал, выбор настроек гораздо богаче, чем Харту когда-либо доводилось видеть, да, по всей вероятности, еще и множество других достоинств, не столь заметных с первого взгляда.

«С такой-то машиной, — сказал себе Харт, — человеку ничего не стоит прославиться практически за одну ночь. Он напишет все, что пожелает, и напишет хорошо, и перед ним распахнутся двери самых привередливых издателей...»

Но как бы ему того ни хотелось, заходить в салон и осматривать машину не имело смысла. Думать о ней и то было без толку. Оставалось лишь стоять и глазеть на нее сквозь витринное стекло.

«И все-таки, — сказал он себе, — у меня есть полное право войти в салон и осмотреть ее со всех сторон, Кто и что может мне помешать?..» Никто и ничто — ну если не считать усмешки на лице продавца, молчаливой, вежливой, точно отработанной гримаски презрения в ту секунду, когда он отвернется и поплетется к выходу...

Он украдкой бросил взгляд по сторонам — улица была пуста. Было еще слишком рано для того, чтобы эта надменная улица возродилась к жизни, и у него мелькнула надежда, что, если он все-таки войдет и попросит разрешения осмотреть машину, ничего страшного не случится. Может, он сумеет объяснить, что не собирается покупать машину, а только хочет поглядеть на нее. Может, они не станут над ним смеяться. Конечно же, нет, никто и слова против не скажет. Мало ли людей, в том числе богатых и известных людей, заходят в салон просто поглядеть...

Он крался вдоль витрины, не отрывая глаз от машины и подбирался все ближе к двери, уговаривая себя, что ни за что не войдет, что входить — отъявленная глупость, но в глубине души сознавая, что искушение неодолимо.

Наконец он поравнялся с дверью, толкнул ее и шагнул внутрь. Продавец возник перед ним как по волшебству.

— Вон тот сочинитель в углу, — промямлил Харт. — Скажите, не могу ли я...

— Безусловно, безусловно, — подхватил продавец. — Будьте любезны следовать за мной.

В углу салона продавец ласково положил руку на корпус машины.

— Это новейшая модель. — начал он. — Мы дали ей имя «Классик», поскольку она задумывалась и выпускалась с единственной целью — наладить производство классики. Мы полагаем, что она имеет значительные преимущества по сравнению с нашей предшествующей моделью «Бестселлер», перед которой в конечном счете не ставилось задач более сложных, чем производство бестселлеров, хотя время от времени ей и удавалось выдавать классику малых форм. Но если вы позволите говорить вполне откровенно, сэр, то я подозреваю, что почти во всех подобных случаях хозяева сами совершенствовали машину. Мне говорили, что кое-кто на таких делах прямо собаку съел...

Харт покачал головой.

— Уж только не я. Не знаю даже, с какого конца за паяльник берутся...

— В таком случае, — не смутился продавец, — лучшее, что вы можете сделать, это сразу приобрести сочинитель высшего класса. Если пользоваться им с умом, то разносторонность творчества окажется практически безграничной. А в данной модели к тому же предусмотрен коэффициент качества, гораздо более высокий, чем в любой другой. Хотя, разумеется, для получения наилучших результатов необходимо проявлять осмотрительность при выборе типажных фильмов и сюжетно-проблемных лент. Но пусть это вас не тревожит. Запас фильмов и перфолент у нас огромен, а наши фиксаторы настроения и обстановки не имеют себе равных. Конечно, они обходятся недешево, однако...

— Между прочим, какова цена этой модели?

— Всего-навсего двадцать пять тысяч, — весело откликнулся продавец. — Вас не удивляет, сэр, что мы предлагаем ее за столь мизерную цену? Это замечательное достижение инженерной мысли. Мы работали целых десять лет, прежде чем добились должного эффекта. И все эти десять лет отбрасывали устаревшие конструктивные решения и искали новые и новые, чтобы не отстать от достижений технического прогресса...

Он с торжествующим видом похлопал машину по ее блестящему боку.

— Заверяю вас, сэр, что вы нигде не найдете изделий лучшего качества. В этой машине предусмотрено

все. В ней заложены миллионы вероятностных комбинаций, гарантирующих стопроцентную оригинальность продукции. Ни малейшей опасности сбиться на стереотип, что так характерно для многих более дешевых моделей. Сюжетный банк, взятый сам по себе, способен выдать почти бесконечное число коллизий на любую заданную тему, а смеситель характеров учитывает тысячи оттенков вместо ста или ста с небольшим, свойственных моделям низших классов. Семантический блок обладает высокой изобретательностью и чувствительностью, и нельзя также не обратить вашего внимания...

— Хорошая машина, — прервал его излияния Харт. — Но, пожалуй, дороговата. Вот если бы у вас нашлось что-нибудь еще...

— Безусловно, сэр. У нас есть множество других моделей.

— А вы примете в обмен старую машину?

— Охотно. Какой марки ваша машина, сэр?

— «Автоавтор девяносто шесть».

Лицо у продавца едва заметно вытянулось. Потом он покачал головой, не то грустно, не то смущенно.

— Видите ли, мм... Признаться, я не уверен, что мы сможем за нее много предложить. Это довольно старый тип машины. Почти вышедший из употребления.

— Но что-нибудь вы за нее все-таки дадите?

— Думаю, что да. Хотя и немного.

— И оплата в рассрочку?

— Да, конечно. Что-нибудь придумаем. Будьте добры сказать, как вас зовут.

Харт назвал свою фамилию. Продавец записал ее в блокнот и добавил:

— Извините, сэр, я вас на минутку покину.

Какое-то мгновение Харт смотрел ему вслед. Потом, как трусливый воришка, тихо попятился к двери и выскочил из салона. Оставаться не было смысла. Не было смысла ждать, пока продавец вернется, подаст на прощанье руку и скажет:

— Очень сожалеем, сэр...

Что означало бы: «Очень сожалеем, сэр, но мы проверили вашу кредитоспособность и убедились, что она равна нулю. Мы запросили сведения о ваших успехах и установили, что за последние полгода вы продали всего один короткий рассказ».

— И зачем я вообще затеял эту прогулку, — упрекнул себя Харт не без горечи.

На окраине, весьма и весьма отдаленной от блистательного салона, Харт вскарабкался на шестой этаж по лестнице, так как лифт опять не работал. За дверью, на которой красовалась табличка «Издательство Ирвинг», секретарша, поглощенная шлифовкой ногтей, оторвалась от этого занятия ровно настолько, чтобы махнуть рукой в сторону смежной комнаты и предложить:

— Заходите прямо к нему.

Бен Ирвинг сидел за столом, погребенным под кучами рукописей, гранок и корректурных листов. Рукава у него были закатаны по локоть, а на лбу торчал козырек. Он носил козырек не снимая, а зачем — оставалось тайной для всех: за весь день не бывало и часа, когда в этой занюханной комнатке набралось бы достаточно света, чтобы ослепить уважающую себя летучую мышь.

Бен поднял глаза и, моргая, уставился на Харта.

— Рад тебя видеть, Кемп, — сказал он. — Садись. С чем сегодня пожаловал?

Харт оседлал стул.

— Решил зайти спросить о судьбе последнего расказа, который я посылал тебе.

— Никак не доберусь до него. — В порядке самооправдания Ирвинг повел рукой, показывая на кавардак на столе. — Мэри! — заорал он. В дверь просунулась голова секретарши. — Возьмите рукопись Харта, и пусть Милли на нее глянет. — Он откинулся в кресле. — Времени это не займет, наша Милли читает быстро...

— Я подожду, — сказал Харт.

— А у меня есть для тебя новость, — объявил Ирвинг. — Мы открываем журнал для племен системы Алголь. Жизнь там у них довольно примитивная, но читать они, да вознаградят их небеса, умеют. Хлебнули же мы хлопот, пока нашли кого-то, кто мог бы выполнить переводы текстов, да и набор обойдется куда дороже, чем хотелось бы. Они там такой алфавит выдумали, каверзнее я в жизни не видел. Но в конце концов мы отыскали типографа, у которого нашелся даже такой шрифт...

— Что от меня требуется? — осведомился Харт.

— Обычное гуманоидное чтиво, — ответил Ирвинг — Побольше драк и крови и чтобы как можно красочнее. Живется им там не сладко, так что наш долг — предложить яркий колорит, но чтобы читать было просто. Никаких вывертов, заруби себе на носу..

— Звучит неплохо.

— Нужна добротная макулатура, — заявил Ирвинг. — Посмотрим, как пойдет дело. Если хорошо, тогда начнем переводить и для первобытных общин в районе Капеллы. Вероятно, понадобятся кое-какие изменения в текстах, но не слишком серьезные. — Он прищурился, задумавшись. — Платить дорого не сможем. Зато, если дело пойдет, товара потребуется много.

— Хорошо, я подумаю, — сказал Харт. — Есть у них какие-нибудь табу? Чего надо избегать?

— Никакой религии, — ответил издатель. — Что-то похожее у них вроде бы есть, но лучше эту скользкую тему обойти. Никаких сантиментов. Любовь у них не котируется. Женщин они себе покупают и с любовью не знают. Сокровища, погони, муки алчности — вот это будет в самый раз. Любой стандартный справочник даст тебе необходимые сведения. Фантастические виды оружия — чем ужаснее, тем лучше. И побольше кровопролития. Ненависть — вот что им подавай. Ненависть, месть и острые ощущения. Главная твоя задача — чтобы напряжение не спадало.

— Хорошо, я подумаю.

— Ты повторяешь эту фразу уже второй раз.

— У меня что-то не ладится, Бен. Раньше я мог бы сразу сказать тебе «да». Раньше я мог бы запросто выдавать такое вареву тоннами.

— Потерял форму?

— Не в форме дело, а в машине. Мой сочинитель — сущее барахло. С тем же успехом я мог бы писать свои рассказы от руки.

При одной только мысли о подобной непристойности Ирвинга передернуло.

— Так почини его, — сказал издатель. — Повозись, подлатай.

— Чего не умею, того не умею. И все равно модель слишком старая. Почти вышедшая из употребления.

— Ну, в общем, постарайся сделать, что сможешь. Я хотел бы сохранить тебя в числе своих поставщиков.

Вошла секретарша. Не глядя на Харта, положила рукопись на стол. С того места, где он сидел, Харт без труда различил единственное слово, какое машина отпечатавала на первой странице: «Отказать».

— Слишком вычурно, — пояснила секретарша. — Милли чуть себе потроха не пережгла.

Ирвинг перебрал рукопись Харта.

— Извини, Кемп. Надеюсь, в следующий раз тебе повезет больше.

Харт поднялся, сжимая рукопись в кулаке.

— Я попробую взять твой новый заказ, — произнес он и направился к двери.

— Погоди-ка, — окликнул его Бен сочувственным тоном.

Харт обернулся. Ирвинг вытащил бумажник и, выудив оттуда две десятки, протянул ему.

— Нет, — отказался Харт, пожирая деньги глазами.

— Это займы, — сказал издатель. — Черт тебя побери, могу я дать тебе займы? Принесешь мне, что сочинишь...

— Спасибо, Бен. Я твоей доброты не забуду.

Он запихнул деньги в карман и поспешно ретировался. В горле стояла жгучая горечь, под сердцем застрял жесткий, холодный комок.

«У меня есть для тебя новость, — заявил Бен. — Нужна добротная макулатура».

Добротная макулатура.

До чего же он докатился!

Когда Харт наконец появился в баре «Светлая звездочка» с деньгами в кармане и со страстным желанием осушить стакан пива, из постоянных посетителей там была только Анджела Маре. Она пила какую-то дикую розовую смесь, по виду явно ядовитую. При этом Анджела нацепила очки, а волосы гладко зачесала назад и, очевидно, праздновала литературную удачу. «Что за нелепость, — подумал Харт. — Ведь она могла бы быть привлекательной, но намеренно избегает этого...»

Едва Харт подсел к ней, как бармен Блейк выбрался из-за стойки и молча встал рядом, упершись кулаками в бока.

— Стакан пива, — бросил Харт.

— В долг больше не верю, — отозвался бармен, сверля его прокурорским взглядом.

— Кто сказал, что в долг? Я заплачу.

Блейк нахмурился.

— Ежели вы при деньгах, то, может, и по счету заплатите?

— Настолько я еще не разбогател. Однако получу я свое пиво или нет?

Наблюдая за тем, как Блейк вперевалку возвращается к стойке, Харт порадовался собственной предусмотрительности: по дороге он специально купил пачку сигарет, чтобы разменять одну из десяток. Вытащи он купюру хоть на мгновение, Блейк тут же налетел бы на нее коршуном и отобрал бы в погашение долга.

— Подкинули? — приветливо осведомилась Анджела.

— Аванс, — соврал Харт, чтобы не уронить свое мужское достоинство. — Ирвинг поручил мне кое-что. Говорит, заказ будет крупным. Хотя гонорар, разумеется, не слишком...

Подошел Блейк с пивом, плюхнул его на стол и подождал, пока Харт не сделает того, что от него требуется. Харт рассчитался — тогда бармен, шаркая, удалился.

— Слышали про Джаспера? — спросила Анджела.

Харт покачал головой.

— Да нет, в последнее время ничего не слышал. А что, он закончил книгу?

Анджела просияла.

— Он уезжает в отпуск. Можете себе представить? Он — и вдруг в отпуск!

— А что тут особенного? — откликнулся Харт. — Джаспер продает свои вещи безотказно. Он единственный среди нас, кто загружен работой из месяца в месяц!

— Да не в том дело, Кемп. Погодите, сейчас узнаете — это же умора! Джаспер считает, что если он съездит в отпуск, то станет лучше писать!

— А почему бы и нет? Ездил же Дон в прошлом году в летний лагерь. В один из тех, что рекламируются под девизом «Хлеб наш насущный»...

— Все, чем они там занимаются, — сказала Анджела, — это зубрят заново механику. Вроде повторного курса по устройству сочинителей. Как переделать старую рухлядь, чтобы она сумела выдать что-нибудь свеженькое...

— И все-таки не вижу, почему бы Джасперу не съездить в отпуск, раз у него завелись деньги.

— Вы такой тугодум, — рассердилась Анджела. — Вы что, так и не поняли, в чем тут соль?

— Да понял я, все понял. Джаспер до сих пор не отказался от мысли, что в литературном деле присутствует фактор личности. Он не довольствуется сведениями, почерпнутыми из стандартного справочника или из энциклопедии. Он не согласен, чтобы сочинитель описывал чувства, каких он, Джаспер, никогда не испытывал, или краски заката, какого он никогда не видел. И мало того — он оказался столь безрассуден, что проговорился об этом, и вы вместе с остальными подняли его на смех. Что ж удивляться, если парень стал эксцентричным. Что удивляться, если он запирает дверь на ключ...

— Запертая дверь, — зло сказала Анджела, — очень символический поступок для такого психа, как он.

— Я бы тоже запер дверь, — ответил ей Харт. — Я бы стал эксцентричным, лишь бы печатать такие рассказы, как Джаспер. Я бы ходил на руках. Я бы вырядился в саронг. Я бы даже выкрасил себе лоб и щеки в синий цвет...

— Вы словно всрете, что Джаспер прав.

Он снова покачал головой.

— Нет, я не думаю, что он прав. Я думаю по-другому. Но если он хочет думать по-своему, пусть себе думает на здоровье.

— А вот и нет, — возликовала она. — Вы думаете, как он, это у вас на носу написано. Вы допускаете возможность творчества, независимого от машины.

— Нет, не допускаю. Я знаю, что творчество — привилегия машин, а не наша. Мы с вами всего лишь лудильщики, поселившиеся в мансардах. Механики от литературы. И я полагаю, что так оно и должно быть. Конечно, в нас еще жива тоска по прошлому. Она существовала во все эпохи. Где вы, мол, добрые старые времена? Где вы, деньки, когда литературные произведения писали кровью сердца?..

— Что-что, а кровь мы проливаем по-прежнему.

— Джаспер — прирожденный механик, — заявил он. — Вот чего мне недостает. Я не способен даже починить свой мусорный ящик, а вы бы видели, как модернизировал Джаспер свой агрегат...

— Можно нанять кого-нибудь, чтобы произвели ремонт. Есть фирмы, которые прекрасно справляются с подобной работой.

— На это у меня никогда нет денег. — Он допил пиво и поинтересовался: — А что такое у вас в бокале? Хотите повторить?

Она оттолкнула бокал от себя.

— Не нравится мне эта дрянь. Я лучше выпью с вами пива, если не возражаете.

Харт жестом приказал Блейку принести два пива.

— Что вы нынче поделяваете, Анджела? Все еще работаете над романом?

— Готовлю фильмы.

— Мне сегодня придется заняться тем же. Чтобы выполнить заказ Ирвинга, понадобится главный герой. Большой, сильный, темпераментный — но не слишком страшный. Поищу где-нибудь у реки...

— Теперь они в цене, Кемп, — сказала она. — Инопланетяне нынче поумнели. Даже самые дальние. Только вчера я заплатила одному из них двадцатку, а ведь он не представлял собой ничего особенного.

— Все равно это дешевле, чем покупать готовые фильмы.

— Тут я с вами согласна. Правда, и работы прибавляется.

Блейк принес пиво, и Харт отсчитал ему мелочь в подставленную ладонь.

— Возьмите пленку нового типа, — посоветовала Анджела. — Она куда лучше прежних по всем показателям. Резкость гораздо выше, а значит, улавливается больше побочных факторов. Характеры очерчиваются более плавно. Вы приобретаете способность видеть, так сказать, все оттенки исследуемой личности. И персонажи сразу становятся более достоверными. Я пользуюсь именно такой пленкой.

— За нее, должно быть, дерут втридорога.

— Да, довольно дорого, — согласилась она.

— У меня сохранилась еще парочка катушек старого образца. Придется обойтись тем, что есть.

— Могу ссудить вам полсотни, если позволите.

Он покачал головой еще решительнее, чем раньше.

— Спасибо, Анджела. Я могу клянуть на выпивку, обедать за чужой счет и стрелять сигареты, но я не могу взять у вас полсотни, которые вам самой нужны позарез. Среди нас просто нет богатеев, способных раздавать в долг по полсотни.

— Но я ссудила бы вам их с радостью. Если вы передумаете...

— Хотите еще пива? — спросил Харт, чтобы положить конец неприятной теме.

— Мне нужно работать.

— Мне тоже...

Он вскарабкался на седьмой этаж, прошел по коридору и постучался к Джасперу Хансену.

— Минуточку, — донесся голос из-за двери. Но прошло минуты три, прежде чем ключ заскрежетал в замке и дверь распахнулась. — Прости, что так долго, — извинился Джаспер. — Вводил в машину исходные данные и не мог оторваться.

Харт кивнул. Объяснение Джаспера было нетрудно принять. Прервать на середине набор исходных данных, на подготовку которых уходили многие часы, — дело почти немыслимое.

Комната у Джаспера была маленькая и захламленная. В углу красовался сочинитель, гордый и блестящий, хоть и не такой блестящий, как тот, которым Харт любовался утром в салоне в центре города. На столе, полуприкрытая разбросанными бумажками, стояла пишущая машинка. Длинная полка провисала под тяжестью потрепанных справочников. Книги в ярких обложках громоздились в беспорядке на полу. На неприбранной постели спала кошка. На шкафу виднелась бутылка вина и рядом с нею кусок хлеба. Раковина была завалена грязной посудой.

— Говорят, ты собираешься в отпуск, Джаспер, — начал Харт.

Джаспер ответил настороженно:

— Да, мне подумалось, что можно бы...

— Послушай, Джаспер, не окажешь ли ты мне одну услугу?

— Все, что только пожелаешь.

— Пока тебя не будет, разреши мне воспользоваться твоим сочинителем.

— Ну, в общем... Не знаю, Кемп. Видишь ли...

— Мой вышел из строя, а на ремонт у меня нет денег. И вдруг я, представь, получаю заказ. Если бы ты разрешил мне поработать на твоей машине, я бы за неделю-другую выдал достаточно, чтоб отремонтировать свою.

— Ну, в общем, — повторил Джаспер, — я для тебя готов на все. Проси, чего хочешь. Но сочинитель — извини, никак не могу разрешить тебе работать на нем. Я его полностью перепаял. Там нет ни одной цепи, которая осталась бы в первозданном виде. И никто во всем мире, кроме меня, не сумеет теперь с ним совладать. А если попробует, то или машину сожжет, или себя утробит, или не знаю что...

— Но разве ты не можешь меня проинструктировать?! — воскликнул Харт почти умоляюще.

— Слишком сложно. Я с ней возился годами.

Харт еще ухитрился выжать из себя улыбку.

— Прости, я думал...

Джаспер положил руку ему на плечо.

— Что-нибудь другое — пожалуйста. Что угодно другое.

— Спасибо, — бросил Харт, отворачиваясь.

— Выпить хочешь?

— Нет, спасибо, — ответил Харт и вышел.

Преодолев еще два лестничных марша, он поднялся на самый верхний этаж и ввалился к себе. Его дверь никогда не запиралась. При всем желании никто не высмотрел бы у него ничего достойного кражи. «И коль на то пошло, — спросил он себя, — разве у Джаспера есть что-нибудь, что представило бы интерес для других?»

Он опустился на колченогий стул и устался на сочинитель. Машина была старая и обшарпанная, она раздражала его, и он ее ненавидел. Она не стоила ни гроша, абсолютно ни гроша, и тем не менее придется на ней работать. Поскольку другой у него нет и не предвидится. Он может подчиняться ей, а может спорить с ней, может ее пинать и бранить последними словами, а может проводить подле нее бессонные ночи. А она, урча и кудаяхая от признательности, будет самонадеянно выдавать необъятные груды посредственных строк, которые никто не купит.

Он встал и подошел к окну. Внизу блестела река. С судов, пришвартованных у причалов, выгружали бумажные рулоны, чтобы прокормить ненасытные печатные станки, грохочущие день и ночь. За рекой из космопорта поднимался корабль, оставляя за кормой слабое голубое сияние ионных потоков. Харт наблюдал за кораблем, пока тот не исчез из виду.

Там были и другие корабли, нацеленные в небо, ожидающие только сигнала — нажатия кнопки, щелчка переключателя, легкого движения ленты с навигационной программой, — сигнала, который сорвал бы их с места и направил домой. Сначала в черноту космоса, а затем в то таинственное ничто вне времени и пространства, где можно бросить вызов теоретическому пределу — скорости света. Корабли, прибывшие на Землю со многих звезд с одной-единственной целью, за одним-единственным товаром, какой предлагали им земляне.

Харт не без труда стряхнул с себя чары космопорта и обвел взглядом раскинувшийся до горизонта город — скученные, отесанные до полного однообразия прямоугольники района, где жил он сам, а дальше к северу сияющие сказочной легкостью и тяжеловесным величием башни, построенные для знаменитых и мудрых.

«Фантастический мир, — подумал он. — Фантастический мир, где приходится жить. Вовсе не такой, каким рисовали его Герберт Уэллс и Стэплдон. Они воображали себе дальние странствия и галактические империи, гордость и славу человечества, — но когда двери в космическое пространство наконец отворились, Земле каким-то образом не досталось ни того ни другого. Взамен грома ракет — грохот печатных машин. Взамен великих и возвышенных целей — тихий, вкрадчивый, упрямый голос сочинителя, зачитывающего очередной опус. Взамен нескончаемой череды новых планет — комнатка в мансарде и изматывающий страх, что машина подведет тебя, что исходные данные неверны, а пленки использовались слишком часто...»

Он подошел к столу и выдвинул все три ящика один за другим. Камеру он обнаружил в нижнем ящике под ворохом всякой дряни. Потом порыскал еще и в среднем ящике нашел пленку, завернутую в алюминиевую фольгу.

«Стало быть, большой и сильный, — подумал он. — Такого, наверное, нетрудно встретить в каком-нибудь подвальчике у реки, где космические волки, получившие увольнительную в город, проматывают свои денежки...»

В первом подвальчике, куда он заглянул, было смрадно — там расположилась компания паукообразных существ из системы Спики, и он там не остался. Недовольно поморщившись, он выбрался на улицу со всей быстротой, на какую оказался способен. Соседний по-

гребок облюбовали похожие на раскормленных котов обитатели Дагиба, и это тоже было совсем не то, что надо.

Зато в третьем заведении его ждала удача в образе гуманоидов со звезды Каф — созданий дородных и шумных, склонных к экстравагантности в одежде, вызывающему поведению и вообще падких до роскошной жизни. Они сгрудились вокруг большого круглого стола в центре комнаты и увлеченно буянили — стучали по столу кружками, гонялись за удирающим от них хозяином, заводили песни, но тут же сами прерывали их выкриками и перебранкой.

Харт проскользнул в незанятую кабинку и стал присматриваться к загулявшим кафианам. На одном из них, самом крупном, самом громогласном и самом буйном, были красные штаны и рубаха цвета яркой зелени. Платиновые ожерелья и диковинные чужеземные украшения болтались у него на шее и сверкали на груди, а волосы он, похоже, не стриг месяцами. У него была и борода довольно сатанинского вида, а также — паразитическая штука — чуть заостренные уши. Ссориться с ним, судя по всему, было весьма и весьма небезопасно. «Вот он, — решил Харт, — вот типаж, который мне нужен».

Наконец к кабинке кое-как подобрался хозяин.

— Пива, — распорядился Харт. — Большой стакан.

— Да что вы, — удивился хозяин, — кто же у нас пьет пиво!

— Ну хорошо, а что у вас есть?

— Бокка, игно, хзбут, грено. Ну и еще...

— Тогда бокка, — отрезал Харт. По крайней мере, он представлял себе, что такое бокка, а об остальных напитках никогда и не слыхивал. Кто их знает, что они способны сотворить с человеком. Глоток бокка, во всяком случае, пережить можно.

Хозяин ушел и спустя какое-то время вернулся с кружкой бокка — зеленоватого, слегка обжигающего пойла. По вкусу пойло напоминало слабенький раствор серной кислоты.

Харт вжался поглубже в угол кабинки и открыл футляр камеры. Потом приподнял камеру над столом — не выше, чем было необходимо, чтобы захватить Зеленую Рубаху в поле зрения объектива. Наклонившись к видоискателю, поймал кафианина в фокус и тут же

нажал кнопку, приводящую аппарат в действие. И, покончив с этим, принялся прихлебывать бокка.

Высидеть вот так, давясь едким пойлом и орудуя камерой, предстояло четверть часа. Четверти часа хватит за глаза. Через четверть часа Зеленая Рубаха окажется на пленке. Может, и не столь исчерпывающе, как если бы Харт применял ту же новомодную пленку, что и Андже́ла, но своего героя он получит.

Камера крутилась, запечатлевая физические характеристики кафианина, его манеры, любимые обороты речи, мыслительные процессы (при наличии таковых), образ жизни, происхождение, вероятные реакции перед лицом тех или иных обстоятельств. «Пусть не в трех измерениях, — подумал Харт, — пусть без проникновения в душу героя и без развернутого ее анализа, но для той халтуры, что нужна Ирвингу, сойдет и так...»

Взять этого весельчака, окружить тремя-четырьмя головорезами, выбранными наудачу из досье. Можно использовать какую-нибудь из пленок серии «Рыцарь голубой тьмы». Ввернуть туда что-нибудь заковыристое про сокровища, добавить капельку насилия, притом на каком-нибудь жутком фоне, — и пожалуйста, готово, если, конечно, сочинитель не откажет...

Десять минут прошло. Осталось всего пять. Еще пять минут — и он остановит камеру, сунет ее обратно в футляр, а футляр в карман, и выберется отсюда как можно скорее. Разумеется, стараясь не привлечь ничьего внимания.

«А все получилось довольно просто, — подумал он, — много проще, чем я рассчитывал...»

Как это Андже́ла сказала? «Все нынче поумнели, даже инопланетяне...»

Осталось три минуты.

Неожиданно на стол опустилась рука и заграбастала камеру. Харт стремительно обернулся. У него за спиной, с камерой под мышкой, стоял хозяин.

«Ну и ну, — подумал Харт, — я так старательно следил за кафианами, что начисто забыл про этого типа!»

— Ах так! — зарычал хозяин. — Пролез сюда обманом, а теперь фильм снимаешь! Хочешь, чтобы мое заведение приобрело дурную славу?..

Харт опрометью кинулся прочь из кабинки в отчаянной надежде прорваться к двери. У него еще оставался

какой-то, пусть призрачный, шанс. Но хозяин ловко подставил ногу, Харт упал, перекувырнулся через голову, проехал по полу, сшибая мебель, и очутился под столом.

Кафиане вскочили с мест и как по команде устались на него. Было очевидно, что они не возражали бы, если бы он свернул себе шею.

Хозяин что было силы бросил камеру себе под ноги. С тяжким скрежещающим стоном она разлетелась на куски. Пленка выпала из кассеты и зазмеилась по полу. Откуда-то, дзенькнув, вывалилась пружина, впилась в пол торчком и задрожала.

Харт изловчился, напрягся и выскочил из-под стола. Кафиане двинулись на него — не бросились, не разразились угрозами, а размеренно двинулись, разворачиваясь в стороны, чтобы он не пробился к выходу.

Он отступал осторожно, шаг за шагом, а кафиане продолжали свое неспешное наступление.

И тут он прыгнул вперед, нацелившись в самую середину цепи. Издав боевой клич, наклонил голову и боднул Зеленую Рубаху прямо в живот. Почувствовал, как кафианин качнулся и подался вбок, и на какую-то долю секунды решил, что вырвался на свободу.

Но чья-то волосатая, мускулистая рука дотянулась до него, сгребла и швырнула наземь. Кто-то лягнул его. Кто-то наступил ему на пальцы. А кто-то вновь поставил на ноги и метнул без промаха сквозь открытую дверь на мостовую.

Он упал на спину и проехался по мостовой, крутясь как на салазках и совсем задохнувшись от побоев. Остановился он лишь тогда, когда врезался в бровку тротуара напротив забегаловки, откуда его выкинули.

Кафиане всей командой сгрудились в дверях, надрываясь от зычного хохота. Они хлопали себя по ляжкам, били друг друга по спине. Они чуть не складывались пополам. Они потешались и издевались над ним. Половины их жестов он не понимал, но и остальных было довольно, чтобы похолодеть от ужаса.

Он осторожно поднялся и ощупал себя. Потрепали его основательно, понаставили шишек, изорвали одежду. Но переломов, кажется, удалось избежать. Прихрамывая, он попробовал сделать шаг, второй. Потом попытался пуститься бегом и, к собственному удивлению, обнаружил, что может бежать.

За его спиной кафиане все еще гоготали. Но кто возьмется предугадать, когда происшедшее перестанет казаться им просто смешным и они помчатся вдогонку, возжаждав крови?

Пробежав немного, он нырнул в переулок, который вывел его на незнакомую площадь причудливой формы. Он пересек эту площадь и, не задерживаясь, юркнул в проходной двор — по-прежнему бегом. В конце концов он поверил, что достиг безопасности, и в очередном переулке присел на ступеньки, чтоб отдышаться и обдумать свое положение.

Положение — в чем, в чем, а в этом сомневаться не приходилось — было хуже некуда. Он не только не заполучил нужного героя, но и потерял камеру, подвергся унижениям и едва не расстался с жизнью.

И он был бессилен что-либо изменить. «В сущности, — сказал он себе, — мне еще крупно повезло. С юридической точки зрения у меня нет ни малейшего оправдания. Я сам кругом виноват. Снимать героя без разрешения прототипа значит грубо нарушить закон...»

А с другой стороны, какой же он преступник? Разве у него было сознательное намерение нарушить закон? Его к этому вынудили. Каждый, кого удалось бы уговорить позировать в качестве героя, потребовал бы платы за труды — платы куда большей, чем Харт был в состоянии наскрести.

И ведь он по-прежнему нуждался, отчаянно нуждался в герое! Или он найдет героя, или потерпит окончательный крах.

Он заметил, что солнце село и город погружается в сумерки. «Вот и день прошел, — мелькнула мысль. — Прошел впустую, и некого винить, кроме себя самого».

Проходивший мимо полицейский приостановился и заглянул в переулок.

— Эй, — обратился он к Харту, — ты чего здесь расселся?

— Отдыхаю, — ответил Харт.

— Прекрасно. Посидел отдохнул. А теперь шагай дальше.

Пришлось встать и шагать дальше.

Он уже почти добрался до своего пристанища, как вдруг услышал плач, донесшийся из тупичка между стенкой жилого дома и переплетной мастерской. Плач

был странный, не вполне человеческий — пожалуй, и не плач даже, а просто выражение горя и одиночества.

Харт придержал шаг и осмотрелся. Плач прекратился, но вскоре начался опять. Это был тихий плач, безнадежный и безадресный, плач ради плача.

Он немного постоял в нерешительности и пошел своей дорогой. Но не прошел и трех шагов, как вернулся. Заглянул в тупичок — и почти сразу задел ногой за что-то лежащее на земле.

Присев на корточки, он присмотрелся к тому, что лежало в тупичке, заливаясь плачем. И увидел комок — точнее не определишь, — мягкий, бесформенный, скорбный комок, издающий жалобные стоны.

Харт поддел комок рукой и приподнял, с удивлением обнаружив, что тот почти невесом. Придерживая находку одной рукой, он другой пошарил по карманам в поисках зажигалки. Отыскал, щелкнул крышкой — пламя едва светило, и все же он разглядел достаточно, чтоб испытать резкую дурноту. В руках у него оказалось старое одеяло с подобием лица — лицо начало было становиться гуманоидным, но затем почему-то передумало. Вот и все, что являло собой это удивительное создание, — одеяло и лицо.

Поспешно сунув зажигалку в карман, он скорчился в темноте, ощущая, как при каждом вдохе воздух встает в горле колом. Создание было не просто инопланетным. Оно было прямо-таки невысказанным даже по инопланетным меркам. И каким, собственно, образом мог инопланетянин очутиться так далеко от космопорта? Инопланетяне редко бродят поодиночке. У них на это не остается времени — корабли прибывают, загружаются чтивом и тут же, без задержки, идут на взлет. И экипажи стараются держаться поближе к ракетным причалам, чаще всего застревая в подвальчиках у реки.

Он поднялся на ноги, прижав существо к груди, словно ребенка — ребенок и тот оказался бы, наверное, тяжелее, — и ощутил телом тепло, которое существо излучало совершенно по-детски, а сердцем — непривычное чувство товарищества. Секунду-другую Харт постоял в тупичке, мучительно роясь в памяти и пытаясь настичь какое-то ускользающее воспоминание. Где-то когда-то он как будто что-то слышал или читал о подобном инопланетянине. Но это, разумеется, чепуха — инопланетяне, даже самые фантастические из них, не являются в образе одеяла с подобием лица.

Выйдя из тупичка на улицу, Харт вновь бросил взгляд на одеяло, хотел рассмотреть его получше. Но часть одеяла-тела завернулась, прикрыв лицо, и разглядеть удалось лишь смутную рябь.

Через два квартала он дотащился до «Светлой звездочки», завернул за угол к боковому подъезду и стал взбираться по лестнице. Кто-то спускался сверху, и он прижался к перилам, уступая дорогу.

— Кемп, — окликнула его Анджела Маре. — Кемп, что у вас в руках?

— Вот подобрал на улице, — объяснил Харт

Он пошевелил рукой, и одеяло-тело соскользнуло с лица. Анджела отпрянула и одновременно прижала ладонь к губам, чтобы не закричать.

— Кемп! Какой ужас!

— Мне кажется, оно нездорово. Оно..

— Что вы намерены с ним делать?

— Не знаю, — ответил Харт. — Оно горько плакало. Прямо сердце разрывалось. Я не в силах был его бросить.

— Пойду позову доктора Жуйяра.

Харт покачал головой.

— А что толку? Он же ни черта не смыслит в инопланетянах. Кроме того, он наверняка пьян.

— Никто не смыслит в инопланетянах, — напомнила ему Анджела. — Может, в центре и нашелся бы специалист... — По ее лицу пробежало облачко. — Но ничего, наш док изобретателен. Он нам хотя бы скажет...

— Ладно, — согласился Харт. — Попробуйте, может, вам и в самом деле удастся его откопать.

У себя в комнате он положил инопланетянина на кровать. Загадочное существо больше не хныкало, а закрыло глаза и, кажется, заснуло, хотя он и не мог бы поручиться за это.

Он присел на край кровати и стал разглядывать своего незваного гостя — и чем дольше разглядывал, тем меньше логики находил в том, что видел. Только теперь он осознал, каким тонким было это одеяло, каким легким и хрупким. Удивительное дело, как нечто столь немощное вообще ухитряется выжить, как умещаются в столь неподходящем теле все необходимые для жизни органы.

Может быть, оно голодно? Но если да, какого рода пищу оно потребляет? А если оно и впрямь нездорово, то разве мыслимо надеяться его вылечить, когда ничего, ровным счетом ничего о нем не знаешь?

А вдруг док?... Да нет, док знает тут не больше, чем он сам. Док Жуйяр ничем не лучше любого другого в округе — перебивается с хлеба на воду, обожает, коль подвернется случай, выпить на дармовщинку, да еще пытается лечить больных, не имея нужных инструментов и обходясь познаниями, не обновляемыми вот уже четыре десятка лет...

На лестнице слышались шаги — сперва легкие, а за ними тяжелые, шаркающие. Надо полагать, Анджела и Жуйяр. И уж если она разыскала его так быстро, то может статься, он достаточно трезв и способен действовать и думать, не теряя координации.

Доктор вошел в комнату, сопровождаемый Анджелой. Поставил на пол свой саквояжик, удостоив существо на постели лишь беглым взглядом.

— Ну, так что у нас здесь? — произнес он, и это был, наверное, первый случай за всю его карьеру, когда затертая профессиональная фраза обрела известный смысл.

— Кемп подобрал его на улице, — торопливо ответила Анджела. — Оно плакало, а теперь перестало.

— Это что, шутка? — спросил Жуйяр, наливаясь гневом. — Если шутка, то, молодой человек, весьма и весьма неуместная.

Харт по своему обыкновению покачал головой.

— Это не шутка. Я думал, что вам известно...

— Нет, мне неизвестно, — перебил доктор неприязненно и горько.

Он взялся за краешек одеяла, затем разжал пальцы, и существо тут же вновь шлепнулось на кровать. Доктор прошелся по комнате взад-вперед, повторил свой маршрут, потом сердито обернулся к Анджеле и Харту:

— Вы, кажется, надеетесь, что я могу что-либо сделать. Да, я мог бы притвориться, что произвожу осмотр. Я мог бы вести себя как полагается врачу. Уверен, именно на это вы и рассчитывали. Что я пощупаю ему пульс, измерю температуру, взгляну на его язык и выслушаю сердце. Ну что ж, в таком случае не подскажите ли вы мне, каким образом это сделать? Где прикажете искать пульс? А если я найду пульс, то

откуда мне знать, какова его нормальная частота? Допустим даже, я придумаю, как измерить температуру, но растолкуйте мне, какую температуру считать нормальной для этого страшилища? И не будете ли вы любезны сообщить мне, как, не прибегая к анатомированию, обнаружить, где у него сердце?

Подхватив саквояжик, он направился к двери.

— Но может, кто-нибудь другой? — спросил Харт самым необходимым тоном. — Может, хоть кто-нибудь знает?..

— Сомневаюсь, — отрезал Жуйяр.

— Вы думаете, во всем городе нет никого, кто мог бы тут чем-нибудь помочь? Вы именно это пытаетесь мне внушить?

— Послушайте, дорогой мой. Медики-люди лечат людей, и точка. Да и зачем требовать от нас большего? Нас что, каждый день вызывают лечить инопланетян? Никто и не ждет от нас, чтобы мы их лечили. Ну, время от времени случается, что какой-нибудь узкий специалист или ученый поинтересуется инопланетной медициной, да и то по верхам. Только по верхам и не больше. Человек тратит годы жизни на то, чтобы кое-как овладеть нашей земной медициной. Сколько же жизней понадобится, по-вашему, чтобы научиться медицине инопланетной?

— Успокойтесь, док. Успокойтесь, вы правы.

— И откуда вы вообще взяли, что с этим существом не все в порядке?

— Ну как же, оно плакало, вот я и подумал...

— А может, оно плакало от одиночества, или от испуга, или от горя? Может, оно заблудилось?

Доктор снова направился к двери.

— Спасибо, док, — сказал Харт.

— Не за что. — Старик в нерешительности застыл на пороге. — У вас случаем не найдется доллара? Я как-то немного поиздержался...

— Пожалуйста, — сказал Харт, протягивая ему бумажку.

— Завтра верну, — пообещал Жуйяр.

И тяжело поплелся к лестнице. Анджела нахмурилась:

— Не следовало этого делать. Теперь он напьется, и вам придется отвечать...

Ну не на доллар же, — авторитетно возразил Харт

— Это по вашим понятиям Та бурда, какую он пьет..

— Тогда пусть его пьет Он заслужил хоть капельку счастья.

— Но... — Анджела кивнула в сторону существа на кровати.

— Вы же слышали, что сказал док. Он не в силах ничего предпринять. И никто не в силах ничего предпринять. Когда оно очнется — если очнется, — оно, быть может, само сумеет сообщить, что с ним. Но на такое я, признаться, не рассчитываю.

Он подошел к кровати и окинул распростертое на пей существо пристальным взглядом. Вид у существа был отталкивающий, даже отвратительный — и ни на йоту не гуманоидный. И в то же время от одеяльца веяло таким безотрадным одиночеством, такой беззащитностью, что у Харта перехватило дыхание.

— Наверное, следовало оставить его в тупичке, проговорил он. — Я ведь совсем уже пошел дальше. Но оно опять ударилось в плач, и я не выдержал. Наверное, вообще не стоило с ним связываться. Все равно я ничем ему не помог Если бы я его там и оставил, дело могло бы повернуться к лучшему. Может, другие инопланетяне уже взялись его искать..

— Все вы сделали правильно, — перебила Анджела. — Что за манера воевать с ветряными мельницами? — Она пересекла комнату и села в кресло. Он передвинулся к окну и мрачно взирал на городские крыши, когда она спросила: — А с вами-то что случилось?

— Ничего.

— Но ваша одежда! Вы только посмотрите на свою одежду!..

— Вышвырнули из погребка. Попытался снять фильм.

— Не заплатив за него?

— У меня нет денег

— Я же предлагала вам полсотни.

— Знаю, что предлагали. Только я не мог их взять. Неужели вы не понимаете, Анджела? Не мог, и все тут!

Она сказала мягко:

— Вы же так бедствуете, Кемп..

Он вскинулся, словно его ударили. Кто ее просил говорить об этом! Какое она имела право! Да она сама

Он успел остановиться, прежде чем слова вылетели наружу.

Она имела право. Она предлагала ему полсотни — но дело не только в деньгах. Она имела право сказать об этом потому, что понимала — она заслужила такое право. Ведь никто в целом мире не относится к нему так искренне, как она...

— Я не в состоянии больше писать, Анджела, — пожаловался он. — Как ни стараюсь, у меня ничего не выходит. Машина — сущее барахло, пленки протерты до дыр, а иные даже залатаны..

— Что вы сегодня ели?

— Выпил с вами пива и еще кружку бокка.

— Это не называется есть. Вымойтесь и переоденьтесь, потом мы с вами спустимся вниз и купим вам еды.

— На еду у меня у самого хватит

— Знаю. Вы говорили про аванс от Ирвинга.

— Это был не аванс.

— И об этом знаю, Кемп.

— А что будет с инопланетянином?

— Да ничего с ним не будет — по крайней мере за то время, какое нужно, чтобы перекусить. Чем вы ему поможете, стоя рядом? Вы же понятия не имеете, как ему помочь.

— Пожалуй, вы правы.

— Разумеется, я права. А теперь ступайте и смойте грязь с лица. И не забудьте заодно вымыть уши

В «Светлой звездочке» сидел один лишь Джаспер Хансен. Они подошли и сели за тот же столик. Джаспер приканчивал блюдо свиных ножек с кислой капустой, запивая их вином, что казалось уже форменным свято-татством.

— А где остальные? — поинтересовалась Анджела.

— Тут по соседству вечеринка, — объяснил Джаспер. — Кто-то продал книгу.

— Кто-то, с кем мы знакомы?

— Да нет, черт возьми. Просто кто-то продал книгу. С каких это пор требуется официальное знакомство, чтобы прийти на вечеринку к человеку, когда тот продал книгу?

— Я ни о чем подобном давно не слышала.

— А кто слышал? Какой-то чудака заглянул в дверь, крикнул про вечеринку, и все сразу снялись и пошли. Все, кроме меня. Мне недосуг шлаться по вечеринкам. Меня ждет работа.

— Что, и закуска бесплатная? — спросила Анджела.

— Ну да. Впрочем, дело не в этом. Пусть мы достойные, уважающие себя ремесленники, и все равно каждый готов шею себе свернуть, лишь бы урвать бесплатный сэндвич и стопку.

— Времена тяжелые, — заметил Харт.

— Только не для меня, — откликнулся Джаспер. — Я завален заказами.

— Но заказы еще не решают главной проблемы.

Джаспер одарил его внимательным взглядом и подергал себя за подбородок.

— А что считать главным? — спросил он требовательно. — Вдохновение? Преданность делу? Талант? Попробуй-ка ответить. Мы механики, и этим все сказано. Наш удел — машины и пленки. Мы должны поддерживать массовое производство, запущенное двести лет назад. Конечно, оно механизировано, иначе оно не стало бы массовым, иначе нельзя было бы выдавать рассказы и романы даже при полном отсутствии таланта. Это наша работа — выдавать тонны хлама для всей распроклятой Галактики. Чтоб у них там дух захватывало от похождений щелеглазой Энни, королевы космических закоулков. И чтоб ее ненаглядный, вчера прошитый шестью очередями, сегодня был жив и здоров, а завтра снова прошит навывлет, и вновь заштопан на скорую руку, и...

Джаспер достал вчерашнюю газету, раскрыл ее и саданул по странице кулаком.

— Видели? Так прямо и назвали: «Классик». Гарантированно не сочиняет ничего, кроме классики...

Харт вырвал газету из рук Джаспера, и точно — там была статья на целую полосу и в центре снимок, а на снимке — тот самый изумительный сочинитель, который он, Харт, разглядывал сегодня в салоне.

— В скором будущем, — заявил Джаспер, — единственным требованием в творчестве останется простейшее: имей кучу денег. Имеешь — тогда пойди купи машину вроде этой и прикажи ей: «Сочини мне рассказ», потом нажми кнопку или поверни выключатель, а может, просто пни ее ногой, и она выплюнет твой

рассказ готовеньким вплоть до последнего восклицательного знака. Раньше еще изредка удавалось купить подержанную машину, скажем, за сотню долларов и вытрясти из нее какое-то число строк — пусть не первоклассных, но находящихся спрос. Сегодня надо выложить бешеные деньги за машину да еще купить дорогую камеру и бездну специальных фильмов и перфолент. Придет день, — изрек он, — и человечество перехитрит само себя. Придет день, когда мы замеханизируемся до того, что на Земле не останется места людям, только машинам.

— Но у вас-то дела идут неплохо, — заметила Анджела.

— Это потому, что я вожусь со своей машиной с утра до ночи. Она не дает мне ни минуты покоя. Моя комната теперь не то кабинет, не то ремонтная мастерская, и я понимаю в электронике больше, чем в стилистике.

Подошел, волоча ноги, Блейк и рывкнул:

— Что прикажете?

— Я сыта, — ответила Анджела, — мне только стакан пива.

Блейк повернулся к Харту:

— А для вас?

— Дайте мне то же, что и Джасперу, но без вина.

— В долг не дам.

— Кто, черт побери, просит у вас что-нибудь в долг? Или вы надеетесь, что я заплачу вам раньше, чем вы принесете еду?

— Нет, — огрызнулся Блейк. — Но вы заплатите мне сразу же, как я ее принесу.

Он отвернулся и зашаркал прочь.

— Придет день, — продолжал Джаспер, — когда этому наступит конец. Должен же когда-то наступить конец, и мы, по-моему, подошли к нему вплотную. Механизировать жизнь можно лишь до какого-то предела. Передать думающим машинам можно многие виды деятельности, но все-таки не все. Кто из наших предков мог бы предположить, что литературное творчество будет низведено к инженерным закономерностям?

— А кто из наших предков, — подхватил Харт, — мог бы догадаться, что земная культура трансформируется в чисто литературную? Но ведь сегодня именно так и произошло. Конечно, существуют заводы, где строят

для нас машины, и лесосеки, где валят деревья, чтобы превратить их в бумагу, и фермы, где выращивают пищу, существуют и другие профессии и ремесла, нужные для поддержания цивилизации. Но если брать в общем и целом, то земля сегодня сосредоточила свои усилия на непрерывном производстве литературы для межзвездной торговли.

— А восходит все это, — сказал Джаспер, — к одной нашей занятиной особенности. Казалось бы, невероятно, что подобная особенность послужит нам на пользу, но факт есть факт. На нашу долю выпало родиться лжецами. Единственными на всю Галактику. На всех бесчисленных мирах правду почитают за универсальную постоянную, мы — единственное исключение.

— Вы судите чересчур сурово, — запротестовала Анджела.

— Пусть сурово, тут уж ничего не поделаешь. Мы могли бы стать великими торгашами и обобрали бы всех остальных до питки, пока те только еще соображали бы, что к чему. Свой талант к неправде мы могли бы использовать тысячью разных способов и, не исключая, даже сберегли бы в целости свои головы. Но мы нашли этому таланту уникальное, абсолютное по безопасности применение. Ложь стала нашей продажной добродетелью. Теперь нам дозволено лгать вволю, всласть — любую ложь съедят на корню. Никто, кроме нас, землян, нигде и никогда не пробовал сочинять литературу — ни ради развлечения, ни ради морали, ни во имя какой-либо другой цели. Не пробовал потому, что литература неизбежно означает ложь, а мы, оказываясь, единственные лжецы на всю Вселенную...

Блейк принес пиво для Анджелы и свиные ножки для Харта. Пришлось рассчитаться с ним не откладывая.

— У меня остался еще четвертак, — удивился Харт. — Есть у вас какой-нибудь пирог?

— Яблочный.

— Тащите порцию, плачу авансом.

— Вначале, — не унимался Джаспер, — рассказы передавали из уст в уста. Потом записывали от руки, а теперь изготавливают на машинах. Но разумеется, это тоже не вечно. Найдется еще какой-нибудь хитрый метод. Какой-нибудь иной, лучший путь. Какой-нибудь принципиально новый шаг.

— Я согласился бы на все, — объявил Харт. — На любой метод, на любой путь. Я бы даже стал писать от руки, если бы надеялся, что у меня купят написанное.

— Как вы можете! — вознегодовала Анджела. — По-моему, на эту тему шутить и то неприлично. С такой шуточкой можно еще смириться, пока мы втроем, но если я когда-нибудь услышу...

Харт замахал руками.

— Забудем об этом. Извините, сморозил глупость.

— Разумеется, литературный экспорт, — продолжал Джаспер, — серьезное доказательство ума человека, приспособляемости и находчивости человечества. Ну не смешно ли: методы большого бизнеса применяются к профессии, которая от века слыла совершенно индивидуальной. Но ведь получается! Не сомневаюсь, что рано или поздно сочинительское дело будет и впрямь поставлено на конвейер и литературные фабрики станут дымить в две смены.

— Ну нет, — вмешалась Анджела. — Тут вы ошибаетесь, Джаспер. При всей механизации наша профессия требует одиночества, как ни одна другая.

— Верно, — согласился Джаспер. — И признать-ся, я лично от одиночества ничуть не страдаю. Наверное, должен бы страдать, но не страдаю.

— Что за гнусный способ зарабатывать себе на жизнь! — воскликнула вдруг Анджела с ноткой горечи в голосе. — Чего мы, в сущности, добиваемся?

— Делаем людей счастливыми — если, конечно, именовать всех наших читателей людьми. Обеспечиваем им развлечение.

— А заодно внушаем высокие идеалы?

— Бывает, что и идеалы тоже.

— Это еще не все, — сказал Харт. — Не только обеспечиваем, не только внушаем. Мы ведем экспансию — самую невинную с виду и самую опасную за всю историю человечества. Старые авторы, до первых космических полетов, славили дальние странствия и завоевание Галактики. И я лично думаю, что славили оправданно. Но главную возможность они проглядели начисто. Они не сумели предугадать, что нашим оружием в покорении иных миров станут не крейсера, но книги. Мы подрываем галактические устои нескончаемым потоком человеческой мысли. Наши слова проникают в такие бездны Вселенной, куда никогда не добрались бы наши корабли.

— Вот именно, это я и хотел сказать! — торжественно вскричал Джаспер. — Ты попал в самую точку. И если уж рассказывать Галактике байки, пусть это будут наши, человеческие байки. Если навязывать инопланетянам билль о добродетелях, пусть это будут наши, человеческие добродетели. Как прикажете сохранить их человеческий смысл, если изложение мы поручаем машинам?

— Но ведь машины-то человеческие, — возразила Анджела.

— Машина не может быть полностью человеческой. По самой своей природе машина универсальна. Она с равным успехом может быть земной и кафианской, построенной на Альдебаране или в созвездии Дракона. И это бы еще полбеды. Мы позволяем машине устанавливать норму. С точки зрения механики достоинство заключается в том, чтобы ввести шаблон. А в литературных вопросах шаблон — требование убийственное. Шаблон не способен измениться. Одни и те же ветхие сюжеты используются под разными соусами снова и снова, до бесконечности.

Может, в данный момент расы, которые нас читают, еще не видят в шаблоне греха, поскольку пока не развили в себе даже отдаленного подобия критических способностей. Но мы-то должны видеть! Должны хотя бы ради простой профессиональной гордости, которую мы предположительно еще не утратили. В том-то и беда, что машины уничтожают в нас эту гордость. Некогда сочинительство было искусством. Теперь оно таковым не является. Книги штампуются на машинах, как типовые стулья. Пусть даже неплохие стулья, вполне пригодные для того, чтобы на них сидеть, но не отличающиеся друг от друга ни красотой, ни мастерством сборки, ни...

Дверь с грохотом распахнулась, и по полу загремели тяжелые шаги. На пороге вырос Зеленая Рубаха, а за ним, скалясь дьявольскими усмешками, сгрудилась вся команда кафиан.

Зеленая Рубаха придвинулся к столику, сияя радостью и приветственно раскинув руки. Остановившись подле Харта, пришелец похлопал его увесистой ладонью по плечу.

— Ты меня помнить, нет? — осведомился он, медленно и старательно подбирая слова.

— Конечно, — ответил Харт, поперхнувшись. — Конечно, я вас помню. Разрешите представить вам мисс Маре и мистера Хансена.

Зеленая Рубаха произнес с заученной правильно-стью:

— Счастлив быть знаком, уверяю вас.

— Присаживайтесь, — пригласил Джаспер.

— Очень рад, — сказал Зеленая Рубаха и сел, подтащив к себе стул. При этом ожерелья у него на шее мелодично звякнули.

Один из кафиан с пулеметной скоростью прострекол что-то на своем языке. Зеленая Рубаха ответил отрывисто и махнул в сторону двери. Все кафиане, кроме него, вышли из бара.

— Он быть обеспокоен, — пояснил Зеленая Рубаха. — Мы замедлять — как это сказать — мы задерживать корабль. Они без нас отнюдь не улететь. Но я указать ему не беспокоиться. Капитан счастлив замедлять корабль, когда увидеть, кого мы привести. — Он наклонился, потрепал Харта по колену и сообщил: — Я тебя искать. Искать широко и долго.

— Это что еще за шут гороховый? — спросил Джаспер.

— Шут гороховый? — переспросил кафианин, насупившись.

— Титул, означающий крайнюю степень уважения, — поспешно заверил Харт.

— Ясно, — сказал Зеленая Рубаха. — Вы все писать истории?

— Да. Все трое.

— Но ты писать лучше всех?

— Ну, знаете, — пролепетал Харт, — я бы так не сказал. Видите ли...

— Ты писать выстрелы и погони? Бах-бах, тра-та-та-та?

— Мда... Виноват, действительно приходится.

Зеленая Рубаха засмутился и произнес виновато:

— Знать я раньше, разве посметь бы мы выбросить тебя из таверны? Это выглядеть очень смешно. Мы же не знать, что ты писать истории. Когда узнать, кто ты, то бежать тебя ловить. Но ты убегать и прятаться.

— Что тут все-таки происходит? — вмешалась Анжела.

Кафианин зычно кликнул Блейка.

— Обслужить, — распорядился он. — Эти люди есть мои друзья. Подать им самое-самое лучшее.

— Лучшее, что у меня есть, — отозвался Блейк ледяным тоном, — это ирландское виски по доллару за стопку.

— Монет у меня много, — заверил Зеленая Рубаха. — Ты подать это, что я не повторить, и ты получать, что просить. — Он обернулся к Харту. — Я приготовить тебе новость, мой друг. Мы очень любить писателей, которые уметь писать бах-бах. Мы читать их всегда-всегда. Получать большое возбуждение.

Джаспер захохотал. Зеленая Рубаха резко повернулся, удивленный, и его кустистые брови сошлись к переносице.

— Это смех от счастья, — поторопился разъяснить Харт. — Он обожает ирландское виски.

— Прекрасно, — заявил Зеленая Рубаха, просяив. — Вы пить, что пожелать. Я платить монету. Это — как это сказать — за мной. — Когда Блейк принес виски, кафианин заплатил ему и добавил: — Подать сюда сосуд целиком.

— Сосуд?

— Он имеет в виду бутылку.

— Это же двадцать долларов!

— Ясно, — сказал Зеленая Рубаха и заплатил. Они выпили, и кафианин вновь повернулся к Харту: — Моя новость, что тебе ехать с нами.

— Как ехать? Куда? На корабль?

— На нашей планете никогда нет настоящего живого писателя. Ты стать очень доволен. Только оставаться с нами и писать для нас.

— Ну, — промямлил Харт, — я не вполне уверен...

— Ты пытаться снять фильм. Хозяин таверны объяснять нам про это. Объяснять, что так против закона. Сказать, что, если я подавать жалобу, возникнуть большая неприятность.

— Не ходите с ними, Кемп, — забеспокоилась Анджела. — Не позволяйте этому чуду-юду запугать вас. Мы заплатим за вас штраф.

— Я не подавать жалобу, — кротко вымолвил Зеленая Рубаха. — Я просто вернуться туда с тобой вместе и разнести там все ко всем чертям.

Блейк притащил бутылку и с грохотом водрузил ее в центр стола. Кафианин подхватил ее и наполнил стопки до краев.

— Выпить, — предложил он и первым подал пример.

Харт выпил следом за ним, и кафианин сразу же наполнил стопки снова. Харт приподнял свою и стал вертеть ее в руках. «Должен же существовать выход даже из такого дурацкого положения, — уговаривал он себя. — Ну не чепуха ли, что этот громогласный варвар с одного из самых дальних солнц является в бар, как к себе домой, и требует, чтобы я отправился вместе с ним! Однако не затевать же драку — невелик расчет, когда на улице поджидает целая банда кафиан...»

— Я объяснять тебе все, — произнес Зеленая Рубаха. — Я очень стараться объяснять, чтобы ты... чтобы ты...

— Уразумел, — подсказал Джаспер Хансен.

— Спасибо, человек по имени Хансен. Чтобы ты уразуметь. Мы покупать истории совсем недавно. Многие расы покупать их давно, но для нас это есть ново и очень удивительно. Это выводить нас — как это сказать — из самих себя. Мы покупать много вещей с разных звезд, вещей подержать в руках, понять и применить. Но от вас мы покупать путешествия в дальние места, представления про большие подвиги, мысли про великие материи. — Он еще раз наполнил стопки по кругу и осведомился: — Все уразуметь, все трое? А теперь, — добавил он, когда они кивнули, — теперь давай пойти...

Харт медленно встал.

— Кемп, не ходите! — воскликнула Анджела.

— Ты закрыть рот, — распорядился Зеленая Рубаха.

Харт переступил порог и оказался на улице. Остальные кафиане мгновенно высыпали из темных закоулков и окружили его со всех сторон.

— Давай нажимать! — радостно поторапливал Зеленая Рубаха. — Наши сородичи даже не догадываться, что их ждать!..

На полпути к реке Харт внезапно замер посреди улицы.

— Нет, не могу.

— Что есть не могу? — спросил кафианин, подталкивая его сзади.

— Я позволил вам думать, — сказал Харт, — что я тот самый, кто вам нужен. Позволил, потому что хотел увидеть вашу планету. Но это нечестно. Я не тот, кто вам нужен.

— Ты писать бах-бах или нет? Ты выдумывать погоны и выстрелы?

— Конечно, да. Но мои погоны — не самого высшего сорта. Не такие, от которых никак не оторваться. Есть человек, у которого это выходит лучше.

— Такого нам и надо, — ответил Зеленая Рубаха. — Ты сказать нам, где его найти?

— Это просто. Он сидел с нами за одним столом. Тот, кто был так счастлив, когда вы заказали виски.

— Ты иметь в виду человека по имени Хансен?

— Его, именно его.

— Он тоже писать бах-бах, тра-та-та?

— Много лучше, чем я. Он по этой части гений.

Зеленая Рубаха преисполнился благодарности. В знак чрезвычайного расположения он притянул Харта к себе.

— Ты честный. Ты хороший. Ты такой молодец сказать нам.

В доме через улицу с шумом отворилось окно, и из окна высунулся мужчина.

— Если вы немедленно не разойдетесь по домам, — завопил он, — я позову полицию!

— Значит, мы нарушать мир, — вздохнул Зеленая Рубаха. — Что за странные быть у вас законы! — Окно с шумом затворилось. Кафианин дружелюбно возложил руку Харту на плечо и торжественно произнес: — Мы обожатели погонь и выстрелов. Мы любить высший сорт. Мы объявлять тебе спасибо. Мы отыскать человека по имени Хансен.

И, повернувшись, понесся обратно, а за ним вся его команда.

Харт стоял на углу и смотрел им вслед. Сделал глубокий вдох, затем медленный выдох. «В сущности, добиться своего оказалось совсем нетрудно, — подумал он, — стоило лишь найти правильный подход. И любопытнее всего, что подход-то подсказал мне не кто иной, как Джаспер. Как это он утверждал недавно? Правду почитают за универсальную постоянную. Мы — единственные лжецы на всю Вселенную...»

Джасперу его откровения вышли боком. По правде говоря, Харт сыграл с ним довольно злую шутку. Но

ведь он и сам хотел уехать в отпуск, не так ли? — вот ему и вышла увеселительная прогулочка, какие прав же, предлагаются не каждый день. Он отказал собрату в разрешении воспользоваться машиной, он расхохотался оскорбительно, когда упомянул про выстрелы и погони. Если уж и напросился на такую шутку, то именно Джаспер Хансен.

А превыше любых оскорблений то, что он постоянно держал свою дверь на замке и тем самым выказывал высокомерное недоверие по отношению к коллегам-писателям.

Харт повернулся в свой черед и скорым шагом пошел в сторону, противоположную той, где скрылись кафиане. Со временем он, конечно, явится домой — но не теперь. Домой ему не к спеху — пусть сначала шум, поднятый пришельцами, хоть немного уляжется.

Наступил рассвет, когда Харт поднялся по лестнице на седьмой этаж и прошел коридором к двери Джаспера Хансена. Дверь, как водится, была заперта. Но Харт достал из кармана тонкую стальную пружинку, подобранную на свалке, и принялся осторожно ею орудовать. Не прошло и десяти секунд, как замок щелкнул и дверь распахнулась.

Сочинитель притаился в углу, блестящий и ухоженный. Полностью перепаянный, как подтвердил сам Джаспер. Если кто-нибудь другой попытается работать на этой машине, то либо ее сожжет, либо себя утробит. Но это, конечно, пустые разговоры, ширма для маскировки тупого, свинского эгоизма.

«Недели две, не меньше», — сказал себе Харт. Если подойти к делу с умом, то машина будет в его распоряжении по крайней мере недели две. Трудностей не предвидится. Все, что потребуется от него, — соврать, что Джаспер разрешил ему пользоваться машиной в любое время. И если он успел составить себе правильное представление о кафианах, то сам Джаспер вернется не скоро.

Однако так или иначе двух недель хватит за глаза. За две недели, работая день и ночь, он сумеет выдать достаточно страниц, чтобы купить себе новую машину.

Он не спеша пересек комнату и пододвинул стул, стоящий перед сочинителем. Сел поудобнее, протянул

руку и погладил инструмент по панели. Машина была хоть куда. Она выпекала кучу материала, добротного материала. Джаспер не знал отбоя от покупателей.

— Милый старик сочинитель, — произнес вслух Харт.

Он опустил палец на центральный выключатель и перекинул язычок. Ничего не случилось. Удивленный, он выключил машину, потом включил снова. Опять ничего. Тогда он торопливо вскочил на ноги — проверить, подключена ли машина к сети. Она не была подключена, ее нельзя было подключить к сети! От изумления Харт на мгновение словно прирос к полу.

«Машина полностью перепаяна», — утверждал Джаспер. Перепаяна так искусно, что обходится совсем без тока?

Но это же невозможно. Это попросту невысказано! Непослушными пальцами он приподнял боковую панель и уставился внутрь машины.

Внутри царил совершенный хаос. Половина ламп отсутствовала вчистую, половина перегорела. Схема во многих местах распалась и висела клочьями. Весь блок реле был густо присыпан пылью. Хваленая машина на деле представляла собой груду металлолома.

Харт поставил панель на место, ощущая внезапную дрожь в пальцах, попятился назад и натолкнулся на стол. Судорожно ухватился за край стола и сжал доску что было сил, пытаясь утихомирить дрожащие руки, унять бешеный гул в висках.

Машина Джаспера вовсе не была перепаяна. На ней вообще нельзя было работать. Не удивительно, что он держал дверь на замке. Он жил в смертельном страхе, что кто-нибудь визнает его жуткую тайну: Джаспер Хансен писал от руки!

И теперь, несмотря на злую шутку, сыгранную с достойным человеком, положение самого Харта оказывалось ничуть не веселее, чем прежде. Перед ним стояли те же старые проблемы, и не было никакой надежды их разрешить. В его распоряжении оставался тот же разбитый сочинитель и ничего больше. Пожалуй, для него и впрямь было бы лучше улететь на звезду Каф.

Он подошел к двери, повременил минутку и обернулся. Со стола едва заметно выглядывала пишущая машинка, заботливо погребенная под грудой бумаг и бумажек,

чтобы создавалось впечатление, что ее никогда и не трогали.

И тем не менее Джаспер печатался! Продавал чуть не каждое написанное слово! Продавал! Горбился ли над столом с карандашом в руке, выстукивал ли букву за буквой на оснащенной глушителем пишущей машинке, но — продавал. Продавал, вообще не включая сочинитель. Наводил на панели глянец, чистил и полировал их, но под панелями-то было пусто! А он все равно продавал, прикрываясь машиной как щитом от насмешек и ненависти остальных, многоречивых и бездарных, слепо верующих в мощь металла и магию громоздких приспособлений.

«Вначале рассказы передавали из уст в уста, говорил Джаспер накануне вечером. — Потом записывали от руки, а теперь изготавливают на машинах». И задавал вопрос: что же завтра? Задавал с таким видом, словно не сомневался, что существует некое «завтра».

«Что же завтра?» — повторил Харт про себя. Разве это предел возможностей человеческих — движущиеся шестерни, умное стекло и металл, проворная электроника?

Ради собственного достоинства — просто ради сохранения рассудка — человек обязан отыскать какое-то «завтра». Механические решения по самой своей природе — решения тупиковые. Разрешается уметь до определенной степени — и не больше. Разрешается добираться до заданной точки — и не дальше.

Джаспер понял это. Джаспер нашел выход. Разобрал механического помощника и вернулся вспять, к работе вручную.

Если только продукт мастерства приобрел экономическую ценность, человек непременно изыщет способ производить этот продукт в изобилии. Были времена, когда мебель изготавливали ремесленники, изготавливали с любовью, которая делала ее произведением искусства, горделиво не стареющим на протяжении многих поколений. Затем на смену мастерам пришли машины, и человек стал выпускать мебель чисто функциональную, не претендующую на длительный век, а уж о гордости что и говорить.

И литература последовала по тому же пути. В ней не сохранилось гордости. Она перестала быть искусством и превратилась в предмет потребления.

Что же делать человеку в такую эпоху? И что он может сделать? Закрыться на ключ, как Джаспер, и в одиночестве трудиться час за часом, остро и горько ощущая свое несоответствие эпохе и мучаясь этим несоответствием день и ночь?

Харт вышел из комнаты со страдальческим выражением на лице. Подождал секунду, пока язычок замка, щелкнув, не стал на место. Потом добрался до лестничной площадки и медленно поднялся к себе.

Инопланетянин — одеяло с лицом — по-прежнему лежал на кровати. Но глаза его были теперь открыты, и он уставился на Харта, как только тот вошел и затворил за собой дверь.

Харт застыл, едва переступив порог, и неприятная посредственность комнаты, откровенная ее бедность и убожество буквально ошеломили его. Он был голоден, томился тоской и одиночеством, а сочинитель в углу, казалось, потешался над ним.

Сквозь распахнутое окно до него донесся гром космического корабля, взлетающего за рекой, и гудок буксира, подводящего судно к причалу.

Он пополз к кровати.

— Подвинься, ты, — бросил он инопланетянину, раскрывшему глаза еще шире, и упал рядом. Повернулся к одеялу-лицу спиной и скорчился, подтянув колени к груди.

Круг замкнулся: он вернулся к тому же, с чего начал вчера утром. У него по-прежнему не было пленок, чтобы выполнить заказ Ирвинга. В его распоряжении была все та же обшарпанная, поломанная машина. У него не осталось даже камеры, и он не представлял себе, у кого одолжить другую. Впрочем, что за резон одалживать, если нет денег заплатить герою? Один раз он уже пробовал снять фильм исподтишка, больше не станет. Не стоит дело того, чтобы рисковать тюрьмой на три, а то и на четыре года.

«Мы обожатели погонь и выстрелов, — так, помнится, выразился кафианин, которого он окрестил Зеленой Рубахой. — От вас мы покупать путешествия в дальние места...»

Для Зеленой Рубахи искомое — бах-бах, тра-та-та-та, выстрелы и погони; для жителей других планет это могут оказаться сочинения какого-то иного свойства — раса за расой присматривались к странному предмету экспорта с Земли и открывали в нем для себя неведомый ранее, зачарованный мир. «Дальние места», скрытые возможности игры ума, а то и приливы чувств. Различья в облике, видимо, не играли здесь особой роли.

Анджела утверждает, что литература — гнусный способ зарабатывать себе на жизнь. Но это она сгоряча. Все писатели изредка провозглашают одно и то же. Испокон веков представители любых профессий, мужчины и женщины в равной мере, в недобрый час обязательно заявляют, что их профессия — гнусный способ зарабатывать себе на жизнь. Они, конечно, искренне верят в то, что говорят, но во все иные часы и дни помнят, что вовсе она не гнусная, а, напротив, очень и очень важная.

И сочинительство тоже важно, более того, чрезвычайно важно. Не только потому, что дарит кому-то «путешествия в дальние места», но потому, что сеет семена Земли — семена земной мысли и земной логики — среди бесчисленных звезд.

«А они там ждут, — подумал Харт, — ждут рассказов, которые я теперь никогда не напишу...»

Он мог бы, конечно, попытаться писать, несмотря ни на что. Мог бы даже поступить как Джаспер, — иступленно скрести пером, подавляя чувство стыда, ощущая собственный анахронизм и несовершенство, страшаясь того неотвратимого дня, когда кто-то выведает его секрет, догадается по известной эксцентричности стиля, что это создано не машиной.

И все же Джаспер, вне всякого сомнения, не прав. Беда не в сочинителях и даже не в принципе механического сочинительства как таковом. Беда в самом Джаспере, в глубокой извращенности его психики, которая и сделала его мятежником. Но мятежником боязливым, маскирующимся, запирающим дверь на ключ, полирующим свой сочинитель и усердно прикрывающим пишущую машинку всяким хламом, чтобы никто, упаси Бог, не понял, что он ею пользуется...

Харт немного согрелся, голода он уже не испытывал, и перед его мысленным взором вдруг возникло одно из

тех дальних мест, на какие, видимо, и намекал Зеленая Рубаха. Небольшая рощица, и под деревьями бежит ручей. Кругом мир и спокойствие, и, пожалуй, на всем лежит печать величия и вечности. Слышно пение птиц, и вода, бегущая в мшистых берегах, издает острый, пряный запах. Он шагает среди деревьев, их готические силуэты напоминают церковные шпили. И в его мозгу сами собой рождаются слова — слова, сцепленные так выразительно, так точно и тщательно, что никто никогда не ошибется в их истинном значении. Слова, способные передать не только сам пейзаж, но и звуки, и запахи, и господствующее окрест ощущение вечности...

Но при всей своей восхищенности он не забывает, что в этих готических силуэтах и в этом ощущении вечности таится угроза. Какая-то смутная интуиция подсказывает ему, что от рощицы надо держаться подальше. Мимолетно вспыхивает желание вспомнить, как он сюда попал, — но памяти **нет**. Будто он впервые встретился с рощицей секунду-другую назад, однако он твердо знает, что шагает под обожженной солнцем листвой многие часы, а может, и дни.

Внезапно он почувствовал, как что-то щекочет ему шею, и поднял руку — смахнуть непрошеное «что-то» прочь. Рука коснулась теплой маленькой шкурки, и он вскочил с постели как ужаленный. Пальцы сжались на горле инопланетянина... Он едва не сбросил эту тварь, как вдруг припомнил с полной отчетливостью странное обстоятельство, которое никак не шло на ум накануне.

Пальцы разжались сами собой, и он позволил руке опуститься. И замер подле кровати, а существо-одеяло так удобно устроилось у него на спине и плечах и обняло его за шею. Он больше не испытывал голода, не был изнурен, и томившая его тоска куда-то исчезла. Он даже не помнил своих забот, и это было удивительное всего: озабоченность давно вошла у него в привычку.

Двенадцать часов назад он стоял в тупичке с существом-одеялом на руках и силился выкопать из глубин заупрямившегося сознания объяснение неожиданному и непонятному подозрению — подозрению, что он уже где-то что-то слышал или читал о таком вот плачущем создании, какое подобрал. Теперь, когда одеяло укутало ему спину и прикикло к шее, загадка разрешилась.

Не расставаясь с прикикшим к нему существом, Харт решительно пересек комнату, подошел к узкой

длинной полке и снял с нее книгу. Книга была старая и затрепанная, лоснящаяся от множества прикосновений, и едва не выскользнула из рук, когда он перевернул ее, чтобы прочитать на корешке название: «Отрывки из забытых произведений».

Он раскрыл томик и принялся перелистывать страницы. Он знал теперь, где найти то, что нужно. Он вспомнил совершенно точно, где читал о создании, прилепившемся за спиной. И довольно быстро нашел искомое — несколько уцелевших абзацев из рассказа, написанного давным-давно и давным-давно позабытого. Самое начало он пропустил — то, что его интересовало, шло дальше:

«Живые одеяла были честолобивыми. Существа растительного происхождения, они, вероятно, лишь смутно сознавали, чего ждут. Но когда пришли люди, бесконечно долгому ожиданию настал конец. Живые одеяла заключили с людьми сделку. И в последнем счете оказались самыми незаменимыми помощниками в исследовании Галактики из всех когда-либо обнаруженных».

«Вот еще когда, — подумал Харт, — укоренилось вековое, самонадеянное и счастливое убеждение, что человеку суждено выйти в Галактику, исследовать ее, вступить в контакт с ее обитателями и принести на каждую посещенную им планету ценности Земли...»

«Человеку с живым одеялом, накинутым на плечи наподобие короткополого плаща, уже не надо было заботиться о пропитании, ибо живые одеяла обладали чудесной способностью накапливать энергию и преобразовывать ее в пищу, потребную для организма хозяина.

В сущности, одеяло становилось почти вторым телом — бдительным, неутомимым наблюдателем, наделенным своего рода родительским инстинктом, поддерживающим в организме хозяина нормальный обмен веществ в любой, даже самой враждебной среде, выкорчевывающим любые инфекции, исполняющим как бы три обязанности: матери, кухарки и домашнего врача одновременно.

Наряду с этим одеяло становилось как бы двойником хозяина. Сбросив с себя путы однообразного растительного существования, оно словно само превращалось в человека, разделяя чувства и знания хозяина,

вкушая жизнь, какая и не снилась бы одеялу, оставайся оно независимым.

И словно мало было взаимных выгод, одеяла предложили людям еще и награду, своеобразное выражение признательности. Они оказались неумными выдумщиками и рассказчиками. Они были способны вообразить себе все, что угодно — без всяких исключений. Ради развлечения своих хозяев они готовы были часами рассказывать затейливые небылицы, предоставляя людям защиту от скуки и одиночества. »

Там было и еще что-то, но Харт уже не стал читать дальше. Вернувшись к самому началу отрывка, он увидел слова: «Автор неизвестен. Примерно 1956 год».

1956-й? Так давно? Как же мог кто бы то ни было в 1956 году узнать об этом?

Ответ ясен как день: не мог

Не мог никоим образом. Просто-напросто выдумал. И попал, что называется, в точку. Кто-то из ранних авторов-фантастов обладал поистине вдохновенным воображением.

Под сенью рощицы движется нечто несказанной красоты. Не гуманоид, не чудовище — нечто не виданное прежде никем из людей. И невзирая на всю его красоту, в нем таится грозная опасность, от него надо сию же секунду спастись бегством.

Харт чуть не кинулся спастись бегством и... очнулся посреди собственной комнаты.

— Ладно, — сказал он одеялу. Давай-ка временно выключим телевизор. К этому мы еще вернемся.

«Мы вернемся к этому, — добавил он про себя, — и напишем про это рассказ, и побываем в разных других местах, и тоже напишем про них рассказы. И мне не понадобится сочинитель для того, чтобы написать эти рассказы, я смогу и сам воссоздать в словах испытанное волнение и пережитую красоту и связать их вместе лучше любого сочинителя. Я же побывал там собственной персоной, я сам пережил все это, и тут уж меня не собьешь...»

Вот именно! Вот и ответ на вопрос, который Джаспер задал вечером, сидя за столиком в баре «Светлая звездочка».

«Что же завтра?» — спрашивал Джаспер.

А завтра — симбиоз между человеком и инопланетным существом, симбиоз, еще столетия назад придуманный писателем, самое имя которого давно позабыто.

«Будто сама судьба, — размышлял Харт, — положила руку мне на плечо и мягко подтолкнула вперед. Ведь это же совершенно неправдоподобно — найти ответ плачущим в тупичке между стенкой жилого дома и переплетной мастерской...»

Но какое это теперь имеет значение! Важно, что он нашел ответ и принес домой, в ту минуту не вполне понимая зачем, да и позже недоуменно спрашивая себя, чего ради. Важно, что теперь его необъяснимый поступок оправдался стократ.

Он слышал шаги на лестнице, потом в коридоре. Встревоженный их быстрым приближением, он торопливо потянулся и сбросил одеяло с плеч. В отчаянии огляделся по сторонам в поисках укрытия для инопланетянина. Ну конечно же — письменный стол! Он рывком выдвинул нижний ящик и — даром что оно слегка сопротивлялось — засунул одеяло туда. И не успел даже толком прикрыть ящик, как в комнату ворвалась Анджела.

Сразу было видно, что она дышит негодованием.

— Что за грязные шутки! — воскликнула она. — Из-за вас у Джаспера куча неприятностей!

Харт уставился на нее в оцепенении.

— Неприятностей? Вы хотите сказать, что он не улетел с кафианами?

— Он прячется в подвале. Блейк передал мне, что он там. Я спускалась и говорила с ним.

— Он сумел от них избавиться? — Харт был потрясен до глубины души.

— И еще как! Он убедил их, что им вовсе не нужен живой писатель. Он объяснил, что им нужна машина, и рассказал о сверкающем чуде — о том самом «Классике», что выставлен в салоне.

— И они отправились в центр и украли «Классик»?

— Увы, нет. Если бы украли, то и горя бы мало. Но они и тут наломали дров. Чтобы добраться до машины, они разбили витрину и подняли тревогу. Теперь вся полиция города гонится за ними по пятам.

— Но ведь Джаспер...

— Они брали его с собой, чтобы он показал им, куда идти.

Харт немного перевел дух.

— И теперь Джаспер прячется от слуг закона.

— В том-то и штука, что он не знает, прятаться ему или нет. С одной стороны, полиция его, наверное, вообще не видела. С другой — а если они сцапают кого-то из кафиан и вытрясут из задержанного всю правду? Тогда вам, Кемп Харт, придется держать ответ за многое...

— Мне? Я-то тут при чем?

— А разве не вы сказали, что Джаспер — тот, кто им нужен? И как только вы ухитрились заставить их поверить в такую чушь?

— Без труда. Вспомните, что втолковывал нам Джаспер. Все, кроме нас, всегда говорят правду. Мы — единственные, кто умеет лгать. Пока они не поумнеют, общаясь с нами, они будут верить каждому нашему слову. Поскольку все остальные всегда говорят правду и только правду...

— Да замолчите вы! — перебила его Анджела. Потом осмотрелась и спросила: — А где ваше милое одеяльце?

— Куда-то делось. Надо полагать, удрало. Когда я вернулся домой, его уже не было.

— Вы хоть разобрались, что это такое?

Харт покачал головой.

— Может, и к лучшему, что оно убежало, — сказал он. — Меня от него, признаться, мутило.

— Вы прямо как док Жуйяр. Кстати, о нем. Положительно весь наш квартал сошел с ума. Док, вдребезги пьяный, валяется в парке под деревом, и его стережет пришелец. Никого и близко не подпускает. Не то охраняет его, не то считает своей собственностью, не поймешь.

— А может, это один из его сиреневых слонов? Мережились ему так часто, что в конце концов ожили?

— Оно не сиреневое, и это не слон. Ступни у него перепончатые, удивительно крупные, и длиннющие паучьи ноги. И вообще оно похоже на паука, а кожа вся в бородавках. Треугольная голова с шестью рогами. Глянешь — мурашки по спине...

Харт пожал плечами. Обычных инопланетян переварить не так уж трудно, но, конечно, если такое пугало...

— Интересно, чего оно хочет от дока.

— Никто, по-видимому, не знает. А оно не рассказывает.

— А если не может?

— Все другие пришельцы могут. По крайней мере могут изъясняться настолько, чтобы их поняли. Иначе они вообще сюда не прилетали бы.

— Звучит логично, — согласился Харт. — А если оно решило нализаться задаром, сидя рядом с доком и вдыхая перегар?

— Знаете, Кемп, подчас ваши шуточки становятся совершенно невыносимыми, — заявила Анджела.

— Вроде намерения писать от руки.

— Вот именно, — подтвердила Анджела. — Вроде намерения писать от руки. Вам известно не хуже, чем мне, что в приличном обществе о таких вещах просто не говорят. Писать от руки — все равно что есть пальцами, или ковырять в носу, или выйти на улицу нагишом...

— Хорошо, — сдался Харт, — хорошо. Больше я никогда не заикнусь об этом.

Когда она ушла, он опустил на стул и принялся обдумывать создавшееся положение всерьез.

Во многих отношениях он будет теперь походить на Джаспера, но можно ли возражать против этого, если он начнет писать, как Джаспер!

Придется научиться запирать дверь. Он стал ломать себе голову: где ключ? Он никогда не пользовался ключом; теперь при первом удобном случае надо будет переворошить все в столе — а вдруг отыщется? Если нет, придется заказать новый ключ: не хватало еще, чтобы кто-нибудь вперся в комнату без предупреждения и застал его с одеялом на плечах или с пером в руке.

«Пожалуй, — мелькнула мысль, — неплохо бы переехать на новую квартиру. В самом деле, как прикажете объяснить людям, отчего я ни с того ни с сего стал запираться на ключ?» Но даже подумать о переезде было и то нестерпимо. Пусть комната плохонькая, но он к ней привык, и иной раз она казалась ему почти родным домом.

А что, если, когда он успешно продаст первые две вещицы, потолковать с Анджелой и выяснить, как она отнесется к предложению переехать вместе с ним? Анджела — славная девочка, но можно ли просить ее связать свою судьбу с человеком, который сам не

ведает, на что в следующий раз купить себе хлеба? Однако впредь, даже если он не продаст ни строчки, заботиться о хлебе насущном ему уже не придется. «Любопытно, — подумал он вскользя, — можно ли поделить одеяло как кормильца на двоих? И удастся ли в конце концов внятно объяснить все это Анджеле?..»

Но как, скажите на милость, ухитрился тот забытый автор в далеком 1956-м додуматься до такого? И сколько еще шальных идей, рожденных причудливой игрой ума и парами виски, могут на поверку оказаться правильными?

Мечта? Озарение? Проблеск грядущего? Не важно, что именно: просто человек подумал об этом, и оно сбылось. Сколько же других небылиц, о которых люди думали в прошлом и подумают в будущем, в свой срок тоже обернутся истиной?

Догадка даже испугала его.

Те самые «путешествия в дальние места». Полет воображения. Влияние печатного слова и сила мысли, определяющая это влияние. «Книги куда опаснее крейсеров», — сказал он вчера. Как он был прав, как бесконечно прав!..

Он поднялся, пересек комнату и встал перед сочинителем. Тот злобно оскалился. В ответ Харт показал машине язык и произнес:

— Вот тебе!

Тут он услышал за спиной легкий шелест и поспешно обернулся. Одеяло ухитрилось каким-то образом просочиться из ящика и устремилось к двери, опираясь на нижние складки своего хрупкого тельца. На ходу оно колыхалось и дергалось, словно раненый тюлень.

— Эй, ты! — завопил Харт и потянулся к двери.

Но поздно. В дверях стояло чудище — другого слова не подберешь. Одеяло подскочило к нему, быстро скользнуло вверх и распласталось у него на спине. Чудище, обращаясь к Харту, прошипело:

— Я потерял это. Вы были добры отыскать. Благодарю...

Харт утратил дар речи.

И было от чего. Ни дать ни взять — тот самый пришелец, какого Анджела видела рядом с доктором, только еще более страшный, чем по описанию. У него были перепончатые лапы втрое большего размера, чем требовалось по росту, — казалось, он надел снегосту-

пы. И еще у него был хвост, неизящно загнутый до середины спины. И еще дынеобразная голова с треугольным лицом и шестью рогами, и на кончике каждого из шести рогов сидел вращающийся глаз.

Чудище залезло в сумку, которая, видимо, являлась частью его тела, и вытащило пачку банкнотов.

— Небольшая награда, — возвестило оно и кинуло банкноты Харту. Тот машинально протянул руку и подхватил их. — Мы уходим вдвоем, — добавило чудище, помолчав. — Мы уносим в нашей памяти хорошие мысли...

Оно совсем уже переступило порог, когда протестующий вопль Харта заставил его обернуться.

— Да, благородный сэръ?

— Это одеяло... — Эта штука, которую я нашел... Что это?

— Мы ее сделали.

— Но она живая, и кроме того...

Чудище только усмехнулось в ответ.

— Вы такие умные люди. Вы сами ее придумали. Много времен назад.

— Неужели тот самый рассказ?

— Непременно. Мы про нее прочитали. Мы ее сделали. Очень умная мысль.

— Не хотите же вы сказать, что и в самом деле...

— Мы биологи. Как вы назвали бы такую науку — биологическая инженерия.

Чудище повернулось и двинулось прочь по коридору. Харт крикнул вдогонку:

— Эй, минуточку! Пойдите! Одну мину...

Но оно удалялось очень ходко и не остановилось. Харт, грохоча каблуками, припустил за ним. Добежав до площадки, глянул вниз через перила, никого не увидел. И все равно устремился вниз, перескакивая через три ступеньки и решительно пренебрегая всеми правилами безопасности.

Он не догнал пришельца. Вскочив из дома на улицу, притормозил и осмотрелся по сторонам, но от незваного гостя не осталось и следа — исчез, как в воду канул.

Тогда Харт полез в карман и ощупал пачку банкнотов, пойманных на лету. Вытащил ее целиком — она оказалась толще, чем ему помнилось. Сорвав эластичную опояску, взглянул на деньги повнимательнее. Достоинство верхней купюры, в галактических кредитах,

оказалось таково, что он едва устоял на ногах. Поспешно перелистал всю пачку — остальные купюры были вроде бы того же достоинства.

При одной мысли о подобном богатстве Харт задохнулся и перелистал пачку еще раз. Нет, он не ошибся — купюры действительно были одного достоинства. Проделал в уме беглый подсчет — результат получился прямо-таки ошеломляющим. Даже если считать в кредитах, а ведь каждый кредит при обмене равнялся примерно пяти земным долларам.

Ему случалось видеть кредиты и раньше, но до сих пор не доводилось держать их в руках. Они служили основой галактической торговли и широко применялись в межзвездных банковских операциях, а в повседневное обращение если и попадали, то редко. Он взвесил их в руке и внимательно рассмотрел — да, они были прекрасны.

«Чудище, по-видимому, безмерно ценит свое одеяло, — подумал он, — если отвалило такую фантастическую сумму за то, что кто-то элементарно позаботился о нем». Хотя, если разобраться, могут быть и другие объяснения. Уровень благосостояния от планеты к планете разнится чрезвычайно сильно, и богатство, которое он сейчас держал в руках, владелец одеяла, быть может, предназначал на мелкие расходы...

С удивлением Харт обнаружил, что не ощущает ни особого волнения, ни счастья, как по идее должно бы быть. Единственное, о чем он, кажется, еще способен был думать, — что одеяло для него потеряно.

Он запихнул деньги в карман и перешел через улицу в маленький парк. Жуйяр уже проснулся и сидел на скамейке под деревом. Харт присел рядом.

— Как чувствуете себя, док? — спросил он.

— Превосходно, сынок, — отвечал старик.

— Видели вы пришельца, похожего на паука в снегоступах?

— Был тут один какой-то не так давно. Просыпаюсь, а он меня ждет. Хотел узнать про ту штуку, что вы нашли.

— И вы сказали?

— Конечно. А почему бы и нет? Он объяснил, что ищет ее. Я подумал, что вы будете счастливы сбыть ее с рук.

Какое-то время оба сидели молча. Потом Харт спросил.

— Док, что бы вы сделали, если бы получили миллиард долларов?

— Я, — ответил доктор без малейшего колебания, — упился бы до смерти. Да, сэр, я бы упился до смерти, но настоящим зельем, а не той бурдой, какой торгуют в этой части города...

«И все покатилося бы, как заведено, — подумал Харт. — Док упился бы до смерти. Анджела принялась бы шляться по художественным салонам и домам моделей. Джаспер, более чем вероятно, купил бы себе домик в горах, где мог бы уединяться без помехи. А я? Что сделаю я сам с миллиардом долларов плюс-минус миллион?..»

Еще вчера, сегодня ночью, два часа назад он заложил бы душу за сочинитель модели «Классик».

Сейчас «Классик» казался форменным старьем и преснятиной.

Потому что открылся новый, лучший путь — путь симбиоза, путь сотрудничества человека с инопланетной биологической конструкцией.

Харт припомнил готическую рощу и господствующее над ней ощущение вечности и даже здесь, при ярком свете дня, вздрогнул при воспоминании о несказанной красоте, что возникла среди деревьев.

«Воистину, — сказал он себе, — такой способ сочинять куда лучше: познать явление самому и тогда уже описать его, пережить свой сюжет самому и тогда уже изложить его...»

Но он утратил одеяло и не представлял себе, где взять другое. И даже если бы узнать, откуда они берутся, он все равно бы не ведал, как приобрести хоть одно одеяльце в личную собственность.

Инопланетная, чуждая биологическая конструкция — и все же не до конца чужая: ведь впервые о ней подумал безвестный автор много лет назад. Автор, который писал, как Джаспер пишет и сегодня, — скрючившись над столом, лихорадочно перенося на бумагу слова, сплетающиеся в мозгу. И никаких тебе сочинителей, ни фильмов, ни перфолент, ни прочих механических приспособлений. Но сумел же этот не известный никому человек преодолеть мглу времени и пространства, коснуться мыслью иного безвестного разума, — и

одеяло появилось на свет столь же неминуемо, как если бы человек изготовил его собственными руками!

Не в том ли и состоит величие человечества, что оно способно призвать себе на помощь воображение — и в один прекрасный день все воображаемое сбудется?

А если так, то вправе ли человек передоверить свое призвание поворотным рычагам, вращающимся колесикам, умным лампам и потрохам машин?

— У вас случаем не найдется доллара? — спросил Жуйяр.

— Нет, — ответил Харт, — доллара у меня нет.

— Вы такой же, как все мы грешные, — сказал старик. — Мечтаете о миллиардах, а за душой ни цента...

«Джаспер мятежник, — подумал Харт, — а это не окупается. На долю мятежников достаются лишь расквашенные носы да шишки на лбу...»

— Доллар мне определенно пригодился бы, — сказал Жуйяр.

«Не окупится мятеж Джасперу Хансену, — подумал Харт, — не окупится и другим, кто так же запирается на замок и так же полирует свои безработные машины с единственной целью: чтобы каждый, кто забредет к ним в гости, удостоверился, что машины в целости и в чести.

Не окупился бы мятеж и мне, — сказал себе Кемп Харт. — Зачем мне мятеж, когда, подчинившись правилам, я прославлюсь практически за одну ночь?..»

Опустив руку в карман, он ощупал пачку банкнотов и бесповоротно решил, что чуть погодя отправится в центр и купит в салоне ту самую машину, удивительную и несравненную. Денег хватит на любую машину. Того, что в пачке, хватит на тысячи машин.

— Да, сэр, — сказал Жуйяр, мысленно возвращаясь к своему ответу на вопрос о миллиарде долларов. — Это была бы приятная смерть. Не спорьте, очень приятная.

Когда Харт вновь появился в салоне-магазине, бригада рабочих как раз заменяла выбитое стекло, но он едва удостоил их мимолетным взглядом и без колебаний проследовал внутрь.

Продавец, тот же самый, вырос перед ним как из-под земли. Только сегодня продавец и не пытался разыграть радость, а придал лицу выражение суровое и даже слегка обиженное.

— Вы вернулись, вне сомнения, затем, чтобы оформить заказ на «Классик»? — произнес продавец.

— Совершенно верно, — ответил Харт и извлек из кармана деньги.

Продавец был отлично вышколен. Он опешил лишь на какую-то долю секунды, а затем вновь обрел самообладание со скоростью, которая могла бы претендовать на рекорд.

— Великолепно! — воскликнул продавец. — Я так и знал, что вы вернетесь. Не далее как сегодня утром я говорил кое-кому из наших, что вы непременно заглянете к нам опять.

«Ну да, ври больше», — подумал Харт.

— Полагаю, — сказал он, — что если я заплачу наличными, то вы согласитесь немедленно обеспечить меня в достаточном количестве пленками, перфолентами и аппаратурой по моему выбору?

— Разумеется, сэр. Я сделаю все возможное.

Харт снял сверху пачки одну купюру, а остальные сунул обратно в карман.

— Не изволите ли присесть, — извивался продавец. — Я тотчас же вернусь. Договорюсь о доставке и оформлю гарантию...

— Можете не спешить, — ответил Харт, наслаждаясь произведенным эффектом.

Он опустил в кресло и принялся строить дальнейшие планы.

Прежде всего необходимо найти квартиру получше, а потом закатить обед для всей компании и утереть Джасперу нос. Так он и сделает — если только Джаспера не упекли уже в тюрьму. Он даже хмыкнул, представив себе, как Джаспер ежится от страха в подвале бара «Светлая звездочка».

И еще он сегодня же зайдет в контору к Ирвингу, отдаст двадцатку и объяснит, что, к сожалению, не располагает временем на то, чтобы выполнить заказ. Не то чтоб ему не хотелось выручить Ирвинга. Но это же прямое кощунство писать ту чепуху, какая нужна Ирвингу, на машине, наделенной такими талантами, как «Классик».

Заслышав у себя за спиной торопливую дробь шагов, он поднялся и с улыбкой повернулся навстречу продавцу. Однако тот и не подумал отвечать на улыбку. Казалось, продавца вот-вот хватит удар.

— Вы!.. — задохнулся продавец, с трудом сохраняя способность к членораздельной речи. — Ваши деньги!.. Мы по горло сыты вашими фокусами, молодой человек!

— Деньги? — не понял Харт. — Что — деньги? Это галактические кредиты. Следовательно...

— Это игрушечные деньги! — взревел продавец. — Деньги для детишек! Игрушечные деньги, выпущенные в созвездии Дракона! Тут на лицевой стороне так и напечатано. Вот, крупными буквами... — Он отдал бумажку Харту. — А теперь выметайтесь вон!

— Позвольте, — взмолился Харт, — вы уверены? Этого просто не может быть! Здесь какая-то ошибка...

— Наш кассир утверждает, что это факт. Он эксперт по денежным знакам любого рода, и он утверждает, что деньги игрушечные.

— Но вы же их взяли! Вы не смогли отличить их от настоящих...

— Я не умею читать по-дракониански. А кассир умеет.

— Чертов пришелец! — крикнул Харт в припадке внезапной ярости. — Ну если я до него доберусь!..

Продавец чуть-чуть смягчился.

Этим пришельцам никак нельзя доверять, сэр. Они порядочные пройдохи.

— Прочь с дороги! — крикнул Харт. — Я должен разыскать этого негодяя!

Дежурный в Бюро по делам инопланетян не сумел оказать Харту особой помощи.

— У нас нет данных, — объявил дежурный, — о существе того типа, какой вы описываете. Вы не располагаете хотя бы его фотографией?

— Нет, — ответил Харт, — фотографии у меня нет.

Перед тем дежурный просмотрел грудку каталогов; теперь он принялся расставлять их по местам.

— Конечно, — рассуждал он, — отсутствие данных еще ничего не доказывает. К сожалению, мы просто не успеваем следить за всеми разновидностями

мыслящих. Их так много, и беспрерывно появляются новые. Возможно, следовало бы навести справки в космопорту? А вдруг кто-нибудь обратил внимание на вашего пришельца?

— Я уже побывал там. И ничего. Совсем ничего. Он же должен был прилететь сюда, а может, успел даже прилететь обратно — и никто его не помнит! А может помнит, но не признается.

— Инопланетяне покрывают друг друга, — поддакнул дежурный. — Они вам никогда ничего не скажут — Он продолжал складывать книги стопками. Близился конец рабочего дня, ему не терпелось уйти, и он решил сострить: — А почему бы вам не отправиться в космос и не поискать пришельца в его родной стихии?

— Я, видимо, так и сделаю, — ответил Харт и вышел, хлопнув дверью.

Ну чем плоха шутка — предложить посетителю отправиться в космос и самому поискать своего пришельца? Почему бы, в самом деле, не выследить чудище среди миллиона звезд, не поохотиться за ним на расстоянии в десять тысяч световых лет? И почему бы потом, если найдешь его, не сказать: «А ну, отдавай одеяло», — чтоб чудище тут же расхохоталось тебе в лицо?

Но ведь к тому времени, когда сумеешь выследить его среди миллиона звезд, на расстоянии в десять тысяч световых лет, одеяло тебе уже не понадобится: ты сам переживешь свои сюжеты, и увидишь воочию своих героев, и впитаешь в себя краски десяти тысяч планет и ароматы миллиона звезд.

И сочинитель тебе тоже не понадобится, как не понадобятся ни фильмы, ни перфоленды, ибо нужные слова будут трепетать на кончиках твоих пальцев и стучать в висках, умоляя выпустить их наружу.

Чем плоха шутка — всучить простаку с отсталой планетки пригоршню игрушечных денег за нечто, стоящее миллион? Дурачина и не заподозрит, что его провели, пока не попытается эти деньги потратить. А обманщик, сорвав куш по дешевке, тихо отползет в сторонку и будет надрываться от смеха, упиваясь своим превосходством.

Кто это смел утверждать, что люди — единственные лжецы на всю Вселенную?

А чем плоха шутка — носить на плечах живое одеяло и посылать на Землю корабли за галиматьей, кото-

рую здесь пишут? Не сознавая, не догадываясь даже, что нарушить земную монополию на литературу проще простого и для этого нужно лишь одно — хорошенько прислушаться к существу у себя за спиной...

— И эта шутка значит, — произнес Харт вслух, — что в последнем счете ты остался в дураках. Если я когда-нибудь найду тебя, ты у меня проглотишь эту шутку натошак!..

Анджела поднялась на верхний этаж с предложением мира. Она принесла и поставила на стол кастрюльку.

— Поешьте супу, — сказала она.

— Спасибо, Анджела, — ответил он. — Совсем сегодня забыл про еду.

— А рюкзак зачем, Кемп? Едете на экскурсию?

— Нет, в отпуск.

— И даже мне не обмолвились!

— Я едва-едва надумал, что еду. Вот только что.

— Извините, что я так рассердилась на вас. Все благополучно удрали.

— Так что Джаспер может выйти из подвала?

— Уже вышел. Он сильно зол на вас.

— Как-нибудь переживу. Он мне не родственник.

Он села на стул и стала наблюдать за тем, как он укладывается.

— Куда вы собираетесь, Кемп?

— Искать моего пришельца.

— Здесь в городе? Вы никогда его не найдете.

— Придется порасспрашивать дорогу.

— Какую дорогу? Где вы видели пришельцев, кроме как?..

— Вы совершенно правы.

— Вы сумасшедший! — воскликнула она. — Не смейте этого делать, Кемп! Я вам не позволю! Как вы будете жить? Чем зарабатывать?

— Буду писать.

— Писать? Вы не сможете писать! Вы же останетесь без сочинителя...

— Буду писать от руки. Может, это и неприлично, но я сумею писать от руки, потому что буду знать то, о чем пишу. Мои сюжеты войдут мне в плоть и в кровь. Я буду чувствовать их вкус, цвет и запах...

Она вскочила и замолотила кулачками по его груди.

— Это мерзко! Это недостойно цивилизованного человека! Это...

— Но именно так писали прежде. Все бесчисленные рассказы, все великие мысли, все изречения, которые вы любите цитировать, написаны именно так. Так оно и должно быть во веки веков. Мы сейчас забрели в тупик.

— Вы еще вернетесь, — предсказала она. — Сами поймете, что заблуждались, и вернетесь.

Он покачал головой, не сводя с нее глаз.

— Не раньше, чем найду своего пришельца.

— Вовсе вы не пришельца ищете! Что-то совсем другое. По глазам вижу — что-то другое...

Она круто повернулась и стремглав бросилась из комнаты по коридору и вниз по лестнице.

Он продолжал собирать рюкзак, а когда собрал, сел и съел суп. И подумал, что Анджела права. Ищет он отнюдь не пришельца.

Не нужен ему пришелец. Не нужно одеяло, не нужен сочинитель.

Он отнес кастрюльку в раковину, вымыл под краном и старательно вытер. Потом поставил на центр стола, где Анджела наверняка ее увидит, как только войдет. Потом взял рюкзак и стал медленно спускаться по лестнице.

Наконец он вышел на улицу — и тут услышал позади крик. Это была Анджела, она бежала за ним вдогонку. Он приостановился и подождал ее.

— Я еду с вами, Кемп.

— Вы сами не знаете, что говорите. Путь будет далек и труден. Диковинные миры и странные нравы. И у нас нет денег.

— Нет, есть. У нас есть полсотни. Те, что я пыталась вам одолжить. Большого предложить не могу, да и этого надолго не хватит. Но полсотни у нас есть.

— Но вам-то не нужен никакой пришелец!

— Нет, нужен. Я тоже ищу пришельца. Каждый из нас, по-моему, ищет своего пришельца.

Он решительно привлек ее к себе и крепко обнял.

— Спасибо, Анджела, — проговорил он.

Рука об руку они направились к космопорту — выбрать корабль, который помчит их к звездам.

КОЛЛЕКЦИОНЕР

Когда подошло время спускаться за почтой, старый Клайд Паккер оторвался от своих марок и прошел в ванную — расчесать седые волосы и бороду. Как будто и без того забот мало, подумал он в который раз, однако никуда не денешься: на лестнице ему наверняка встретится кто-нибудь из соседей, а им до всего есть дело. Паккер не сомневался, что они сплетничают, обсуждают его между собой, и хуже всех была вдова Фоше, что жила в квартире напротив. Хотя, в общем-то, его мало трогало, что о нем думают.

Прежде чем отправиться за почтой, он открыл ящик стола в центре захламленной гостиной — на столе в полном беспорядке грудami лежали нужные и ненужные бумаги — и достал маленькую коробочку, присланную с одной из планет системы Унук-аль-Хэй. Паккер отщипнул кусочек от хранившегося в коробке высушенного листка и отправил в рот.

Он замер на несколько секунд у выдвинутого ящика, наслаждаясь сочным диковинным вкусом: не мята и не виски — лишь привкус и того и другого, но к ним примешивалось и что-то еще, совершенно особенное, присущее только этим странным листьям. Ни одному

человеку на Земле не доводилось пробовать ничего подобного. Паккер подозревал, что отвыкнуть от них будет очень трудно, хотя ни о чем таком ПутАльНаш его не предупреждал.

Впрочем, даже если бы ПутАльНаш решил сделать это, Паккер, скорее всего, ничего бы не понял: пытаюсь расшифровать записки ПутАльНаша, Паккер всякий раз поражался, до чего же унукские представления о земном языке и земной грамматике далеки от истинной картины.

Коробочка, заметил он, почти опустела. Оставалось только надеяться, что его странный, но верный корреспондент, на которого он так привык рассчитывать, не подведет и теперь. Хотя повода сомневаться в нем у Паккера не было: за те двенадцать лет, что они переписывались, ПутАльНаш никогда его не подводил. Когда содержимое предыдущей бандероли подходило к концу, обязательно прибывала новая коробочка листьев с короткой дружеской запиской — и вся в самых новых унукских марках.

Ни днем раньше, ни днем позже, а именно тогда, когда кончался последний листок — словно ПутАльНаш каким-то непостижимым для землянина образом узнавал, когда у того кончаются эти листья.

«Надежный парень, — говорил себе Клайд Паккер. — Не гуманоид, конечно, но на него вполне можно положиться».

И он снова задумался, как все-таки Пуг выглядит. Почему-то ему всегда представлялось, что это маленькое существо, но на самом деле он не знал ни его размеров, ни внешнего вида. Унук относился к числу тех планет, где землянам просто не выжить, поэтому все коммерческие операции и прочие контакты — как и со многими другими цивилизациями — осуществлялись при помощи посредников.

Что, интересно, делал Пуг с теми сигарами, которые Паккер посылал ему в обмен на коробочки с листьями? Ел? Курил? Нюхал? Валялся на них или втирал в волосы? Если у него вообще есть волосы...

Паккер потряс головой и, закрыв дверь, вышел на лестничную площадку. Затем дважды проверил, сработал ли замок. Кто их знает, этих соседей и особенно вдову Фоше: может, они только и ждут, как бы обратиться к нему в квартиру, пока его нет.

На лестничной площадке никого не оказалось, что Паккера очень обрадовало. Чуть не крадучись, он подошел к лифту и нажал кнопку, надеясь, что удача не оставит его и никто так и не появится.

Увы.

В конце длинного коридора показался сосед, развязный, горластый тип из тех, что бесцеремонно — в их понимании, по-дружески — хлопают людей по спине и думают, что это нормально.

— Доброе утро, Клайд! — радостно заорал он изда-лека.

— Доброе утро, мистер Мортон, — ответил Паккер довольно прохладным тоном. С какой стати этот Мортон обращается к нему по имени? Никто никогда его так не называет — разве что изредка племянник, Антон Кампер, который зовет его «дядя Клайд» или чаще — просто «дядюшка». А Тони — просто никчемный болтун. Вечно он что-то затевает, строит грандиозные планы. Послушать его, так он на днях миллионером станет, только все его планы превращаются в пшик. А еще он — пройдоха, каких свет не видывал.

«Как и я, в точности, — подумалось Паккеру, — не то что эти, теперешние. Одни только разговоры.. Будь я помоложе, — решил он, с гордостью и теплотой вспоминая прошлое, — я бы их всех ощипал как цып-лят».

— Как сегодня марочный бизнес? — поинтересовался Мортон, подойдя ближе, и от души хлопнул Паккера по спине.

— Должен вам напомнить, мистер Мортон, что я не занимаюсь филателистическим бизнесом, — резко ответил Паккер. — Хотя действительно интересуюсь марками, увлечен ими и настоятельно рекомендую...

— Я не то имел в виду, — пояснил Мортон несколько смущенно. — Я не то хочу сказать, что вы продаете марки или там..

— Строго говоря, продаю, — перебил его Паккер. — Но изредка и в небольших количествах. Это едва ли можно назвать бизнесом. Просто некоторые коллекционеры знают о моих обширных связях и время от времени...

— Вот я и говорю! — радостно заорал Мортон и от избытка чувств снова хлопнул Паккера по спине. —

Все дело в связях! Если есть связи, тогда в любом деле не пропадешь. Вот я, например...

От продолжения тирады Паккера спасло лишь то, что прибыл наконец лифт.

Спустившись вниз, он сразу направился к стойке дежурного.

— Доброе утро, мистер Паккер, — сказал клерк, вручая ему стопку писем. — Тут для вас посылка, и довольно тяжелая. Может быть, вам помочь?

— Нет, благодарю вас, — ответил Паккер. — Я уверен, что справлюсь сам.

Клерк выложил посылку на стойку. Паккер взял ее в руки и тут же опустил на пол — весил пакет, должно быть, фунтов тридцать. А адресную наклейку почти всю покрывали марки с такими высокими номиналами, что аж дух захватывало.

Паккер взглянул на наклейку повнимательнее: его фамилия и адрес были выведены печатными буквами и так старательно, словно земной алфавит представлялся отправителю непостижимым таинством. Вместо обратного адреса — мешанина из точек, закорючек и черточек: понять ничего невозможно, но вроде бы что-то знакомое. Марки, сразу определил Паккер, выпущены в системе девятой звезды созвездия Рака — за всю его жизнь ему доводилось видеть такие лишь один раз. Некоторое время он просто стоял, пытаясь сообразить, сколько они могут стоить.

Затем сунул стопку писем под мышку и поднял посылку с пола. Теперь она показалась Паккеру еще тяжелее, и он тут же пожалел, что отказался от помощи. Но сказанного не воротишь. Да и в конце концов, не такой уж он еще старый и дряхлый.

Доковыляв до лифта, он опустил пакет на пол и остановился лицом к двери, ожидая кабину. Неожиданно у него за спиной раздался голос, похожий на птичье щебетание, и Паккер вздрогнул, узнав голос вдовы Фоше.

— О, мистер Паккер, — затараторила она, — я так рада, что вас встретила.

Паккер обернулся, ибо ничего другого ему не осталось — нельзя же и в самом деле стоять к ней спиной, словно ее там нет.

— О, какие вы тяжести носите... — пожалела его вдова Фоше. — Позвольте, я вам помогу.

С этими словами она выхватила у него из-под руки стопку писем и добавила:

— Бедняжка. Я помогу вам их донести.

Паккер с удовольствием бы ее придушил, но вместо этого лишь улыбнулся. Улыбка, правда, вышла несколько натянутая, даже зловещая, но на большее его не хватило.

— Как мне повезло, что я вас встретил, — ответил он. — Один бы я ни за что не справился.

Не заметив скрытой иронии, вдова Фоше продолжала молоть языком как ни в чем не бывало:

— Сегодня к ленчу я собиралась приготовить бульон, и у меня всегда получается слишком много. Может, вы присоединитесь?

— Нет, к сожалению, это невозможно, — встревоженно сказал Паккер. — Прошу меня извинить, но сегодня у меня очень много работы. — Кивнув на стопку писем у нее в руках и на посылку, он, словно рассерженный морж, выпустил воздух через усы, но вдова Фоше ничего не заметила.

— Как это, должно быть, романтично и увлекательно! — снова затрещала она. — Все эти письма и пакеты с разных концов Галактики! С таких далеких и странных планет! Вы непременно должны как-нибудь просветить меня, рассказать, что такое собрание марок!

— Видите ли, мадам, — несколько раздраженно ответил Паккер, — я занимаюсь марками больше двадцати лет и едва только начинаю понимать, что такое филателия, так что едва ли возьмусь объяснять это кому-либо еще.

Она продолжала болтать.

«Черт бы ее побрал, — подумал Паккер. — Когда же она замолчит?»

Старая перечница! Он снова с шумом выпустил воздух через усы. Теперь она три дня будет носиться по всем соседям и рассказывать, как они «странно» встретились и какой он «странный» старикашка. Письма, мол, получает со всяких чужих планет, и бандероли, и посылки. И уж наверняка здесь дело не только в марках. Здесь, мол, что-то нечисто, можете не сомневаться даже...

У его двери вдова Фоше неохотно отдала письма и спросила:

— Вы уверены, что не передумали насчет бульона? Это не просто бульон. Я его готовлю по особому рецепту.

— К сожалению, я вынужден отказаться.

Паккер отпер замок и открыл дверь. Она все не уходила.

— Я бы с удовольствием пригласил вас зайти, — соврал он, вежливо улыбаясь, — но у меня немного не прибрано.

«Немного не прибрано» — это было, конечно, мягко сказано.

Оказавшись наконец за надежно запертой дверью, Паккер пробрался мимо бесконечных штабелей из клясеров, ящичков, коробок к столу и поставил посылку рядом. Первым делом он просмотрел письма; одно оказалось с Дахиба, другое — из системы Лиры, третье — с Муфрида, а четвертое — с Марса — просто рекламный проспект какого-то концерна.

Паккер откинулся на спинку громоздкого кресла и обвел комнату взглядом.

«Надо все-таки взяться как-нибудь и привести квартиру в порядок», — сказал он себе. Без сомнения, здесь полно барахла, которое можно просто выбросить, а все ценное надо рассортировать по коробкам и надписать, чтобы всегда можно было найти то, что нужно. Может быть, есть смысл даже составить генеральный каталог — тогда он, по крайней мере, будет знать, что у него уже есть, а чего нет и сколько все это стоит.

Хотя это, конечно, не самый главный вопрос.

Возможно, ему пора специализироваться. Большинство коллекционеров так и поступают. Галактика слишком велика, чтобы собрать все галактические марки. Даже два тысячелетия назад, когда коллекционерам приходилось беспокоиться только о земных марках, их печатали так много, что филателисты придумали специализацию.

Однако на чем-же все-таки специализироваться, если сознательно хочешь ограничить свои интересы? Может быть, на марках с одной какой-то планеты или звездной системы? Может, на планетах за пределами определенного радиуса, скажем в пятьсот светолет? Или на конвертах? Например, было бы очень интересно составить коллекцию конвертов с гашениями и почтовыми отметками, демонстрирующую различия и тонко-

сти почтового сообщения в глубине космоса, среди далеких звезд.

Но в том-то и дело, что тут все интересно. Можно потратить три жизни, но так и не добраться до конца.

Хотя за двадцать лет можно, если постараться, собрать огромное количество материала. А уж он-то старался! Он отдавал коллекционированию всего себя и наслаждался каждой минутой, проведенной с марками. В некоторых областях, не без гордости подумал Паккер, ему удалось стать своего рода экспертом. Время от времени он писал статьи для филателистических журналов, и едва ли не каждую неделю кто-нибудь из знаменитейших коллекционеров обращался к нему за помощью или просто заходил поболтать.

Марки, чего уж там говорить, способны доставить огромное наслаждение, признавал Паккер, словно извиняясь. Огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие.

Но само собирание материала — лишь часть коллекционирования, своего рода начальная стадия. Гораздо важнее были контакты. И без них просто не обойтись, особенно без контактов в дальних пределах Галактики. Если вы не хотите полагаться на жуликоватых дельцов в филателистических магазинах, которые предлагают лишь то, что легко достать, контакты просто необходимы. Контакты с другими коллекционерами, которые желают обмениваться марками, контакты с одинокими людьми на одиноких форпостах и на самом краю Галактики, где, скорее всего, и можно найти редкий, экзотический материал, с людьми, которые готовы отыскать его, сохранить и переслать вам за вполне приемлемую цену, или с каким-нибудь Богом забытыми организациями, что приторговывали наборами различных марок в попытках хоть немного пополнить свой скудный бюджет.

В системе Енотовой Шкуры, например, жил человек, которому в обмен на его марки нужны были лишь последние музыкальные записи с Земли. А один бесстрашный миссионер на пустынном Агустроне собирал пустые жестянки из-под табака и бутылки, которые по какой-то причине ценились на этой безумной планете очень высоко. Но среди многих других — землян и инопланетян — самым важным для Паккера корреспондентом всегда был ПутАльНаш.

Паккер перекатил размокший и почти уже лишенный вкуса листок на языке, с наслаждением всасывая последние капли божественного нектара.

Если бы кому-нибудь удалось раздобыть крупную партию этих листьев, подумалось ему, человек мог бы сказочно разбогатеть. Расфасовать их в маленькие пакетики наподобие жевательной резинки, и здесь, на Земле, листья будут разметать как горячие пирожки. Он как-то пытался поднять этот вопрос в переписке с ПутАльНашем, но только запутал беднягу унукийца, который почему-то просто не видел смысла в коммерческих операциях, выходивших за рамки личных потребностей самих участников обмена.

Позвонили в дверь, и Паккер пошел открывать.

Оказалось, это Тони Кампер.

— Привет, дядя Клайд, — беззаботно произнес он.

Паккер неохотно открыл дверь пошире.

— Ладно, заходи уж, раз пришел.

Тони шагнул через порог, сдвинул шляпу на затылок и окинул квартиру оценивающим взглядом.

— Честное слово, дядюшка, тебе нужно взять как-нибудь и выкинуть весь этот хлам. Просто не представляю, как ты тут живешь.

— Нормально живу, — осадил его Паккер. — Но может быть, я при случае разберу здесь немного.

— Хотелось бы верить.

— Мальчик мой, — горделиво произнес Паккер, — думаю, я без всякого преувеличения могу сказать, что у меня одна из лучших коллекций галактических марок на Земле. Когда-нибудь я помещу их все в альбомы...

— Этого никогда не произойдет, дядюшка. ты просто будешь складывать их в кучи, как и раньше. Твоя коллекция растет так быстро, что ты не успеваешь сортировать даже новые поступления.

Он пнул носком ботинка стоящую у стола коробку

— Вот, например? Опять новая посылка?

— Только что пришла, — признал Паккер. — И пока я не выяснял, откуда она.

— Отлично! — сказал Тони. — Что ж, развлекайся. Ты еще всех нас переживешь.

— И переживу! — запальчиво ответил Паккер. — Однако зачем ты все-таки пришел?

— Да ни за чем, дядюшка. Просто заскочил проведать и напомнить, что выходной ты обещал провести у

нас. Энн настояла, чтобы я непременно зашел и напомнил. Дети всю неделю дни считали...

— Я помню, — соврал Паккер, поскольку напрочь забыл о данном обещании.

— Я могу заехать за тобой. Скажем, в три пополудни?

— Нет, Тони. Спасибо. Не беспокойся. Я вызову стратотакси. В три будет очень рано, а у меня еще полно дел.

— Надо думать, — сказал Тони и двинулся к выходу, потом добавил с порога: — Не забудь!

— Разумеется, не забуду, — резко ответил Паккер.

— Энн обидится, если ты не приедешь. Она запланировала на вечер все твои любимые блюда.

Паккер проворчал что-то в ответ.

— Ужин в семь, — напомнил Тони жизнерадостно.

— Хорошо, Тони. Я приеду.

— Ладно, дядюшка, до вечера.

«Молокосос, — подумал Паккер. — Опять неизвестно что затеял, наверно. Всю жизнь проворачивает какие-то делишки, а толку никакого. Еле на жизнь хватает...»

Он вернулся к столу.

«Наверно думает, что получит в наследство мои деньги. Хоть там и не Бог весть сколько... Что же, пусть думает Я, пока не потрачу все до последнего цента, помирать не собираюсь».

Паккер сел за стол, взял один из конвертов, вскрыл его перочинным ножом и высыпал содержимое на маленький расчищенный в середине стола пяточок. Затем включил лампу, пододвинул плафон ближе и склонился над марками.

Очень даже неплохая подборка, оценил он сразу. Вот, например, марка с ро Близнецов-XII — или это XVI? — отличный образчик современной классики: сколько изящества, сколько фантазии, какая тонкая работа гравера и сколько здесь чувствуется любви и внимания, бумага высочайшего качества и превосходная печать.

Паккер принялся искать пинцет, но на столе его не оказалось. Он порылся в ящике, содержимое которого и без того напоминало разоренное крысиное гнездо, но тоже безрезультатно. Тогда он опустился на колени и поискал под столом.

Пинцета нигде не было.

Отдуваясь, он забрался обратно в кресло. Настроение было испорчено.

«Куда они вечно деваются? — подумал он сердито. — Наверно, уже двенадцатый пинцет... Черт бы их побрал, никогда не помню, куда в последний раз положил...»

В дверь снова позвонили.

— Войдите! — в сердцах крикнул Паккер.

Вошел небольшого роста человек, чем-то похожий на мышь, мягко прикрыл за собой дверь и остановился у порога, нервно теребя в руках шляпу.

— Прошу прощения... Мистер Паккер?

— Ну, разумеется, это я, — нетерпеливо произнес Паккер. — Кого еще вы ожидали тут увидеть?

— Э-э-э... сэр... — незнакомец сделал несколько шажков и остановился. — Меня зовут Джейсон Пикеринг. Возможно, вы обо мне слышали...

— Пикеринг? — Паккер на мгновение задумался. — Пикеринг? О, конечно же, я слышал о вас! Вы собираете систему Полярной звезды.

— Верно, — признал Пикеринг чуть жеманно. — Я весьма польщен, что вы...

— Напротив, — перебил его Паккер, поднимаясь и протягивая гостю руку. — Это большая честь для меня!

Он наклонился и скинул со стула два кляссера и три обувные коробки. Одна из них опрокинулась, и на пол посыпались марки.

— Прошу вас, садитесь, мистер Пикеринг, — галантно предложил Паккер.

Гость несколько ошарашенно присел на край стула.

— Боже, — произнес он, окидывая взглядом царивший в квартире беспорядок, — у вас тут огромное количество материала. Но вы, без сомнения, всегда можете отыскать то, что вам нужно...

— Чаще всего, нет, — ответил Паккер, опускаясь в кресло. — Я по большей части даже не знаю, что у меня есть.

Пикеринг хихикнул.

— Тогда, сэр, вас ждет в будущем множество замечательных сюрпризов.

— Едва ли. Я никогда ничему не удивляюсь, — заносчиво произнес Паккер.

— Однако к делу. Я бы не хотел отнимать у вас время попусту. Нет ли у вас случайно марки «Поларис-176» на

конверте? Это довольно редкий номер, даже сам по себе, и я ни разу не слышал, чтобы кому-то марка встречалась вместе с конвертом. Однако мне посоветовали обратиться к вам: возможно, у вас есть то, что я ищу...

— Подождите, дайте вспомнить. — Паккер откинулся на спинку кресла и мысленно перелистал страницы каталога. Есть: вспомнил! «Поларис-176» — маленькая марка, можно даже сказать, крошечная, ярко-голубая с алым пятнышком в нижнем левом углу, а по всему полю — плотный орнамент из тонких завитков.

— Да, — сказал он, открывая глаза. — Похоже, у меня есть такая марка. Помнится, много лет назад...

Пикеринг затаив дыхание наклонился вперед.

— Вы хотите сказать, что у вас действительно...

— Да, я уверен, она где-то здесь. — Паккер неуверенно обвел рукой сразу полкомнаты.

— Если вы найдете ее, я готов заплатить десять тысяч.

— Насколько я помню, это была полоска из пяти марок. Письмо шло с Полариса-VII на Бетельгейзе-XIII через... Нет, похоже, я уже не вспомню, через какую планету.

— Полоска из пяти марок!!!

— Насколько помню. Но может быть, я и ошибаюсь.

— Пятьдесят тысяч! — выкрикнул Пикеринг, чуть не пуская слюну. — Пятьдесят тысяч, если вы их отыщете!

Паккер зевнул.

— Всего за пятьдесят тысяч, мистер Пикеринг, я даже не стану искать.

— Сто!

— Я подумую.

— Но вы начнете розыски прямо сейчас? Должно быть, вы помните хотя бы приблизительно..

— Мистер Пикеринг, чтобы накопить эти груды материала, которые вы видите вокруг, мне потребовалось двадцать лет, и память у меня уже не та. Честно говоря, я понятия не имею, где они могут лежать.

— Назначайте вашу цену, — взмолился Пикеринг — Сколько вы хотите?

— Если я найду их, — сказал Паккер, — возможно, мы сойдемся на четверти миллиона. Но если найду

— Вы поищете?

— Посмотрим. Может быть, я рано или поздно наткнусь на них случайно. Надо будет как-нибудь привести все это в порядок. Если они мне попадутся, то я о вас не забуду.

Пикеринг резко встал.

— Вы надо мной смеетесь, — обиженно произнес он.

Паккер махнул рукой.

— Я никогда ни над кем не смеюсь.

Пикеринг двинулся к двери. Паккер поднялся с кресла.

— Позвольте, я вас провожу.

— Не стоит. И извините за беспокойство.

Паккер снова опустился в кресло, глядя, как гость закрывает за собой дверь.

Довольно долго он сидел, пытаясь вспомнить, где же у него лежит конверт из системы Полярной звезды, но в конце концов сдался: это было так давно.

Затем он снова принялся искать пинцет, но тоже безуспешно. Видимо, утром придется пойти и купить новый. Тут Паккер вспомнил, что утром его дома не будет, поскольку он обещал навестить семью Тони в их летнем коттедже на берегу Гудзонова залива.

Черт, и как только он умудряется терять столько пинцетов?

Паккер сидел, погрузившись в какое-то полудремотное-полузадумчивое состояние, размышляя о самых разных вещах. В основном о марках с клейким слоем и о том, как из многочисленных идей, возникших на Земле, именно эту жители Галактики подхватили быстрее всего и за две тысячи лет распространили до самых дальних пределов обитаемого пространства.

Становилось все труднее уследить за новинками; да и самих планет, что выпускали марки, становилось все больше. Марки множились с невероятной быстротой, и чтобы не отстать, не пропустить что-то, приходилось тратить огромные усилия.

А марок, в том числе и очень необычных, навывпускали множество. Взять хотя бы марки с Манкалинена, у которых номинал определялся запахом. Не пятицентовые, скажем, или пятидолларовые, или даже стодолларовые марки, а марки с запахом роз — для местной почты, марки с запахом сыра — для межпланетной корреспонденции внутри звездной системы, и еще один

вид для межзвездных пересылок — эти воняли так, что человеку за сорок шагов становилось дурно.

Или выпуски с Альгейба, отпечатанные цветами, которые человеческому глазу не дано видеть — хуже всего то, что номиналы на них были напечатаны этими же цветами. А взять ту знаменитую классическую серию, выпущенную — разумеется, нелегально — пиратами с Леониды; вместо бумаги они использовали обработанную кожу землян, попавших некогда в их лапы...

Паккер сидел, уронив подбородок на грудь и прислушиваясь к нарушающему тишину тиканью часов, безнадежно утерянных где-то в завалах коллекционного материала.

Марки дали ему новую жизнь, причем жизнь, которой он был вполне доволен. Двадцать лет назад, когда умерла Мира и он продал свою долю акций экспортной компании, ему казалось, что жизнь кончилась, что ничего хорошего у него уже не будет. Однако сейчас марки увлекали его даже больше, чем в свое время экспортный бизнес — и это просто благословение, да, именно благословение.

Продолжая сидеть, Паккер с теплой признательностью вспоминал свою коллекцию, спасшую его от пучины одиночества, вернувшую ему интерес к жизни и словно бы омоложившую его.

А затем он уснул.

Разбудил его звонок в дверь, и Паккер, протирая глаза, пошел открывать.

У порога стояла вдова Фоше с маленькой кастрюлькой в руках. Она протянула ее Паккеру и затараторила:

— Я все-таки подумала: наверно, бедняжке это понравится. Тут немного бульона, что я приготовила. У меня всегда получается больше, чем нужно. Для одной так неудобно готовить...

Паккер взял кастрюльку у нее из рук.

— Спасибо, очень мило с вашей стороны.

Вдова бросила на него пристальный взгляд.

— Вы больны! — заявила она и шагнула через порог, заставив Паккера попятиться.

— Я вовсе не болен, — попытался отбиться Паккер. — Я просто заснул в кресле, а так со мной все в порядке.

Она протянула пухлую руку и потрогала его лоб.

— Да у вас температура! Вы просто горите!

— Ничего у меня нет! — не выдержал Паккер. — Говорю же я вам: я просто уснул.

Вдова Фоше обогнула его и, пробравшись между стопками коробок, ворвалась в комнату. Паккер только успел подумать: «Боже, она таки проникла в квартиру! Как же ее теперь выдворить?»

— Ну-ка, идите сюда и садитесь, — приказала вдова. — Термометра, надо полагать, у вас нет?

Паккер, уже покоровшись судьбе, покачал головой.

— И не было. Я никогда не болел.

Вдова Фоше вдруг взвизгнула, подпрыгнула и неуклюжим галопом понеслась к выходу. На полпути она споткнулась о тяжелую картонную коробку и растянулась на полу, но торопливо вскочила и, что-то проверяя напоследок, вылетела на лестничную площадку.

Паккер захлопнул за ней дверь и в некотором недоумении уставился на кастрюльку: он по-прежнему держал ее в руках и за это время не пролил ни капли.

Однако что же так напугало вдову Фоше?

И тут он увидел: по полу бегала маленькая мышка.

Паккер приподнял кастрюльку, салютуя своей спасительнице и серьезным тоном произнес:

— Спасибо, дружок!

Мыши... Одно время ему казалось, что мыши здесь действительно есть — то сыр обгрызут на кухонной полке, то кто-то шуршит по ночам — и это его беспокоило: вдруг они устроили себе гнездо где-нибудь в завалах филателистического материала?.

Но нет худа без добра, подумалось Паккеру.

Он взглянул на часы; оказалось, уже пять вечера. Каким-то образом он забылся и пропустил ленч, а до отъезда оставалось совсем немного. «Что же, похлебаю бульона, — решил он, — и заодно просмотрю содержимое пакета...»

Паккер взял со стола несколько полных коробок и переставил их на пол: места стало побольше — как раз чтобы разложить новые поступления.

Он пошел на кухню, отыскал ложку и, попробовав бульон, счел, что готовить вдова Фоше действительно

умеет. Кастрюлька была еще теплая, и для полировки на столе это, конечно, плохо, но Бог с ней, с полировкой: еще об этом не хватало беспокоиться.

Паккер подтащил пакет к столу и прежде всего расшифровал загадочный обратный адрес. Эту новую знаковую систему начали несколько лет назад использовать в созвездии Волопаса, а посылка пришла от одного из его загадочных корреспондентов из созвездия Лебедя. Время от времени Паккер посылал ему в обмен ящик лучшего шотландского виски.

Прикинув, сколько весит посылка, он решил, что на этот раз нужно будет отправить, по крайней мере, два.

Вскрыв пакет, Паккер взял его за низ, перевернул, и на стол хлынул поток конвертов. Он отшвырнул пустой пакет в угол и в самом приятном расположении духа уселся в кресло, затем, прихлебывая бульон, принялся неторопливо разбирать свои новые сокровища. Даже на первый взгляд это была великолепная подборка. Отправитель взял на себя труд систематизировать конверты по месту выпуска и рассортировать их в маленькие стопки, перетянутые резинками.

Стопка конвертов с Расальхейга, еще одна с Челеба, с Нунки, с Каус-Бореалис и множество других из различных далеких миров.

Одну из них Паккер даже не распознал. В стопке оказалось двадцать пять или тридцать конвертов, но на всех была одна и та же марка — маленький желтый квадратик без единой надписи, довольно толстый и шершавый на ощупь. Он провел по ней пальцем, и ему показалось, что марка крошится, стирается, словно поверхность ее покрывал толченый мел.

Несколько озадаченный, Паккер вытащил один конверт из-под резинки и бросил стопку на стол. Порывшись в ящике, он отыскал увеличительное стекло и склонился над маркой. Да, действительно, никаких надписей или пометок — просто маленький желтый квадратик — толстый, с зернистой поверхностью, словно на бумаге были наклеены песчинки.

Он выпрямился, проглотил еще ложку бульона, затем долго пытался сообразить, что это могут быть за марки. Увы, хранящийся в памяти каталог ничего не подсказывал. Похоже, он такую марку никогда еще не видел и даже не слышал о ней.

Часть почтовых штемпелей он узнал сразу, другие оказались совершенно незнакомыми. Впрочем, это не важно: позже можно будет отыскать их в справочниках. Однако у Паккера и без того складывалось впечатление, что планеты или звездная система, откуда отправили конверты, лежали где-то в направлении созвездия Весов. На это указывали те штемпели, которые ему удалось распознать.

Отложив увеличительное стекло в сторону, он вновь принялся за бульон. Главное, напоминал себе Паккер, поднося ко рту очередную ложку, не замочить усы; даже если человек не носит усы, есть все равно нужно аккуратно...

Но тут рука как назло дрогнула: немного бульона пролилось на бороду, немного капнуло на стол, и почти полная ложка выплеснулась на конверт с желтой маркой.

Паккер выхватил из кармана платок и попытался стереть расплзающееся жирное пятно, но было уже поздно. Конверт промок почти мгновенно, марка потемнела от влаги, и он в сердцах выругался, проклиная собственную неуклюжесть.

Затем взял мокрый конверт за уголок, отыскал мусорную корзину и разжал пальцы.

После выходных, проведенных с семьей Тони на берегу Гудзонова залива, Паккеру не терпелось вернуться домой.

«Тони совсем рехнулся, — подумал он. — Надо же всадить столько денег в роскошный загородный дом! Шансов разбогатеть у него, считай, никаких, все его грандиозные планы рушатся один за другим, однако он по-прежнему строит из себя большого дельца и цепляется за эту дорогую виллу. Впрочем, может быть, так сейчас и надо; если удастся одурачить кого-нибудь, заставить поверить, что ты чего-то стоишь, тогда у тебя может появиться реальный шанс влезть в большое дело. Может быть, так и надо, кто его знает...»

Паккер остановился в холле забрать почту, надеясь, что бандероль от ПугАльНаша уже прибыла. Со всей этой суетой он забыл прихватить коробочку с листьями, и за три дня успел понять, насколько сильно к ней

привык. Каждый раз, когда он вспоминал, как мало у него осталось листьев, Паккера охватывало беспокойство: а вдруг ПугАльНаш забудет о нем?

За три дня накопилось множество писем, но от ПугАльНаша ничего не было.

Впрочем, этого следовало ожидать, напомнил себе Паккер: новые бандероли ни разу не приходили, пока листья не кончались совсем. Поначалу он нередко задумывался, что за пророческий дар позволяет его другу точно угадывать, когда у него кончается запас, и как тот рассчитывает время отправки, чтобы бандероли приходили именно в тот день, когда в них возникнет необходимость. Теперь он об этом не думал: все равно бесполезно, чудо оно и есть чудо.

— С возвращением! — радостно приветствовал его дежурный клерк. — Как отдохнули, мистер Паккер?

— Сносно, — проворчал он и направился к лифту.

Однако на полпути его перехватил управляющий Элмер Ланг.

— Мистер Паккер, — заверещал он, — мне непременно нужно с вами поговорить.

— Ну так говорите.

— Это насчет мышей, мистер Паккер.

— Каких еще мышей?

— Миссис Фоше сказала мне, что у вас в квартире мыши.

Паккер расправил плечи и выпрямился, чтобы казаться выше, хотя при его сложении это было непросто.

— Это ваши мыши, Ланг. Вы ими и занимайтесь.

— Но как же я могу, мистер Паккер? — произнес Ланг, заламывая руки. — Ваша квартира... Там столько всякого хлама... надо бы все это разобрать.

— Должен вам заметить, сэр, что этот хлам является одной из самых полных коллекций марок во всей Галактике. Я действительно несколько запустил разборку новых поступлений, но я никому не позволю называть свою коллекцию хламом.

— Но может быть, я попрошу Майлса, уборщика, помочь вам разобраться с коллекцией?

— Помочь мне мог бы только человек, имеющий определенный опыт работы с филателистическим материалом, — строго сказал Паккер. — Ваш уборщик, надо полагать, такого опыта не...

— Но, мистер Паккер, — взмолился Ланг, — все эти горы бумаги и коробки — идеальное место для мышей. Я не смогу вывести мышей, если не вычистите свои завалы.

— Вычистить?! — взорвался Паккер. — Да вы хоть понимаете, о чем говорите? Где-то в огромной массе материала есть, например, конверт — для вас это просто конверт с марками и штемпелями, — за который мне несколько дней назад предлагали четверть миллиона долларов — если только я его отыщу. И это лишь малая толика от всего накопленного. Вы что, Ланг, все это предлагаете мне «вычистить»?

— Но, мистер Паккер, так больше продолжаться не может. Я вынужден настаивать...

Тут прибыл лифт, и Паккер с видом оскорбленного достоинства шагнул в кабину, оставив управляющего с его проблемами в холле.

— Сует свой нос, куда не просят... — пробормотал он, отдуваясь сквозь усы.

— Что вы говорите, сэр? — спросил лифтер.

— Миссис Фоше. Сует свой нос, куда ее не просят

— Возможно, вы правы, сэр, — рассудительно ответил лифтер.

Паккер надеялся, что в коридоре никого не будет, и на этот раз ему повезло. Он отпер дверь, шагнул вперед...

И замер, услышав странный булькающий звук.

Какое-то время он стоял неподвижно, прислушиваясь — с недоверием и чуть-чуть испуганно.

В комнате по-прежнему булькало.

Паккер опасливо прошел дальше и сразу же увидел, в чем дело.

Мусорная корзина у стола была до краев заполнена какой-то булькающей желтой массой. В нескольких местах масса даже сползла по стенке корзины и растеклась лужицами по полу.

Готовый в случае чего повернуться и броситься наутек, Паккер медленно подошел ближе, но ничего не произошло. Желтая масса в корзине продолжала булькать, и только.

Это была густая, похоже, клейкая масса без пены, и хотя она булькала, ни пузырьков, ни бурления не было заметно.

Паккер подошел совсем близко и протянул к корзине руку. Никто его не схватил, да и вообще, масса никак не отреагировала.

Он ткнул ее пальцем: на ощупь поверхность оказалась довольно плотной, чуть теплой, и у него вдруг возникла мысль, что это нечто живое.

Паккер тут же подумал о вымоченном бульоном конверте, который бросил перед отъездом в мусорную корзину. Он даже не удивился своей догадке: масса в корзине была такого же цвета, что и марка на конверте.

Обогнув стол, он положил туда почту и тяжело опустился в кресло.

«Выходит, марка ожила, — подумал Паккер, — и это очень странно...» Впрочем, чего уж там. На самом деле она не страннее некоторых марок, что ему доводилось видеть раньше. Хотя Земля и передала Галактике идею их использования, многие развили ее гораздо дальше — порой с очень необычными результатами.

«А мне теперь, — подумал он вяло, — придется выносить эту дрянь в корзине. Не хватало еще, чтобы Ланг увидел...»

Его немного беспокоило то, что Ланг требовал привести квартиру в порядок, и в какой-то степени задевало: он заплатил за нее немалые деньги, причем заплатил вперед, и никогда никому не мешал. А кроме того, он живет здесь уже двадцать лет, и с этим Лангу тоже придется считаться.

Потом он наконец встал, обошел стол сбоку и наклонился. Осторожно, чтобы не вляпаться, где желтая масса перетекла через край, взялся за корзину и попытался ее поднять. Не тут-то было. Он тянул изо всех сил, но корзина оставалась на месте. Паккер выпрямился и двинул ее ногой — она даже не шелохнулась.

Он шагнул назад и уставился на корзину, сердито отдуваясь сквозь усы. Как будто ему и без того забот мало! Надо разбирать все эти завалы и избавляться от мышей. Надо искать конверт из системы Полярной звезды. Кроме того, куда-то подевался пинцет, и придется идти покупать новый, а значит, опять тратить время.

Но прежде всего нужно будет убрать отсюда корзину. Очевидно, она просто прилипла: эта желтая дрянь затекла под дно и засохла. Нужно будет взять ломик или еще что-нибудь длинное, поддеть и отодрать от пола.

Желтая масса в корзине по-прежнему весело булькала.

Паккер вновь надел шляпу, вышел на лестницу и запер за собой дверь.

Стоял чудный летний день, и он решил немного прогуляться, а заодно подумать о своих бесчисленных проблемах. Однако о чем бы Паккер ни думал, мысли его возвращались к корзине с ползущим через край желтым киселем, и он понимал, что не сможет заниматься ничем другим, пока от нее не избавится.

Отыскав магазин, где продавали скобяные изделия, Паккер купил средних размеров ломик и направился к дому. Возможно, он поцарапает немного пол, но зато уж точно отдерет приклеившуюся корзину.

В холле первого этажа на него снова напустился Ланг.

— Мистер Паккер, — спросил он строго, — куда это вы направляетесь с таким ломом?

— Я его купил специально, чтобы вывести мышей.

— Но, мистер Паккер...

— Вы ведь хотите, чтобы я от них избавился?

— Да, разумеется.

— Ситуация складывается критическая, и от меня могут потребоваться решительные действия, — сурово произнес Паккер.

— Но... лом!

— Не беспокойтесь, я буду осторожен и не стану бить слишком сильно, — пообещал Паккер.

Он поднялся на лифте к себе. Написанная на лице Ланга растерянность немного улучшила ему настроение, и, двигаясь по коридору, Паккер даже насвистывал какую-то мелодию.

Однако, ковыряясь ключом в замке, он услышал за дверью шорох и почувствовал, как по спине у него пробежал холодок: шорох казался таинственным и злобным.

«Боже, — подумал он, — там не может быть столько мышей».

Сжав ломик крепче, Паккер отпер замок и распахнул дверь.

В квартире бушевал бумажный шторм.

Паккер быстро шагнул через порог и захлопнул за собой дверь, чтобы ни одна бумажка не улетела на лестницу.

«Должно быть, оставил окно открытым», — мелькнула мысль. Но нет, не оставлял. Да и на улице — ни ветерка.

А тут... тут не то что ветерок — самый настоящий шторм.

Паккер стоял, прислонившись спиной к двери, и испуганно наблюдал за происходящим в квартире, затем перехватил ломик понадежнее.

Ливень конвертов, шквал пакетов, снегопад танцующих в воздухе марок... На полу тут и там стояли раскрытые коробки, куда, укладываясь аккуратно рядами, сыпались пакеты, марки и конверты, а вдоль стены стояли ровными штабелями другие коробки, что само по себе уже вызывало беспокойство: меньше двух часов назад, когда он уходил, в квартире не было абсолютно ничего ровного и аккуратного.

Однако прямо на глазах шторм стихал. В воздухе кружилось уже меньше бумаг, коробки закрывались, словно невидимой рукой, и, взлетая сами по себе, укладывались вместе с другими у стены.

«Полтергейст!» — в ужасе подумал Паккер, лихорадочно припоминая, что он читал или слышал об этом явлении, и пытаясь отыскать хоть какое-то объяснение. Но тут все закончилось.

По воздуху уже ничего не летало. Коробки стояли ровными штабелями у стены. Все замерло.

Паккер шагнул в комнату и ошарашенно обвел взглядом свое жилище.

Письменный и обеденный стол сияли полировкой. На окнах висели желтые ровные шторы. Ковер выглядел как новый. Кресла, журнальные столики, лампы и множество других вещей, давно похороненных под горами филателистического материала и забытых, вновь стояли на своих местах — вычищенные и отполированные до блеска.

А центре всего этого упорядоченного благообразия весело булькала мусорная корзина.

Паккер выронил ломик и двинулся к столу.

Окно перед ним распахнулось. Ломик просвистел у него над головой, вылетел на улицу и с треском продрался сквозь крону ближайшего дерева, затем окно захлопнулось, и Паккер потерял ломик из виду.

Он снял шляпу и швырнул ее на стол.

Шляпа немедленно поднялась в воздух и поплыла к шкафу в прихожей. Дверцы шкафа распахнулись, шляпа скользнула внутрь, и дверцы мягко закрылись.

Паккер в задумчивости надул щеки и выпустил воздух сквозь усы. Затем достал платок и промокнул лоб.

— Странные творятся дела, — пробормотал он себе под нос.

Медленно, настороженно Паккер принялся осматривать квартиру. Все коробки стояли вдоль одной из стен — от пола до потолка по три в ряд. У противоположной стены стояли три картотечных шкафа, и Паккер удивленно потер глаза: за долгие годы он успел про один забыть и думал, что у него их только два. А вся квартира была аккуратно прибрана, вычищена и только что не светилась.

Паккер переходил из комнаты в комнату — везде царил полный порядок.

Сковородки и кастрюли на кухне стояли на своих местах, в буфете высились аккуратные стопки тарелок. Плита и холодильник сияли чистотой, и даже в раковине не оказалось ни одной грязной тарелки, а Паккер не сомневался, что они должны быть. Кастрюлька миссис Фоше, уже без бульона и оттертая до блеска, стояла на кухонном столе.

Паккер вернулся к письменному столу и там, словно кто-то выложил все это для обозрения, обнаружил:

Десять мертвых мышей.

Восемь филателистических пинцетов.

Стопку конвертов со странными желтыми марками.

Два — не один, а сразу два — конверта с марками «Поларис-176», на одном четыре марки, на другом — пять.

Паккер устало опустился в кресло и снова взглянул на стол.

Как же это могло случиться, черт побери? И что вообще происходит?

Он наклонился и посмотрел на корзину, стоявшую сбоку от стола. Ему даже показалось, что она булькала специально для него. Видимо, все дело в ней, решил Паккер, иначе просто и быть не может. Ничего другого в квартире не появилось, ничего нового — только эта мусорная корзина с желтой кашей.

Он взял со стола стопку конвертов с желтыми марками и открыл ящик стола, чтобы найти увеличительное

стекло. В ящике тоже был полный порядок, а увеличительных стекол оказалось сразу пять штук. Паккер выбрал самое сильное.

При таком увеличении поверхность марки превратилась в равнину с ровно уложенными вплотную друг к другу маленькими шариками — вовсе не песчинки, как ему показалось раньше. Склонившись над увеличительным стеклом, Паккер вдруг понял, что это споры.

Крохотные безжизненные оболочки, способные тем не менее возродить жизнь — что в данном случае и произошло. Он пролил на марку бульон, споры ожили, и возникла эта странная колония микроорганизмов в корзине.

Паккер положил увеличительное стекло на место и встал, собралдохлых мышей за хвостики, отнес к люку мусоросжигателя и выбросил.

Затем прошел к книжному шкафу: книги тоже были расставлены по тематике; нашлись даже те, что он давным-давно потерял и не мог отыскать долгие годы. Длинные ряды каталогов марок, подборка справочников по галактическим гашениям, огромный том по разновидностям почтовых отметок, путеводители по Галактике, целая полка словарей экзотических языков — книги, совершенно необходимые для распознавания марок — и множество изданий, посвященных тонкостям филателии.

От книжного шкафа он перешел к сложенным у стены коробкам. Взял одну из них и поставил на пол. Коробка оказалась заполненной конвертами и прозрачными пакетами с отдельными марками, блоками, марками в листах и полосах. С растущим чувством радостного удивления Паккер продолжал перебирать содержимое коробки.

Все марки и конверты в ней оказались из системы Тубана. Он закрыл коробку и собрался поставить ее на место, однако, не дожидаясь его, коробка сама поднялась над полом и установилась туда, откуда он ее взял.

Паккер проверил еще три, что стояли рядом. В одной коробке хранился материал с Корефороса, в другой — из системы Антареса, а в третьей — с Джуббы. Споры не только привели в порядок квартиру, но и рассортировали всю его коллекцию!

Он вернулся на дрожащих ногах к креслу и сел. Просто невероятно! Слишком невероятно!

Споры впитали бульон и ожили. И теперь у него в мусорной корзине поселилась неземная форма жизни — или колония различных форм жизни — короче, существа с явным пристрастием к порядку, неудержимым стремлением работать и умением направить свое стремление в нужное русло.

Но самое главное — эта чертовщина в корзине делала именно то, что человеку нужно.

Корзина навела порядок в квартире, рассортировала марки и конверты, извела мышей и отыскивала конверты из системы Полярной звезды вместе со всеми потерявшимися пинцетами.

Откуда эти существа узнали, что ему нужно? Может быть, они читают мысли?

От этой догадки по спине у него пробежали мурашки, но до его возвращения корзина и в самом деле ничего не делала, лишь весело побулькивала. Возможно, она не знала, что делать, а затем он вернулся и каким-то образом ей передались его мысли. Да, пожалуй, так: едва он вернулся, корзина узнала, какую работу надо выполнять, и сделала ее.

Зазвенел звонок в прихожей, и Паккер пошел открывать. Оказалось, это Тони.

— Привет, дядюшка, — сказал он. — Ты забыл свою пижаму, и я решил забежать вернуть. Ты оставил ее на кровати.

Он протянул Паккеру небольшой сверток и только тут заметил, что произошло в квартире.

— Боже, дядюшка! Что случилось? Ты никак навел здесь порядок?

Паккер в смущении покачал головой.

— Да нет, Тони. Тут произошло нечто необъяснимое..

Племянник прошел в гостиную и остановился, восхищенно и несколько ошарашенно оглядывая комнату

— Ты славно потрудился, дядюшка.

— Я палец о палец не ударил.

— А! Понятно. Нанял кого-то, чтобы здесь убрали, пока ты гостил у нас.

— Нет, что ты. Все случилось сегодня утром. И всю работу сделала вот эта штуковина. — Паккер указал на корзину.

— Да ты, видимо, рехнулся, дядюшка, — без тени сомнения заявил Тони. — Совсем крыша поехала.

Тони настороженно обошел вокруг корзины, затем протянул руку и ткнул пальцем в желтую булькающую массу.

— Похоже на тесто, — сообщил он, выпрямился и посмотрел Паккеру в глаза: — А ты меня не разыгрываешь?

— Я понятия не имею, что это такое, — ответил Паккер, — и не знаю, как и зачем оно навело у меня порядок, но клянусь, все это — чистая правда.

— А знаешь, дядюшка, — задумчиво сказал Тони, — тут, кажется, что-то есть...

— Не сомневаюсь.

— Нет, я серьезно. Не исключено, что это величайшее открытие за всю историю человечества... Так значит, ты говоришь, эта чертовщина делает то, что тебе нужно?

— В общем, да, — сказал Паккер. — Только я не понимаю — как. У нее определенно есть ощущение порядка, и она делает ту работу, которую тебе нужно. Она словно понимает тебя — даже предвидит твои желания. Может быть, на самом деле это мозг с огромным пси-потенциалом. Видишь ли, я тут перед отъездом разглядывал один конверт с желтой маркой...

И он рассказал ему все, что с ним произошло.

Тони задумчиво слушал, теребя себя за подбородок.

— Так, ладно, дядюшка, — произнес он наконец, — все ясно. Мы не знаем, что это такое и как оно действует, но давай пораскинем мозгами. Представь себе ведерко этой вот чертовщины в какой-нибудь конторе — в большой, серьезной конторе. Они смогут добиться такой эффективности, какая им и не снилась. Эта штуковина будет сортировать и хранить бумаги, регистрировать документацию и вообще поддерживать полный порядок в делах. У них никогда ничего не потеряется! Все будет лежать на своих местах, а найти нужный документ можно будет в считанные секунды. Скажем, босс или еще кто хочет посмотреть какое-нибудь досье: хлоп! — и оно уже на столе. Да с такой штуковиной можно вообще уволить всех клерков! Или, например, библиотека: она может работать даже без библиотекарей, и еще как! Но больше всего пользы эта чертовщина принесет в крупных конторах — в страховых фирмах, в промышленных корпорациях или транспортных компаниях. Тут ей просто цены нет.

Паккер немного растерянно покачал головой.

— Может быть, Тони, может быть, но кто тебе поверит? Кто обратит внимание? Это слишком фантастичный план. Ты просто станешь посмешищем.

— Ну, это все ты оставь мне, — сказал Тони. — Я знаю, что надо делать, и тебе без меня не обойтись.

— Ага! Значит, мы уже деловые партнеры.

— У меня есть друг... — Послушать его, так у Тони везде друзья. — Он разрешит мне провести проверку. Мы поставим ведро с этой штуковиной у него в конторе и посмотрим, что получится. Он огляделся, уже готовый действовать. — У тебя есть ведро?

— На кухне должно быть.

— А мясной бульон? Ты ведь облил марку мясным бульоном?

Паккер кивнул.

— Кажется, есть банка консервированного.

Тони почесал в голове.

— Значит, так, дядюшка: прежде всего нам нужен стабильный источник поставок.

— У меня осталось еще несколько таких конвертов. Все — с марками. Мы можем использовать один из них.

Тони нетерпеливо отмахнулся.

— Нет, так не пойдет. Эти конверты — наш резервный фонд. Их нужно спрятать куда-нибудь в сейф — на крайний случай. Но сдается мне, мы сможем вырастить не одно ведро этой штуковины из того, что у нас уже есть. Отчерпнем немного, подкормим бульоном и..

— Но откуда ты знаешь?..

— А тебе не кажется странным, дядюшка, что спор на марке и бульона, который ты пролил, оказался ровно столько, чтобы заполнить желтой массой одну мусорную корзину до краев?

— Да, в общем-то, но...

— По-моему, эта чертовщина разумна. Или, во всяком случае, она знает, что делает. Так сказать, сама себе устанавливает правила. Ты ей дал корзину, и она живет в ней, никуда не выползает. Разрослась как раз до краев и немного вытекла, но лишь для того, чтобы приклеить корзину к полу. И все. Она не прет через край, не заполняет комнату — короче, знает свое место.

— Может быть, ты и прав, но это не объясняет.

— Подожди секунду, дядюшка. Вот смотри.

Тони сунул руку в корзину и вырвал кусок желтой массы.

— Теперь следи за корзиной.

Прямо у них на глазах споры расплзлись и заполнили пустое пространство. Спустя несколько минут корзина снова была полна до краев.

— Видишь, что я имею в виду? — сказал Тони. — Дашь ей больше места — она вырастет. Нужно только кормить. А уже место мы ей дадим — много-много ведер — и пусть растет сколько душе угодно...

— Черт, дашь ты мне сказать, наконец?! Я тебя хочу спросить, что мы будем делать, чтобы она не приклеивалась к полу? Ну, разведем мы еще ведро этой чертовщины или несколько ведер, а они возьмут и приклеятся тут к полу, как первое.

— Очень хорошо, что ты об этом подумал. Но я знаю, что надо делать — мы просто подвесим ведро за ручку. Подвесим, и ей не к чему будет приклеиваться.

— Хм-м... Ладно. Похоже, мы все предусмотрели. Пойду разогрею бульон.

Они разогрели бульон, нашли ведро и подвесили его на рукоятку швабры, уложенной на спинки двух стульев. Затем бросили туда кусок желтой массы, **вырванной** из мусорной корзины, и приготовились наблюдать. Однако масса лежала куском и, похоже, совсем не собиралась расти.

— Выходит, я был прав, — заявил Тони. — Чтобы она начала расти, ей нужно немного бульона.

Он плеснул в ведро бульон, но спустя несколько секунд масса растаяла, расплзлась и превратилась в тягучую черную жижу.

— Что-то здесь не так, — обеспокоенно сказал Тони.

— Да уж, — согласился Паккер.

— Знаешь, у меня есть идея, дядюшка. Очевидно, ты в первый раз облил марку другим бульоном. У разных фирм, что производят консервы, наверняка и разная рецептура. Дело, скорее всего, не в самом бульоне, а каком-то ингредиенте, который побуждает споры к росту. Похоже, у нас не тот бульон.

Паккер смущенно шаркнул ногой.

— Тони, я не помню, какой был бульон.

— Но ты должен вспомнить! — закричал Тони. — Думай! Ты должен вспомнить, что это была за фирма!

С несчастным видом Паккер шумно выдохнул через усы и признался:

— По правде говоря, Тони, я его не покупал. Этот бульон приготовила миссис Фоше.

— Вот, уже кое-что! Кто такая миссис Фоше?

— Любопытная старуха, что живет на этой же лестничной площадке.

— Отлично! Тебе надо лишь попросить, чтобы она приготовила еще немного.

— Я не могу, Тони.

— Но нам нужна всего одна порция. Мы отдадим бульон на анализ, чтобы узнать состав, и дело сделано!

— Она захочет узнать, зачем мне бульон. И всем расскажет, как я ее попросил. Возможно, она даже догадается, что здесь дело нечисто.

— Вот этого допустить нельзя, — озабоченно произнес Тони. — Все должно остаться между нами. Зачем нам делиться с кем-то еще?

Он сел и задумался.

— А кроме того, она, наверно, на меня злится, — добавил Паккер. — Перед моим отъездом она таки пробралась в квартиру и до смерти перепугалась, когда увидела мышь. После чего понеслась к управляющему жаловаться.

Тони щелкнул пальцами.

— Придумал! — воскликнул он. — Я знаю, как мы это обтяпаем. Ты иди и ложись в постель, а...

— Еще чего! — проворчал Паккер.

— Послушай, дядюшка, другого выхода нет. Тебе придется мне подыграть.

— Что-то мне это не нравится. Совсем не нравится.

— Иди ложись в постель и притворяйся больным. Сделай вид, что тебе плохо. А я отправлюсь к этой миссис Фоше и распишу ей, как ты переживаешь из-за того, что ее напугала мышь. Скажу, что ты, мол, весь день вкалывал и приводил квартиру в порядок, только чтобы это не повторилось. Скажу, ты так, мол, работал, что...

— Ни в коем случае, — взвизгнул Паккер. — Она же сюда пулей прилетит! Очень мне это нужно!

— А парочку миллиардов тебе не нужно, а? — сердито спросил Тони.

— Да не особенно, — ответил Паккер. — Душа как-то не лежит.

— Ладно, я скажу ей, что ты совсем не встаешь — сердце, мол, слабое — но ты очень просил приготовить тебе еще такого же бульона.

— Я запрещаю тебе говорить это! — не выдержал Паккер. — Не смей ее приплетать!

— Но, дядюшка, — попытался уговорить его Тони, — если ты не хочешь сделать это ради себя, подумай обо мне. Я у тебя один родственник на всем свете остался. И это первый случай, когда мне выпала возможность действительно разбогатеть. Может быть, я много хвастаюсь и делаю вид, что процветаю, но на самом деле... — Он понял, что это не довод и сменил тактику: — Ну хорошо, если не ради меня, то сделай это хотя бы ради Энн, ради ребятишек. Тебе же не хочется, чтобы маленьким бедняжкам пришлось...

— Ладно, заткнись, а то ты еще расплачешься сейчас, — сказал Паккер. — Черт с тобой, я согласен.

Вышло еще хуже, чем он предполагал. Знал бы он заранее, что так получится, — в жизни бы не согласился на такую авантюру.

Вдова Фоше сама принесла кастрюльку с бульоном. Затем села на край кровати, приподняла ему голову и, сусюкая, принялась кормить его с ложки.

Он чуть не провалился от стыда.

Но то, что им было нужно, они все-таки получили.

Когда вдова Фоше решила, что ему уже достаточно, в кастрюльке осталось еще примерно столько же, и она оставила бульон им. «Бедняжке он еще пригодится», — сказала она.

Время приближалось к трем, и с минуты на минуту должна была явиться вдова Фоше с бульоном.

При мысли о бульоне у Паккера сдавило горло.

«В один прекрасный день, — пообещал он себе, — я разобью Тони башку». Если бы не этот проныра, ничего бы и не началось.

Прошло уже полгода, и каждый божий день она приносила свой бульон, садилась рядом и начинала без умолку трещать, а он тем временем должен был через силу вливать в себя целую тарелку. И хуже всего то, что приходилось делать вид, будто бульон ему нравится.

А она-то как радовалась! Боже, ну откуда в ней столько веселости и энергии? *Toujours gai* *, припомнилось ему французское выражение. Как тот ненормальный кот, которого древний писатель описал в своих глупых стихах **.

«И надо же до этого додуматься! Чеснок в говяжьем бульоне! Ну кто о таком слышал?» — беспомощно сокрушался Паккер. Ведь это просто... варварство! Особый рецепт, называется... Однако именно чеснок подействовал на споры, именно эта питательная среда пробудила их к жизни и заставила расти.

А возможно, чеснок в бульоне пошел на пользу и ему самому, признавал Паккер. Уже долгие годы он не чувствовал себя так славно. В походе появилась упругость, да и уставать он стал гораздо меньше. Раньше его всегда клонило после полудня в сон, и он ложился вздремнуть, а теперь об этом и не вспоминал. Работал как обычно, нет, даже больше обычного и — если не принимать в расчет вдову с бульоном — считал себя очень счастливым человеком. Да, именно так — очень счастливым.

И если Тони не станет отрывать его от марок, ему этого счастья надолго хватит. Тони молодой, шустрый, вот пусть и тащит на себе корпорацию «Эффективность». В конце концов, он сам на этом настаивал. Хотя, надо признать, дела у него идут отлично: множество промышленных предприятий, страховых компаний, банковских контор и прочих организаций уже сделали заказы. Пройдет какое-то время, утверждал Тони, и ни одному деловому человеку даже в голову не придет, что можно обойтись без услуг корпорации «Эффективность».

Прозвенел звонок, и Паккер пошел открывать. Наверняка вдова Фоше со своей кастрюлькой.

Оказалось, нет.

— Мистер Клайд Паккер? — спросил человек, стоявший на лестничной площадке.

— Да, сэр, — ответил Паккер. — Проходите, пожалуйста.

* *Toujours gai* (фр.) — всегда веселый. (Примеч. пер.)

** Имеется в виду книга детского писателя Доктора Сьюса «Кот в шляпе». (Примеч. пер.)

— Меня зовут Джон Гриффин, — сказал гость, сев в предложенное кресло. — Я представляю Женеву.

Женеву? Вы имеете в виду правительство?

Гриффин предъявил свои документы.

— Хорошо. Чем могу быть полезен? — спросил Паккер несколько прохладным тоном, поскольку большой любви к правительству не испытывал.

— Насколько я понимаю, вы являетесь старшим партнером в корпорации «Эффективность», верно?

— Кажется, так оно и есть.

— Вы не уверены?!

— Не на все сто. Я, безусловно, партнер, а вот старший или еще как, утверждать не стану. Всеми делами заправляет Тони, и я в них не вмешиваюсь.

— Вы и ваш племянник — единственные владельцы фирмы?

— Вот это абсолютно точно. Мы никого не хотим брать в долю.

— Мистер Паккер, в течение определенного времени правительственные службы вели переговоры с мистером Кампером... Он ничего вам об этом не рассказывал?

— Ни слова. Я занят своими марками, и он старается меня не беспокоить.

— Мы заинтересованы в ваших услугах, — сказал Гриффин, — и пытались их купить.

— Пожалуйста. Платите деньги и...

— Но вы не знаете сути проблемы. Мистер Кампер настаивает на отдельных контрактах для каждого подразделения правительственных служб. Получается чудовищная сумма...

— Оно того стоит, — заверил гостя Паккер. — Можете не сомневаться.

— Но это несправедливо, — твердо сказал Гриффин. — Мы готовы заключить соглашения по каждому департаменту, хотя и это — уступка с нашей стороны, поскольку правительство положено бы рассматривать как одного заказчика.

— Послушайте, — не выдержал Паккер. — Зачем вы со мной об этом говорите? Я не занимаюсь делами корпорации. Этими вопросами ведает Тони. Вам придется вести переговоры с ним. Я лично в мальчишку верю: у него голова варит. А меня «Эффективность» мало интересует — только марки.

— Вот именно, — обрадованно произнес Гриффин. — Я об этом и хотел поговорить.

— В смысле?

— Дело в том, — Гриффин перешел на доверительную интонацию, — что наше правительство получает ежедневно вместе с почтой множество марок. Не помню точную цифру, но это несколько тонн филателистического материала в день со всех планет Галактики. В прошлом мы реализовывали их через несколько филателистических компаний, но теперь администрация склоняется к тому, чтобы предложить весь филателистический материал оптом — и весьма недорого — в качестве условия заключения сделки.

— Отлично. Но что я буду делать с марками, если они будут поступать по несколько тонн в день?

— Не знаю. Но ведь вы так интересуетесь марками, а это великолепная возможность первому покопаться в превосходном материале. Думаю, что вам вряд ли кто предложит такой богатый источник.

— И вы хотите уступить все это мне, если я уговорю Тони пойти вам на уступки?

Гриффин расплылся в счастливой улыбке.

— Вы прекрасно меня понимаете.

Паккер хмыкнул.

— Понимаете?! Да я вас насквозь вижу!

— О, я бы не хотел чтобы у вас создалось неверное представление о правительстве. Это деловое предложение, чисто деловое.

— Надо полагать, за эти горы бумаги, от которых я вас избавлю, вы рассчитываете получить лишь небольшую номинальную плату?

— Чисто условную, — заверил его Гриффин.

— Хорошо. Я подумаю и сообщу вам свое решение. Но сейчас, разумеется, ничего обещать не буду.

— Конечно, мистер Паккер. Я не стану вас торопить.

Когда Гриффин ушел, Паккер задумался о его предложении, и чем больше он думал, тем привлекательнее оно ему казалось.

Можно будет арендовать большое складское помещение, установить там «Корзину эффективности» и просто сваливать туда все новые поступления — «Корзина» рассортирует их сама.

У него не было уверенности, что одна корзина справится с подробной классификацией — разве что разберет материал по планетарным группам — но если так, он просто установит еще одну, и уж с двумя-то корзинами он сможет добиться любой точности. А после того как они отберут для него наиболее ценные экземпляры, он передаст весь хлам специально созданной торговой организации — продавать по таким ценам, что все остальные дельцы от филателии просто вылетят в трубу.

Паккер удовлетворенно потер руки, представляя, как он «разденет» всех этих жуликов. Сами они такое вытворяют, что им только поделом будет.

Радужные перспективы омрачала только одна маленькая деталь. Конечно, предложение Гриффина — это почти то же самое, что взятка, хотя чего еще ожидать от правительства? В администрации полно взяточников, вымогателей, лоббистов, «борцов за особые интересы» и прочих жуликов. Возможно, никто ничего и не подумает, если он согласится на сделку с марками — кроме оптовых торговцев, разумеется, но они-то уж никак не могут помешать: им останется только сесть на задние лапы и выть на луну.

Однако имеет ли он право вмешиваться в дела Тони? Ему, конечно, несложно будет упомянуть об этом при случае, и Тони скажет «да». Но вот стоит ли?

Паккер мучился, не находя ответа и даже не приближаясь к нему, пока в дверь снова не позвонили.

На этот раз пришла вдова Фоше, но с пустыми руками. Без бульона.

— Добрый день, — сказал Паккер. — Сегодня вы несколько позже.

— Я было уже собралась, но увидела, что у вас посетитель. Он уже ушел?

— Да, не очень давно.

Она шагнула через порог, и Паккер закрыл за ней дверь.

— Мистер Паккер, — сказала вдова Фоше, когда они прошли в гостиную, — я должна извиниться: сегодня без бульона. По правде говоря, мне немного надоело варить его каждый день.

— В таком случае, — галантно произнес Паккер, — угощение сегодня за мной.

Он открыл ящик стола и достал новую коробочку с листьями, присланную ПугАльНашем всего днем раньше. Почти благоговейно Паккер открыл крышку и протянул коробочку вдове Фоше. Та невольно шагнула назад.

— Попробуйте, — предложил Паккер. — Возьмите щепотку. Только не глотайте, а жуйте.

Вдова осторожно отщипнула пальцами кусочек высушенного листка.

— Это слишком много, — предостерег ее Паккер, — нужно совсем чуть-чуть. Да и достать их нелегко.

Она сунула щепотку зелени в рот. Паккер, улыбаясь, следил за выражением ее лица. Поначалу вдова выглядела так, словно он предложил ей яд, но вскоре откинулась на спинку кресла и успокоилась — видимо, решила, что смертельная опасность ей не угрожает.

— У меня такое впечатление, — произнесла она, — что я за всю свою жизнь ничего похожего не пробовала.

— Наверняка не пробовали. Возможно, кроме меня самого, вы — единственный человек на Земле, кто попробовал это лакомство. Я получаю его от своего друга, который живет на планете у очень далекой звезды. Его зовут ПугАльНаш. Он регулярно присылает мне бандероли с этими листьями и всегда прикладывает небольшие записки.

Паккер поискал в ящике и нашел последнюю.

— Вот послушайте, — сказал он и прочел записку вслух:

Дараго друг: я в агромный щастье твой последний пасылка с табак. Пжалста еще тот самый. Ты неznать что я прарочиский и сматреть вперед тебе. Но так как это есть и я агромный радась сделат такой задача для друг. Я заверить ты это все к лучший. Можетбыт ты скоро богатеть много.

Твой добрый друг

ПугАльНаш.

Паккер бросил записку на стол.

— И что вы об этом думаете? — спросил он. — Особенно о том, что он пророк и видит мое будущее?

— Наверно, ничего страшного. Он же утверждает, что вы скоро разбогатеете.

— А по-моему, это очень напоминает цыганские предсказания. мне поначалу даже как-то не по себе стало.

— Почему же?

— Потому что я не хочу знать, что со мной случится. А он как-нибудь возьмет и напишет. Если бы человек мог видеть будущее, он бы знал, например, когда умрет, и как, и прочие...

— Мистер Паккер, — перебила вдова, — я думаю, вам еще рано об этом беспокоиться. Готова поклясться, вы с каждым днем выглядите все моложе и моложе.

Паккер зарделся от удовольствия.

— Вообще-то говоря, я и чувствую себя гораздо лучше. Давно уже такого не было.

— Может быть, это листья так действуют?

— Нет, я думаю — дело здесь, скорее, в вашем бульоне.

Короче, время за беседой протекло легко и приятно — более приятно, признал Паккер, чем можно было ожидать. но когда вдова Фоше ушла, в мыслях вдруг всплыл вопрос, от которого ему стало даже как-то не по себе: с чего это он так расщедрился и предложил ей — ей! — попробовать листья?

Паккер спрятал коробочку в ящик стола и снова взял в руки письмо ПугАльНаша, разгладил и прочитал.

Ошибки невольно заставили его улыбнуться, но улыбка быстро погасла. Как бы там ни было, ПугАльНаш все же его опередил, освоил — пусть даже и так — земной язык, тогда как самому Паккеру язык Пуга оказался не по силам.

Я прарочиский и сматреть вперед тебе.

С ума можно сойти! Хотя не исключено, что это просто шутка — или нечто такое, что на планете Пуга заменяет шутки.

Паккер отложил письмо в сторону. Смутное беспокойство, вызванное всеми накопившимися проблемами, необходимостью что-то решать, не давало сидеть на месте. Расхаживая по квартире, он продолжал думать.

Как ответить на предложение Гриффина?

Почему он угостил листьями вдову Фоше?

Что кроется за этой фразой в письме Пуга?

Он подошел к книжному шкафу провел пальцем по широким корешкам «Галактического обзора» и, выбрав нужный том, отнес тяжелую книгу на стол.

Долго искал и наконец отыскал звезду Унук-аль-Хэй. Пут, он помнил, жил на десятой планете системы.

Наморщив лоб, Паккер принялся расшифровывать сжатые фразы и дикие, порой загадочные сокращения. Неудобно, конечно, но смысл здесь тоже есть: в Галактике слишком много планет, которые необходимо включить, и даже в таком виде справочник занимал несколько толстенных томов, а уж с полным текстом и подробными описаниями он стал бы просто неподъемным.

Х — м. изуч. пл., раз. обит., непр. г. л. (Т-67), торг. поср. (Т-102), леч. тр., лег. прор., тр. яз...

Секундочку!

Лег. прор.

Может быть, это «легенда о пророчестве»?

Он снова перечитал абзац, переводя текст на привычный язык:

Х — мало изученная планета, разумные обитатели, непригодна для людей (см. таблицу 67), торговля через посредников (см. таблицу 102), лечебные травы, легенда о пророчестве или «легализованное пророчество», трудный язык...

«Насчет языка — это точно», — подумал Паккер. За долгие годы он научился разбираться во многих галактических языках — во всяком случае, для его целей этих знаний хватало — но язык Пута так и остался для него полной загадкой.

Лег. прор.?

Ни в чем нельзя быть уверенным, но кто знает, может, это и правда...

Он захлопнул справочник и отнес книгу на место.

«Значит, смотришь в будущее? Почему бы это? Для чего? — подумал он, мысленно обращаясь к своему другу, и, ухмыльнувшись, добавил: — Ох и дождешься ты у меня, сверну я тебе твою длинную, тощую шею, чтоб не лез, куда не просили».

Последнее, разумеется, в шутку: слишком уж далеко ПутаАльНаш жил, да и неизвестно еще, какая у него шея, если она вообще есть.

Когда пришло время укладываться на ночь, Паккер переоделся в ярко-красную с желтыми попугаями пижаму и сел на краю кровати, шевеля пальцами ног.

«Ничего себе денек выдался», — подумал он.

Нужно будет поговорить с Тони насчет сделки, предложенной правительством. Может быть, даже настоять на своем мнении — несмотря на то что при этом несколько упадут доходы корпорации «Эффективность». Зачем же отказываться от того, что хочется, если оно само идет в руки? Тони еще, того и гляди, обдерет его как липку. Пора бы уже, но, видимо, он пока слишком занят делами, чтобы всерьез планировать, как обжулить своего компаньона. Хотя это и странно: нечестный доллар всегда радовал его гораздо больше, чем законный.

Паккер вспомнил, как сказал Гриффину, что верит в Тони. Что ж, похоже, он сказал правду. Верит и даже гордится. Спору нет, Тони еще тот тип... Подумав об этом, Паккер самодовольно улыбнулся. «Ну прямо как я в молодости».

Вспомнить хотя бы ту тройную сделку с поддельной старинной мебелью в английском стиле, с картинами с Антареса и местной разновидностью самогона из системы Крысы! Боже, как он их всех тогда обобрал!

Зазвонил телефон, и Паккер двинулся в гостиную, шлепая босыми ногами по полу.

Телефон продолжал трезвонить.

— Иду уже! — сердито крикнул Паккер. — Иду!

Он подошел к телефону и снял трубку.

— Это Пикеринг, — сказал голос в трубке.

— Пикеринг... О да. Раз вас слышать.

— Мы договаривались насчет конверта из системы Полярной звезды.

— Да, Пикеринг, я вас помню.

— Вы случайно не отыскиали тот конверт?

— Отыскал, но, извините, там полоска только из четырех марок. Я говорил тогда о пяти, но, сами понимаете, память. Годы идут, и...

— Мистер Паккер, вы согласны продать этот конверт?

— Продать? Да, ведь я обещал. Дал слово, сами понимаете... Хотя теперь об этом жалею.

— Он в хорошем состоянии?

— Мистер Пикеринг, учитывая, что это единственный конверт...

— Могу я подъехать в ближайшее время взглянуть на него?

— Пожалуйста. Когда вам угодно.

— Вы поддержите его для меня?

— Разумеется, — согласился Паккер. — В конце концов, никто кроме вас, и не знает еще, что у меня есть этот конверт.

— А цена?

— М-м-м... Я говорил о четверти миллиона, но речь тогда шла о полоске из пяти марок. Поскольку их только четыре, можно несколько снизить цену. Я же не вымогатель, и со мной всегда можно договориться.

— Да уж, — сказал Пикеринг с ноткой обиды в голосе.

После того как они распрощались, Паккер долго сидел в кресле, положив ноги на стол, шевелил пальцами и удивленно разглядывал их, словно никогда раньше не видел.

Сначала он продаст Пикерингу конверт с полоской из четырех марок за двести тысяч. А затем пустит слух, что существует конверт с полоской из пяти. Пикеринг, когда узнает, будет вне себя. Конечно, он испугается, что кто-нибудь его опередит и купит конверт с пятью марками, тогда как у него есть только четыре. Такого позора коллекционер вроде Пикеринга просто не вынесет.

Паккер усмехнулся и произнес вслух:

— Ключул.

За конверт с пятью марками он, возможно, выручит сразу полмиллиона. И Пикеринг никуда не денется, выложит. Нужно будет только назначить цену повыше и позволить ему сбить ее до пятисот тысяч...

Часы на столе показывали десять — обычно он в девять уже лежал в постели.

Паккер пошевелил пальцами ног. Странное дело — не то что спать, но даже ложиться не хотелось. Он и разделся-то только по привычке.

Девять часов, надо же. В такую рань — и ложиться спать. Но ведь было время, когда он раньше полуночи об этом даже и не думал. А то, случалось, и вовсе не ложился, вспомнил Паккер, добродушно усмехаясь.

Однако в те годы ему было чем заняться, куда пойти, с кем встретиться. И елось тогда славно, и пилося в удовольствие... Не то что сейчас. Теперь и выпивку-то делают какую-то не ту, и повара хорошие перевелись. А что касается развлечений... Эх, да что там говорить.

Друзья тоже — кого-то уже нет, с другими просто жизнь развела в стороны. Все ушли.

«Ничто не вечно», — подумал Паккер.

Он сидел, шевелил пальцами ног и смотрел на часы. Непонятно почему, но его вдруг охватило странное будоражащее чувство.

Тишину квартиры нарушали только два звука — мягкое тиканье часов и неторопливое бульканье корзины со спорами.

Паккер наклонился над краем стола и взглянул на корзину: стоит как вкопанная — полная корзина небывальщины, пробудившейся вдруг к жизни.

Когда-нибудь, подумалось ему, кто-нибудь наверняка узнает, откуда взялись эти споры, с какой далекой планеты в туманных далях у окраины Галактики. Может быть, даже сейчас нетрудно определить, где выпускаются марки — если только он поделится с кем-нибудь своей информацией, если покажет кому-нибудь в правительстве эти конверты. Но и конверты, и информация стали теперь коммерческой тайной — слишком ценной, чтобы делиться ею с кем-то посторонним, а потому конверты заперты сейчас в надежном банковском сейфе.

Разумные споры — отличное средство для доставки почты. Наносишь немного этой желтой каши на конверт или бандероль, пишешь адрес — и готово! А когда письмо доставлено, споры покрываются оболочками и ждут, пока снова кому-нибудь не понадобятся.

Сегодня они работают на Земле, и, может быть, наступит день, когда они возьмут на себя заботу о порядке на всей планете; будут мыть улицы и собирать мусор — в конце концов они установят на Земле эру чистоты и порядка, какой еще не знала ни одна галактическая раса.

Паккер пошевелил пальцами и еще раз взглянул на часы. Стрелки показывали почти половину одиннадцатого, но спать совсем не хотелось.

«А чего я сижу? — подумал Паккер. — Может быть, переодеться и пойти погулять, как говорится, при луне?» На небе действительно светила полная луна, он видел ее в окно. «Совсем сдурил», — тут же сказал он себе, отдуваясь сквозь усы, однако снял ноги со стола и направился переодеваться.

По пути в спальню он невольно хмыкнул, представив себе, как обдерет этого беднягу Пикеринга...

Склонившись перед зеркалом, он пытался завязать галстук, и тут настойчиво зазвонили в дверь.

«Если это Пикеринг, — подумал Паккер, — я его спущу с лестницы. До утра не мог подождать...»

Оказалось, это не Пикеринг. На визитной карточке, которую протянул посетитель, значилось, что его зовут Фредерик Хазлитт и что он президент торговой корпорации.

— И чего же вы от меня хотите, мистер Хазлитт?

— Я хотел бы поговорить с вами, — ответил он, воровато оглядываясь. — Мы здесь одни?

— Одни, не беспокойтесь.

— Дело, которое привело меня к вам, носит довольно деликатный характер и очень меня тревожит. Я обратился именно к вам, а не к мистеру Камперу, потому что наслышан о ваших деловых качествах. Я чувствую, что вы сможете понять мои затруднения, тогда как мистер Кампер...

— Что ж, выкладывайте, что произошло, — добродушно предложил Паккер. У него вдруг возникло ощущение, что разговор доставит ему удовольствие. Гость был явно чем-то расстроен и очень напуган.

Хазлитт наклонился вперед, и голос его упал почти до шепота:

— Дело в том, мистер Паккер, — признался он с содроганием, — что я становлюсь честным.

— Это ужасно, — сказал Паккер сочувственно.

— Вот именно. Человек в моем положении — да и любой бизнесмен — просто не может быть честным. Могу сказать вам по секрету, мистер Паккер, что на прошлой неделе я потерял колоссальную сумму на одной из самых больших своих операций — и все потому, что стал честным.

— Но может быть, если вы сделаете над собой усилие, постараетесь, так сказать, от души, вам удастся хотя бы частично сохранить бесчестность?

Хазлитт удрученно покачал головой.

— Поверьте, сэр, я пытался, но ничего не выходит. Вы и не представляете, как я старался. Но несмотря ни на что, я теперь всем говорю правду. Мне никого не удастся обмануть, даже заказчиков. А на днях дошло до того, что я сам срезал свои показатели чистого дохода до более реалистичных цифр.

— Какой кошмар! — воскликнул Паккер.

— И все это из-за вас! — взвизгнул Хазлитт.

— Из-за меня? — Паккер возмущенно запыхтел сквозь усы. — Поверьте, мистер Хазлитт, я просто не понимаю, откуда у вас могла появиться такая мысль. Я не имею к вашим проблемам никакого отношения.

— А эти ваши комплекты? «Эффективность»? Это они во всем виноваты!

— Мистер Хазлитт, продукция нашей компании тут совершенно ни при чем, — рассерженно заявил Паккер. — Комплекты «Эффективность» всего лишь...

Тут он умолк.

Боже правый, а ведь они и в самом деле могли...

Сам он уже много лет не чувствовал себя так хорошо, даже перестал спать днем, а теперь вот собрался посреди ночи идти гулять.

— Давно это началось? — спросил Паккер, борясь с накатывающим страхом.

— Месяц назад, по крайней мере, — ответил Хазлитт. — Думаю, первые признаки я заметил месяц назад, может быть, полтора.

— Почему вы просто не выкинули наш комплект?

— Выкинул! — взвизгнул Хазлитт. — Но толку никакого.

— Ничего тогда не понимаю. Если вы выкинули комплект «Эффективность», все должно было кончиться.

— Я тоже поначалу так думал, но ничего не вышло. Эта желтая чертовщина теперь везде. В трещинах пола, в воздухе; от нее невозможно избавиться.

Паккер сочувственно хмыкнул.

— Вы можете перебраться на новое место.

— А вы представляете, во сколько мне обойдется переезд, Паккер? И кроме того, это бесполезно. Споры уже у меня внутри! — Он постучал себя по груди. — Я чувствую, что они там — делают из меня честного, порядочного человека, у которого все разложено по полочкам, как в наших картотеках. А я не хочу быть порядочным, Паккер! Я хочу делать деньги! Много денег!

— Возможно, вас утешит, что то же самое происходит и с вашими конкурентами.

— Пусть даже и так, — возразил Хазлитт, — но будет уже неинтересно жить. Зачем, вы думаете, люди занимаются бизнесом? Только лишь для того, чтобы открыть новые возможности, считаться предпринимате-

лями и делать деньги? Совсем нет — это азарт, игра: или ты оставишь конкурента без штанов, или потеряешь последнее...

— Аминь, — громко произнес Паккер.

Хазлитт бросил на него недоуменный взгляд.

— Вы что, тоже?

— Боже упаси, — самодовольно ответил Паккер. — Я каким был пройдохой, таким и остался.

Хазлитт устало откинулся на спинку кресла. Теперь его голос звучал резко, холодно:

— Я хотел было разоблачить вас, предупредить мир, но потом понял, что не могу...

— Разумеется, не можете, — отрезал Паккер. — Зачем же вам становиться посмешищем? Вы ведь из тех людей, кому даже мысль об этом кажется совершенно невыносимой.

— Что вы задумали, Паккер?

— Задумал?

— Вы распространили эту чертовщину по всему миру, и, видимо, вам с самого начала было ясно, что произойдет. Однако на вас споры вроде бы не повлияли. Что вы замыслили? Подмять под себя всю планету?

Паккер надул щеки и выпустил воздух через усы.

— Вообще-то я об этом не думал. Но идея интересная. — Он встал, выпрямился и добавил: — Пожалуй, я немного стар для этого, но несколько лет у меня все же осталось. Я еще в отличной форме. Давно уже так себя...

— Вы куда-то собирались, — сказал Хазлитт, поднимаясь. — Не смею вас задерживать.

— Благодарю вас, сэр. Я заметил, какая сегодня луна, и решил прогуляться. Может быть, вы ко мне присоединитесь?

— У меня есть дела поважнее, чем прогулки при луне, Паккер.

— Не сомневаюсь, — ответил Паккер, отвесил сдержанный поклон. — У такого честного, порядочного бизнесмена наверняка полно дел.

Уходя, Хазлитт громко хлопнул дверью.

Паккер вернулся в спальню и снова занялся галстуком.

Хазлитт — и вдруг честный человек! Подумать только. Сколько их еще стало честными к сегодняшнему вечеру? А сколько будет через год? Как скоро станет

честной вся Земля? Если споры прячутся в трещинах и разносятся ветром и реками, то, возможно, очень скоро.

Наверно, именно поэтому Тони его еще не надул. Видимо, Тони тоже становится честным. «Жаль, — подумал Паккер без всякой иронии. — Если это случится — он уже не будет так интересен».

А что же станет с правительством? С правительством, которое само просит продать споры — можно сказать, просит сделать их честными, хотя на самом деле они еще ничего об этом не знают.

«Честное правительство! Вот это фокус, — подумал Паккер. — Впрочем, так им, паразитам, и надо! Вот у них у всех физиономии вытянутся!»

Он оставил наконец попытки завязать галстук, сел на кровать и несколько минут тряся от неудержимого раскатистого смеха. Затем стер выступившие слезы и все-таки справился с галстуком.

Завтра утром он первым делом свяжется с Грифффином и договорится о поставках марок. Нужно будет поторговаться, конечно, а под конец предложить чуть больше той суммы, на которой они сойдутся — за долгосрочный контракт. Честное правительство будет слишком честным, чтобы пойти на попятную, даже если, обретя это новое качество, они сообразят, как их нагрели. Честность, к счастью, подразумевает выполнение обязательств и в неудачной сделке, как бы ее ни заключали.

Паккер надел пиджак и прошел в гостиную. Остановился у стола, выдвинул ящик и открыл коробочку с листьями от ПутАльНаша. Затем взял щепотку, но не успел поднести ее ко рту и застыл, пораженный новой мыслью. Все фрагменты головоломки встали на свои места, и он неожиданно понял, хотя и не задавался еще таким вопросом, почему на всей Земле лишь ему одному удалось остаться нечестным.

Я прарочиский и сматреть вперед тебе!

Паккер сунул щепотку листьев в рот и почувствовал их успокаивающее действие.

«Противоядие», — подумал он и тут же понял, что прав.

Но откуда ПутАльНаш знал? Как он предугадал длинную, запутанную вереницу случайных событий, что должны привести к этому вот мгновению?

Лег прор.?

Паккер закрыл коробочку, задвинул ящик и направился к двери.

Единственный нечестный человек на всей Земле, это надо же! Человек с иммунитетом против порядочности, которую прививают желтые споры, с иммунитетом, что выработался в нем за долгие годы употребления этих листьев.

Он уже приготовил ловушку для Пикеринга, завтра займется правительством. И одному Богу известно, на что он еще способен. Хазлитт говорил что-то насчет всей планеты... В общем-то, неплохая идея, хватило бы только времени.

Паккер усмехнулся, представив себе, как все честные простаки безропотно ждут своей очереди быть надутыми и ничего не могут поделать — жертвы одного-единственного нечестного человека на всей планете. Ну прямо волк среди овец!

Он расправил плечи и старательно натянул белые перчатки, взмахнул тростью, затем стукнул себя в грудь — лишь один раз — и вышел на лестничную площадку, даже не заперев за собой дверь.

Выходя в холле из лифта, Паккер увидел вдову Фоше. Она, видимо, возвращалась из гостей и, остановившись в дверях, прощалась с друзьями, которые провожали ее до дома.

Паккер по-стариковски учтиво снял шляпу, хотя ему казалось, что он уже давно забыл, как это делается.

Вдова Фоше с деланным удивлением всплеснула руками и воскликнула:

— Мистер Паккер, что с вами случилось? Куда это вы собрались в такое время, когда все порядочные люди спят?

— Минерва, — сказал он совершенно серьезным тоном, — я, знаете ли, собрался прогуляться и вот сейчас подумал, не составите ли вы мне компанию.

Она колебалась всего секунду — просто ради приличия изображая неуверенность и нерешительность.

Паккер шумно выдохнул через усы.

— А кроме того, с чего вы решили, что я порядочный человек? — спросил он и галантно предложил ей руку.

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ФОНД ПРИЗРЕНИЯ

Я только что покончил с ежедневной колонкой о муниципальных фондах призрения — и ежедневно эта колонка была для меня форменной мукой. В редакции крутилась прорва юнцов, способных сварганить такого рода статейку. Даже мальчишки-рассыльные могли бы ее состряпать, и никто не заметил бы разницы. Да никто эту колонку и не читал, разве что зачинатели каких-нибудь новых кампаний, но, в сущности, нельзя было ручаться даже за них.

Уж как я протестовал, когда Пластырь Билл озадачил меня фондами призрения еще на год! Я протестовал во весь голос. «Ты же знаешь, Билл, — говорил я ему, — я веду эту колонку три, если не четыре года. Я сочиняю ее с закрытыми глазами. Право, пора влить в нее новую кровь. Дал бы ты шанс отличиться кому-то из молодых репортеров, — может, им бы удалось как-нибудь ее освежить. А что до меня, я на этот счет совершенно исписался...»

Только красноречие не принесло мне ни малейшей пользы. Пластырь ткнул меня носом в журнал записи заданий, где фонды призрения числились за мной, а уж

ежели он занес что-то в журнал, то не соглашался изменить запись ни под каким видом.

Хотелось бы мне знать, как он в действительности заработал свою кличку. Доводилось слышать по этому поводу массу рассказней, но сдается мне, что правды в них ни на грош. По-моему, кличка возникла попросту от того, как надежно он приклеивается к стойке бара.

Итак, я покончил с колонкой о муниципальных фондах призрения и сидел, убивая время и презирая самого себя, когда появилась Джо-Энн. Джо-Энн у нас в редакции специализируется по душещипательным историям, и ей приходится писать всякую чепуху, — что факт, то факт. Наверное, я по натуре расположен сочувствовать ближнему — однажды я пожалел ее и позволил поплакаться у меня на плече, вот и вышло, что мы познакомились так близко. Потом мы разобрались, что любим друг друга, и стали задумываться, не стоит ли пожениться, как только мне повезет наконец получить место зарубежного корреспондента, на которое я давно уже зарился.

— Привет, детка! — сказал я. А она в ответ:

— Можешь себе представить, Марк, что Пластырь припас для меня на сегодня?

— Он пронюхал очередную чушь, — предположил я, — например, откопал какого-нибудь однорукого умельца и хочет, чтобы ты слепила о нем очерк...

— Хуже, — простонала она. — Старушка, празднующая свой сотый день рождения.

— Ну что ж, — сказал я, — может, старушка предложит тебе кусок праздничного пирога.

— Не понимаю, — попрекнула она меня, — как ты, даже ты, можешь потешаться над такими вещами. Задание-то определенно тухлое.

И именно тут по комнате разнесся зычный рев: Пластырь требовал меня к себе. Я подхватил текст злополучной колонки и отправился к столу заведующего отделом городских новостей.

Пластырь Билл зарылся в рукописях по самые локти. Трзвонил телефон, но он не обращал внимания на звонки и вообще для столь раннего утреннего часа был взмылен сильнее обычного.

— Ты помнишь старую миссис Клейборн?

— Конечно. Она умерла. Дней десять назад я писал некролог.

— Так вот, я хочу, чтоб ты подъехал туда, где она жила, и слегка пошлялся вокруг да около.

— Чего ради? — поинтересовался я. — Она что, вернулась с того света?

— Нет, но там какое-то странное дело. Мне намекали, что ее, похоже, немножко поторопили преставиться.

— Слушай, — сказал я, — на этот раз ты перегнул палку. Ты что, в последнее время смотрел по телевидению слишком много боевиков?

— Я получил сведения из надежных источников, — заявил он и снова зарылся в работу.

Пришлось снять с вешалки шляпу и сказать себе: не все ли равно, как провести день, денежки все равно каплют, а меня не убудет...

Хотя, если по чести, мне порядком осточертели бредовые задания, в которые Билл то и дело втравливал не только меня, но и весь штат отдела. Иногда эти задания оборачивались статьями, а чаще нет. И у Билла была отвратительная привычка: всякий раз, когда из погони за призраками ничего не выходило, он делал вид, что виновен в этом тот, кого послали на задание, а он сам ни при чем. Вероятно, его «надежные источники» сводились к обыкновенным сплетням или к болтовне случайного соседа в баре, который он удостоил своим посещением накануне.

Старая миссис Клейборн была одной из последних представительниц увядающей знати, — некогда, устраиваясь на жительство, знать почтила своим выбором Дуглас-авеню. Но семья разлетелась кто куда, миссис Клейборн осталась одна и умерла одна в большом доме — несколько слуг, приходящая сиделка и никого из родственников, достаточно близких, чтоб облегчить ее предсмертные часы своим присутствием.

Маловероятно, внушал я себе, что кто бы то ни было выгадал, дав ей тройную дозу лекарства или ускорив ее кончину каким-либо иным способом. И даже если так, почти нет шансов это доказать — а сюжеты такого

толка никак нельзя пускать в печать, пока не раздобудешь свидетельств, подписанных черным по белому.

Я подъехал к дому на Дуглас-авеню. Тихий, довольно приятный дом в глубине обнесенного заборчиком двора, в окружении деревьев, расцвеченных всеми красками осени. Во дворе садовник ворошил граблями опавшую листву. Я двинулся по дорожке к дому — садовник меня не заметил. Он был очень стар, работал спустя рукава и, похоже, бормотал что-то себе под нос. Позже выяснилось, что он еще и глуховат.

Поднявшись по ступенькам, я позвонил и стал ждать с замиранием сердца, гадая, что сказать, когда меня впустят. Об истинных моих намерениях нечего было и заикаться, следовательно, надо было подобраться к цели каким-то окольным путем.

Дверь открыла горничная.

— Доброе утро, мэм, — выпалил я. — Я из «Трибюн». Могу я войти и продолжить разговор под крышей?

Она даже не ответила, просто поглядела на меня пристально и захлопнула дверь. Поделом мне — можно было предвидеть заранее, что только так оно и может кончиться.

Пришлось повернуться, спуститься с крыльца и направиться напрямик туда, где трудился садовник. Он не замечал меня вплоть до минуты, когда я почти сбил его с ног. Но как только он меня увидел, у него даже лицо просветлело, он уронил грабли и присел на тачку. Мое появление дало ему повод передохнуть — повод не хуже любого другого.

— Привет, — сказал я.

— Хороший денек, — откликнулся он.

— Точно, хороший.

— Говорите громче, — предложил он. — Я вас совсем не слышу.

— Как печально, что миссис Клейборн...

— Да, конечно, — произнес он. — Вы живете где-то поблизости? Что-то я вашего лица не припомню.

Я ответил кивком. Не так уж нагло я соврал — всего миль на двадцать или вроде того.

— Чудесная была старая леди, — сказал он. — Мне ли не знать — работал у нее пятьдесят лет без малого. Благословение Божие, что ее не стало.

— Да, надо полагать...

— Она умирала так тяжело, — сказал он. Сидя на осеннем солнышке, он кивал самому себе, и было почти слышно, как его память бродит по пространству этих пятидесяти лет. На какое-то время, я уверен, он вообще забыл о моем существовании, но потом продолжил, обращаясь более к себе, чем ко мне: — Сиделка рассказывала странную штуку. Наверное, ей просто привиделось. Она же, сиделка, очень устала..

— Да, я слышал краем уха, — подбодрил я старика.

— Сиделка вышла на минутку, а когда вернулась, то клянется, что в комнате кто-то был. И сиганул в окошко в ту секунду, как она вошла. Там было темно, она толком не разглядела. По-моему, ей просто примерещилось. Хотя на свете порой происходят странные вещи. Такие, про которые мы и ведать не ведаем...

— Ее комната была вон там, — я показал на дом. — Помню, несколько лет назад...

Старик хмыкнул, поймав меня на неточности.

— Ошибаешься, сынок. Ее комната была угловая, вон наверху...

Он неспешно поднялся с тачки и снова взялся за грабли.

— Приятно было побеседовать, — сказал я. — У вас такие красивые цветы. Не возражаете, если я поброжу здесь и погляжу на них?

— Почему бы и нет? А то через недельку-другую их прихватит морозом...

Я испытывал ненависть к себе за то, что приходилось делать, и тем не менее поплелся по дворику, притворяясь, что люблюсь цветочками, а на самом деле подбираясь поближе к углу, на который он указал. Под окном росли петунии, и вид у них был довольно жалкий. Я присел на корточки, притворяясь, что они привели меня в восторг. Восторга я не испытывал, просто высматривал какое-нибудь свидетельство, что кто-то выпрыгнул из окна.

Сам не ожидал, что найду такое свидетельство, однако нашел.

На клочке обнаженной земли в том месте, где петунии уже отцвели, был отпечаток ноги — ну, может быть, не ноги, но так или иначе отпечаток. Он выглядел как утиный след — с той только разницей, что утка, оставившая такой след, должна была вымахать ростом со здорового пса.

Не вставая с корточек, я уставился на этот след, и по спине у меня поползли мурашки. В конце концов я встал и двинулся прочь, принуждая себя идти медленно, в то время как каждая клеточка тела требовала — беги!

Выйдя за ворота, я и впрямь побежал. Побежал что было сил. И когда добрался до ближайшего телефона, в аптеке на углу, то сперва посидел в кабинке, чтоб отдышаться, и только потом позвонил в отдел городских новостей.

— Что у тебя? — прорычал Пластырь.

— Сам не знаю, — чистосердечно ответил я. — Может, и вовсе ничего. Кто был врачом миссис Клейборн?

Он назвал мне имя. Тогда я еще спросил, не известно ли ему имя сиделки, а он в ответ осведомился, какого черта я себе думаю и как он может это знать, так что осталось лишь повесить трубку.

Я отправился к врачу, который меня вышвырнул. Потратил полдня, разыскивая сиделку, а когда разыскал, она меня тоже вышвырнула. Так что целый день пошел псу под хвост.

Когда я вернулся в редакцию, близился вечер. Пластырь накинулся на меня с порога:

— Добыл что-нибудь?

— Ничего, — ответил я. Не было никакого смысла рассказывать ему об отпечатке под окном. Да я и сам к тому времени начал сомневаться, не пригрезился ли мне отпечаток, — уж очень все это было неправдоподобно.

— Слушай, до каких размеров может вырасти утка? — спросил я у Пластыря, но он только зарычал на меня и уткнулся в работу. Тогда я раскрыл журнал записи заданий на странице, отведенной под следующий день. Он таки опять всучил мне фонды призраения, а еще: «Встретиться с д-ром Томасом в унив-те — магнетизм». И я поинтересовался: — А это что такое? Вот это, про магнетизм?

— Мужик корпит над этой петрушкой много лет, — пробурчал Пластырь. — Мне сообщили из надежных источников, что у него там что-то наклеывается...

Опять «надежные источники»! А по сути такой же туман, как и большинство любезных ему «жареных» тем.

Кроме того, терпеть не могу брать интервью у ученых. Чаще всего они порядочные зануды, склонные смотреть на газетчиков свысока. А ведь девять газетчиков из десяти зарабатывают, как этим умникам и не снилось, и на свой манер выкладываются не меньше их, однако не разводят вокруг себя невразумительной говорильни.

Заметив, что Джо-Энн собирается домой, я придвинулся к ней и спросил, чем обернулось ее задание.

— У меня, Марк, осталось странное чувство, — сказала она. — Давай выпьем, и я с тобой поделюсь...

Мы отправились в бар на перекрестке и заняли столик подальше от входа. К нам тут же прилип бармен Джо и стал жаловаться на упадок в делах, что было на него не похоже:

— Если б не вы, газетчики, я б уже закрылся и пошел домой. Мои завсегдатаи, наверное, именно так и сделали. Сегодня уж точно никто не зайдет. Хотя что может быть противнее, чем идти с работы прямо домой? Как по-вашему?

Мы ответили, что и по-нашему так, и в знак того, что он ценит сочувствие, он даже протер нам столик, чего тоже почти никогда не делал. Потом он принес нам выпивку, и Джо-Энн принялась рассказывать мне про старушку, отметившую свой сотый день рождения.

— Это было ужасно. Она сидела посреди гостиной в качалке и знай себе качалась взад-вперед, взад-вперед, тихо, учтиво, как умеют только старушки из почтенных семей. И притом она была рада мне и так светло улыбалась, знакомя меня со всеми подряд...

— Очень мило! И много было народу?

— Ни души.

Я поперхнулся глотком.

— Но ты же сказала, что она тебя знакомила...

— Знакомила. С пустыми стульями.

— Боже правый!

— Все ее гости давно умерли.

— Слушай, выражайся яснее!..

— Она сказала: «Мисс Эванс, познакомьтесь, пожалуйста, с моей старинной приятельницей миссис Смит. Она живет на нашей улице, совсем рядом. Хорошо

помню день, когда она стала нашей соседкой, это еще в тридцать третьем. Тяжелые были времена, можете мне поверить...» И продолжала щебетать, понимаешь, как обычно щебечут старушки. А я стою как дура, смотрю на пустые стулья и не понимаю, как тут поступить. И, Марк, не знаю, права я была или нет, но я сказала: «Здравствуйте, миссис Смит. Рада с вами познакомиться». И представляешь, что случилось потом?

— Не представляю, конечно.

— Старушка добавила самым обычным тоном, между прочим, будто речь шла о чем-то совершенно естественном: «Понимаете, мисс Эванс, миссис Смит умерла три года назад. Ну как по-вашему, не славно ли с ее стороны, что она заглянула ко мне сегодня?

— Да разыграла тебя твоя старушка! Некоторые из них с возрастом становятся очень лукавыми.

— Нет, не думаю. Она познакомила меня со всеми своими гостями. Их было шесть или семь, и все до одного — мертвецы.

— Но она-то была счастлива, воображая, что у нее полно гостей. Тебе, в конце концов, какая разница?

— Все равно это было ужасно, — заявила Джо-Энн.

Пришлось выпить еще по одной, чтобы смыть ужас. А бармен Джо не унимался:

— Ну видели ли вы когда-нибудь что-либо подобное? Сегодня здесь хоть из пушки стреляй — все равно никого не заденешь. Обычно в этот час у стойки очередь выстраивалась, и редко когда выпадал скучный вечер, чтоб никто ни с кем не подрался, — хотя, как вам известно, у меня приличное заведение...

— Конечно, конечно, — перебил я. — Садись-ка с нами и выпей за компанию...

— Не надо бы мне пить, — засомневался Джо. — Пока торговля не кончилась, бармен не должен разрешать себе ни рюмки. Но сегодня мне так паршиво, что я, пожалуй, поймаю вас на слове, если вы не передумали.

Он потопал к стойке, достал бутылку и стакан для себя, и мы выпили еще, а потом еще.

На перекрестке, тянул свое Джо, всегда было такое хорошее место — дело шло с самого утра, в полдень большой наплыв, а уж к вечеру яблоку негде было упасть. Но вот недель шесть назад торговля начала

засыхать на корню и теперь, по сути, прекратилась совсем.

— И так по всему городу, — жаловался он, — в одних местах чуть получше, в других похуже. А здесь у меня едва ли не хуже всех. Прямо не знаю, что на людей нашло...

Мы ответили, что тоже не знаем. Я выудил из кармана какие-то деньги, оставил их на столе, и мы удрали. На улице я предложил Джо-Энн поужинать со мной, но она отказалась на том основании, что уже договорилась играть в бридж в клубе. Я завез ее домой и поехал к себе.

В редакции надо мной частенько подтрунивали: чего это ради я решил поселиться так далеко от города, — но мне загородная жизнь нравилась. Домик мой обошелся мне дешево и уж во всяком случае был лучше, чем парочка тесных комнатенок в третьеразрядном отеле — а оставайся я в городе, ни на что лучшее я бы рассчитывать не мог.

Соорудив себе на ужин бифштекс с жареной картошкой, я спустился к причалу и выгреб на озеро, правда, недалеко. И просто посидел в лодке, глядя, как по всему берегу перемигиваются освещенные окна, и впитывая звуки, каких днем не услышишь: проплыла ондатра, тихо перекрякиваются утки, а то вдруг шлепнула хвостом выпрыгнувшая из воды рыба.

Было холодновато, и какое-то время спустя я подгреб обратно к причалу, размышляя о том, сколько еще всякой всячины надо успеть до прихода зимы. Лодку надо проконопатить, просмолить и покрасить, да и самому домику слой свежей краски не повредит, если только у меня дойдут до этого руки. Зимние вторые рамы — две из них нуждаются в новых стеклах, а по совести надо бы еще и прошпатлевать их все до одной. Труба на крыше — никуда не денешься, надо заменить кирпичи, которые в этом году выбило ураганом. И еще не забыть поставить утепляющие прокладки на входную дверь.

Я немного посидел почитал, затем отправился на боковую. Перед сном мне мимолетно вспомнились две старушки — одна счастливая в своих фантазиях, другая упокоенная в могиле.

На следующее утро я первым делом свалил с плеч колонку о фондах призрения. Затем взял из библиотеки

энциклопедию и усвоил кое-что про магнетизм. Ведь прежде чем увидеться с этим умником из университета, следует получить хоть какое-то представление о предмете разговора.

Однако я мог бы и не тревожиться — доктор Томас оказался вполне своим парнем. Мы славно посидели и потолковали. Он рассказал мне про магнетизм, а когда выяснилось, что я живу на озере, мы поговорили о рыбалке и к тому же нашли общих знакомых, так что все прошло очень хорошо.

Кроме одного — статьей здесь и не пахло. Все, что я из него выжал, это неопределенное:

— Может, что-нибудь и получится, но не раньше чем через год. Как только это произойдет, я дам вам знать. — Такие посулы я тоже слыхивал, так что попытался связать его обещанием. И он сказал: — Обещаю, вы узнаете о результатах первым, раньше всех остальных.

Пришлось тем и ограничиться. Нельзя же требовать от человека, чтоб он подписал по такому поводу формальный контракт.

Я уже искал случай откланяться, однако почуял, что он еще не все сказал. И задержался еще немного — не каждый день находишь кого-то, кто искренне хочет с тобой поговорить.

— Да, я определенно думаю, что статья будет, — он говорил и выглядел озабоченным, словно боялся, что ни черта не будет. — Я же вгрызался в эту проблему годами. Магнетизм — одно из явлений, о которых мы до сих пор мало что знаем. Когда-то мы ничего не знали об электричестве, да и сегодня не разобрались до конца во всем, что с ним связано. Но кое-что мы все-таки выяснили, а раз выяснили, то запрягли электричество в работу. Что-то подобное может произойти и с магнетизмом — если только мы установим основные закономерности...

Тут он запнулся и посмотрел мне прямо в глаза.

— Вы в детстве верили в домовых? — Вопросик застал меня врасплох, и от него это, надо полагать, не укрылось. — Ну в таких маленьких вездесущих помощников? Если ты им понравишься, они с радостью сделают за тебя все, что угодно, а от тебя требуется только одно — выставлять им на ночь плошку с молоком...

Я ответил, что читал такие байки и, наверное, в свое время принимал их за чистую монету, хотя в данный момент поклясться в том не могу.

— Будь я в силах поверить в такое, — заявил он, — я бы решил, что здесь в лаборатории завелись домовые. Кто-то или что-то перевернул или перевернуло мои заметки. Я оставил их на столе, водрузив на них пресс-папье, а на следующее утро они оказались разбросаны и частично сброшены на пол.

— Возможно, уборщица? — предположил я.

Он усмехнулся:

— Я здесь сам себе уборщица.

Мне показалось, что он высказался, и я, в общем, недоумевал, к чему вся эта болтовня про заметки и домовых. Я потянулся за шляпой — и тут он решил поставить точки над «і»:

— Вся соль в том, что два листочка остались под пресс-папье. Один из них оказался тщательно сложен пополам. Я уже вознамерился бросить их в общую кучу, чтоб рассортировать заметки когда-нибудь потом, но в последний момент все-таки прочел то, что было записано на этих двух листках. — Он глубоко вздохнул. — Понимаете, две отрывочные записи, которые я по своей инициативе, наверное, никогда не связал бы друг с другом. Иногда мы странным образом не видим того, что у нас под носом, смотрим на предмет с такого близкого расстояния, что не можем его разглядеть. Так и тут — два листка по какой-то случайности оказались вместе. Да еще один из них сложен пополам и второй вложен в первый, и это подсказало мне идею, до какой я бы иначе не додумался. С тех самых пор я работаю именно в этом направлении и питаю надежду, что работа может увенчаться успехом.

— И когда это случится...

— Я вам сообщу.

Я взял шляпу и откланялся. И по дороге в редакцию от нечего делать размышлял о домовых.

Только-только я вернулся в редакцию и решил побездельничать часок-другой, как старику Дж. Х., нашему издателю, приспичило закатиться в отдел с одним из эпизодических визитов доброй воли. Дж. Х. — напы-

щенный пустозвон, не сохранивший ни грана честности. Он знает, что нам известно об этом, и мы знаем, что ему известно наше мнение, и все равно он продолжает ломать комедию, изображая из себя нашего доброго товарища, да и мы с ним заодно.

Он задержался подде моего стола, хлопнул меня по плечу и изрек зычно, так что голос раскатился по всей комнате:

— Ты потрясающе ведешь тему муниципальных фондов призрения, мой мальчик. Просто потрясающе.

Чувствуя себя последним идиотом и борясь с тошнотой, я встал и промямлил.

— Благодарю вас, Дж. Х. Это очень любезно с вашей стороны.

Что от меня и требовалось. Почти священный ритуал.

Сграбастав мою ладонь, а другую руку возложив мне на плечо, он удостоил меня энергичным рукопожатием и сжал плечо чуть не до боли. И будь я проклят, если у него не увлажнились глаза, когда он объявил мне:

— Продолжай в том же духе, Марк, просто делай свое дело. Ты никогда об этом не пожалеешь. Мы можем не показывать этого демонстративно, но мы ценим честную работу и преданность газете. И каждый день следим за тем, что делает каждый из вас.

С этими словами он бросил меня, будто обжегшись, и отправился приветствовать других.

Я опустился на стул, понимая, что остаток дня отравлен. Ежели я заслужил похвалу вообще, то предпочел бы, чтоб меня похвалили за что угодно, только не за фонды призрения. Паршивая колонка, я сам признавал, что паршивая. И Пластырь признавал, и все остальные. Никто не попрекал меня тем, что она паршивая, — никому на свете не удалось бы выжать из фондов призрения ничего иного, эти статейки обречены быть паршивыми. Но душу мне происшедшее все равно не грело.

И еще во мне зародилось неприятное подозрение, что старик Дж. Х. каким-то образом пронюхал о запросах, которые я разослал в поддюжины других газет, и дал мне мягко понять, что осведомлен об этом и что лучше бы мне поостеречься.

Перед полуднем ко мне подступился Стив Джонсон — он ведет в нашей лавочке медицинские темы наряду со всеми прочими, какие Пластырю заблагорас-

судится ему всучить. В руках он держал пачку вырезок и выглядел озабоченным.

— Очень совестно просить тебя об одолжении, Марк, и все-таки не согласишься ли ты меня выручить?

— Ну о чем речь, Стив!

— Речь об операции. Я должен бы проверить, как там дела, но не успеваю. Надо нестись в аэропорт брать интервью. — Он плюхнул вырезки мне на стол. — Тут все изложено.

И умчался за своим интервью. А я перебрал вырезки и вчитался в них. Да, история была из тех, что берут за душу. Мальца всего-то трех лет от роду приговорили к операции на сердце. К операции сложной, за какую до того брались лишь самые знаменитые хирурги в больших больницах Восточного побережья, да и вообще ее делали считанное число раз и никогда — пациентам столь юного возраста.

Трудно было заставить себя поднять телефонную трубку и позвонить: я почти не сомневался в том, что именно мне ответят. Я все-таки пересилил себя и, разумеется, нарвался на неприятности, каких следует ждать непременно, когда пытаешься что-то выяснить у медицинского персонала, — словно они стерильно чисты, а ты грязная дворняжка, норовящая пролезть к ним со всеми своими блохами. Однако в конце концов я добрался до кого-то, кто сказал мне, что малец, вероятно, выживет и что операция, по-видимому, прошла успешно.

Тогда я набрался смелости и позвонил хирургу, проводившему операцию. Должно быть, я застал его в счастливую минуту, и он не отказался снабдить меня подробностями, каких мне не доставало.

— Вас, доктор, надо поздравить с успехом, — сказал я, и вот тут он впал в раздражительность.

— Молодой человек, — сказал он, — при операциях такой сложности руки хирурга — это всего лишь один фактор. Есть великое множество других факторов, которые никто не вправе считать своей личной заслугой. — Внезапно его голос зазвучал устало и даже испуганно. — Произошло чудо. — И после паузы: — Только не вздумайте ссылаться на эти мои слова!..

Последнюю фразу он произнес на повышенных тонах, почти прокричал в трубку.

— Даже не подумая, — заверил я.

А после этого снова позвонил в больницу и поговорил с матерью мальчика.

Статья вышла что надо. Мы успели тиснуть ее в местном выпуске четырьмя колонками на первой полосе, и даже Пластырь слегка смягчился и поставил мою подпись вверху под заголовком.

После обеда я подошел к столу Джо-Энн и застал ее в растрепанных чувствах. Пластырь подсунул ей программу церковного съезда, и она как раз клеила предварительную статейку, перечисляя будущих ораторов, членов всяческих комитетов и все создаваемые в этой связи комиссии и намечаемые мероприятия. Вот уж дохлая работенка, самая дохлая, какую вам могут навязать, — пожалуй, даже похуже, чем фонды призрения.

Я послушал-послушал, как она сетует на жизнь, и задал вопрос: могу ли я рассчитывать, что у нее останется хоть немного сил по завершении рабочего дня?

— Я совсем измочалена, — сказала она.

— Спрашиваю потому, что надо вытащить лодку из воды и кто-то должен мне помочь.

— Марк, если ты рассчитываешь, что я поеду к черту на рога, чтобы возиться с лодкой...

— Тебе не придется ее поднимать, — заверил я. — Может, чуть-чуть подтолкнуть, и только. Мы используем лебедку и поднимем ее на таях, чтоб я позднее мог ее покрасить. Мне нужно только, чтобы ты ее придержала и не дала ей крутиться, покуда я тащу ее вверх.

Уломать Джо-Энн было не так-то просто. Пришлось забросить дополнительную приманку.

— По дороге можно будет остановиться в центре и купить парочку омаров, — заявил я. — Ты так хорошо готовишь омаров. А я бы сделал соус рокфор, и мы с тобой...

— Только без чеснока, — отозвалась она.

Я пообещал обойтись без чеснока, и тогда она согласилась.

Так или иначе, до вытаскивания лодки руки у нас в тот вечер не дошли. Нашлись занятия значительно интереснее.

Поужинав, мы разожгли огонь в камине и сели рядом. Она положила голову мне на плечо, нам было так удобно и уютно.

— Давай притворимся, — предложила она. — Притворимся, что ты получил работу, о какой мечтаешь. Притворимся, что мы в Лондоне, и это наш коттедж на равнинах Кембриджшира...

— Там же болота, — ответил я, — а болота — не лучшее место для коттеджа.

— Вечно ты все испортишь, — попрекнула она. — Начнем сначала. Давай притворимся, что ты получил работу, о какой мечтаешь...

Дались ей эти кембриджширские болота!

Возвращаясь на озеро после того, как отвез ее домой, я засомневался: а получу ли я эту работу хоть когда-нибудь? В данный момент перспектива вовсе не выглядела розовой. Не то чтобы я с такой работой не справился: я заведомо знал, что справлюсь. Полки у меня дома были заставлены книгами о мировых проблемах, и я пристально следил за развитием международных событий. Я хорошо владел французским, мог объясниться по-немецки, а на досуге, случалось, восвал с испанским. Всю свою жизнь я мечтал стать частицей братства журналистов-международников, отслеживающих состояние дел по всему свету.

Утром я проспал и опоздал в редакцию. Пластырь отнесся к этому факту кисло:

— И чего ты вообще трудился появляться в конторе? — прорычал он. — Чего ради ты вообще сюда ходишь? Вчера и позавчера я посылаю тебя на два задания, а где статьи?

— Не было там никаких статей, — ответил я, изо всех сил стараясь сдержаться. — Просто очередные досужие сплетни, которые ты где-то выкопал.

— Однажды, — заявил он назидательно, — когда ты станешь настоящим репортером, ты будешь выкапывать темы статей сам без подсказки. В том-то и беда с нынешними сотрудниками, — добавил он, внезапно распаляясь. — И с тобой то же самое. Полное отсутствие инициативы, сидите себе и ждете, чтоб я выкопал что-нибудь и преподнес вам как задание. Никто ни разу

не удивил меня тем, что принес материал, за которым я его не посылал. — И тут он спросил, сверля меня взглядом: — Ну почему бы тебе хоть разок не удивить меня?

— Уж я-то тебя удивлю, пропойца, — сдержил я и вернулся к своему столу.

И задумался. Думал я о старой миссис Клейборн, которая умирала так тяжело, а потом умерла внезапно и легко. Я припомнил, что рассказал мне садовник, и припомнил отпечаток под окном. Подумал я и о старушке, которой исполнилось сто лет и к которой по этому случаю заглянули ее давние умершие друзья. И о физике, у которого в лаборатории завелись домовые. И о мальце, перенесшем операцию, которая вопреки ожиданию прошла успешно.

И меня осенило.

Я поднял подшивку и перелистал ее на глубину трех недель, день за днем, полоса за полосой. Я сделал кучу выписок и даже сам слёгка испугался, но убедил себя, что все это — не более чем совпадение. А потом написал:

«Домовые вернулись к нам снова. Знаете, такие маленькие создания, которые делают для вас всевозможные добрые дела и не ждут от вас ничего взамен, кроме плошки с молоком на ночь».

При этом я не отдавал себе отчета, что почти точно воспроизвожу слова, какие употребил физик. Я не написал ни о миссис Клейборн, ни о столетней старушке с ее гостями, ни о самом физике, ни о малыше, подвергшемся операции. Ни один из этих сюжетов не совмещался с насмешкой, а я писал, не скрывая иронии.

Зато я воспроизвел две-три кратенькие, по одному абзацу, заметки, схоронившиеся в глубине просмотренных мной подшивок. Все это были рассказы о неожиданной удаче, истории со счастливым концом, но без серьезных последствий для кого бы то ни было, кроме тех, кого они касались непосредственно. О том, как кто-то нашел вещь, которую на протяжении месяцев или лет считал безнадежно утраченной, как вернулась домой заплутавшая собака, как школьник, к удивлению родителей, выиграл конкурс на лучший очерк, как сосед безвозмездно помог соседу. В общем, мелкие приятные заметульки, попавшие в газету только оттого,

что надо было заткнуть зияющие дыры на полосах. И таких заметок набралось множество, — пожалуй, гораздо больше, чем можно было ожидать.

«Все это случилось в нашем городе за последние три недели, — написал я в конце. И добавил еще одну строчку: Выставили ли вы на ночь плошку с молоком?».

Закончив, я посидел минутку в безмолвном споре с самим собой: а стоит ли вообще сдавать такую муру? Но в конце концов я решил, что Пластырь сам напросился на это, когда позволил себе сморозить лишнее. Я швырнул свое сочинение в ящик для готовых статей на столе заведомом и, вернувшись на место, взялся за очередную муниципальную колонку.

Пластырь ничего не сказал мне о прочитанном, да я его ни о чем и не спрашивал. Вообразите себе, как у меня вылезли глаза на лоб, когда рассыльный принес из типографии свежие оттиски, и моя писанина про домовых оказалась заверстанной как гвоздь номера — вверху первой полосы на все восемь колонок!

И никто это никак не откомментировал, кроме Джо-Энн, которая подошла, потрепала меня по голове и даже заявила, что гордится мной, хотя одному Богу известно, было ли тут чем гордиться. Потом Пластырь послал меня на новое высосанное из пальца задание — к кому-то, кто якобы мастерит самодельный ядерный реактор у себя на заднем дворе. Оказалось, что это старый болван, однажды уже построивший вечный двигатель, разумеется, неработоспособный. Как только я узнал про вечный двигатель, мне так все опротивело, что я не стал возвращаться в редакцию, а поехал прямо домой.

Я соорудил блок с талями и кое-как вытащил лодку на берег, хоть без помощника пришлось попотеть. Затем я съездил в дерсушку на другом конце озера и купил краску не только для лодки, но и для домика. И был очень рад тому, как удачно начал работу, неизбежную в осенние месяцы.

А на следующее утро, когда я добрался до конторы, там был сумасшедший дом. Коммутатор не успокаивался всю ночь и был обвешан записками читателей, как рождественская елка. Одна из телефонисток хлопнулась в обморок, и ее как раз пытались привести в чувство. Глаза Пластыря пылали диким огнем, галстук у него съехал набок. Заметив мое появление, он ухватил

меня за локоть, подвел к моему месту и чуть не силком усадил на стул.

— А ну, черт тебя побери, за работу! — заорал он, плюхнув передо мной грудю записок.

— Что тут происходит?

— Это все твоя затея с домовыми! — надрывался он. — Звонят тысячи людей. У всех домовые, всем помогают домовые, а кое-кто даже видел домовых.

— А как насчет молока? — осведомился я.

— Молока? Какого еще молока?

— Ну как же, молока, которое надо ставить домовым на ночь.

— Откуда я знаю! — возмутился он. — Почему бы тебе не позвонить в две-три молочные компании и не справиться у них?

Я так и сделал — и, чтоб мне провалиться, молочные компании оказались на грани тихого помешательства. Шоферы наперегонки возвращались за дополнительным молоком, поскольку большинство постоянных покупателей брали пинту-другую сверх обычного. Возле складов возникли очереди машин, растянувшиеся на целый квартал, — поджидали новых поставок молока, а поставки шли туго.

У нас в конторе в то утро не осталось никого, кто делал бы что-нибудь еще, кроме как сочинял байки про домовых. Мы заполнили ими весь номер — всевозможными историями о домовых, помогающих людям. С одной оговоркой — в большинстве своем люди и не догадывались, что им помогают именно домовые, пока не прочитали мое сочинение. До того они просто думали, что ухватили за хвост удачу.

Когда первый выпуск был готов, мы какое-то время сидели сложа руки, как бы переводя дыхание — хотя звонки не прекращались, — и готов поклясться, что моя пишущая машинка раскалилась к тому времени до красна.

Наконец свежую газету подняли наверх, каждый получил по экземпляру и углубился в него, и тут до нас донесся рык из кабинета Дж. Х. Мгновением позже Дж. Х. вынырнул лично, размахивая зажатой в руке газетой, а его физиономия была на три порядка багровее свежеекрашенной пожарной машины. Он рысью подбежал к столу заведомо, швырнул газету Пластырю под нос и прихлопнул ее кулаком.

Как это понять? — гаркнул он. — Ну-ка изволь объясниться. Мы теперь станем общим посмешищем!

— Но, Дж. Х., по-моему, это отличный розыгрыш и..

— Домовые!.. — фыркнул Дж. Х.

— Столько звонков от читателей, — пролепетал Пластырь Билл. — Звонки продолжаются до сих пор. И я...

— Довольно, — проревел Дж. Х. — Ты уволен!.. — Повернувшись к заводу спиной, он уставился на меня. — Это ты затеял! Ты тоже уволен!..

Я поднялся со своего места и подошел к бывшему заву

— Мы вернемся попозже, — заявил я, адресуясь Дж. Х., — за выходным пособием.

Он слегка вздрогнул, но не отступился. Пластырь снял со стола пепельницу и выпустил ее из рук. Она упала на пол и разбилась, а Пластырь отряхнул пепел с ладоней и пригласил:

— Пошли, Марк. Выпивка за мной.

Мы отправились на перекресток. Джо притащил бутылку с парой стаканов, и мы взялись за дело. Вскоре в бар стали заглядывать и другие ребята из конторы. Принимали с нами по рюмочке и возвращались на работу. Тем самым они давали нам понять, что соболезнают и жалеют о том, как все обернулось. Вслух никто ничего не говорил, просто они заглядывали один за другим. За весь день не набралось и нескольких минут, когда мы сидели бы вдвоем и никто не составил бы нам компанию. А уж нам с Пластырем пришлось накачаться основательно.

Мы с ним толковали про домовых, сперва довольно скептически — всему, мол, виной человеческое легкоеверие. Но чем больше мы задумывались и чем больше пили, тем искреннее верили, что без домовых и впрямь не обошлось. Прежде всего, слепая удача не ходит косяками, как вроде бы получалось у нас в городе на протяжении последних недель. Удача скорее склонна рассредотачиваться в пространстве и времени, а если иной раз собирается в ручейки, то и они на поверку

оказываются жиденькими. А у нас удача, по-видимому, посетила многие сотни, если не тысячи людей.

Часам к трем-четырем пополудни мы окончательно согласились, что за этой заварушкой с домовыми кроется что-то реальное. И, само собой, стали прикидывать, кто такие домовые и чего ради им помогать нам, людям.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Пластырь. — По-моему, они инопланетяне. Пришельцы со звезд. Может, те самые, что прежде летали в тарелках.

— Но с какой стати инопланетяне станут нам помогать? — не замедлил возразить я. — Они, конечно, принялись бы наблюдать за нами, постарались бы выяснить все, что смогут, а спустя какое-то время попробовали бы вступить с нами в контакт. Может даже, им захотелось бы нам помочь — но помочь нам как племени, а не как отдельным людям...

— А может, они по натуре хлопотуны, — предположил Пластырь. — Есть же такие и у нас на Земле. Помешанные на том, чтоб творить добро, сующие свой нос, куда их не просят, не способные оставить людей в покое ни на секунду.

— Нет, не думаю, — не отступался я. — Если они стараются нам помочь, то, наверное, это для них что-то вроде религии. Как монахи, что бродили по Европе в прежние века. Как добрые самаритяне. Или как Армия спасения.

Но он не соглашался взглянуть на это моими глазами.

— Хлопотуны, и только, — настаивал он. — Может, у них там всего в избытке. Может, на их родной планете все делают машины и каждый уже обеспечен выше крыши. Может, для них дома уже и дел никаких не осталось — а, сам знаешь, нам обязательно нужно найти себе хоть какое-нибудь занятие, чтоб не скучать и не утратить уважения к себе.

Часов в пять в бар заявила Джо-Энн. У нее был выходной, и она не ведала ни о чем, пока кто-то из конторы не догадался ей позвонить. Тут уж она не замешкалась. И прежде всего рассердилась на меня и не желала слушать моих оправданий, что в подобных обстоятельствах мужчина имеет право на стаканчик-другой. Она вытащила меня из бара, посадила в мою

собственную машину, но за руль не пустила и отвезла к себе. Накачала черным кофе, после чего заставила что-то съесть и только часов в восемь пришла к выводу, что я достаточно протрезвел, чтобы попытаться доехать домой.

Я ехал осторожно и доехал, но голова у меня раскалывалась и к тому же никак не желала забыть, что я остался без работы. Хуже того, ко мне теперь до конца дней моих приклеится ярлык психа, затеявшего аферу с домовыми. Уж можно не сомневаться, что телеграфные агентства не пропустили такой подарок и что новость подхвачена на первых полосах в большинстве газет от побережья до побережья. Нет сомнений и в том, что радиокомментаторы и их коллеги-телевизионщики изгаляются на этот счет до изнеможения.

Домик мой стоял на небольшом крутом бугре, своеобразном взгорке между озером и дорогой, и подъехать прямо к крыльцу было нельзя. Приходилось ставить машину на обочине у подножия бугра, а потом взбираться наверх на своих двоих. Чтобы не сбиться с тропки при лунном свете, я брел опустив голову и почти достиг цели, когда слышал звук, заставивший меня встрепетаться.

И увидел их.

Они соорудили леса не то подмости, и четверо взгромоздились на эти подмости, бешено малюя стены краской. Еще трое взобрались на крышу и клали кирпичи взамен выбитых из трубы. Вторые рамы были расставлены по всему участку, и на них безудержно клали шпатлевку. Ну а лодку — ту было почти не разглядеть, такос их число облепило ее, окрашивая в три слоя.

Я стоял разинув рот, челюсть чуть не доставала до грудной клетки. Внезапно раздался свист, и я поторопился отступить с тропки в сторону. И правильно сделал — добрая дюжина их пронеслась под гору, на ходу разматывая шланг. Времени прошло меньше, чем нужно на этот рассказ, а они уже мыли мне машину.

Меня они, казалось, не замечали вовсе. То ли они были так заняты, что не могли отвлечься, то ли принятые у них правила приличия не позволяли обращать внимание на того, кому они решили помочь.

Они действительно очень походили на домовых, какими их рисуют в детских книжках, но были и определенные отличия. Точно, они носили остроконечные шапоч-

ки, но когда я подобрался вплотную к одному из них — он увлеченно шпатлевал рамы, — я разглядел, что никакая это не шапочка. Это его голова сходилась на конус острием вверх, и венчала ее не кисточка, а хохолок из волос или перьев — я так и не сумел понять, из чего именно. И они носили куртки с большими вычурными пуговицами, только у меня не знаю как сложилось впечатление, что на деле пуговицы — нечто совершенно другое. И не было огромных несуразных клоунских ботинок, в каких их обычно рисуют, — на ногах у них просто ничего не было.

Трудились они усердно и споро, не тратя даром ни минуты. С места на место они не ходили, а перебегали рысью. И их было так много!

И вдруг их бурной деятельности пришел конец. Лодка была покрашена, домик тоже. Окрашенные, прошпатлеванные рамы прислонили к деревьям. Шланг втащили наверх и свернули аккуратным кольцом.

Я понял, что они шабашат, и попытался созвать их всех вместе, чтоб хотя бы поблагодарить, но они по-прежнему не обращали на меня внимания. Закончили все дела и исчезли, а я остался стоять в одиночестве. Обновленный домик сверкал под луной, воздух загустел от запаха свежей краски. Наверное, я еще не вполне протрезвел, несмотря на ночную прохладу и весь тот кофе, который Джо-Энн влила в меня. Будь я трезв как стеклышко, я, может статься, справился бы получше, сообразил бы что-нибудь. Боюсь, что я напортил и упустил редкий случай.

Я ввалился в дом. Входная дверь затворилась с усилием и не сразу. Недоумевая, в чем дело, я наконец-то разглядел, что она утеплена.

Включив свет, я с удивлением осмотрелся по сторонам. За все годы, что я жил здесь, в доме никогда не бывало такого порядка. Нигде ни пылинки, каждая железка сверкает. Кастрюльки и сковородки расставлены по местам, разбросанная одежда убрана в шкаф, книги все до одной на полках, и журналы лежат, где им положено, а не валяются как попало.

С грехом пополам я добрался до постели и попытался все обдумать, но кто-то огрел меня по башке тяжелой колотушкой, и больше я ничего не помню вплоть до мгновения, когда меня разбудил чудовищный трезвон. Я дополз до его источника быстро, как только мог.

— Ну что еще? — рывкнул я. Разумеется, отвечать так по телефону не годится, но как я себя чувствовал, так и ответил.

Это оказался Дж. Х.

— Что с тобой? — заорал он. — Почему ты не в редакции? Ты соображаешь, что творишь, если..

— Минуточку, Дж. Х. Вы что, не помните что вчера сами указали мне на дверь?

— Ну ладно, Марк, — изрек он, — не держи на меня зла Мы все вчера были взволнованы..

— Только не я.

— Слушай, Марк, ты мне нужен. Тут кое-кто хочет тебя видеть.

— Ладно, приеду, — сказал я и повесил трубку.

Но торопиться я не стал, собирался с прохладцей. Если я понадобится Дж. Х. и кому-то еще, оба с тем же успехом могут и подождать. Я включил кофеварку и принял душ. После душа и кофе я опять ощутил себя почти человеком.

Выйдя во двор, я направился было к тропке и, следовательно, к машине внизу на обочине, как вдруг увидел такое, что замер как вкопанный. В пыли по всему участку виднелись следы — такие же, как на клумбе под окном миссис Клейборн. Опустившись на корточки, я уставился на тот, что был у меня перед носом: хотелось удостовериться, что это не наваждение. Нет, мне не примерещилось — следы были такие же точно, один к одному

Следы домовых!

Я просидел на корточках довольно долго. И все вглядывался в следы, размышляя: верить или не верить? Приходилось верить — неверию больше не оставалось места.

Сиделка была права — в ночь, когда скончалась миссис Клейборн, ее комнату действительно посетили. Благословение Божие, сказал садовник, сказал просто потому, что усталость и простодушие преклонного возраста затуманили ему разум и речь. А на поверку это был акт милосердия, доброе дело — ведь старушка умирала так тяжело, и надежды на выздоровление не было.

Важно, что добрые дела оборачивались не только смертью, но и жизнью. При операциях такой сложности, заявил мне хирург, есть множество факторов,

которые никто не вправе считать своей личной заслугой. «Произошло чудо, — заявил он, — только не вздумайте ссылаться на мои слова...»

И некто — не уборщица, а кто-то другой или что-то другое — переворошил или переворошило записи, сделанные физиком, и сложил-сложило вместе два листочка, два из нескольких сот, с тем чтобы можно было связать две записи между собой и эта связь подсказала плодотворную идею.

Совпадения? — спросил я себя. Неужели все это совпадения — что старушка умерла, а малец выжил, что ученый нашел путеводную нить, которую иначе проглядел бы? Нет, уже не совпадения, когда под окном остался след, а записи оказались разбросаны, кроме двух под пресс-папье.

Да, я чуть не забыл про другую старушку, у которой побывала Джо-Энн. Про ту, что радостно качалась в своей качалке, поскольку ее навестили все ее давние умершие друзья. Случается, что слабоумие тоже может стать проявлением доброты.

Наконец я поднялся и спустился к машине. По дороге я продолжал размышлять о волшебных прикосновениях доброты со звезд, о том, что на нашей Земле, похоже, поселилась наряду с человечеством еще одна раса с иным кругозором и иными жизненными целями. Не исключено, что этот народец и раньше время от времени пытался вступить в союз с людьми, но его каждый раз отвергали и вынуждали прятаться — по невежеству, из суеверия, а затем в силу слишком хрупких и нетерпимых представлений о том, что возможно, а что невозможно. И похоже, что нынче они предприняли новую попытку подружиться с нами.

Дж. Х. поджидал меня с видом кота, безмятежно устроившегося в птичьей клетке и не желающего помнить, что к усам прилипли перышки. С ним сидел какой-то большой летный начальник — радуга орденских планок поперек груди и орлы на плечах. Орлы были надраены так ярко, что, казалось, испускали искры.

— Марк, это полковник Дуглас, — объявил Дж. Х. — Он хочет с тобой побеседовать.

Мы обменялись рукопожатием, причем полковник вел себя гораздо любезнее, чем можно было ожидать. После чего Дж. Х. вышел из кабинета, оставив нас вдвоем. А мы еще посидели и помолчали, как бы оценивая друг друга. Не ведаю, что чувствовал полковник, а я со своей стороны готов признаться, что мне было не по себе. Я невольно задавался вопросом, что такого я натворил и к какому наказанию меня приговорят.

— Интересно, Лэтроп, — обратился ко мне полковник, — расскажете ли вы мне честно, как это произошло? Как вам удалось выяснить про домовых?

— А я ничего не выяснял, полковник. Это был просто-напросто розыгрыш.

Я рассказал ему, как Пластырь распустил язык, обвиняя всех штатных сотрудников в отсутствии инициативы, и как я придумал байку про домовых ради того, чтобы свести с ним счеты. А он свел счеты со мной тем, что взял и напечатал ее.

Только полковника моя версия не устроила. Так он и сказал:

— За этим кроется что-то еще.

Я не сомневался, что он меня не отпустит, пока я не вывалю все начистоту, — и хоть он не намекал на это ни словом, за его плечами вставляли контуры Пентагона, комитета начальников штабов, операции «Летающая тарелка» или как там ее назвали, а еще за его плечами витали ФБР и множество иных неприятностей. Так что я облегчил себе душу, рассказав все в подробностях, и отдельные подробности безусловно звучали очень и очень глупо. Однако он словно не заметил глупостей и спросил:

— И что вы теперь думаете обо всем этом?

— Прямо не знаю, что и думать. Может, они из космоса или...

Он спокойно кивнул.

— Нам известно уже довольно давно, что они совершают посадки. Однако теперь они впервые сознательно привлекли к себе внимание.

— Но что им нужно, полковник? Чего они добиваются?

— Сам бы хотел это понять, — ответил он. Помолчал и тихо добавил: — Разумеется, если вы вздумаете ~~ссылаться~~ на меня в печати, я буду отрицать все напро-

палую. И вы поставите себя по меньшей мере в двусмысленное положение.

Бог весть, что еще он намеревался сказать, — может, всего ничего. Но тут зазвонил телефон. Я поднял трубку — вызывали полковника. Он бросил короткое «Да» и стал слушать. Слушал молча, только мало-помалу бледнел. А когда повесил трубку, то вид у него был прямо-таки больной.

— Что стряслось, полковник?

— Звонили из аэропорта. Случилось нечто несусветное, и буквально только что. Эти друзья появились непонятно откуда и накинулись на самолет. Чистили его и полировали, навели на него глянец и снаружи и изнутри. Персонал не мог ничего поделать, только хлопал глазами...

Я усмехнулся.

— Что же тут плохого, полковник? Просто они отнеслись к вам по-доброму.

— Вы еще ничего не знаете! Когда они навели на самолет красоту, то в завершение намалевали на носу домового!..

Вот, пожалуй, и все, что можно рассказать о проделках домовых. Их атака на самолет полковника осталась, по сути, их единственным публичным выступлением. Но если они стремились к гласности, то добились своего — создали запоминающееся зрелище. В аэропорт в то утро завернул один из наших фотографов, суматошный малый по имени Чарльз: он никогда не появлялся там, куда его вызывали, зато неизменно возникал без приглашения на месте необычных событий и катастроф. Никто не посылал его в аэропорт — его отправили на пожар, который, к счастью, обернулся всего-то небольшим возгоранием. За каким чертом его занесло в аэропорт, он и сам впоследствии объяснить не мог. Однако он очутился именно там и снял домовых, полирующих самолет, — и не один-два снимка, а дюжины две, израсходовав всю наличную пленку. Более того, он ухитрился снять их телескопическим объективом, который в то утро засунул в саквояж по ошибке — раньше он никогда им не пользовался. С тех пор он с этим объективом не расставался, но, по моим сведениям, ему больше ни разу не выпадало повода его применить.

Снимки вышли — полная прелесть. Лучшие из них мы отобрали для первой полосы, разверстав их на всей

ее площади, да еще не поскупились и заняли остальные снимками две внутренние полосы. Агентство «Ассошиэйтед пресс» приобрело на снимки права и распространило по всей стране, и их успели напечатать во многих крупных газетах, пока кто-то в Пентагоне не прослышал об этом и не наложил вето. Но поздно: что бы ни предпринял теперь Пентагон, снимки уже разошлись. Может, они причинили зло, а может, добро, — так или иначе, исправить этого было уже нельзя.

Наверное, если бы полковник узнал про снимки, он попробовал бы запретить их опубликование или даже конфисковал. Но о существовании снимков стало известно только тогда, когда полковник убрался из нашего города, а то и вернулся в Вашингтон. Чарли где-то застрял — скорее всего в пивной — и объявился в конторе лишь под вечер.

Когда все в целом дошло до сведения Дж. Х., он принялся метаться по редакции, рвать на себе волосы и грозил уволить Чарли. Но кому-то из нас удалось его утихомирить и водворить обратно в кабинет. Снимки поспели к последнему вечернему выпуску, заняли несколько полос на следующий день, и мальчишки, продающие газету в розницу, всю неделю ходили с вытаращенными глазами — так расхватывали номер с домовыми, запечатленными на пленку.

В середине дня, как только ажиотаж чуточку спал, мы с Пластырем опять отправились на перекресток пропустить по паре стаканчиков. Раньше я не особо жаловал Пластыря, но тот факт, что нас с ним уволили вместе, установил между нами что-то вроде приятельских уз: в конце концов, он показал себя неплохим парнем.

Бармен Джо был горестен, как всегда.

— Это все они, домовые, — выпалил он, обращаясь к нам, и уж можете мне поверить: никто никогда не говорил о домовых в таком тоне. — Явились сюда и принесли каждому столько счастья, что выпивка больше просто не требуется.

— Я с тобой заодно, Джо, — проронил Пластырь. — Мне они тоже не сделали ничего хорошего.

— Ты получил назад свою работу, — напомнил я.

— Марк, — изрек он торжественно, наливая себе по новой, — я не слишком уверен, что это хорошо.

Разговор мог бы выродиться в первостатейный конкурс по сетованиям и стенаниям, если бы в бар не ввалился Лайтнинг, самый прыткий из всех наших рассыльных, невзирая на свою косолапую походку

— Мистер Лэтроп, — сообщил он мне, — вас просят к телефону

— Приятно слышать, — отозвался я.

— Но звонят из Нью-Йорка!

Тут до меня дошло. Ей-же-ей, впервые в жизни я покинул бар так стремительно, что забыл допить налитое

Звонок был из газеты, куда я обращался с запросом. Человек на том конце провода заявил, что у них открывается вакансия в Лондоне и что он хотел бы потолковать со мной на этот счет. Сама по себе вакансия, добавил он, вряд ли выгоднее той работы, какая у меня есть, однако она дает мне шанс приобщиться к роду деятельности, о котором я мечтаю.

Когда я мог бы приехать для переговоров? — задал он мне вопрос, и я ответил: завтра с утра.

Повесив трубку, я откинулся на спинку стула. Мир вокруг мгновенно окрасился в радужные тона. И я понял в ту же минуту, что домовые обо мне не забыли и продолжают меня опекать.

На борту самолета у меня была бездна времени на размышление. Часть его я потратил на обдумывание всяких деталей, связанных с новой работой и с Лондоном, но больше всего я размышлял о домовых.

Они прилетали на Землю и раньше — уж в этом, по крайней мере, не возникало сомнений. А мир не был готов их принять. Мир окутал их туманом фольклора и предрассудков, мир еще не набрался разума и не сумел извлечь из их добровольной помощи пользу для себя. И вот сейчас они решили попробовать снова. На этот раз мы не вправе обмануть их ожидания — ведь третьего случая может и не быть.

Возможно, одной из причин их предыдущей неудачи — хоть и не единственной — явилось отсутствие средств массовой информации. Рассказы о домовых, об их поведении и добрых делах, передавались из уст в уста и неизбежно искажались. К правдивым историям добавлялись свойственные той эпохе вымыслы, пока

домовые не превратились в волшебных маленьких человечков, весьма потешных, а иногда и полезных, но принадлежащих к одной породе с великанами-людоедами, драконами и тому подобной нечистью.

Сейчас ситуация иная. Сейчас у домовых больше шансов на то, что их деятельность получит правдивое освещение. И несмотря на то что для правды в полном объеме люди еще не созрели, современное поколение в состоянии кое о чем догадаться.

Очень важно, что о них теперь широко известно. Люди должны знать, что домовые вернулись, должны поверить в них и доверять им.

Оставалось недоумевать: почему для того, чтоб объявить о своем прибытии и продемонстрировать свои достоинства, они выбрали именно наш город, не большой, не маленький, обычный город американского Среднего Запада? Я немало бился над этой загадкой, но так и не нашел ответа — ни тогда, ни до сего дня.

Когда я прилетел из Нью-Йорка с новым назначением в кармане, Джо-Энн встречала меня в аэропорту. Я высматривал ее, спускаясь по трапу: так и есть, она прорвалась за контроль и бежит к самолету. Тогда я бросился ей навстречу, сгреб ее в охапку и расцеловал, а какой-то идиот не преминул снять нас, полыхнув лампой-вспышкой. Я хотел было с ним разделаться, да Джо-Энн не позволила.

Был ранний вечер, однако на небе уже загорелись первые звезды и посверкивали, несмотря на ослепительные прожектора. До нас донесся рев только что взлетевшего самолета, а в дальнем конце поля другой самолет прогревал двигатели. Вокруг были здания, огни, люди и могучие машины, и на довольно долгий миг почудилось, что аэропорт — наглядная демонстрация силы, быстроты и компетентности нашего человеческого мира, его уверенности в себе. Наверное, Джо-Энн испытала сходное ощущение, потому что вдруг спросила:

— Все хорошо, правда, Марк? Неужели они и это изменят?

И я понял, кого она имеет в виду, не переспрашивая.

— По-моему, я догадываюсь, кто они, — сказал я. — Кажется, я сообразил наконец. Ты знаешь об акциях

муниципального фонда призрения — одна сейчас как раз в самом разгаре. Так вот, они затеяли нечто в том же духе — назовем это Галактическим фондом призрения. С той разницей, что они не тратят деньги на бедных и малоимущих, их благотворительность носит иной характер. Вместо того чтоб одаривать нас деньгами, они одаривают нас любовью и душевным теплом, дружбой и доброжелательством. И не вижу в том ничего плохого. Не удивлюсь, если из всех племен Вселенной мы оказались теми, кто нуждается в такой помощи больше всего. Они явились сюда вовсе не с целью решить за нас все наши проблемы, а просто слегка подсобить, освободив нас от мелких хлопот которые подчас мешают нам обратить свои усилия на действительно важные дела или, может мешают разобраться, какие именно дела важные.

Все это было столько лет назад, что не хочется подсчитывать сколько, и тем не менее помню все так четко, будто события произошли накануне. Однако вчера и в самом деле случилось кое-что, всколыхнувшее мою память.

Я проходил по Даунинг-стрит напосадеку от дома №10, резиденции премьер-министра, когда заметил маленькое существо. Сперва я принял его за карлика и, обернувшись, понял, что оно наблюдает за мной. А затем существо подняло руку выразительным жестом, замкнув большой и указательный пальцы колечком — давний добрый американский символ. мол, все в полном порядке.

И исчезло. Вероятнее всего, нырнуло в один из переулков — но поручиться за это не могу

Тем не менее спорить не приходится. Все действительно в полном порядке. Мир полон надежд, холодная война почти закончилась. Мы, похоже, вступаем в первую безоговорочно мирную эру за всю историю человечества.

Джо-Энн собирается в дорогу и ревет ведь приходится расставаться со многим, что дорого. Зато дети вне себя от восторга, предвкушая настоящее приключение. Завтра утром мы вылетаем в Пекин, где я, первый из

американских корреспондентов за тридцать лет, получил официальную аккредитацию.

Но пугает шальная мысль: что, если там, в этой древней столице, я нигде — ни на запруженной грязной улочке, ни на помпезной Императорской дороге, ни за городом, у подножия Великой стены, возведенной на страх другим народам много-много веков назад, — что, если я больше нигде и никогда не увижу еще одного маленького человечка?

Содержание

Необъятный двор

Необъятный двор, пер. А. Ставиской	7
Достойный противник, пер. О. Битова	61
Операция «Вонючка», пер. Н. Евдокимовой	77
Зеленый мальчик с пальчик, пер. Н. Колпакова	111
На Землю за вдохновением, пер. И. Почиталина	133

Бесконечные миры

Ван Гог космоса, пер. С. Васильевой	155
Бесконечные миры, пер. И. Васильевой	175
Круг замкнулся, пер. Б. Клюевой	243

Сила воображения

Золотые жуки, пер. А. Новикова	295
Сила воображения, пер. О. Битова	335
Коллекционер, пер. А. Корженевского	388
Галактический фонд признания, пер. О. Битова	432

Миры Клиффорда Саймака кн.15 / Пер. с англ.
Рига: Полярис, 1994. — 463 с.

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**Полное собрание
фантастических произведений в 16 томах**

Книга пятнадцатая

Составитель А. Новиков

Главный редактор А. Захаренков

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редактор С. Каверина, М. Проворова

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Н. Дундина, А. Хиршфелде

Оператор компьютерной верстки А. Дашкевич

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление обложки и форзаца: А. Кириллов

Оформление шмуцтитлов: А. Бибанаев, В. Ковалев

ЛР № 062455 от 3.10.94

Подписано в печать 15.11.94. Формат 84×108¹/₃₂

Гарнитура Балтика. Бумага типографская. Печать высокая.

Усл. печ. л. 24,36. Тираж 20 000 экз. Заказ № 5437.

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

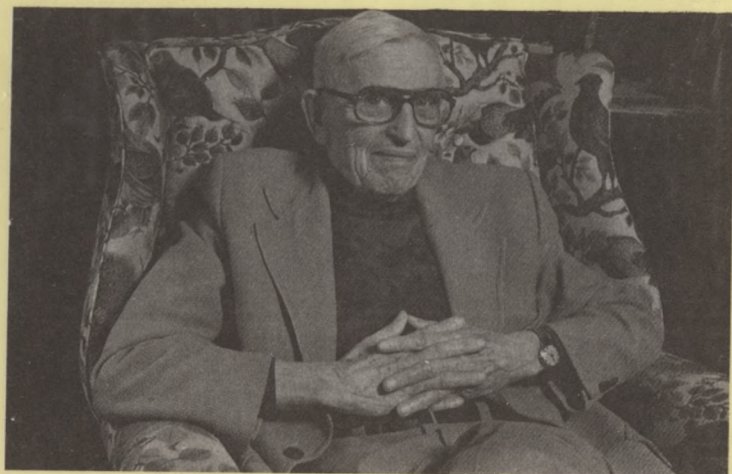
Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1

Комитета РФ по печати. 144003, г. Электросталь

Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publisher